

А.Н. АЛЕКСЕЕВ

ДРЕВНЯЯ ЯКУТИЯ НЕОЛИТ И ЭПОХА БРОНЗЫ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИССИЯ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

Ответственный редактор серии
академик Российской Академии естественных наук В. Е. Ларичев

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН

1996

ЯКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИССИЯ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

А.Н. АЛЕКСЕЕВ

**ДРЕВНЯЯ ЯКУТИЯ:
НЕОЛИТ И ЭПОХА БРОНЗЫ**

Ответственный редактор
академик Российской академии естественных наук В.Е. Ларичев

НОВОСИБИРСК
1996

ББК 63.4(2)
А47

Рецензенты:
доктора исторических наук
С.А. Федосеева и И.И. Кириллов

Утверждено к печати
Якутским государственным университетом
и Институтом археологии и этнографии СО РАН

Алексеев А.Н.

А47 Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. - Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. - 144 с.

В монографии подводятся итоги многолетних исследований археологических памятников эпохи неолита и бронзы, обнаруженных на территории Республики Саха (Якутия). На страницах ее представлена детальная картина процесса изучения древних памятников Якутии, в научный оборот вводятся новые материалы, принципиально важные для решения историко-культурных проблем региона, разрабатывается периодизация древних культур Ленского края, реконструируется духовная и материальная культура эпох неолита и бронзы Якутии.

Книга рассчитана на археологов, этнографов, а также историков культуры.

ISBN 5-7803-0004-6

ББК 63.4(2)
А47

ОТ РЕДАКТОРА

Редакция "Истории и культуры востока Азии", серийного издания Востоковедной комиссии Сибирского отделения Российской Академии наук, представляет монографию А.Н. Алексеева "Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы". Это первая из трех подготовленных им к печати книг (все они будут опубликованы в той же серии), в коей он на основе новых материалов и под своеобразным углом зрения рассматривает проблемы становления и развития древних культур Якутии в послепалеолитическую эпоху. А.Н. Алексеев удачно задумал и с успехом воплотил в реальность впечатляюще масштабную идею - дать свой анализ сложных культурно-этнических событий в обширном и интереснейшем регионе севера Азии, который составляет ныне территорию Республики Саха (Якутия), событий, что происходили здесь на протяжении почти *шести тысячелетий* - от времени становления первых неолитических культур (IV тыс. до н.э.) и до начала грандиозной эпопеи выхода на крайний северо-восток Сибири отчаянно дерзких русских землепроходцев XVII в. с последующим, в течение очередного века, успешным освоением ими этих "суровых земель" Азиатской России.

Задача такая размахом своим нацеливала на труд, сродни научному подвижничеству. А.Н. Алексеев с достойным подражанием терпением и настойчивостью свершал это подвижничество. А оно растянулось на целую четверть века, половину прожитой жизни; и в течение лет этих он, в тяжелейших условиях работы на Севере, проводил со студентами Якутского университета свои археологические экспедиции, дотошно прорабатывал коллекции в музеях местных и центральных, осуществлял кропотливые розыскания в архивных хранилищах страны. Все накопленное за многолетние исследования по части источниковедения, историографии, археологии и этнографии стало фундаментом историко-культурной трилогии А.Н. Алексеева. Первая книга его, посвященная культурам эпох неолита и бронзы, предлагается теперь вниманию специалистов и всех тех, кого волнуют древности и славные страницы нелегкой отечественной истории.

Интерес к якутским древностям восходит к изначальным временам зарождения внимания к истокам национальных культур коренных обитателей Сибири, которые умели жить в поразительной гармонии с природой, не очень-то милостивой к людям (будто она, природа, предчувствовала, что ей прине-

сет человек, когда запомнит о необходимости соблюдать такую гармонию!). А.Н. Алексеев собрал по крупицам добротные материалы по истории накопления сведений, касающихся культур эпохи неолита и бронзы, и, включив их в книгу, впервые дал возможность представить в деталях, как медленно, но верно расширялась источниковая база, которая, в сущности, и обеспечила успех при первых шагах целенаправленных поисков соответствующих памятников профессионально подготовленными археологами в начале 40-х гг. Изыскания нового стиля, совершенствуясь и оттачиваясь в приемах методических и методологических, продолжают вот уже более полувека. С ними связан ряд эффектных достижений, в ряду коих не последнее место занимают результаты раскопок самого А.Н. Алексеева. Он же в полной мере объективно и без пристрастий воздал должное своим предшественникам в историографической главе, которая на сегодня является, пожалуй, исчерпывающей по части полноты сведений о ходе изучения неолита и бронзы Якутии.

Актуальность темы книги весьма высока, и объясняется то несколькими обстоятельствами. К первому я бы отнес странность ситуации, когда великолепно обобщенными уже относительно давно оказались материалы по палеолиту Якутии, проблематичному до начала ошеломляющих по результатам работ Ю.А. Мочанова на Алдане, а затем и на Лене (Дириг Юрях), в то время как сводный очерк зарождения и эволюции культур неолита и бронзы огромного сибирского региона все еще дождался своей очереди. Проблема при этом заключалась вовсе не в том, что, как можно подумать, отсутствовали материалы, на основе коих можно было бы написать обобщающее исследование. Их, например, накопилось предостаточно в хранилищах, и к тому же многое из накопленного удалось ввести в научный оборот Ю.А. Мочановым, С.А. Федосеевой и сотрудникам Приленской археологической экспедиции (опубликованы фундаментальные труды экспедиции с исчерпывающе полным описанием коллекций, которое сопровождается роскошным обилием иллюстраций). Проблема заключалась в ином, а именно - в том, чтобы нашелся тот, кто взялся бы за тяжелое бремя обобщения, имея на то право, как высокого ранга профессионал и как обладатель собственных, достаточно обильных и ярких материалов. Второе обстоятельство связано с давно назревшей задачей осмысления в свете новых открытий истоков само-

бытных этнических общностей Якутии, раскрытия процесса формирования своеобразных традиций в их материальной культуре на этапе неолита и в бронзовом веке. Третье обстоятельство определяется необходимостью корреляции материалов древних культур Якутии с материалами культур соседних регионов Сибири, что были накоплены в ходе экспедиционных исследований последних двух десятилетий и во многом изменили представления, которые считались прежде достаточно прочно обоснованными.

А.Н. Алексеев ярко представил широкую панораму историко-культурных событий на территории Якутии в эпоху неолита. Источниковую базу этих разделов книги составляют первоклассные коллекции, полученные при раскопках базовых по значимости памятников - многочисленных, хорошо стратифицированных, с фауной, безупречно точно датированных радиоуглеродом. Исчерпывающе привлекая сведения из публикаций предшественников, А.Н. Алексеев скрупулезно скоррелировал последовательность неолитических культур Якутии, позволяя читателю в полной мере убедиться, сколь велика степень доказательности вводимых им в научный оборот источников, насколько логически стройны и аргументированы предлагаемые на основе их выводы.

Тщательный анализ изделий и керамики сыалахской культуры, определение особенностей, установление границ ее распространения и хронологических рамок, выявление отличий от синхронных культур в соседних регионах позволили А.Н. Алексееву прийти к заключению относительно обоснованности выделения Ю.А. Мочановым этой раннеолитической культуры Северной Азии. В последующем сыалахская культура сменилась на всей территории ее распространения белькачинской культурой, представленной огромным количеством памятников, в том числе погребениями. А.Н. Алексеев описал эту культуру как весьма своеобразную по главным индикаторным элементам - наличию шнуровой керамики, характерным ступенчатым теслам с высокой спинкой и долотами с желобчатым лезвием. Особое внимание он уделит "новациям" в культуре, что позволило затем, обратившись к изучению контактных районов взаимодействия с культурами соседних регионов юга Сибири, поставить чрезвычайной важности проблему - истоков новой неолитической культуры Якутии. По мнению автора, в генезисе неолита средней поры эволюции определенную роль сыграли синхронные культуры Прибайкалья, в то время как Виллой и Олекма являли собой зону контактов.

Финальную стадию неолита Якутии представляют памятники ымыяхтахской культуры, которая характеризуется широким распространением керамики с вафельными рубчатymi отпечатками на внешней поверхности и своеобразных по форме наконечников стрел в виде удлиненного и равнобедренного

треугольников, трех- или четырехгранных в сечении. В этой части книги особого внимания заслуживает попытка А.Н. Алексеева подразделить позднеолитическую культуру Якутии на основе отличий в керамических комплексах на три локальных варианта. Он отметил, что северный вариант ымыяхтаха примечателен отсутствием прорисованного орнамента на вафельной керамике. Весьма важным с точки зрения оригинальных этнокультурных построений представляется выделение южного и "смешанного" вариантов ымыяхтахских культур. Интересны также отмеченные А.Н. Алексеевым элементы влияния на культуру позднего неолита Якутии обитателей забайкальского региона. В этой связи замечу, что в целом генезис всех трех неолитических культур Якутии автор рассматривает с учетом миграционных процессов.

Бронзовый век Якутии представляет усть-мильская культура, которая сформировалась, по мнению А.Н. Алексеева, на местной позднеолитической "почве". Анализ этой культуры автор провел на основе материалов, полученных при изучении около 100 памятников, среди которых большую часть составляют стоянки, писаницы и погребения. Среди культурных остатков наиболее полно представлен керамический комплекс, который и послужил основой для анализа особенностей бронзового века Якутии. А.Н. Алексеев убежден, что бронзовая металлургия имела местные корни, что он и подтверждает описанием ленских бронзолитейных мастерских. В то же время культура раннего металла региона развивалась, судя по всему, не в изоляции от соседей. Отдельные изделия из бронзы четко намекают на связи с глазковской, сейминско-турбинской и карасукско-тагарскими культурами Южной и Западной Сибири, а также Центральной Азии. А.Н. Алексеев отметил возросшую роль в это время военной деятельности, в связи с чем высказал мысль о возможности неких социальных изменений в сообществах бронзового века Якутии. Эти изменения, однако, не привели к слому присваивающей формы хозяйства. Что касается этногенетических проблем, то один из интереснейших выводов А.Н. Алексеева по сему поводу касается участия в этногенезе якутов тех, кто был потомками ымыяхтахцев и усть-мильцев. Вообще, для автора книги примечательно свое видение проблем этногенеза народов Якутии.

Книга А.Н. Алексеева фундаментальна по характеру и во многом концептуально нова, что не может не вызвать острой полемики по отдельным ее идеям и установкам. И это хорошо, ибо лишь в доброжелательных спорах и обменах мнениями определится истина. К тому, что напрашивается на обсуждение в первую очередь, я отнес бы следующие три проблемы:

1. Расчленение ымыяхтахской культуры на три локальных варианта можно ли подкрепить анализом типологии каменного инвентаря? Прочерченный

орнамент все же встречается, хоть и редко, на керамических изделиях заполярных памятников ымыяхтахской культуры, да к тому же художественный мотив этот характерен для изделий из кости. Вытеснение носителей одного типа керамики носителями другого типа - это показатель локальности или ассимиляции, когда формируется новая культура?

2. Действительно ли второстепенным было влияние пришлого населения на усть-мильскую культуру, если тонкостенная, с рассеченными или нерассеченными налепными валиками керамика встречается в неолитических комплексах Приамурского региона, а также в Корее? Быть может, следует учитывать этот факт, признавая при том и влияние ымыяхтахцев?

3. Миграционный генезис всех трех неолитических культур Якутии достаточно ли подтвержден одним признаком в качестве основополагающего критерия - "техническим декором" керамики? Всегда ли точно он позволяет очертить границы исходного региона обитания неолитических мигрантов в Якутию?

Так, в случае с белькачинской культурой не следует ли обратить внимание на то, что орнаментация сосудов из Забайкалья того же времени отличается от якутской по основным вариантам; ступенчатые тесла с высокой спинкой здесь отсутствуют, а топоры с ушками, долота с желобчатыми лезвиями и многофасеточные резцы с нуклевидной рукоятью крайне редки и связаны в основном с долиной Шилки, а по времени датируются поздним неолитом. Не стоит ли в связи с этим обратиться к вопросу о возможных контактах белькачинцев с обитателями того же времени на верхнем и среднем Амуре?

Вопросы такого рода - приглашение к дискуссиям, и то, что монография А.Н. Алексева возбуждает их, есть лишнее свидетельство высокой ценности издания. Таковы, в общих чертах, впечатления, которые возникают при ознакомлении с главными разделами этого труда. В следующем выпуске "Истории и культуры востока Азии" планируется публикация второй книги того же автора - "Древняя Якутия: железный век и культура "малых домов".

В. Ларичев

ГЛАВА I ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ ЯКУТИИ

История изучения памятников неолита, эпох бронзы и железа и средневековья Якутии не была еще предметом специального обзора. В соответствующих изданиях содержатся лишь весьма разрозненные (хотя и достаточно многочисленные) сведения по истории развития якутской археологии. Среди таких работ особо следует выделить кандидатскую диссертацию И.Е. Зыкова [1973], специально посвященную вопросам истории археологического изучения Якутии. Она в определенной степени не потеряла актуальности и в настоящее время. Весьма информативны также историографические статьи и очерки А.П. Окладникова [1955], С.А. Федосеевой [1971, 1980], И.В. Константинова [1971, 1978], Ю.А. Мочанова и В.И. Эртюкова [1990]. Большая же часть публикаций, в которых затрагиваются вопросы историографии, представляет собой краткие заметки, в коих сжато излагается история археологического изучения того или иного региона Якутии; эти аспекты освещены также в монографических исследованиях [Федосеева, 1986; Мочанов, 1969; Алексеев, 1987; Аргунов, 1990].

В последнее десятилетие сотрудники лаборатории археологии Якутского государственного университета (ЯГУ) опубликовали несколько специальных историографических статей, посвященных анализу деятельности археологических экспедиций ЯГУ и в целом истории изучения древних памятников Якутии [Алексеев, 1982, 1988; Кочмар, 1982; Алексеев, Кочмар, Черосов, 1989]. Это обстоятельство позволяет воздержаться от подробного перечисления дат открытий, имен исследователей и т.п. Именно поэтому последующие страницы историографического обзора содержат сведения общего плана с отсылкой к публикациям, в которых интересующиеся могут ознакомиться с подробным описанием обстоятельств и существа этих открытий.

Историю изучения памятников эпох неолита, бронзы, железа и средневековья Якутии следует разделить на два этапа, каждый из которых имеет свои особенности.

Первый этап - XVII в. - 1940 гг. Самые ранние сведения о материальной культуре народов Якутии содержат документы XVII в., оставленные русскими "служилыми и промышленными людьми". В соответствии с полученными от воевод "наказами" экспедиции землепроходцев при осуществлении своих маршрутов должны были выяснять, "какие люди по тем рекам и вершинам живут и кормятся...

о богатствах и выгодах, населении и занятиях". Не умаляя большого значения такого рода источников, отметим, однако, что "отписки" и "скаска" землепроходцев не содержат строго систематизированного описания быта, хозяйства и занятий населения новых для служилых людей мест, а представляют собой по большей части беглые "дорожные записи", в коих сведения о материальной культуре выглядят довольно отрывочными, а часто и малозначительными в аспекте разработок интересующих нас проблем.

В XVIII - XIX вв. Российское правительство и Академия наук России, руководствуясь потребностями внутренней и внешней политики, организовали ряд научных экспедиций с целью изучения географии и природных ресурсов Северо-Востока Сибири. С деятельностью этих первых экспедиций связано начало специального этнографического и археологического изучения материальной культуры народов Якутии. Первое археологическое открытие сделал в 1763 г. сержант Анадырской команды С. Андреев во время своего путешествия по островам Ледовитого океана с целью проверки слухов о наличии в океане "Большой земли". В ходе маршрута по северной части Третьего Медвежьего острова он обнаружил развалины "крепости", которая, по его словам, сделана "на подставных 10 лесах крупных лиственничных, а поставлены лесины вверх кореньями... Для связей рублены проухи, и связаны ремнями; оные проухи рублены и доски тесаны топором не железным, а каменным" [Сибирский вестник, 1823, с. 68].

Участник географической экспедиции И.И. Биллингса лейтенант флота российского Г.А. Сарычев предпринял в 1787 г. первые научного характера раскопки в Якутии. В небольшой бухте в 70 км к востоку от устья р. Колымы он обнаружил и раскопал древнее жилище, имеющее вид "земляной юрты". В нем оказались "черепья от различных глиняных горшков" и два больших каменных ножа. На следующий год Г.А. Сарычев произвел раскопки "кургана шарообразной формы" в окрестностях г. Якутска. То были якутские погребения XVII в., в которых он вместе с костяками погребенных нашел железные и костяные предметы [Сарычев, 1888, с. 31 - 32; 1952, с. 23].

Члены Сибиряковской экспедиции 1894 - 1896 гг. В.Г. Богораз и В.И. Иохельсон наряду с этнографическим изучением населения Верхоянского и Колым-

ского округов обследовали несколько наземных языческих погребений юкагиров и воздушные ("висячие") могилы-арангасы тунгусов и якутов; причем они собрали коллекцию из 51 предмета [Иохельсон, 1897, с. 24; Богораз, 1899, с. 35]. Кроме того, Н.А. Геккер, еще один участник экспедиции ВСОРГО, произвел раскопки трех якутских погребений, открытых им в Центральной Якутии [Геккер, 1895, с. 192].

В 1879 г. на Московской антропологической выставке экспонировался предмет из Якутии - шлифованный топор из сланца, приобретенный архиепископом Нилом в с. Мухтуя у купца Рыбина в 1849 г. [Анучин, 1879, с. 20]. Н.М. Ядринцев в своем отчете о поездке в Сибирь писал о находке почтовым чиновником у г. Олекминска в 1884 г. "осколков и нескольких нуклеусов..." [Зыков, 1972, с. 165]. В.М. Ионов на берегу р. Татты нашел кремневый наконечник стрелы, который сдал Краеведческому музею г. Якутска [Виташевский, 1899, с. 74].

В XIX в. было зафиксировано более десятка местонахождений писаниц. Изучение наскальных изображений в основном ограничивалось тогда описанием рисунков. Попытки снять копии их предпринимались редко [Кочмар, 1982, 1992].

В 1890 г. в г. Олекминске при строительстве дороги ссыльный народоволец М.П. Овчинников исследовал погребение с необычным обрядом захоронения: "умерших или сжигали, или, немного поджарив труп, зарывали" [1890, с. 44]. Примерно тогда же стали известны случайные находки бронзовых мечей, обнаруженных около оз. Сильгумджа (в 150 км от г. Вилюйска) и в районе с. Солянка (в 30 км от г. Олекминска), большие клиновидные кельты с Вилюя и один большой медный котел с р. Мархи [Эртюков, 1990, с. 22 - 23].

Последующие археологические исследования в Якутии вплоть до 1940 г. ограничивались главным образом изучением наскальных изображений. Тогда же было открыто несколько неолитических стоянок (Г.В. Ксенофонов - Куллаты, Н.В. Кякшто - Сюрэх Ары, А.А. Саввин - стоянки каменного века в Чурапчинском районе). Раскопками древнеякутских могил XVIII в. в те же годы sporadически занимались сотрудники Якутского республиканского краеведческого музея Е.Д. Стрелов, С.И. Боло, М.И. Ковинин и И.Д. Новгородов. Однако предпринятые ими раскопки древнеякутских могил не дали качественно новой информации. Добытые в ходе работ коллекции не отличались новизной по составу и могли служить лишь вещественным подтверждением (иллюстрацией) известных ранее этнографических сведений.

Несмотря на определенные успехи, уровень археологических исследований в Якутии по масштабам работ и кругу решаемых проблем заметно отставал не только от общероссийской, но и сибирской науки о древностях. Профессиональные археологи Е.Д. Стрелов и И.Д. Новгородов занимались в

основном лишь раскопками древнеякутских могил. Они в известной степени надеялись получить "ключи к разгадке тайны происхождения якутов", так как к тому времени имеющие отношение к этой проблеме письменные и этнографические источники почти полностью исчерпали себя [Стрелов, 1925]. Сами исследователи признавали, что они производили раскопки древнеякутских могил не столько для научных изысканий, сколько в первую очередь для пополнения соответствующих фондов Якутского республиканского краеведческого музея [Новгородов, 1955].

Как видим, на первом этапе исследований древностей Якутии накопление археологических материалов эпох неолита, бронзы, железа и средневековья происходило крайне медленно и зачастую стихийно. Такое состояние дел объяснялось уровнем археологических работ, отсутствием постоянно действующих специализированных экспедиций, малочисленностью кадров профессиональных археологов. В целом археологические занятия этого периода ограничивались случайными сборами "диких вещей" и отрывочными сведениями об отдельных памятниках древности. Важно также заметить, что интересы немногочисленных профессиональных археологов Якутии были сосредоточены главным образом на попытках подойти к решению проблемы происхождения якутского народа.

Второй этап - с 1940 г. по настоящее время. В 1939 г. Институт языка и культуры при СНК Якутской АССР обратился в Правительство Якутской АССР с просьбой профинансировать археологические изыскания на территории Республики. Эту инициативу поддержал Институт истории материальной культуры им. Н.Я. Марра АН СССР. В результате была организована Ленская историко-археологическая экспедиция (ЛИАЭ) Института языка и культуры Якутии и ИИМК АН СССР. Она работала под руководством А.П. Окладникова в 1940 - 1946 гг. За это время на Лене было открыто около 200 разновременных археологических памятников, включая якутские поселения и погребения XVIII - XIX вв. Кроме того, А.П. Окладников обнаружил четыре неолитические стоянки на Колыме и четыре на Таймыре.

В долине р. Лены культурные остатки неолита были выявлены тогда на стоянках Солянка, Малая Мунку, Куллаты, Шестаковка, Барбатчики, Тубсанаторий, Ымыяхтах, Капчагай II, Чачимэ, Уолба, Старый Сиктях, а также в других местах. Кроме стоянок, к неолиту А.П. Окладников отнес некоторые наскальные изображения Лены. Начало эпохи неолита на территории Якутии он связывал с появлением керамики, шлифованных каменных орудий, лука и стрел.

На основе типологического сравнения неолитических материалов Якутии с культурными комплексами отдельных этапов неолита Прибайкалья

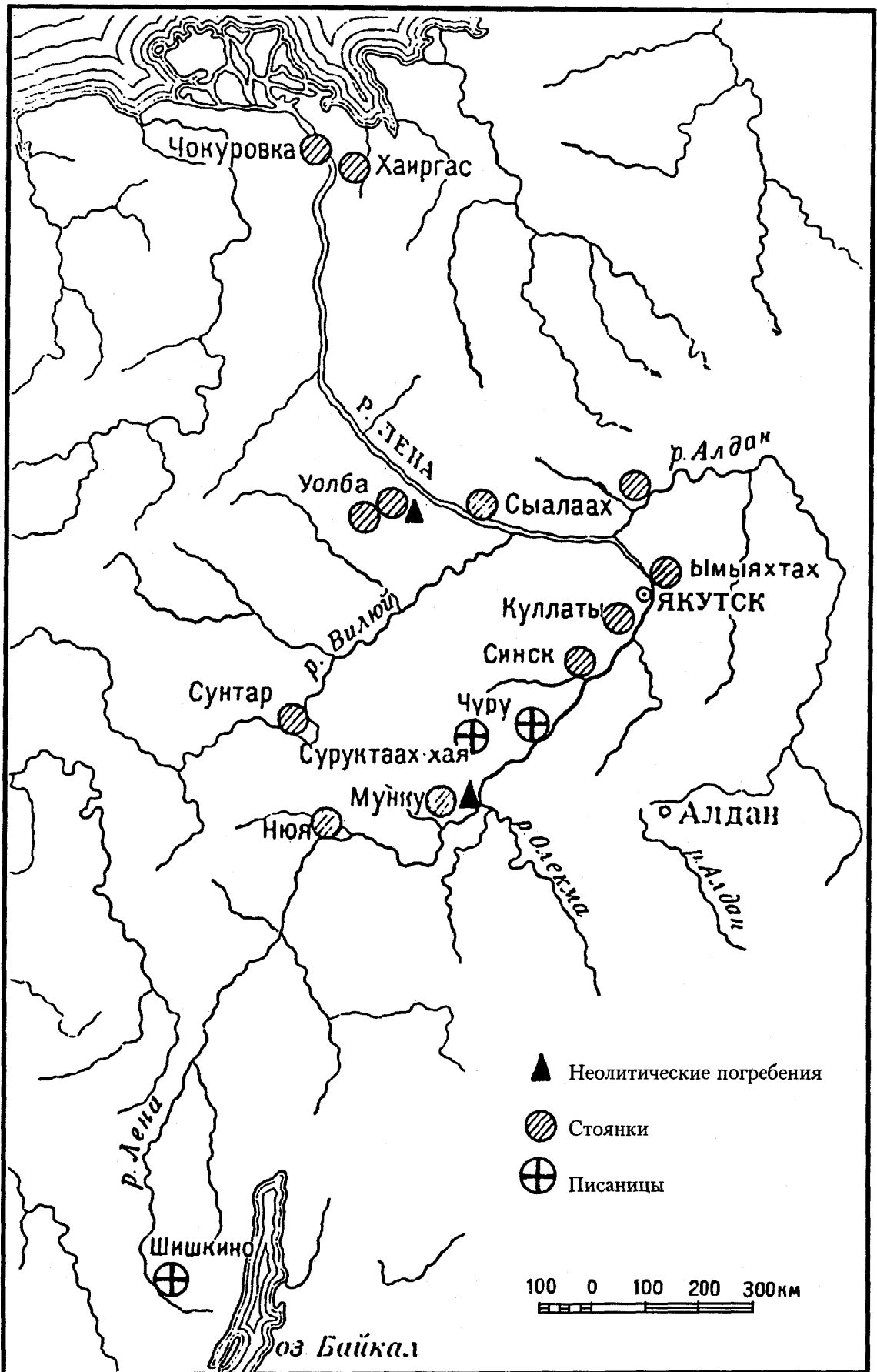

Рис. 1. Схема распространения неолитических памятников Якутии [по А.П. Окладникову, 1955].

А.П. Окладников предложил первую достаточно подробную периодизацию неолита Якутии (начало III - середина II тыс. до н.э., причем неолит Якутии он подразделял на три хронологических этапа). Ранний этап неолита представляли стоянки типа Сылах, развитой - Малая Мунку, Куллаты, поздний - стоянки типа Ымыяхтах [Окладников, 1943, 1945, 1946, 1949, 1954, 1955 а, б]. А.П. Окладников выделил в неолите Якутии локальные нижнеленскую и среднеленскую культурно-исторические области. К нижнеленской он отнес неолитические памятники, расположенные за Полярным кругом, к среднеленской - территории Центральной и Южной Якутии. По его мнению, неолитическое население севера Якутии занималось только охотой, собирательством и рыбной ловлей. В отличие от них население южной культурной области разводило рогатый скот и частично перешло от первобытного присваивающего хозяйства к производящему. Обитатели юга Якутии обладали более развитой духовной культурой, что подтверждалось наличием здесь писаниц [Окладников, 1955 а, с. 133 - 134].

Исследования А.П. Окладникова обогатили археологию Якутии рядом впечатляющих открытий, в его многочисленных публикациях помимо решения проблем периодизации и хронологии неолита были сделаны важные выводы о связях культур каменного века Северо-Восточной Азии, Прибайкалья, Дальнего Востока и Северной Америки; отмечено распространение неолитических культур Якутии на Чукотке, Таймыре и далее на западе; высказаны интересные соображения об уровне духовной культуры неолитического населения Якутии; определено место неолита Якутии среди культур каменного века Евразии. Обобщения и заключения А.П. Окладникова основывались на глубоком знании им археологических и этнографических материалов.

А.П. Окладников первым предпринял также классификацию материалов эпохи бронзы Якутии. Он выделил два этапа развития культуры этого времени. К раннему из них (вторая половина II тыс. до н.э.) он отнес погребения в Куллаты, Иччиляхе, Бугачане, Покровске, Хатын-Тумуле, Олекминске, а также нижний слой стоянки Сиктях. В наборе инвентаря этих памятников наряду с каменными и костяными орудиями встречены простейшие бронзовые изделия: иглы, шилья, пластины или бесформенные кусочки бронзы. Развитый этап бронзы (XIII - III вв. до н.э.) характеризуют, по его мнению, бронзовые изделия совершенных форм, бронзолитейные мастерские, открытые около областной больницы в г. Якутске и в с. Покровске. Именно мастерские позволили ему высказать мнение о местном происхождении этой культуры [Окладников, 1943, 1949, 1955 а].

Открытие поселений с бесспорными свидетельствами в пользу существования ранней металлургии в Якутии позволило А.П. Окладникову впервые

обосновать существование на ее территории местной культуры железа в I тыс. н.э. Принципиальное значение имеет и вывод его о том, что "местная культура железа выросла в Якутии непосредственно из культуры бронзы" [1955, с. 198].

ЛИАЭ были открыты и исследованы интереснейшие памятники культуры якутов. При интерпретации их и освещении ранней истории якутского народа А.П. Окладников опирался на работы и идеи предшественников, новейшие данные археологии, антропологии, фольклора и лингвистики. Он, по существу, развил далее концепции Г.В. Ксенофонта и Б.Э. Петри, ибо доказывал южное происхождение якутов, генетическую связь их с тюрками-курыканами. По мнению А.П. Окладникова, первые тюркские скотоводы появились на средней Лене в IX - X вв., но формирование этнической общности якутов происходило позднее - в XV - XVI вв. н.э. [Окладников, 1949, 1955]. Во многом пионерные археологические исследования А.П. Окладникова в 1940 - 1946 гг. нашли отражение в многочисленных публикациях, среди которых особое значение имеет обобщающий труд "История Якутской АССР. Якутия до присоединения к Русскому государству" [М., 1955 г.]. А.П. Окладников не просто опубликовал описание предметов материальной культуры от каменного века до средневековья, но попытался решить куда более важную задачу - соотнести их с совершенно определенными этносами: юкагирами, тунгусами и якутами. Результаты исследований ЛИАЭ, а также теоретические воззрения А.П. Окладникова оказали значительное влияние на все последующие издания по древней истории Якутии, особенно на вышедшие в свет до середины 1950-х гг.

После завершения работ ЛИАЭ в течение 12 лет полевые археологические исследования в Якутии фактически не проводились. В эти годы незначительные по масштабам раскопки разведочного характера предпринял в 1953 г. И.С. Гурвич на стоянках Уларовская протока и Татьянино озеро на Индигирке; Г.А. Пытляков в 1955 г. открыл писаницу у пос. Томтор на Индигирке; З.В. Гоголев исследовал в 1956 г. погребение Хайыргас на Амге. Планомерные и систематические археологические исследования в Якутии возобновились лишь в 1959 г. с началом работ Вилюйской археологической экспедиции Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР, которую в 1959 - 1963 гг. возглавляла С.А. Федосеева.

В результате поисков и раскопок этой экспедиции в бассейне Верхнего Вилюя было открыто и исследовано 20 разновременных памятников [Федосеева, 1961, 1964, 1968, 1980; Мочанов, Федосеева, 1980]. Ранне-неолитические изделия были выделены типологически среди материалов стоянок Усть-Чона I и Туой-Хая. Этот комплекс С.А. Федосеева датировала IV тыс. до н.э. К среднему неолиту она отнесла могильник Туой-Хая, стоянки Чиркуо, Тумул,

Мас Арыы, Мархая, Крестях, Куйабылаах, Лыбыры и другие местонахождения. Средний неолит был датирован III тыс. до н.э. Поздненеолитические находки (II тыс. до н.э.) удалось выявить при раскопках стоянок Усть-Чиркуо, Туой-Хая и Чиркуо III. Эпоху бронзы представляли находки со стоянок Усть-Чона II, Туой-Хая и Усть-Ахтаранда (конец II-го - вторая половина I-го тыс. до н.э.). Изделия эпохи раннего железа были найдены на поселении Тумул. Ранний железный век был датирован в пределах второй половины I тыс. н.э. [Федосеева, 1968].

Обратим внимание на то, что все памятники, за исключением могильника Туой-Хая, имели смешанные культурные слои. Поэтому периодизация древних культур Верхнего Вилюя строилась на аналогиях с материалами соответствующих памятников Прибайкалья. Причем периодизация, предложенная С.А. Федосеевой для древних культур Верхнего Вилюя, существенно отличалась от периодизации древней истории Якутии А.П. Окладникова. После открытия на Алдане многослойных стоянок с четкой стратиграфией и вслед за выделением своеобразных археологических культур Якутии хронология древних культур Верхнего Вилюя была соответствующим образом скорректирована. Кроме того, удалось точно установить, что археологические материалы Верхнего Вилюя имеют аналогии не только с материалами прибайкальских культур, но и в значительной степени и с приленскими [Федосеева, 1971, с. 56 - 60].

Работы Вилюйской археологической экспедиции стимулировали в Якутии активные и планомерные полевые исследования. Они сыграли исключительно важную роль в начале нового этапа изучения древней истории республики. Итоги полевых изысканий были оперативно опубликованы, а многие обоснованные в них теоретические положения продолжают оставаться актуальными и в настоящее время.

В 1964 г. была организована Алданская археологическая экспедиция Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР, переименованная затем в Приленскую археологическую экспедицию (ПАЭ). С 1964 г. и по настоящее время ПАЭ работает под руководством Ю.А. Мочанова. Огромное значение в изучении древней истории Якутии имело открытие ПАЭ на Алдане ряда многослойных стоянок с четкой стратиграфией: Белькачи I, Усть-Тимптон I, Сумнагин I, Усть-Миль I и др. Изучение этих уникальных археологических памятников позволило Ю.А. Мочанову пересмотреть хронологию и периодизацию каменного века Якутии, доказать существование в неолите и бронзовом веке Северо-Восточной Азии особых археологических культур: сылахской, белькачинской, ымыяхтахской неолитических и усть-мильской культуры бронзового века. На некоторых многослойных стоянках были выделены культурные комплексы раннего железного века.

На основании изучения объемного и весьма содер­жательного материала с многослойных стоянок Алдана Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева предложили новую схему периодизации древних культур Якутии [Мочанов, 1966 а, б; 1967 а, б; 1969; Федосеева, 1970 а, б, в; Мочанов, Федосеева, 1973, 1974, 1976, 1980, 1983, 1991]. Важно, что эта периодизация надежно подкреплялась данными естественных наук. Но главное заключалось в том, что она в корне меняла хронологическую схему поэтапного развития ленского неолита и бронзового века, которая была построена ранее А.П. Окладниковым на основе периодизации прибайкальских культур, считавшейся в свое время эталонной для всей Сибири (объективно представлявшей таковой в свое время просто в силу лучшей изученности бассейна Ангары). Открытие на Алдане многослойных стоянок с четкой стратиграфией в корне изменило ситуацию - с середины 1960-х гг. для археологов базовыми в оценках конкретных эпох древней истории Якутии и ее отдельных регионов стали памятники Алдана.

Ценность работ С.А. Федосеева и Ю.А. Мочанова состоит не только в накоплении большого числа новых фактов, открытия и тщательном изучении многослойных стоянок, но главным образом в создании на их основе детальной, надежно обоснованной периодизации, выделении археологических культур Якутии. Все это демонстрирует принципиально новый уровень познания археологических источников, позволяющий уверенно производить исторические реконструкции. Стоит ли говорить о том, какое важное значение имеют их результаты для межрегиональных корреляционных построений.

Уже в первой своей обобщающей работе по каменному веку Якутии Ю.А. Мочанов дал карту распространения сылахской ранне­неолитической, белькачинской сред­не­неолитической и ымыяхтахской позд­не­неолитической культур [Мочанов, 1969, рис. 19 - 21]. Составленные Ю.А. Мочановым карты неолитических культур очерчивали не только известные к тому времени области распространения указанных культур, но и зоны предполагаемого распространения их в Северо-Восточной Азии (рис. 2 - 4). Последующие исследования доказали верность предположений Ю.А. Мочанова о широком ареале распространения неолитических культур, выявленных в Якутии.

С 1968 г. были начаты систематические изыскания археологической экспедиции Якутского государственного университета, которая до 1974 г. работала под руководством Н.Д. Архипова. За это время экспедиция провела раскопки древнеякутских поселений и погребений XVII - XIX вв. в Кобяйском, Сунтарском и Вилюйском районах; исследовала на Олекме стоянки Старый Летен, Хайкуо, Новый Летен I и II, Большая и Малая Джикимда; открыла погребение среднего неолита Малая Джикимда, изучила писаницы Крестях и Баасынай; предприняла разведки в бас-

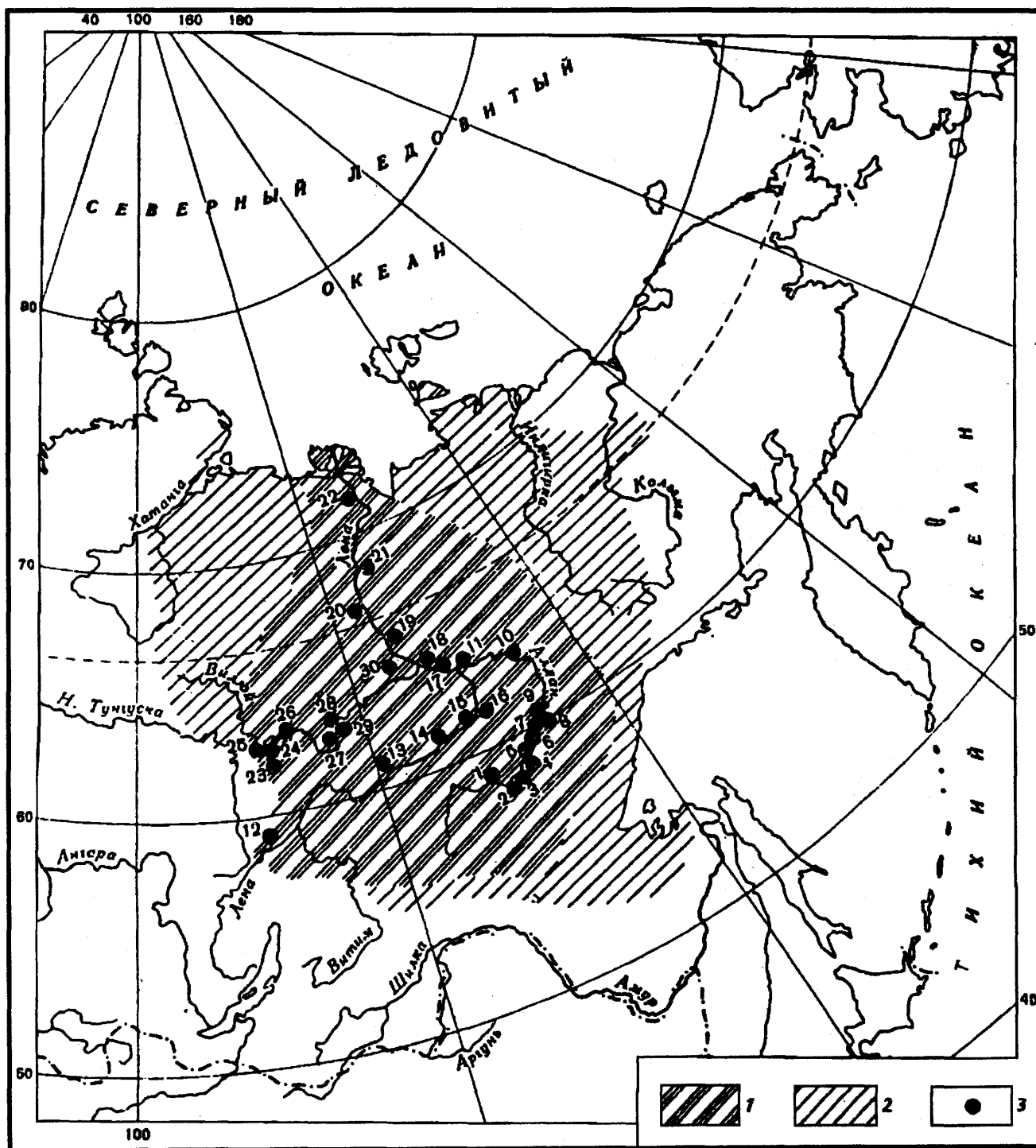

Рис. 2. Карта распространения сылахской (ранненеолитической) культуры [по Ю.А. Мочанову, 1969].
 1 - область распространения культуры; 2 - предполагаемая область распространения;
 3 - ранненеолитические памятники.

сейне среднего Вилюя и открыла стоянки каменного века Сюльдюкар и Укугут [Архипов, 1969, 1971, 1974; Алексеев, 1975, 1987; Алексеев, Кочмар, Черосов, 1988].

В 1974 г. археологическая экспедиция ЯГУ разделилась на две самостоятельные. Одна из них - Олекминская археологическая экспедиция приступила под руководством автора к изучению памятников каменного века в бассейне Олекмы и средней

Лены. Другая - под руководством Н.Д. Архипова ориентировалась в основном на изучение палеоэтнографических памятников, хотя в ходе полевых работ также вела раскопки более древних памятников. Ею были доисследованы, в частности, стоянка Усть-Чиркуо, неолитическое поселение и погребение бронзового века Бэрэ и поселение раннего железного века Вахунайка на Вилюе. На Лене исследовались стоянки Хайынгыя и Ынгыр Хая [Архи-

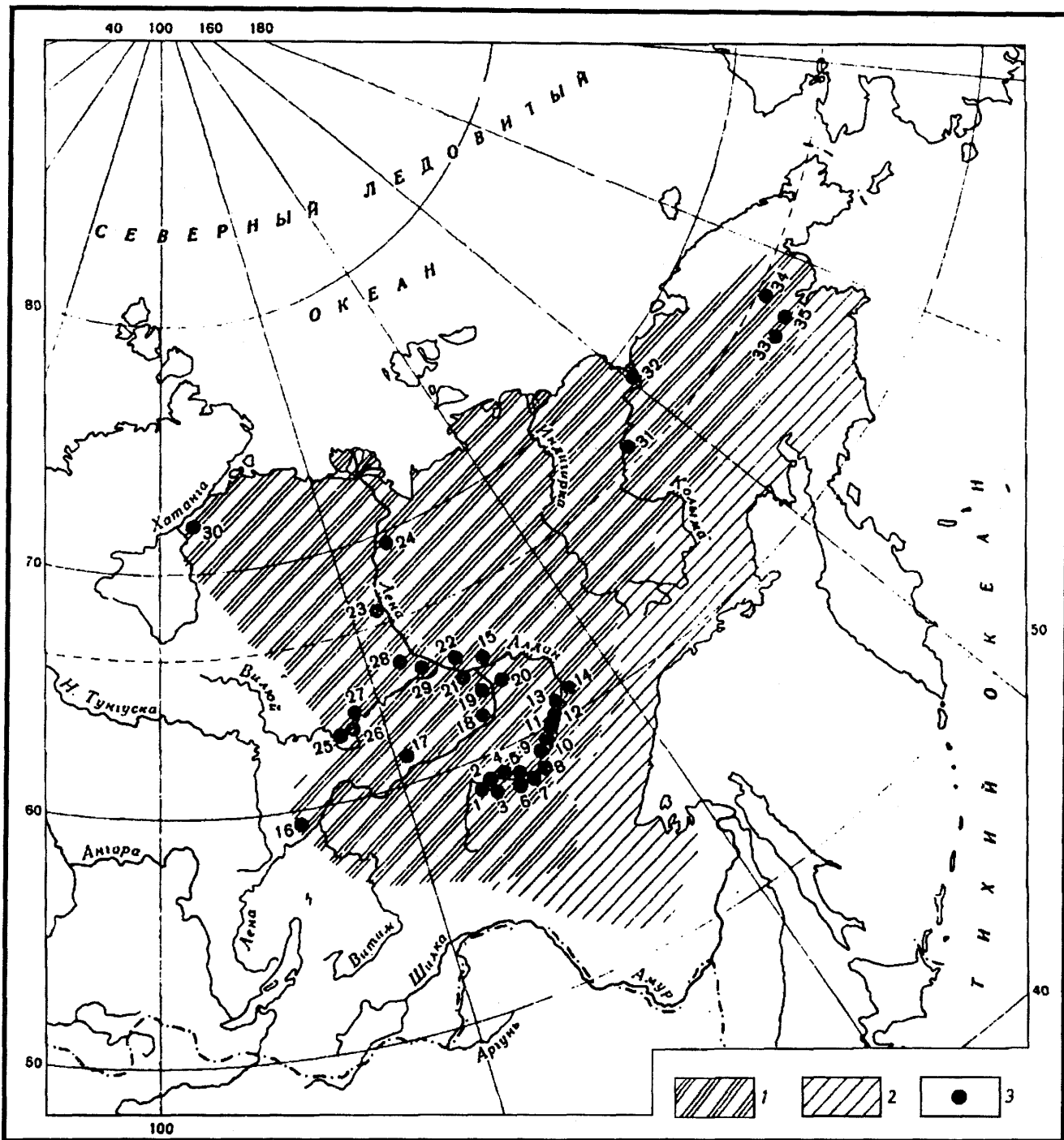

Рис. 3. Карта распространения белькачинской (средненеолитической) культуры [по Ю.А. Мочанову, 1969].

пов, 1976, 1977]. Все перечисленные стоянки имели смешанные культурные слои и не дали сколько-нибудь значимых материалов, которые до сих пор к тому же не опубликованы (если не считать малоинформативных заметок в "Археологических открытиях"). Исключение составляет лишь поселение Вахунайка, материалы которого опубликованы наиболее полно [Архипов, 1980, с. 53 - 65].

Самые важные исследования экспедиция провела по основной своей тематике. Так, в Таттинском районе Н.Д. Архипов [1975, с. 189] раскопал инте-

ресное захоронение XVIII в., в котором человек был погребен согласно древнетюркской традиции вместе с лошадьми. На Вилюе Н.Д. Архипов исследовал древнеякутские поселения, а на северо-западе Якутии, на Оленьке, изучил десятки древнеякутских воздушных погребений-арангасов XVIII - XIX вв., получив очень богатые и информативно значимые материалы. К сожалению, и они опубликованы лишь фрагментарно - в научно-популярном издании [Архипов, 1989, с. 145 - 158]. В середине 1980-х гг. экспедиция Н.Д. Архипова прекратила свои работы.

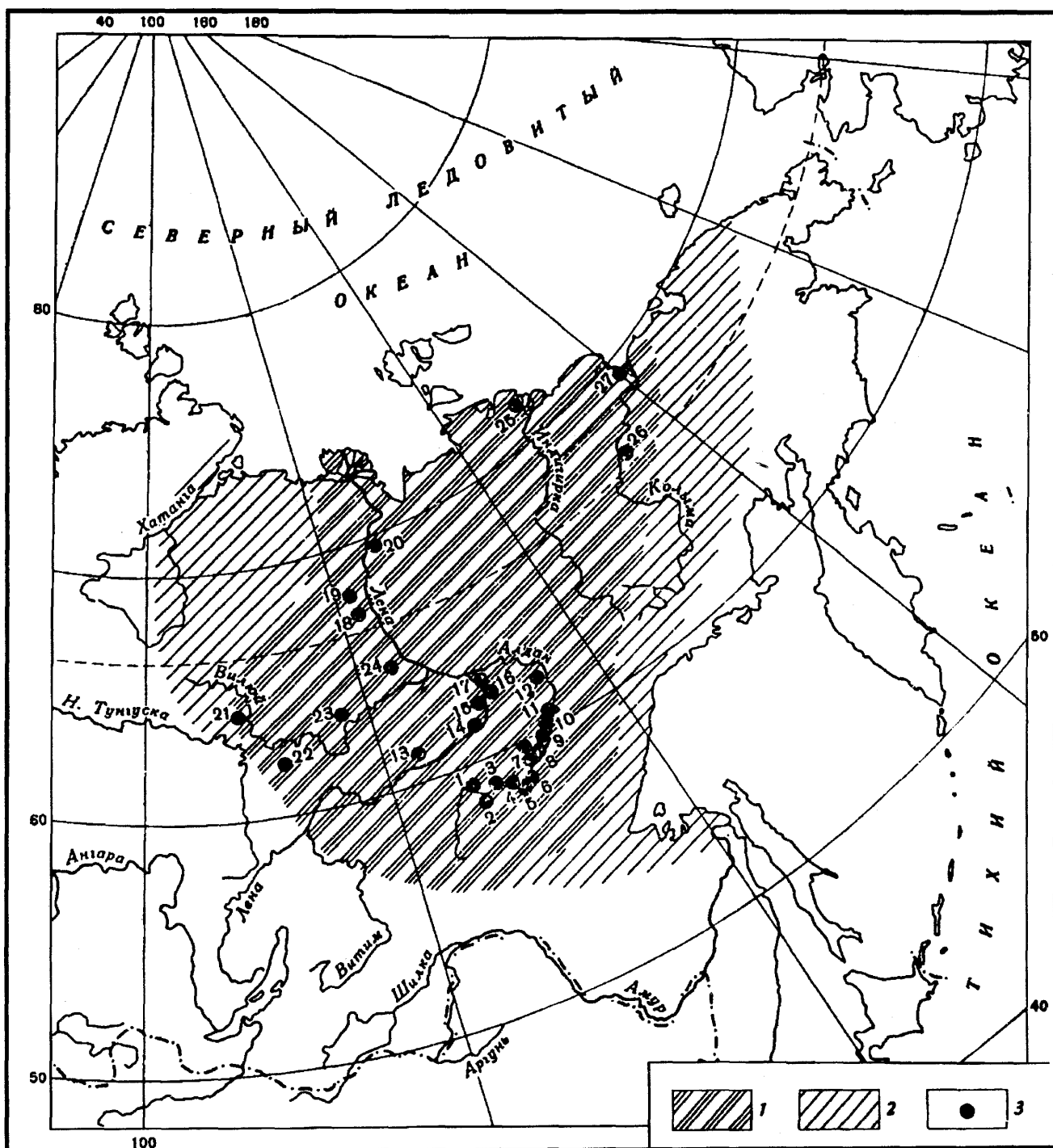

Рис. 4. Карта распространения ымыяхтахской (поздненеолитической) культуры [по Ю.А. Мочанову, 1969].

В 1979 г. Олекминская археологическая экспедиция была преобразована в Комплексную историко-археологическую экспедицию ЯГУ (история создания и деятельности экспедиции подробно изложена в статьях Алексева [1981, 1982 а, 1987]; Алексева, Кочмара, Черосова, [1988, с. 5 - 15]). С 1980-х гг. в планах и деятельности экспедиции четко определялись два основных направления: 1 - изучение памятников каменного века и эпохи металлов; 2 - изучение памятников истории и культуры русского населения Якутии XVII - XVIII вв. Результаты ис-

следований экспедиции по первому направлению и составили основу монографии.

С 1973 г. в изучение древних памятников Якутии включилась археолого-этнографическая экспедиция ЯГУ, которая с момента создания и по настоящее время работает под руководством А.И. Гоголева. Объектами исследований экспедиции стали памятники культуры якутов XIV - XVIII вв. Экспедиция обследовала территории центральных и отчасти вилюйских районов Якутии. Наиболее важное ее достижение - открытие кулун-атахской палеоэтно-

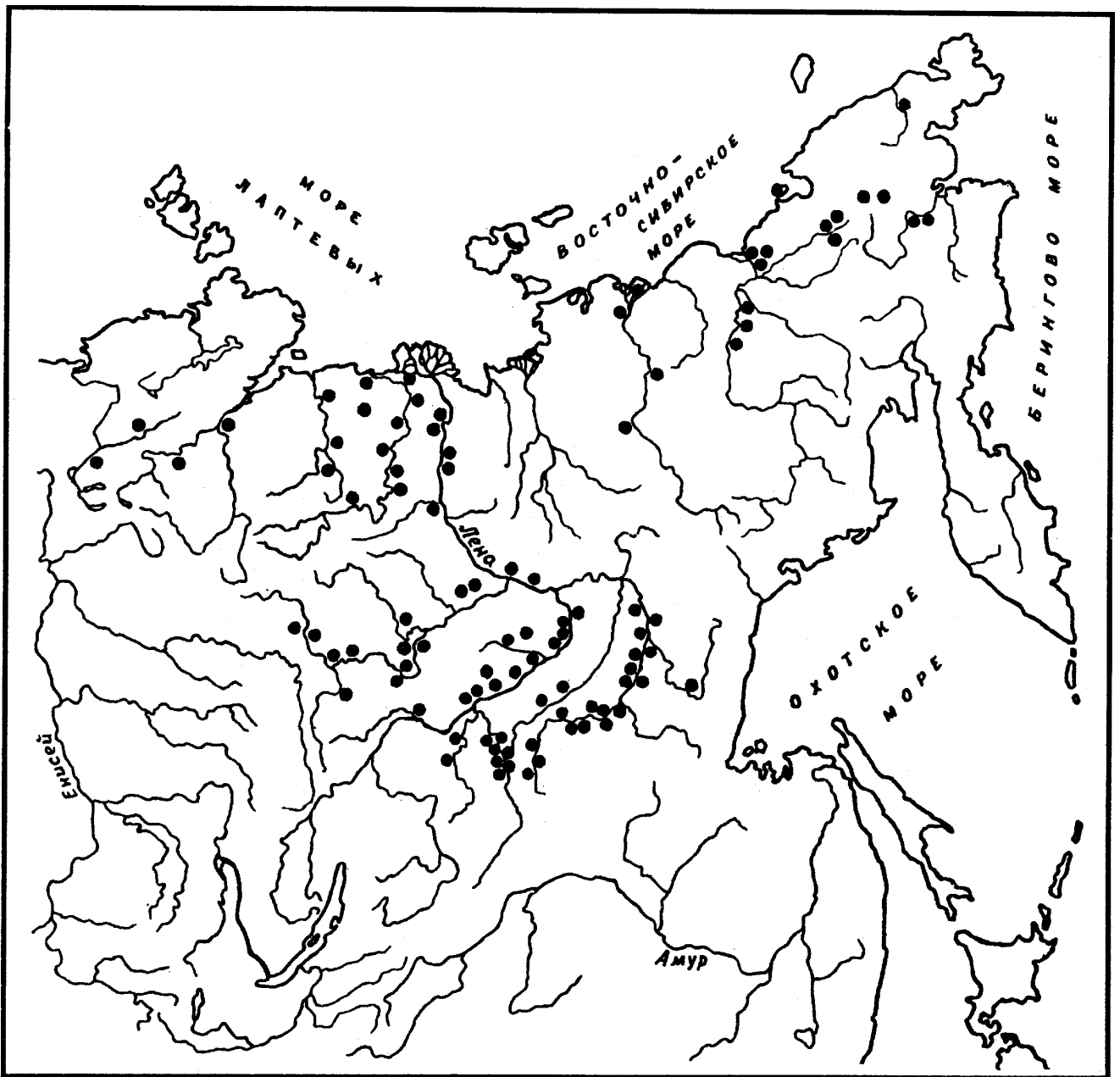

Рис. 5. Карта распространения памятников ымыяхтахской культуры [по С.А. Федосеевой, 1980].

нографической культуры якутов XIV - XVI вв. [Гоголев, 1983, 1986, 1990, 1993].

На этом этапе археологического изучения Якутии вышел в свет ряд монографий, основанных на материалах перечисленных выше экспедиций. В этих изданиях нашли отражение теоретические положения А.П. Окладникова [1949, 1955], С.А. Федосеевой [1970 а, б, в] и Ю.А. Мочанова [1969]. Особо ценной для изучения эпохи неолита представляется монография С.А. Федосеевой "Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии" [1980]. В этой книге обобщены практически все накопленные к тому времени материалы по позднему неолиту Якутии. До сих пор она остается единственным исследованием, посвященным изучению только одной неолитической

культуры Якутии. Благодаря С.А. Федосеевой поздненеолитическая эпоха сегодня наиболее изучена среди всех других археологических культур позднего голоцена Якутии.

Указанная работа С.А. Федосеевой не только имеет важное значение для изучения позднего неолита Якутии, но и весьма ценна для понимания этнокультурных процессов, происшедших в это время на обширной территории Северо-Восточной Азии. Очень показательной в этом плане является приложенная к работе С.А. Федосеевой карта, существенно уточняющая и расширяющая ареал ымыяхтахской культуры (рис. 5).

Эпоха неолита в известной степени получила освещение и в монографиях так называемого реги-

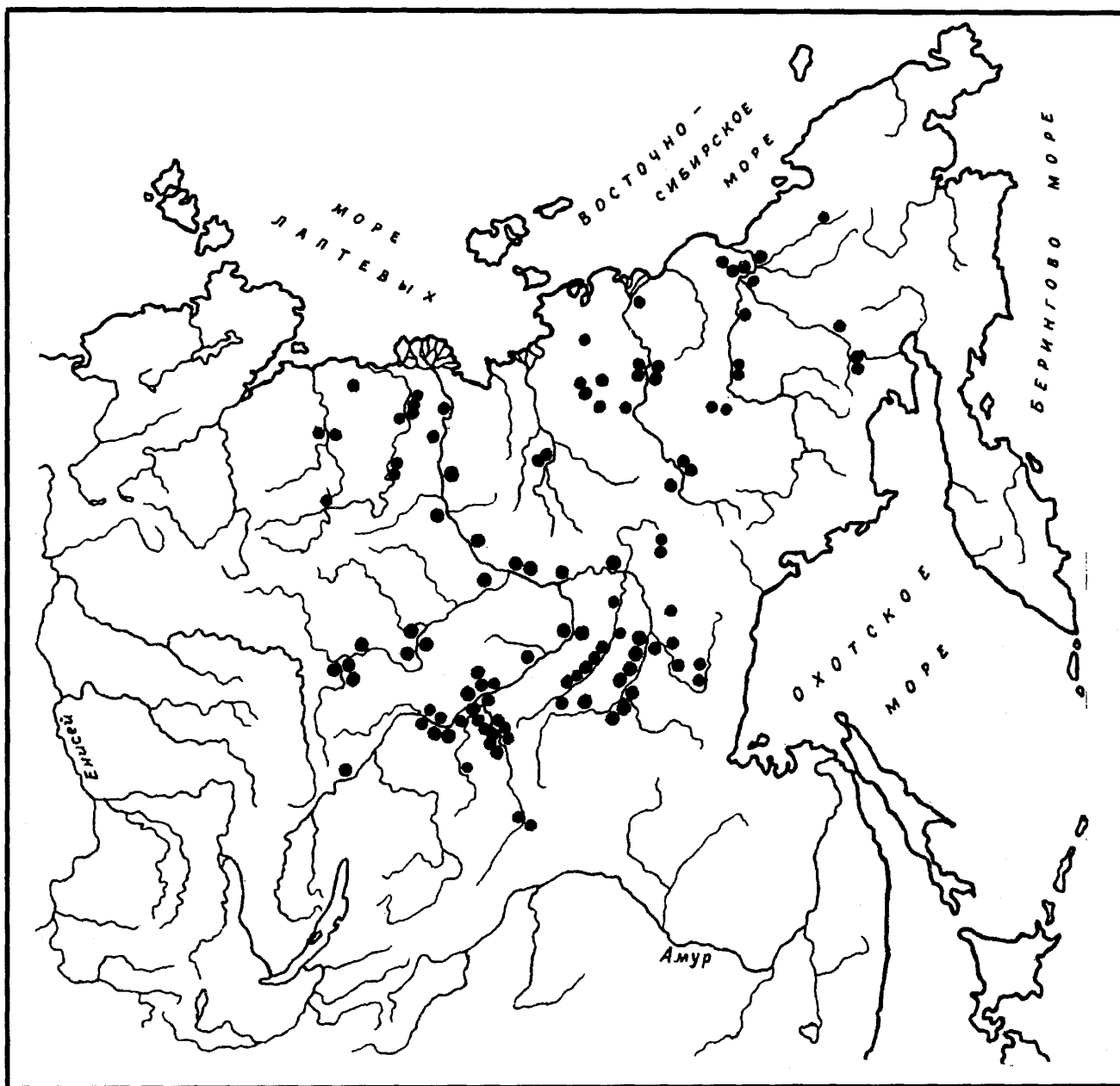

Рис. 6. Карта распространения памятников сылахской раннеэолитической культуры IV тыс. до н.э.

онального характера. Так, автор посвятил свое издание каменному веку Олекмы [Алексеев, 1987], а В.Г. Аргунов - каменному веку Северо-Западной Якутии [1990].

Что касается эпохи металла, то изучению эпохи бронзы посвящена монография В.И. Эртюкова [1990]. Он впервые систематизировал материалы основных памятников усть-мильской культуры, провел сопоставление керамики культуры бронзы со сходной керамикой сопредельных регионов, датировал единичные бронзовые изделия, найденные на территории Якутии. В монографии И.В. Константинова "Ранний железный век Якутии" [1978] обобщены все накопленные к середине 1970-х гг. материалы ПАЭ, относящиеся к соответствующей эпохе. На

основе изучения керамики И.В. Константинов выделил в железном веке Якутии три разнородных и разновременных культурных комплекса, рассмотрел их генезис и сопоставил с материалами культур эпохи раннего железа соседних территорий.

В монографии А.П. Окладникова, З.В. Гоголева, Е.А. Ащепкова "Древний Зашиверск" [1977] раздел посвящен археологическим находкам, обнаруженным при небольших по масштабам раскопках Зашиверской крепости ([1977, с. 121 - 129]; текст принадлежит А.П. Окладникову). Кроме того, в монографии содержится краткое описание строений, обнаруженных на вскрытых раскопками участках [1977, с. 82 - 83]. В целом история Зашиверска в основном освещается на основе письменных, фоль-

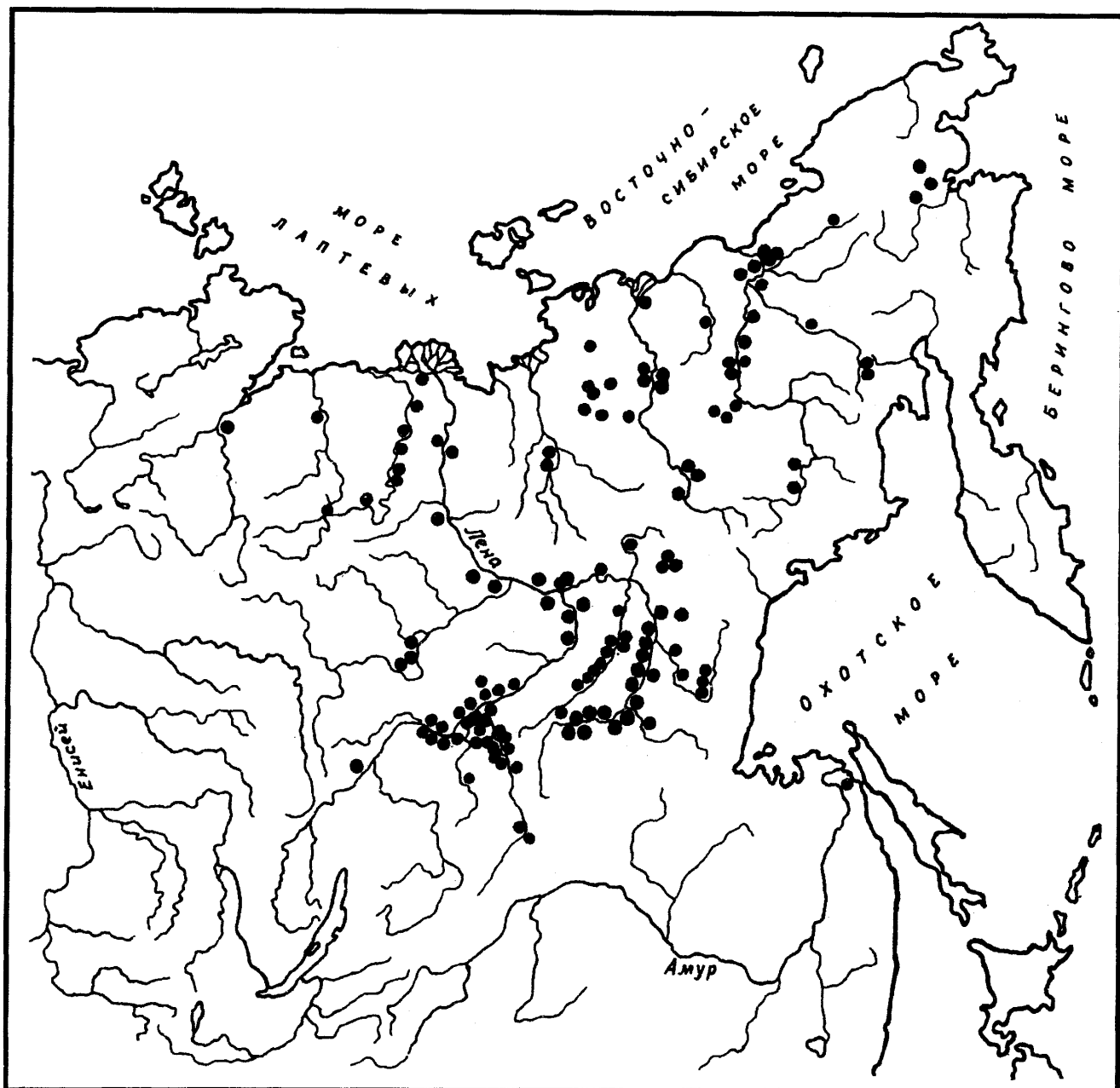

Рис. 7. Карта распространения памятников белькачинской средненеолитической культуры III тыс. до н.э.

клерных и архитектурных материалов, а археологический материал представлен в тексте далеко не полно.

Немаловажное значение для изучения темы нашего исследования имеет обобщающая монография "Археологические памятники Якутии", в которой опубликованы все известные к тому времени археологические памятники Республики [Мочанов, Федосеева, Алексеев и др., 1983; Мочанов, Федосеева, Аргунов и др., 1991; Мочанов, Федосеева, 1983, 1991], а также книга С.И. Эверстова "Рыболовство в Сибири" [1988], посвященная изучению одного из аспектов палеоэкономики обитателей Сибири каменного века.

Таким образом, для второго этапа изучения памятников неолита, эпохи ранних металлов и средневековья Якутии характерны систематичность полевых работ и оперативная публикация результатов исследований. Планомерные изыскания в эти годы вели специализированные археологические экспедиции, которые предприняли огромные по масштабам раскопки, обследовали значительную часть территории Якутии, собрали разнообразный археологический материал, многократно увеличив фонд вещественных источников. Археологи разработали более совершенную методику раскопок памятников, а их исследование стали проводить комплексно, с непременно привлечением методов естественных

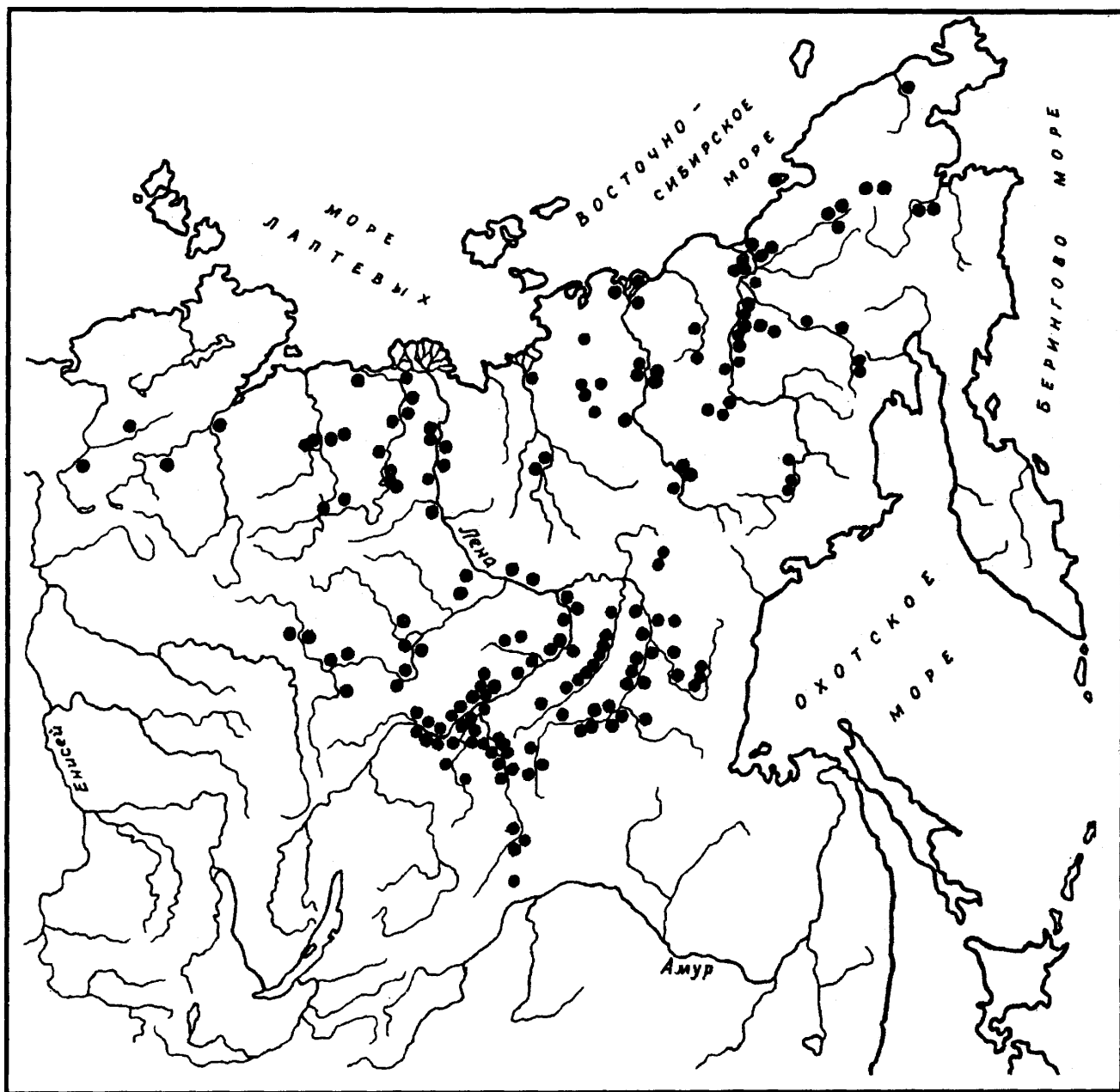

Рис. 8. Карта распространения памятников ымыяхтахской поздненеолитической культуры II тыс. до н.э.

наук. Второй этап археологического изучения Якутии отличается и стремлением к теоретическому осмыслению накопленных материалов, что позволило пересмотреть устаревшие взгляды и высказать свежие и неординарные идеи. Именно на этом этапе вышли в свет обобщающие монографии А.П. Окладникова, Ю.А. Мочанова, И.В. Константинова, С.А. Федосеевой и других исследователей, труды ПАЭ и историко-археологической экспедиции ЯГУ. Плодотворное изучение древностей региона способствовало появлению научно-популярных работ, посвященных ранним страницам истории Якутии [Архипов, 1989; Сафронов, 1992]. Оно имело также важное значение в плане уточнения границ ареалов

неолитических культур Северо-Восточной Азии (рис. 6 - 8).

Таким образом, общий взгляд на историю изучения археологических памятников неолита, эпох бронзы, железа и средневековья свидетельствует о том, что древняя история Якутии издавна привлекала внимание как краеведов, так и специалистов-исследователей. Интерес тот не случаен и объясняется естественным стремлением понять, когда человек впервые появился в этих суровых сибирских краях, как он сумел приспособиться к различным ландшаф-

тным зонам, какой народ и когда заселил Якутию. С целью выяснения этих вопросов еще в XVIII в. предпринимались первые раскопки, которые производились, как правило, любителями. Вообще археологическое изучение Якутии долгое время носило любительский и эпизодический характер, ограничивалось в основном сбором древних предметов и сведений о памятниках старины. Исследования такого уровня и составляют первый этап изучения древней Якутии, который хронологически включает в себя период от XVIII в. до 1940 г.

Главной особенностью второго этапа, охватывающего период с 1940 г. по настоящее время, явилось создание научно-исследовательскими учреждениями и Якутским университетом постоянно действующих археологических экспедиций. Впервые начались они работами ЛИАЭ под руководством А.П. Окладникова. Отметим, что он надолго сохранил интерес к археологии Якутии и впоследствии не

раз возвращался в своих работах к различным проблемам первобытной истории Якутии. Затем целенаправленный археологический поиск продолжили ВАЭ и ПАЭ под руководством С.А. Федосеевой и Ю.А. Мочанова. С конца 1960-х гг., постепенно расширяя масштабы и тематику исследований, начала свою деятельность историко-археологическая экспедиция ЯГУ. С 1973 г. в изучение древней истории Якутии включилась археолого-этнографическая экспедиция ЯГУ под руководством А.И. Гоголева.

Вклад каждой из упомянутых экспедиций в решение проблем ранней истории Якутии, конечно же, не равноценен. Но важно то, что археологи сплотили свои усилия по изучению древних культур региона. Пока, однако, далеко не все общие и частные вопросы археологии Якутии решены удовлетворительно. Настоящая монография призвана внести сильный вклад в поисках ответа на них.

ГЛАВА II ЯКУТИЯ В ПОЗДНЕМ ГОЛОЦЕНЕ: ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Исследования специалистов естественных наук свидетельствуют о том, что в позднем голоцене в Якутии не происходило сколько-нибудь значительных природно-климатических перемен. Изменения в природной обстановке в отдельных регионах Якутии вызывались естественным развитием соответствующего природного комплекса, что необходимо учитывать при изучении древнего памятника. Нижеследующий физико-географический очерк написан, однако, с учетом стабильности общей природно-климатической обстановки в позднем голоцене Якутии.

Якутия расположена на северо-востоке Сибири. Крайняя северная точка республики на материке мыс Нордвик находится на 74° с.ш. а самая северная островная точка - на севере о. Генриетты (77° с.ш.). Крайняя южная точка размещается в пределах Станового хребта под $55^\circ 30'$ с.ш. Самая западная точка Якутии расположена под $105^\circ 00'$ в.д.; самая восточная - под 165° в.д. Свыше 40 % территории Якутии находится за Полярным кругом [Мостахов и др., 1980]. Территория Якутии протянулась с севера на юг на 2000 км, а с запада на восток - на 2500 км. Площадь Якутии - 3103,2 тыс. кв. км, что составляет 1/5 часть Российской Федерации. На западе Якутия граничит с Красноярским краем, на юго-западе - с Иркутской областью, на юге - с Читинской и Амурской, на востоке - с Магаданской областями, а на юго-востоке - с Хабаровским краем. С севера на протяжении более 4 тыс. км Якутия омывается морем Лаптевых и Восточно-Сибирским морем.

Рельеф Якутии весьма сложный. В пределах ее расположены горные хребты с вершинами, достигающими высоты 3000 м и низменности, слабо приподнятые над уровнем океана. Горы и плоскогорья занимают примерно 2/3 поверхности, низменности - 1/3. Территория Якутии по характеру рельефа подразделяется на три части: Западную, Южную и Восточную. В Западной Якутии господствуют равнины и плато. В этом регионе четко выделяются зоны тундры и тайги (первая занимает лишь неширокую полосу на севере). Западная Якутия включает в себя Средне-Сибирское плоскогорье, которое на севере ограничено Северо-Сибирской низменностью, а на востоке - Центрально-Якутской равниной. Территория Восточной Якутии большей частью горная, с ярко выраженной высотной поясностью. Она является частью Восточно-Сибирской горной страны [Якутия, 1965, с. 331].

Южные районы Якутии входят в Алдано-Охотскую физико-географическую страну и отличаются сложной широтной зональностью на севере и вертикальной поясностью на юге. Западная часть республики по геологическому строению - один из древнейших участков земной коры, составляющих восточную половину Сибирской платформы [Там же, с. 333].

Восточная Якутия занимает западную часть Верхояно-Чукотской складчатой области. До середины мезозоя она представляла собой геосинклинальный бассейн. В конце мезозоя в пределах его началось горообразование, в результате чего появились хребты Верхоянья и Черского, Яно-Индигирское нагорье, а также образовались межгорные тектонические впадины по рекам Моме, Селеннях и по Колыме. Следовательно, территория Восточной Якутии намного моложе Западной, о чем и свидетельствуют особенности рельефа: на западе - плоскогорно-равнинная поверхность, а на востоке - весьма расчлененная горная область и высокие нагорья. В мезозое в пределах Сибирской платформы произошли прогибы, что привело к образованию Центрально-Якутской равнины и Лено-Анабарской низменности. Одновременно произошли глыбовые поднятия и опускания земной коры на территории Алданского нагорья, в результате чего образовались сбросовые горные массивы и межгорные плато. На севере Восточной Якутии длительные и неравномерные опускания и поднятия суши привели к образованию Яно-Индигирской и Колымской низменности, а также Алазейского и Юкагирского плоскогорья [Геология Сибирской платформы, 1966; Пармузин, 1967; Якутия, 1965; Геология СССР, Т. XVIII, 1970].

Перестройка гидрографической сети с меридионального на современное широтное направление началась и продолжалась на протяжении всего четвертичного периода. Наиболее существенное перераспределение она претерпела в конце третичного - начале четвертичного периода, когда заложились основы современной речной сети. В это время и начали формироваться широтные долины средней Лены, Амги, Вилюя, Оленека, Алдана и некоторых его притоков. Однако современное очертание они получили в четвертичное время в процессе сложных перехватов. В новейшее время в пределах Западной и Южной Якутии произошло резкое смещение водоразделов. На территории Якутии насчитывается около 700 тыс. рек общей протяженностью

свыше 1,5 млн км. Все они относятся к бассейну Северного Ледовитого океана (Якутия, 1965, с. 53 - 54, 67, 69).

Река Лена - главная водная артерия республики. Ее длина - 4400 км, площадь бассейна - 2490 тыс. кв. км, основные притоки - Алдан, Вилюй, Олекма, Витим. Из других рек наиболее крупные - Анабар, Оленек, Яна, Индигирка и Колыма. Большая часть рек Якутии имеет смешанное питание с преобладанием снегового. Для них характерны высокое весеннее половодье, небольшие летние и осенние паводки, исключительно длительная и низкая зимняя межень. Ледостав на реках республики длится 6 - 8 месяцев. На них встречаются полыньи и наледи [Мостахов и др., 1980]. Повсеместно развиты надпойменные и пойменные террасы. Многие реки, особенно на северо-востоке, мигрируют. Вследствие этого террасы редко подходят к берегу. Чаше они удалены, что и затрудняет поиск древних поселений.

На территории Якутии свыше 700 тыс. озер. Они разнообразны по происхождению, величине, очертанию берегов, глубине и составу органического мира, водному режиму. Подавляющее большинство озер отличается небольшой площадью зеркала и малой глубиной. Лишь некоторые из них (Моготоево, Нерпичье, Ниджили и др.) имеют значительные размеры. Встречаются небольшие озера - Абалях, Кемпендяй и др. [Гидрогеология СССР, 1970. Т. XX; Основные гидрологические характеристики, 1974. Т. 19]. Многие озера рыбные, служат в соответствующие сезоны местом скопления птиц, водопоя крупных млекопитающих. По этим причинам по берегам озер селились древние люди. В расположении их стоянок какой-либо закономерности выявить не удалось. Обычно древние поселения располагались в удобных для жилья местах по всему периметру озера на высоких террасах, поросших сосновым бором.

Климат Якутии резко континентальный. Зима продолжительная, суровая и малоснежная. Наиболее низкие температуры отмечены в восточных горных районах (во впадинах, котловинах, долинах рек и других понижениях). В Оймяконской и Верхоянской котловинах минимальные температуры достигают порой $-68 - 70^{\circ}\text{C}$. Температуры -50°C и ниже держатся от 10 ч. на Арктическом побережье до 900 ч. в районах Яно-Индигирского нагорья. Лето в Якутии короткое, но теплое. Средняя температура июля в Центральной Якутии $18 - 19^{\circ}\text{C}$, на побережье $2 - 5^{\circ}\text{C}$. На территорию республики редко проникает тропический воздух, резко повышающий температуру воздуха (до 30°C в Якутске). Осадков в Якутии мало, что объясняется господством антициклонов и большой сухостью приходящих воздушных масс. Среднее годовое количество осадков колеблется от 150 - 200 мм (Центральная Якутия, межгорные котловины и дельты рек Восточной Якутии)

до 500 - 700 мм и больше (навстреченные склоны гор Восточной Якутии). В республике нередки засухи и заморозки [Визе, 1927; Гаврилова, 1973].

Суровый климат Якутии обуславливает развитие криолитозема - неглубоко оттаивающих многолетне-мерзлых грунтов. Почти вся территория республики располагается в зоне сплошной мерзлой толщи. Лишь крайние юго-западные районы находятся в области прерывистого распространения многолетне-мерзлых толщ. Мощность мерзлоты изменяется на территории Якутии в широких пределах. Под руслами крупных рек и под глубокими озерами мерзлота отсутствует, но уже на надпойменных участках ее мощность может достигать 300 - 400 м. Наибольшая мощность толщи мерзлоты зафиксирована в верховьях р. Марха (южнее Полярного круга) - 1500 м. Это максимальное промерзание горных пород на земном шаре. Средняя годовая температура вечной мерзлоты на глубине 15 - 20 м колеблется от $1 - 2^{\circ}\text{C}$ (на юго-западе) до $10 - 12^{\circ}\text{C}$ (на высоких водоразделах в горах). Летом верхний слой мерзлоты оттаивает, и формируется слой сезонного или летнего оттаивания. Толщина его достигает от нескольких десятков сантиметров в тундре и на заболоченных местах до 3 - 4 м в песчаных грунтах на юге Якутии [Покшишевский, 1957; Некрасов, 1976; Якутия, 1965; Мостахов и др., 1980].

Интересно, что сведения о вечной мерзлоте в Якутии содержатся уже в донесениях многих землепроходцев XVII в. Первое наиболее обстоятельное сообщение о вечной мерзлоте в Якутске было сделано в связи с попыткой обеспечить тогдашний "Якуцкий острог" колодезной водой. Воевода Матвей Кравков после предпринятых им в 1685 - 1686 гг. тщетных попыток достичь водоносного слоя доносил: *"А колодеза, великие государи, В Якуцком сделать никоими мерами нельзя, потому что земля летом тает в полтора аршина, а больше двух аршин земли никогда не тает, а в исподи на дне земля всегда мерзла"*. Кравков впервые довольно точно назвал глубину деятельного слоя и показал, что слой вечной мерзлоты достигает значительной мощности [Покшишевский, 1957].

На большей части территории Якутии развиты мерзлотно-таежные почвы. В горных районах распространены горно-мерзлотно-таежные и горно-тундровые почвы, в Центральной Якутии - дерново-лесные, палевые, суглинистые (часто осолоделые), аллювиальные луговые почвы. Для севера характерны тундрово-глеевые и болотные почвы [Якутия, 1965; Еловская, Петрова, 1965; Петрова, 1971; Савинов, 1989; Мостахов и др., 1980].

Около 80 % Якутии занято тайгой и только на севере узкая материковая полоса и острова (около 10 %) относятся к тундре. Для нее характерна травянистая растительность в виде осоковых, пушицевых и злаково-осоковых болот. Южная часть тундры покрыта мохово-лишайниковыми и мохово-

осоковыми болотами. В зоне тайги широко распространена даурская лиственница, которая по берегам рек заходит далеко на север (до 72 ° 30' с.ш.). Она занимает 86 % лесопокрытой площади республики.

В тайге растут сосна (6,3 % лесопокрытой площади), кедровый стланик (около 6 %), ель (менее 1 %), береза и осина, на юго-западе республики встречается кедр сибирский. По речным долинам, особенно в горных районах, произрастают душистый тополь и чозения. В тайге Центральной Якутии широко распространены лугово-степные участки - чараны [Скрябин, Караваев, 1991; Щербаков, 1975; Тимофеев, 1980].

Животный мир Якутии богат и разнообразен. Биологи выделяют в нем более 50 видов зверей. В тундре и тайге обитают песец, соболь, белка, заяц-беляк, горноста́й, росомаха, рысь, лисица, волк и медведь; из копытных - северный олень, кабарга, косуля и лось. На юге Якутии встречается изюбр, в горной тайге - кабарга, в горах Восточной Якутии - снежный баран [Игнатьев, 1965; Егоров, 1965; Якутия, 1965; Перфильев, Ревин, 1972; Соломонов, 1975;

Данилов, Русаков, Туманов, 1979; Чернявский, 1984; Млекопитающие Якутии, 1971]. В водоемах республики обитают 48 видов рыб, из которых 22 промысловые, в основном лососевые и сиговые - ряпушка, омуль, чир, муксун, нельма, стерлядь, осетр, таймень, карась и др. (см. [Кириллов, 1972; Мостахов и др., 1980; Якутия, 1965]). В Якутии встречается 250 видов птиц. В тундре обитают редкие птицы: розовая чайка, белый журавль-стерх, белый гусь, канадский журавль, гагара. В таежной зоне насчитывается свыше 200 видов птиц, из них около 25 видов зимуют [Воробьев, 1963; Соломонов, 1975].

Несмотря на суровый климат, территория Якутии уже с нижнего палеолита была заселена человеком. Таежная и тундровые зоны, изобилующие разнообразными видами промысловых зверей, а также богатые рыбой водоемы создавали объективные предпосылки для расселения в этом районе Сибири древних охотников и рыболовов. Природные факторы во многом определили расселение и хозяйственную деятельность древних обитателей Якутии.

ГЛАВА III ОПОРНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

В разделах 1 - 3 данной главы излагаются материалы ранее неопубликованных или опубликованных частично археологических памятников неолита с четкой стратиграфией, открытых в 1972 - 1992 гг. экспедицией Якутского государственного университета, возглавлявшейся автором. Рассматриваемые памятники расположены преимущественно в бассейне Олёкмы, крупного правого притока Лены (см. рис. 1). По мере необходимости изучаются также стоянки*, расположенные в иных регионах Якутии. В данной главе не приводятся материалы писанин, поскольку они опубликованы в хорошо изданных альбомах, а также в монографиях и статьях.

1. Памятники раннего неолита

Многослойные стоянки с четкой стратиграфией были открыты ПАЭ под руководством Ю.А. Мочанова в бассейне Алдана. Наиболее ярким памятником является Белькачи I, культурные слои (VI и VII) которой содержат остатки раннего неолита. Именно эти материалы послужили основой для выделения сылахской раннеолитической культуры Северо-Восточной Азии [Мочанов, 1969]. На Алдане ПАЭ открыта и исследована еще одна очень интересная многослойная стоянка - Сумнагин I. В ее культурных слоях (XVI - XI) обнаружены выразительные изделия раннего неолита. Десять радиоуглеродных дат, определяющих время этих горизонтов, стали основополагающими для определения абсолютного возраста сылахской культуры. Материалы слоев XVI - XI Сумнагина I опубликованы пока частично [Мочанов и др., 1983], но автор получил возможность детально ознакомиться с ними в лаборатории археологии и палеоэкологии человека ЯНЦ СО РАН**.

Представления о сылахской культуре существенно дополняют материалы многослойных стоянок Тенсик II (слой III), Курунг II (слой IV, Большая Кюскэ (слой VI), Усть-Токко I (слой V). Названные памятники вместе с многослойными стоянками Алдана

и Лены стали опорными в изучении эпохи раннего неолита Якутии. Подробному их описанию и посвящен первый раздел главы, ибо после выхода в свет монографии Ю.А. Мочанова [1969] ранний неолит Якутии рассматривался только в двух публикациях [Алексеев, 1987; Аргунов, 1990]. Малочисленность изданий, в которых рассматриваются проблемы раннего неолита Якутии, объясняется тем, что памятников этого времени очень мало.

Многослойная стоянка Тенсик II

Стоянка открыта в 1975 г. автором на левом приустьевом мысу речки Тенсик, впадающей в Олёкму слева на 331 км от устья (см. рис. 1). В 1977 - 1979 гг. исследование памятника осуществлял Н.Д. Архипов. Он раскопал участок общей площадью в 196 м², но выделить слой раннего неолита Н.Д. Архипову не удалось. Это объясняется, видимо, тем, что исследователь практиковал тогда раскопки стоянок по условным культурным горизонтам - "на штык лопаты". Чисто типологический анализ находок позволил ему выделить два одновременных пласта [1978, с. 206]. Находки из верхнего культурного горизонта Н.Д. Архипов датировал средним неолитом, а вопрос о времени нижнего слоя оставил открытым из-за отсутствия в коллекции ярких индикаторных артефактов.

В 1982 и 1986 гг. стоянка исследовалась автором, был вскрыт участок на площади 30 м². Культурные остатки оказались приуроченными к отложениям 12-метровой надпойменной террасы Олёкмы. В ходе работ удалось выявить четыре культурных слоя, четко отделенных один от другого стерильными прослойками. Остатки раннего неолита оказались приуроченными к культурному слою III, который был связан с темно-красной супесью и находился на глубине 45 - 55 см от дневной поверхности. Толщина слоя составляла 5 - 7 см. Над слоем III залегали слои II и I. Они содержали культурные остатки соответственно среднего и позднего неолита. В слое залегали изделия сумнагинской мезолитической культуры*. Слой III отделялся от вышележащего слоя II прослойкой песка мощностью 7 - 10 см, не имеющей находок а от подстилающего слоя IV - такой же прослойкой мощностью 7 - 15 см (табл. 1, 1).

* В данной работе применительно к каменному веку и эпохе палеометаллов мы используем понятия "стоянка" и "поселение" как равнозначные.

** Приношу за это благодарность руководителю ПАЭ Ю.А. Мочанову и С.А. Федосеевой.

* Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева называют эту культуру сумнагинской культурой позднего палеолита.

Коллекцию находок из культурного слоя III составляют 233 отщепа, 1 нуклеус, 78 пластин, 16 каменных орудий и 8 фрагментов керамики.

Все отщепы кремневые. Представлены крупные отщепы (38 экз.), средние (68 экз.) и мелкие (125 экз.)*. Нуклеус представлен обломком верхней части. Типологически он, вероятно, относится к подпризматическим вариантам (табл. 2, 16).

Пластины подразделяются на ножевидные (71 экз.) и ребристые (7 экз.). Найдены четыре микропластины. Представлены 5 целых пластин, 19 сломанных в верхней части, 21 - в нижней, 33 - в верхней и нижней. В длину пластины достигают от 0,5 до 6,3 см, в ширину - от 0,3 до 1,4 см.

Пять концевых скребков изготовлено из отщепов. Один из них овальной формы. Спинка и брюшко его частично подретушированы (табл. 2, 13). Форма остальных четырех скребков определялась конфигурацией заготовок - отщепов. Отжимной ретушью со спинки оформлялись лишь прямые или скошенные лезвия, расположенные на дистальном конце (табл. 2, 8, 15). Из двух ножей один листовидной формы с овальной базой, обе широкие плоскости его тщательно обработаны выстругивающей ретушью (табл. 2, 14). Второй нож асимметрично-треугольной формы. Основание его прямое, спинка обработана сплошной выстругивающей ретушью. Скупая ретушь с брюшка прослеживается только вдоль рабочего лезвия.

Лезвия четырех подпрямоугольных вкладышей образованы односторонней отжимной ретушью с брюшка по одному краю пластин (табл. 2, 2, 11). Два угловых резца выполнены из обломков пластин. Рабочие лезвия их образованы углом слома пластины и резцовым сколом по краю (табл. 2, 3, 4). Из отщепа листовидной формы изготовлена проколка, рабочее острие которой подправлено отжимной краевой ретушью, направленной со спинки (табл. 2, 10). Наконечник стрелы сделан из пластины, обработанной ретушью по краям с двух сторон. Нижняя часть наконечника сломана (табл. 2, 7). Представлено уникальное изделие из ножевидной пластины, на краю которой выемка оформлена ретушью с брюшка. Функциональное назначение этого инструмента не ясно (табл. 2, 1).

С внешней стороны все фрагменты средних частей сосудов, обнаруженные в слое III, покрыты отпечатками сетки-плетенки (табл. 3, 12). Обжиг глины средний. Тесто содержит примесь песка и гравия. Фрагменты сетчатой керамики и характерные особенности каменного инвентаря (в частности, в кол-

лекции есть обломок пластинчатого наконечника стрелы) позволяют датировать культурный слой III стоянки Тенсик II ранним неолитом. Керамика с отпечатками сетки-плетенки и пластинчатый наконечник стрелы имеют аналоги в инвентаре ранне-неолитических слоев ряда многослойных стоянок Якутии [Окладников, 1955а, с. 79; Мочанов, 1969, с. 162 - 163, табл. 16, 18, 19; Аргунов, 1990, с. 59, рис. 26]. Не противоречит датировке слоя ранним неолитом и остальная инвентарь слоя III.

Многослойная стоянка Курунг II

Памятник открыт в 1975 г. автором и И.Е. Зыковым на левом берегу Олёмки, в 130 - 140 м к юго-западу от устья речки Курунг, впадающей в Олёмку в 297 км от устья (см. рис. 1). Стоянка расположена на мысовидном уступе первой (?) надпойменной террасы Олёмки, высота которой в месте раскопа составляла 14,5 м. Местонахождение исследовалось автором в 1975, 1976, 1978 - 1981 гг. Площадь раскопа всех лет составила 400 м². На стоянке вскрыто шесть культурных слоев. Остатки раннего неолита обнаружены в культурном слое IV, который представляет собой гумусированную супесь мощностью 2 - 3 м. Горизонт этот залегал на глубине 50 - 60 см от дневной поверхности. Над слоем IV располагался слой III с остатками среднего неолита, а под слоем IV - слой V с предметами сумнагинской мезолитической культуры. Между слоями III и IV лишь изредка прослеживались тонкие (до 1 см) стерильные линзы песка. От нижележащего слоя V слой IV отделялся прослойкой стерильного песка мощностью 15 - 20 см (см. табл. 1, 2).

Культурный слой IV был вскрыт только в юго-западной части раскопа на участке площадью 21 м. Очевидно, раскопками вскрыта пока окраина ранне-неолитической стоянки. На территории ее изученной части найдены 1 крупный, 3 средних и 21 мелкий отщеп. На боковом сколе с нуклеуса прослеживаются фасетки краевой отжимной ретуши (см. табл. 3, 7). Пластинчатый наконечник стрелы с краевой ретушью представлен обломком (табл. 4, 15). Из ножевидной пластины изготовлен угловой резец, рабочее лезвие которого образовано углом слома пластины и сколом, направленным вдоль ее края (см. табл. 3, 11).

В слое залегало 30 фрагментов керамики с сетчатыми отпечатками на внешней стороне. Цвет черепков снаружи - кирпичный, иногда серый, внутри - кирпичный, в изломе - черный или серый. Толщина стенок фрагментов 0,5 - 0,6 см. Часть черепков апплицируется. Найден фрагмент венчика, орнаментированный сквозными округлыми отверстиями, расположенными в один ряд на расстоянии 1 см друг от друга. Под отверстиями размещается ряд параллельных, сгруппированных по три косых насечек. Длина насечек 1,8 см. На рас-

* При классификации отщепов использовалась метрическая шкала деления их по размерам, согласно которой к мелким относятся отщепы, не превышающие в ширину 3 см, к средним - достигающие 3 - 5 см. К микропластинам отнесены экземпляры, ширина которых не превышала 0,4 см.

стоянии 3,5 см от бортика располагается острорезберный валик, рассеченный глубокими поперечными вдавлениями, которые группируются по пять-шесть в ряд.

Описанная керамика в наибольшей степени сходна с керамикой из раннеолитического слоя VII Белькачи I [Мочанов, 1969, табл. 18, 15; 20, 2]. Кроме сетчатого, чисто технического орнамента, их сближает наличие сквозных отверстий и рассеченных острорезберных валиков. Вместе с тем олекминский сосуд отличается от алданских орнаментом в виде прочерченных параллельных косых насечек. Более отдаленное сходство (отпечатки сетки-плетенки, горизонтальный ряд сквозных округлых отверстий, опоясывающий сосуд) керамика со стоянки Курунг II имеет с древнейшей исаковской керамикой из Прибайкалья [Окладников, 1950, с. 167 - 168, рис. 19 - 23]. Изделия, полностью идентичные сосуду со стоянки Курунг II, более нигде в Якутии не обнаружены. Нет прямых аналогов этой керамике и в сопредельных регионах Сибири.

Отмеченные параллели и ясное стратиграфическое положение слоя, подстилающегося мезолитическим горизонтом и перекрытого пластом с находками среднего неолита, свидетельствуют о безусловной принадлежности описанной керамики к раннему неолиту.

Многослойная стоянка Большая Кюскэ

Памятник открыт в 1975 г. автором и И.Е. Зыковым на левом берегу Олекмы, в 207 км от устья (см. рис. 1). Стоянка находится на правом, возвышающемся на 10,3 м приустьевом мысу речки Бол. Кюскэ, что по гипсометрическим показателям соответствует уровню высокой поймы Олёкмы. Приустьевый мыс относится к первой надпойменной террасе. Такой вывод подтверждается составом покрывающей мыс растительности, отличной от той, что имеется на пойменной террасе. Существенны и различия в почвенном покрове: в отличие от пойменных слоистых аллювиально-болотных почв на мысу представлены развитые зональные почвы подзолистого типа, характерные для надпойменных террас [Поздняков, 1955; Щербаков, 1964].

Стоянка исследовалась автором в 1975, 1976, 1978 - 1981 гг. Общая площадь раскопов составила 160 м². Вскрыто шесть культурных слоев. Остатки раннего неолита обнаружены в самом нижнем (VI) культурном слое, залегающем на глубине 85 - 90 см от дневной поверхности. Слой представляет собой 3 - 4-сантиметровую золистую горелую прослойку. Над слоем VI залегал слой V с остатками среднего неолита. Эти слои отделены друг от друга 2 - 3-сантиметровой стерильной прослойкой песка (см. табл. 1, 3). В культурном слое VI найдены 314 отщепов, 91 пластина, 16 каменных орудий и 23 мелких фрагментов керамики.

Все отщепы кремневые, из них 16 крупных, 138 средних, 160 мелких. Пластин представлено 84 ножевидных и 7 ребристых, 2 целые, 12 сломанных в верхней части, 31 - в нижней, 39 - в верхней и нижней.

В слое обнаружено четыре двусторонне обработанных ножа. У ножа листовидной формы уплощающая ретушь покрывает обе широкие поверхности. Лезвия изделия подправлены вторичной краевой ретушью (см. табл. 4, 21). У двух подтреугольных ножей с прямыми основаниями широкие поверхности тоже обработаны ретушью. Лезвия их приурочены к одному краю (табл. 5, 19). Четвертый экземпляр ножа ассиметрично-подтреугольный (табл. 6, 23). В коллекции имеется также заготовка ножа, в качестве которой использован первичный отщеп (см. табл. 5, 20).

Два из трех скребков с овально-выпуклыми лезвиями изготовлены из отщепов с тщательно ретушированными спинками. Третий скребок выполнен из пластины. Овально-выпуклое рабочее лезвие его оформлено отжимной ретушью, направленной с брюшка на спинку. В коллекции имеются также три двусторонне ретушированных подпрямоугольных вкладыша и обломок отщепа с краевой ретушью.

На внешней поверхности 19 фрагментов керамики четко прослеживаются отпечатки плотной сетки-пленки (см. табл. 5, 9). Снаружи, изнутри и в изломе они серые. Толщина стенок черепков 0,4 см. Сохранность четырех фрагментов очень плохая.

Большая Кюскэ - многослойный памятник, в котором выявлены четко залегающие культурные слои различных эпох. По стратиграфическим соображениям и наличию среди находок фрагментов сетчатой керамики культурный слой VI стоянки следует отнести к эпохе раннего неолита.

2. Памятники среднего неолита

В этой части главы описываются стратиграфия и инвентарь культурных слоев стоянок Тенсик II, Курунг II, Новый Летен I, Большая Кюскэ I и одиночного погребения Малая Джикимда, которые датируются средним неолитом. Список поселений Олёкмы с четкой стратиграфией не ограничивается перечисленными памятниками, однако представляется, что и они дают достаточно объемную информацию о характерном для среднего неолита Якутии инвентаре.

Многослойная стоянка Тенсик II

Остатки среднего неолита на этом памятнике обнаружены в культурном слое II, залегающем на глубине 40 - 45 см от дневной поверхности. Горизонт с находками, достигающий толщины 15 - 20 см, представляет собой светло-красную супесь. От нижнего (III) слоя с изделиями раннего неолита супесь отделена стерильной прослойкой песка мощ-

ностью 7 - 10 см. Над слоем II залегал слой I, в котором найдены изделия позднего неолита (см. табл. 1, 1).

В культурном слое II найдены 618 отщепов, 12 осколков кремня, 4 нуклеуса, 291 пластина, 27 каменных орудий, 6 заготовок орудий, 63 фрагмента керамики.

Отщепы изготовлены преимущественно из кремня - 590 экз., 28 экз. - из других пород. По размерам отщепы подразделяются на крупные (86 экз.) средние (187 экз.) и мелкие (339 экз.). Выявлено шесть чешуек ретуши.

Найдено два целых конических нуклеуса (см. табл. 6, 26). Два обломка нуклеуса представляют собой верхние части изделий (см. табл. 6, 31).

Все пластины кремневые. Они подразделяются на ножевидные (271 экз.) и ребристые (10 экз.). Среди ножевидных пластин выделена 21 микропластина. Обнаружены 6 целых пластин, 64 сломанные в верхней части, 82 - в нижней, 139 - в верхней и нижней. Длина пластин от 0,7 до 6,7 см, ширина от 0,3 до 2,1 см (см. табл. 6, 8, 10, 18).

Представлено четыре - один из них изготовлен из отщепа, три - из пластин. Рабочие лезвия скребков овально-выпуклые, шириной 1,2 - 1,9 см.

Среди наконечников один целый, четыре обломка и две заготовки. Целый наконечник удлиненно-треугольной формы с выемчатым основанием (см. табл. 6, 16). Обломки представляют собой части удлиненно-треугольных наконечников, широкие поверхности которых обработаны с двух сторон (см. табл. 6, 12, 13, 20). Заготовка наконечника стрелы сделана из пластины (см. табл. 6, 11).

Угловые резцы изготовлены из пластин, четыре имеют по одному резцовому лезвию (см. табл. 6, 5, 7, 14, 15) и один - два резцовых лезвия (см. табл. 6, 6). Вкладыши двух разновидностей: 1 экз. тщательно обработан двусторонней выстругивающей ретушью (см. табл. 6, 23), остальные 10 экз. изготовлены из ножевидных пластин. Лезвия их подправлены односторонней ретушью со спинки или брюшка (см. табл. 6, 1, 3, 4, 17, 19).

Заготовки орудий относятся, вероятно, к подтреугольным ножам (?) - 4 экз. (см. табл. 6, 32, 35), и скребкам - 2 экз. (см. табл. 6, 2).

Все фрагменты керамики, представляющие собой только лишь средние части сосудов, покрыты с внешней стороны шнуровыми отпечатками (см. табл. 6, 21, 22, 29).

Культурный слой II, судя по фрагментам керамики, датируется средним неолитом (III тыс. до н.э.). Не противоречит такой датировке и каменный инвентарь.

Многослойная стоянка Курунг II

Культурные остатки среднего неолита обнаружены в слое III стоянки Курунг II, залегающем на глубине 50 - 55 см от дневной поверхности. Слой с на-

ходками представляет собой желтую супесь толщиной 10 - 15 см. Над слоем III располагается слой II, содержащий изделия позднего неолита. Слои отделены друг от друга 1 - 3-сантиметровой стерильной прослойкой песка. Под слоем III залегал слой IV с остатками раннего неолита (см. табл. 1, 2).

В культурном слое III обнаружено два очага. Один из них, овальной формы, обнаружен в кв. К 12. Размер его 64 x 123 см. Второй очаг размещался в пределах кв. В 14. Очаги представляли собой кострища, в центре которых находился обгоревший алеврит красно-коричневого цвета. Западины заполнены древесным углем и золой (толщина их прослоек 2 - 3 см).

В раскопе выявлены скопления отщепов и пластин, пятна рассредоточения которых ориентированы длинной осью на северо-восток. В скоплении, зафиксированном в кв. Д 3, находилось 208 отщепов. Размеры скопления 54x31 см. В кв. Д 10 найден 191 отщеп. Размеры этого скопления 52x23 см. В кв. В 5 собрано 235 отщепов. Они находились на площадке размерами 61x27 см. В кв. В 7 на участке размерами 61x27 см обнаружено 127 отщепов. В кв. В 11 на площади 69x31 см концентрировались пластины (121 экз.).

Инвентарь слоя III насчитывает 4482 единицы: 3568 отщепов, 7 осколков кремня, 46 нуклеусов из заготовок и обломков, 693 пластины, 64 орудия, 11 заготовок и обломков орудий, 93 фрагмента керамики.

Обнаружены 3493 отщепа из кремня, 75 - из других пород. Крупных отщепов - 194, средних - 1133, мелких - 223, чешуек ретуши - 2.

Представлены 21 целый нуклеус. 4 призматических одноплощадочных (табл. 7, 4), 4 призматических двуплощадочных (табл. 7, 14), 7 конических (см. табл. 4, 23, 25; 7, 7, 10; 8, 16) и 6 карандашевидных (см. табл. 4, 22; 8, 12, 13). Заготовки нуклеусов (19 экз.) различаются по степени подготовки и по форме. Интересно, что одна из заготовок использовалась, судя по характеру подправки, в качестве скребка (см. табл. 8, 6), нуклеусы (6 экз.) представлены средней и верхней частями (см. табл. 8, 6; 7, 11).

Все пластины кремневые. Они включают ножевидные (641 экз.) и ребристые (52 экз.). Обнаружены 67 целых пластин, 164 сломанных в верхней части, 195 - в нижней, 267 - в верхней и нижней. Длина пластин 0,5 - 7,6 см, ширина 0,5 - 1,4 см.

Скребки по форме и оформлению рабочего лезвия разделяются на четыре типа. К подтреугольным относится восемь скребков. Они изготовлены из отщепов. Их спинки ретушированы, а брюшко ретушировалось частично или полностью (см. табл. 5, 12; 8, 12). Еще два скребка по технике изготовления идентичны описанным, но по форме их следует отнести к скребкам овального типа (см. табл. 4, 11). Представлено восемь концевых скребков из отщепов разной конфигурации. У них отжимной ретушью со

спинки оформлены только рабочие лезвия (см. табл. 4, 17, 19; 7, 1, 2; 8, 5, 17). Семь скребков изготовлено из пластин. Их рабочие лезвия оформлены на концах пластин односторонней отжимной ретушью, направленной с брюшка на спину (см. табл. 4, 14, 20, 21, 24; 8, 3; 9, 9). Скребковое лезвие имеется и у комбинированного орудия, изготовленного из отщепа. Один выступающий острый конец его дополнительно приострен мелкой ретушью и, вероятно, использовался в качестве проколки (см. табл. 8, 4).

Среди ножей наиболее типологически выразительны усеченно-овальные (3 экз.; см. табл. 9, 4) и полулунный (1 экз.; см. табл. 7, 3). Унифасиальный нож примечателен овально-выпуклым рабочим лезвием. Одна его широкая сторона обработана струйчатой ретушью (см. табл. 8, 14). Все три заготовки ножей относятся к ассиметрично-треугольному типу. Широкие стороны их покрыты уплощающими сколами и частично ретушированы по длинному краю (см. табл. 4, 26; 8, 9; 9, 1).

Наконечники стрел представлены одним целым экземпляром, двумя обломками средней части и шестью фрагментами основания. Целый наконечник стрелы удлиненно-треугольной формы, с выемчатым основанием (см. табл. 7, 15). Все обломки наконечников тщательно обработаны с двух сторон диагональной (косоструйчатой) ретушью. Основания их скошенные (см. табл. 4, 7, 13), прямые (см. табл. 4, 8, 9) и выемчатые (см. табл. 4, 1, 2).

Широкие стороны трех двусторонне ретушированных подпрямоугольных вкладышей тщательно обработаны отжимной ретушью (см. табл. 7, 9; 9, 8). Из 12 резцов 2 многофасеточные (резцы-дрили). Резцовые сколы, сходясь в одной точке, образуют острый рабочий конец (см. табл. 4, 18). Остальные 10 экз. относятся к угловым резцам, изготовленным из пластин. Они подразделяются на угловые с одним резцовым лезвием (7 экз.; см. табл. 4, 6; 8, 8; 9, 5) и с двойным лезвием (3 экз.; см. табл. 4, 3, 5).

В коллекции имеются три проколки (см. табл. 4, 4, 15; 8, 5) и пять тесел. Среди последних два трапециевидных (см. табл. 7, 6; 9, 3), два овальных (см. табл. 7, 16) и одноступенчатое (см. табл. 7, 16, 13). Одно шлифованное тесло представлено лишь обломком (см. табл. 9, 6). К рубящим орудиям относится также топор, изготовленный из массивной кварцовой гальки. Боковые грани изделия приострены. Оно сужено у обушка и расширяется к овально-выпуклому рабочему лезвию с отчетливыми следами сработанности (табл. 10, 4). Из подтрапециевидного блока кремня изготовлено скребло, рабочие лезвия которого расположены по периметру (см. табл. 9, 10). Из черной гальки с протертым для удобства крепления желобком изготовлено грузило (?). Интересно отметить, что галька, судя по следам сработанности на концах, служила также отбойником (см. табл. 10, 2). Вероятно, в качестве грузила или молота использовалось другое орудие, более симметричное по очер-

таниям (см. табл. 10, 1). На обоих его концах видны следы смятости и забитости.

Из массивной гальки желтоватого цвета изготовлено орудие неизвестного назначения. Его рабочее лезвие с двух сторон оформлено несколькими крупными сколами (см. табл. 10, 5). Одно орудие с зашлифованным лезвием изготовлено из сланца (см. табл. 7, 5). Это лезвие, возможно, вставлялось в найденную здесь же костяную рукоятку (см. табл. 10, 3). В качестве абразива использовалась плитка мелкозернистого песчаника. На поверхности ее заметны следы сработанности (глубокие царапины).

На внешней стороне 93 фрагментов керамики видны отпечатки крученого шнура (см. табл. 7, 12). Цвет черепков снаружи, в изломе и внутри светло-бурый (в изломе иногда красно-черный). Тесто хорошо обожжено и содержит примесь глины, песка и гравия. Толщина стенок 0,4 - 0,5 см. Судя по венчикам, на стоянке использовались сосуды четырех типов. Венчик одного сосуда украшен рядом сквозных округлых отверстий, расположенных на расстоянии 0,5 см друг от друга. Прямой бортик орнаментирован параллельными косыми насечками (см. табл. 8, 2). Венчик второго сосуда также украшен рядом сквозных, более крупных, чем на первом, отверстий, удаленных друг от друга на 1 см. Прямой бортик орнаментирован косыми насечками (см. табл. 8, 7). На третьем сосуде округлые отверстия размещаются на расстоянии 2,5 см друг от друга (см. табл. 8, 11). Венчик четвертого сосуда слегка вогнут. Прямой бортик украшен косыми параллельными отпечатками зубчатого штампа. Отпечатки распространяются и на верхний край утолщенного налетом венчика. На налете венчика оттиснуты три зигзагообразные линии зубчатого штампа (см. табл. 9, 2).

По типологии изделий и стратиграфическому положению культурный слой III стоянки Курунг II датируется средним неолитом.

Многослойная стоянка Новый Летен I

Памятник открыт в 1970 г. Н.Д. Архиповым на левом берегу Олёкмы. Расположен он на правом приустьевом мысу речки Новый Летен, впадающей в Олёкму слева в 281 км от устья (см. рис. 9). В 1970 - 1972 гг. стоянку исследовал Н.Д. Архипов (площадь раскопа 84 м².) в 1974 - 1975 гг. - автор (площадь раскопа 63 м²). Культурные остатки располагались в отложениях 14-метровой цокольной второй надпойменной террасы. В 1970 - 1972 гг. Н.Д. Архипов раскапывал стоянку не по отдельным геологически определенным горизонтам, а по условным "слоям" ("на штык лопаты"). Применение несовершенной методики обусловило механическое смешение Н.Д. Архиповым материалов двух, а порой и трех различных эпох. Соответственно и инвентарь расчленялся им не стратиграфически, как следовало бы

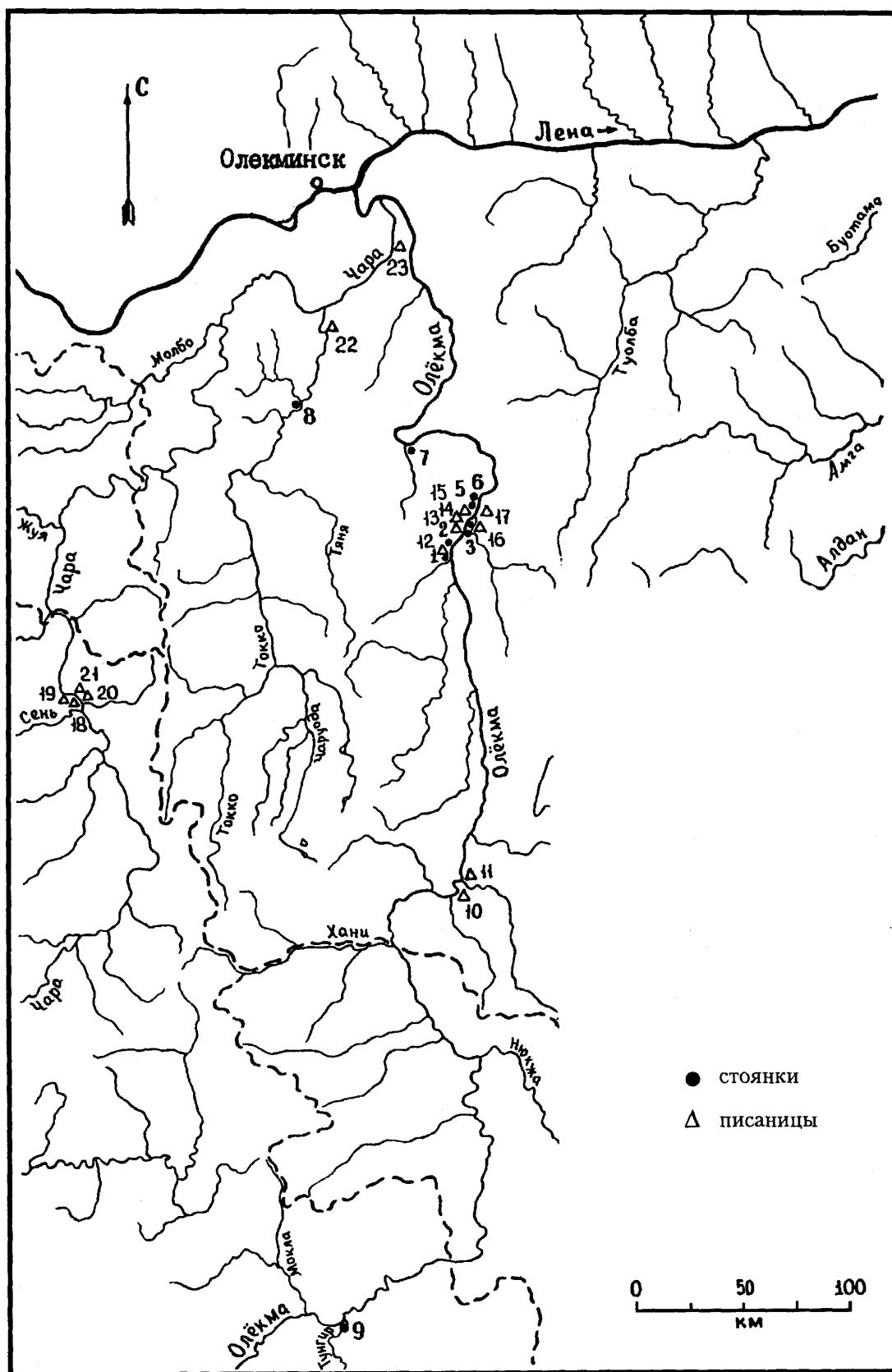

Рис. 9. Карта-схема расположения опорных неолитических стоянок бассейна Олёкмы.

1 - Тендик II, 2 - Курунг II, 3 - Баасынай I, 4 - Крестях II, 5 - Новый Летен, 6 - Малая Джикимда, 7 - Большая Кюскэ, 8 - Улахан Сегеленнях, 9 - Усть-Тунгир, 10 - Тунгурчакан, 11 - Тунгурча, 12 - Курунг, 13 - Баасынай I, II, 14 - Ыртыки, 15 - Крестях II, 16 - Крестях I, 17 - Крестях III, 18 - Сень, 19 - Ималык I, 20 - Ималык II, 22 - Токко, 23 - Усть-Чара.

делать, а типологически. Все это объясняет причину хронологического разнообразия при датировке памятника Н.Д. Архиповым. В ходе раскопок стоянки автором удалось выявить четыре обособленных культурных слоя.

Остатки среднего неолита зафиксированы в культурном слое II, залегающем на глубине 35 - 43 см от дневной поверхности. Находки обнаружены в серой супеси, толщина слоя которой составляла 15 - 30 см. Над слоем II залегал слой I, содержащий изделия позднего неолита. Под слоем II находился слой III, в котором обнаружены мезолитические предметы (см. рис. 10, 4). В культурном слое II выявлено скопление отщепов и пластин. Пятно их рассредоточения было вытянуто по линии запад - восток (кв. Б 7 - В 7). Размеры пятна 56х23 см. В скоплении находились 85 крупных отщепов, 200 средних, 420 мелких, 30 чешуек ретуши и 70 пластин.

Коллекция из слоя II включает всего 1185 находок: 1136 отщепов, 8 осколков кремня, 5 нуклеусов, 72 пластины, 26 орудий, 2 обломка орудий и 8 фрагментов керамики.

Представлено 1102 отщепов из кремня и 34 - из других пород. Имеются отщепы крупные (152 экз.), средние (463 экз.), мелкие (504 экз.), чешуйки ретуши (17 экз.) осколки кремня (8 экз.).

Два из пяти нуклеусов призматические одноплощадочные и три конические (табл. 11, 15 - 17, 19).

Пластины изготавливались из кремня (63 экз.), а также из других пород (9 экз.). Насчитывается всего 11 целых пластин, 17 сломанных в верхней части, 14 - в нижней, 30 - в верхней и нижней. Длина пластин 0,7 - 13,2 см, ширина 0,6 - 1,4 см. На трех пластинах имеются отчетливые следы сработанности.

Два скребка из отщепов примечательны овально-выпуклыми рабочими лезвиями (табл. 11, 5). Один из трех ножей подпрямоугольной формы. Широкие стороны его тщательно выструганы, а рабочие лезвия подправлены ретушью по периметру. Два других ножа приостренно-овальные, по форме близкие к листовидным. База их прямая. Обломок двусторонне обработанного ножа представляет собой, вероятно, часть подтреугольного по очертаниям инструмента (табл. 11, 4). В качестве скребущих или режущих орудий использовались, надо полагать, отщепы с ретушью (3 экз.; табл. 11, 20, 22, 25).

В коллекции четыре целых наконечника и фрагмент средней части (табл. 11, 10). Целые наконечники стрел удлинненно-треугольной формы, два с прямым основанием и два со скошенным.

Вкладыши (7 экз.) изготавливали из средней части ножевидных пластин. Рабочие лезвия их оформлялись двусторонней ретушью по двум краям пластины (2 экз.), односторонней ретушью по одному краю (3 экз.) и двусторонней ретушью - по одному краю пластины (2 экз.; табл. 11, 2).

Три из пяти резцов угловые, с одним лезвием на краю пластин (табл. 11, 7) и два фасеточные (табл.

11, 6, 8). Единственная проковка была изготовлена из ножевидной пластины. Рабочее острие ее оформлено односторонней краевой ретушью. В качестве отбойника использовалась овальная галька. На обоих концах ее видны следы сработанности.

В слое II обнаружено восемь фрагментов керамики с отпечатками шнура на внешней поверхности. Цвет черепков снаружи и внутри серый, в изломе черный или серый. Толщина фрагментов 0,5 - 0,7 см.

По типологии каменного инвентаря слой II датируется средним неолитом. Это четко подтверждает керамика.

Многослойная стоянка Большая Кюскэ

Памятник открыт в 1975 г. автором и И.Е. Зыковым на левом берегу Олёкмы, в 207 км от устья (см. рис. 9). Предметы среднего неолита обнаружены в культурных слоях IV и V. Над слоем IV залежали слои III - II (поздний неолит), а под слоем V - горизонт VI с находками раннего неолита. Слой V датирован по 14 С - 4800 ± 150 л.н. (ИМ - 458). Эта дата хорошо согласуется с радиоуглеродными датами стоянок среднего Алдана.

Культурный слой V стоянки Большая Кюскэ залегал на глубине 80 см от дневной поверхности (см. табл. 1, 3). Он представляет собой гумусированную прослойку толщиной 5 - 6 см. Находки в нем сконцентрировались преимущественно в южной и юго-западной частях раскопа, а также около очажного пятна, выявленного в квадратах В 8 - 9 и Г 8 - 9. Очаг овальный, вытянутый с юга на север. Размеры его 168 х 86 см. Мощность заполнения (обильные вкрапления древесного угля) 9 см. В очаге найдены отщепы и фрагменты костей.

Коллекцию стоянки Большая Кюскэ составляют 1023 отщепов, 498 пластины, 2 целых и 2 обломка нуклеусов, 47 целых и обломков каменных орудий, 2 костяных орудия, 11 фрагментов керамики и 807 обломков необработанных костей.

Представлены 1005 отщепов из кремня и 18 - из других пород камня. Отщепы подразделяются на крупные (14 экз.), средние (78 экз.) и мелкие (931 экз.).

Найдены целые двуплощадочные, призматические нуклеусы (табл. 12, 30, 33) и средние части цилиндрических.

Пластины ножевидные (493 экз.) и ребристые (5 экз.) Представлены 49 целых пластин, 109 сломанных в верхней части, 154 - в нижней, 246 - в верхней и нижней. Пластин из кремня 477 экз., из других пород камня - 21. Следы сработанности (мелкие зазубрины и царапины по краям) отмечены на 34 ножевидных пластинах. Длина пластин 0,7 - 9,6 см, ширина 0,6 - 1,9 см.

Скребки (4 экз.) изготовлены из различных по размерам и форме отщепов. У двух скребков рабочие лезвия прямые, еще у двух - скошенные. Лезвие

единственного в коллекции резчика оформлено ретушью со спинки (табл. 12, 9).

Нож из пластины подпрямоугольной формы со всех сторон тщательно отшлифован. Возможно, этот инструмент использовался как лезвие составного орудия. В качестве орудий использовались три обломка изделий (табл. 12, 27, 31) и шесть отщепов, они обработаны краевой ретушью.

Целых наконечников стрел 2 экз., со сломанной нижней частью - 3 экз. (табл. 12, 17, 21). Имеются также обломок средней части (табл. 12, 16) и обломки основания (табл. 12, 23). Целые наконечники удлиненно-треугольной формы. Основания их прямые и выемчатые (табл. 12, 18, 28).

Вкладыши изготовлены из сечений ножевидных пластин (4 экз.). У двух из них один край обработан двусторонней краевой ретушью (табл. 12, 10, 13), а еще у двух оба края подправлены со спинки мельчайшей односторонней ретушью (табл. 12, 3).

Резцы (19 экз.) подразделяются на угловые из пластин (9 экз.; табл. 12, 1, 6, 8, 11, 12, 19, 22) и двойные угловые из пластин (9 экз.; табл. 12, 2, 4, 5, 7, 14, 15, 25, 29). Один резец изготовлен из обломка какого-то орудия. Угловые и средние резцовые лезвия у инструмента (табл. 12, 20).

Массивная плитка из мелкозернистого песчаника использовалась, судя по следам линейной затертости, для шлифовки. Размеры ее 6 x 19 x 24 см.

У массивного скребла, изготовленного из мелкозернистого камня, овально-выпуклое лезвие, которое обработано с двух сторон ступенчатыми сколами и подправлено дополнительной ретушью.

Костяные изделия представлены обломками шила из грифельной кости лося (см. табл. 5, 13) и плоской пластиной с двумя отверстиями на конце (см. табл. 5, 8). Оба предмета тщательно отшлифованы. Среди 807 фрагментов необработанных, преимущественно обожженных костей животных преобладают расколотые трубчатые кости.

На 8 из 11 фрагментов сосудов имеются отпечатки рубчатой лопаточки (так называемая штрихованная керамика). Цвет черепков снаружи и в изломе серый, внутри бурый. Толщина обломков 0,3 - 0,4 см (см. табл. 12, 32). На внешней стороне двух фрагментов видны отпечатки крученого шнура. Цвет их снаружи серый, в изломе и внутри черный. Толщина черепков 0,4 см. Пока не удалось определить, к какому типу керамики относится фрагмент венчика, орнаментированный пояском из округлых отверстий. Бортик его прямой, сглаженный, с внутренней стороны утолщен налепом (см. табл. 12, 24).

Стратиграфия и типология основного инвентаря позволяет отнести слой V к среднему неолиту, что подтверждается и радиоуглеродной датой (4800 ± 150 л. до н.э.). Впервые в неолитическом горизонте такого возраста удалось обнаружить керамику с отпечатками рубчатой лопаточки ("штрихованная" керамика). Такая разновидность керамики не харак-

терна для среднего неолита Якутии. Считается, что она появилась на территории Северо-Восточной Азии в позднем неолите (см. [Федосеева, 1980]).

Слой IV (гумусированный горизонт мощностью 3 - 7 см) залегал на глубине 50 см от дневной поверхности. От нижележащего слоя V он отделен стерильной прослойкой песка мощностью до 18 см, а от вышележащего слоя III - стерильной прослойкой мощностью 15 - 25 см (см. табл. 1, 3). Коллекцию из слоя IV составляют 1227 отщепов, 667 пластин, 4 нуклеуса, 16 каменных орудий, 8 костяных орудий, 14 фрагментов керамики и 59 обломков необработанных костей.

Среди отщепов 1146 экз. из кремня, 81 экз. - из других пород камня. По размерам они подразделяются на крупные, (25 экз.), средние (118 экз.), мелкие (1063 экз.) и чешуйки ретуши (23 экз.)

Два нуклеуса призматические одноплощадочные (табл. 13, 18) и еще один очень уплощенный, со скошенной овальной отжимной площадкой. Ножевидные пластины снимались со всех сторон, но на одной стороне сохранилась галечная корка - вверху заметны следы попыток сколоть пластины (табл. 13, 11).

Пластины ножевидные (578 экз.) и ребристые (89 экз.). Имеются 16 целых пластин, 103 сломанных в верхней части, 194 - в нижней, 364 - в верхней и нижней. У 18 изделий обнаружены следы сработанности. Пластин из кремня 635, из других пород - 32. Длина пластин 1,2 - 7,8 см, ширина 0,8 - 2,4 см (табл. 13, 1, 2).

У скребка из кремневого отщепа скошенное рабочее лезвие. Спинка орудия обработана ретушью. Единственная проколка изготовлена из двугранной ножевидной пластины. Рабочее острие инструмента обработано двусторонней мелкой ретушью (табл. 13, 14). Найден всего один угловой резец, изготовленный из трехгранной ножевидной пластины, один двуплощадочный, призматический (табл. 13, 16).

Два из шести наконечников стрел целые, от четырех сохранились лишь острия (табл. 13, 3, 5, 8). Целые наконечники по форме иволистные, нижняя база их округлая. Широкие плоскости наконечников тщательно отретушированы (табл. 13, 4). У трех подпрямоугольных вкладышей широкие стороны тщательно обработаны отжимной ретушью (табл. 13, 6, 9, 10), остальные изготовлены из ножевидных пластин, лезвия которых обработаны односторонней ретушью по одному краю.

Тесло сделано из кремневого желвака подпрямоугольной формы. Спинка его прямая, брюшко чуть выпуклое. Боковые грани инструмента приострены, обушок скошен к спине. Прямое рабочее лезвие изделия подправлено мелкой краевой ретушью (табл. 13, 17).

Коллекция шлифованных костяных орудий включает шилья, острие, основы вкладышевых ножей, отжимник и роговой посредник. Шилья (2 экз.) изготовлены из грифельной кости с сочлененной го-

ловкой. Рабочие концы их обломаны (табл. 13, 20). Заготовкой для острия послужила лучевая кость. По длинной оси орудие слегка изогнуто (табл. 13, 15). Четырехгранная основа для вкладышевого инструмента была изготовлена из окаменелой кости. По одному краю основы прорезан узкий (1,5 мм) неглубокий (1 мм) паз для вкладышей. Две другие основы выполнены из расколотых поперечно-трубчатых костей. У одной из них паз прослежен в виде намеченных тонких неглубоких царапин. Роговой посредник слегка изогнут в продольном профиле. На чуть суживающемся рабочем конце вырезано воронкообразное углубление (0,8 см). На противоположном конце имеется скошенная выемка, сделанная, вероятно, для удобства при использовании посредника (табл. 13, 19). Одно орудие было изготовлено из реберной кости (сохранился лишь его обломок; (табл. 13, 21). На остальных 59 фрагментах костей следы человеческой деятельности отсутствуют.

Керамика представлена 14 фрагментами. Внешняя поверхность черепков покрыта отпечатками крученого шнура (табл. 13, 12, 13). Утолщенный налетом венчик слегка вогнут. Прямой бортик украшен косыми параллельными отпечатками зубчатого штампа. По налету венчика нанесены три зигзагообразные линии зубчатого штампа (табл. 13, 7). Слой IV, в котором найдены эти фрагменты шнуровой керамики, датируются средним неолитом. Соответствует такой датировке и остальной инвентарь, а также стратиграфическое положение слоя.

На многослойной стоянке Большая Кюскэ впервые в Якутии удалось зафиксировать в четких стратиграфических условиях две стадии развития среднего неолита, представленные комплексами керамики с отпечатками рубчатой лопаточки (слой V) и обломками сосудов со шнуровым техническим орнаментом (слой IV).

Погребение Малая Джикимда

Открыто в 1973 г. В.И. Эртюковым при раскопках стоянки Малая Джикимда. Погребение и стоянка находятся на левом берегу Олёкмы, на террасе высотой 41,3 м, в 273 км от устья реки (см. рис. 9). На глубине 35 - 40 см вначале было обнаружено пятно красно-бурого цвета - контур могильной ямы. Пятно прорезало культурный слой стоянки и, как выяснилось позже, уходило вглубь материка на 86 см от дневной поверхности. Длина пятна 2,51 м, ширина 1,1 м. По цвету оно отличалось от прокаленной очажной почвы во втором горизонте стоянки, что и навело на мысль о возможном расположении здесь погребения. При последующем углублении в слой выявились контуры могильной ямы, в плане прямоугольной, с округлыми концами. Ко дну она в длину уменьшалась до 2,4, в ширину - до 1 м. Длинной осью яма ориентирована по линии северо-северо-восток - юго-юго-запад.

На дне ямы, на глубине 86 см от дневной поверхности, в материковом песке светло-желтого цвета находился погребенный. Он лежал на спине, в вытянутом положении, головой на северо-северо-восток, ногами к реке. Кости рук были согнуты в локтях, кисти покоились на тазовых костях. Череп плохой сохранности: переносица и темя не сохранились. Верхняя часть черепа оказалась смещенной в левую сторону. Фаланги рук, ног и кости голени сохранились плохо. Правая бедренная кость чуть сдвинулась. Инвентарь погребения, кости скелета (особенно череп) были густо окрашены красной охрой (табл. 14).

С правой стороны погребенного, между плечевой костью и ребрами, лежали друг на друге три карандашевидных нуклеуса из светло-серого кремня (табл. 15, 8, 11, 13), а рядом с ними, чуть ниже, - две речные гальки. У таза находилось шлифованное ступенчатое тесло из серого сланца, сломанное пополам. В поперечном сечении тесло прямоугольное, обушок прямой (табл. 16, 4). Справа от этого тесла лежало составное орудие с костяной основой и отшлифованным нефритовым лезвием-вставкой, которое крепилось в желобок основы и, судя по следам жгута, туго привязывалось. Судя по внешнему виду и предполагаемому назначению, орудие было аналогом лезвия из слоя III стоянки Курунг II (см. табл. 7, 5). Длина костяной основы 18,5 см, длина нефритового лезвия 9,6 см, ширина рабочего лезвия 3,3 см (см. табл. 16, 3). Там же обнаружено изделие сегментовидной формы неопределенного назначения (см. табл. 16, 1). Оно изготовлено из клыка кабана (?). У бедренной кости обнаружены кремневая проколка, резцы, ножевидные пластины и отщепы (см. табл. 15, 2, 4 - 7, 9, 10). Ниже, там, где должна была находиться голенная кость, лежало второе тесло. Орудие с обушком и выемкой на брюшке со всех сторон было тщательно отшлифовано. В поперечном сечении тесло квадратное, обушок скошен в сторону одной из граней (см. табл. 16, 2).

Слева от погребенного найден тщательно отшлифованный диск из белого нефрита с отверстием в центре и желобком по радиусу. Диаметр отверстия 0,9 см, диаметр диска 4 см (см. табл. 15, 12). Позже подобный диск был обнаружен внутри черепа при изучении его И.И. Гофманом (см. табл. 15, 14). На левой плечевой кости погребенного лежали отщеп и рядом с ним два скола. У бедренной кости погребенного найдено шесть отщепов. Ниже, упиравшись острым концом в тазовые кости, лежал костяной вкладышевый нож, в пазу которого было закреплено пять кремневых пластин, обработанных с брюшка односторонней ретушью (см. табл. 15, 15). У левой ноги в районе фаланг найдено две ножевидные пластины (см. табл. 15, 1, 3). Вокруг скелета, на некотором расстоянии от него, лежали речные гальки небольших размеров, также окрашенные охрой и, очевидно, составлявшие некую значительную часть

инвентаря. Погребальная яма прорезала культурный горизонт III стоянки Малая Джикимда и уходила в материк, из чего можно заключить, что захоронение было более позднее, чем горизонт III.

Для определения хронологической и культурной принадлежности наиболее важно сходство открытого в могиле инвентаря с материалами белькачинской культуры. Ближайшие аналоги шлифованным ступенчатым теслам, квадратным в поперечнике, пластинам-вкладышам с краевой ретушью на брюшке и нефритовому диску имеются среди находок из белькачинских слоев четко стратифицированных многослойных памятников Алдана и Олёкмы. Не выпадают из белькачинского комплекса и конусовидные нуклеусы, а также все остальные предметы, найденные в захоронении.

Что касается погребального ритуала, то оправданно сопоставить его с обрядом захоронений в Туой-Хаинском могильнике на Вилюе [Федосеева, 1968, с. 20 - 41]. Их объединяют следующие черты: грунтовые могильные ямы без каменных кладок, наличие угля в могильной яме, вытянутое на спине положение погребенного, ориентация ногами к реке, а также засыпка умершего охрой. Туой-Хаинский могильник С.А. Федосеева относит к среднему этапу неолита верхнего Вилюя и датирует III тыс. до н.э., что дополнительно подкрепляет правильность определения времени Джикимдинского погребения. Вместе с тем следует отметить, что оно, как и захоронение в Туой-Хаинском могильнике, обнаруживает близость к серовским погребениям в Прибайкалье, особенно тем, что открыты при раскопках Верхоленского могильника [Окладников, 1978].

3. Памятники позднего неолита

В капитальной монографии С.А. Федосеевой "Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии" (1980) в качестве основных опорных памятников позднего неолита Якутии представлены соответствующие горизонты многослойных стоянок Белькачи I, Сумнагин I, Усть-Тимптон, Чомполоо, Мурья III, Сиктях I, Таланда II, Туой-Хайя, Бурлугино, а также Чучур-Муранский могильник. Для времени, когда была издана книга, это были наиболее изученные объекты ымыяхтахской культуры. По объективным причинам ымыяхтахские горизонты многослойных стоянок Олёкмы не были в тот период детально описаны, а лишь упоминались в числе весьма перспективных для расширения представлений о культуре позднего неолита [Федосеева, 1980, с. 46, 210]. После выхода в свет монографии С.А. Федосеевой в бассейне Олёкмы и других регионах Якутии продолжались интенсивные исследования открытых ранее и новых ярких памятников ымыяхтахской культуры. Описанию наиболее информативных памятников позднего

неолита Олёкмы и посвящается очередной раздел монографии.

Многослойная стоянка Тенсик II

Остатки позднего неолита обнаружены в культурном слое I, 3 - 6-сантиметровом светло-сером гумусированном слое, залегающем на глубине 15 - 17 см от дневной поверхности. Инвентарь культурного слоя I представлен 83 отщепами, 24 пластинами, 2 орудиями, 5 заготовками орудий, 17 фрагментами керамики.

По размерам отщепы подразделяются на крупные (9 экз.), средние (32 экз.) и мелкие (42 экз.). Представлены 22 ножевидные и 2 ребристые пластины. Четыре пластины сломаны в верхней части, 8 - в нижней, 12 - в верхней и нижней.

Из двух скребков из отщепов один подтреугольный. Ретушью обработаны только их овально-выпуклые рабочие лезвия. Все пять заготовок орудий представлены экземплярами в первоначальной стадии оформления, и поэтому не поддаются определению (табл. 17, 7, 11).

Из 17 фрагментов керамики 12 с вафельными (шахматно-шашечными, ложнотекстильными) отпечатками на внешней поверхности (табл. 17, 6, 9)* и 5 гладкостенных (табл. 17, 14). Тесто части фрагментов керамики с вафельными отпечатками трехслойное, что легко установить при осмотре отслоившихся участков. Подобная технология характерна для керамики ымыяхтахской культуры Северо-Восточной Азии (см. [Федосеева, 1980]). Этот факт позволяет датировать слой I стоянки Тенсик II поздним неолитом и отнести памятник к ымыяхтахской культуре.

Многослойная стоянка Курунг II

Остатки позднего неолита обнаружены в культурном слое II, в красноватой супеси мощностью 15 - 24 см, залегающей на глубине 15 см от дневной поверхности. От нижележащего слоя III с изделиями среднего неолита и вышележащего слоя I с керамикой раннего железного века культурный слой отделен стерильными прослойками песка, толщиной соответственно 3 и 2 см (см. табл. 1, 2).

В культурном слое II, в квадратах Д 9, Д 8, К 5, В 6 - 7, В 8, В 9, Б 9, выявлены скопления отщепов, пластин и керамики. Участок концентрации в кв. Д 9 вытянут длинной осью по линии северо-восток - юго-запад. Его размеры 78 x 25 см. Скопление включало

* В археологической литературе керамика с ромбическими или квадратными оттисками-ячейками именуется по-разному: вафельная, шашечная, шахматно-шашечная, ложнотекстильная (псевдотекстильная), решетчатая, ромбическая. В данной монографии используется термин "вафельная керамика".

1053 отщепа. В кв. К 5 выявлены два скопления, участки которых ориентированы, как предыдущие. Первое скопление, находившееся на участке 40 x 26 см, состояло из 295 пластин, второе скопление, занимавшее территорию размерами 55 x 20 см - 455 отщепов. Участок скопления в кв. В 6 - 7 ориентирован длинной осью по линии запад - восток. Размеры площадки с находками 90 x 37 см. В пределах ее залегали 189 пластин и 839 отщепов. Скопление в кв. В 8 представляет собой участок размерами 49 x 21 см, ориентированный длинной осью по линии северо-восток - юго-запад. Его составляли 200 фрагментов керамики. Скопление в кв. В 9 находилось на площадке размерами 47 x 23 см, ориентированной длинной осью по линии северо-запад - юго-восток. Его составляли 54 пластины и 1526 отщепов. Скопление в кв. Б 9 занимало участок 68 x 32 см, состояло из 104 фрагментов керамики.

Инвентарь слоя II представлен 9924 отщепами, 12 осколками кремня, 12 нуклеусами и 5 их заготовками, 858 пластинами, 150 каменными орудиями, 20 заготовками и обломками орудий, 953 фрагментами керамики.

Представлены 9686 отщепов из кремня, 238 - из других пород. По размерам они разделяются на крупные (288 экз.) средние (2021 экз.) мелкие (7400 экз.) и чешуйки ретуши (215 экз.).

Нуклеусы в коллекции керамические (7 экз.), призматические одноплощадочные (3 экз.; см. табл. 16, 15; 18, 12) и призматические двуплощадочные (2 экз.; см. табл. 18, 11). Заготовки нуклеусов аморфные, невыразительные. Они представляют собой куски кремня, покрытые фасетками беспорядочно направленных сколов. Их отжимные площадки подправлены лишь предварительно.

Все пластины кремневые. Они подразделяются на ножевидные (780 экз.) и ребристые (78 экз.). Насчитываются 82 целые пластины, 151 сломанная в верхней части, 207 - в нижней, 418 - в верхней и нижней. Длина пластин 0,7 - 8,1 см, ширина 0,5 - 2 см (табл. 13, 4, 5; 19, 1). На 34 пластинах заметны следы сработанности (табл. 19, 5, 7).

Группу скребков составляют 12 целых изделий, 7 обломков и 2 заготовки. Скребки подразделяются на три типа. К типу I относятся 25 концевых скребков из отщепов с ретушированной спинкой и частично или полностью ретушированным брюшком. По форме они подпрямоугольные и трапециевидные (см. табл. 13, 2, 3, 6, 8, 12; 18, 1 - 6, 9; 20, 8, 16). Форма скребков типа II (33 экз.) определялась конфигурацией отщепов, из которых они были изготовлены. Отжимной ретушью со спинки оформлены лишь рабочие лезвия (см. табл. 13, 10; 19, 9, 23). К типу III относятся 14 скребков, изготовленных из пластин. Рабочие лезвия их оформлены на концах пластин односторонней отжимной ретушью, направленной с брюшка на спинку (см. табл. 19, 19). Обломки скребков (7 экз.), судя по обработанным спин-

кам, принадлежали, очевидно, к типу I (см. табл. 13, 1; 19, 10, 13). Возможно, в качестве скребков использовались 17 отщепов с краевой ретушью.

Ножи представлены 13 целыми изделиями, 3 обломками и 2 заготовками. По форме ножи подразделяются на подтреугольные (10 экз.), подпрямоугольные (2 экз.) и приостренно-овальные (1 экз.). У большинства их (12 экз.) широкие поверхности обработаны с двух сторон (см. табл. 18, 7, 14; 19, 22; 20, 25).

Целые наконечники стрел (10 экз.) подразделяются на два типа. Тип I (5 экз.) - плоские, равносторонне-треугольные, двусторонние, ретушированные, с прямым или выемчатым основанием (см. табл. 20, 2 - 4, 14). Тип II (5 экз.) - удлинненно-треугольные, с прямым или выемчатым основанием (см. табл. 20, 8 - 11, 13). Часть обломков наконечников стрел принадлежит, очевидно, типу II (см. табл. 20, 16, 18, 23, 24, 26). Остальные обломки неопределимы (см. табл. 20, 4а, 7, 15, 17).

Из 19 резцов 10 угловые на пластинах, 3 средние на отщепах, 4 многофасеточные (см. табл. 19, 11, 15, 17, 18, 20). Два резца изготовлены из обломков наконечников стрел (см. табл. 19, 6; 20, 1).

Из 14 вкладышей 6 двусторонние ретушированные, подпрямоугольные (см. табл. 20, 5, 6, 19, 27). Остальные - вкладыши из пластин. Лезвия их обработаны двусторонней ретушью по одному краю (см. табл. 19, 3).

Из черной плиточной породы камня изготовлено трапециевидное тесло. Одна широкая его сторона полностью обработана выстругивающей ретушью, другая частично сохранила галечную корку. Обушок скошен в сторону боковой грани (см. табл. 18, 8).

Четыре абразива из крупнозернистых песчаниковых плиток имеют следы сработанности в виде царапин и желобков (см. табл. 18, 19). У двух отбойников из галек на концах видны характерные следы сработанности (см. табл. 19, 24).

В коллекции имеются девять проколов, изготовленных из отщепов (см. табл. 19, 12), резчик на пластине и восемь пластин со скошенными, отретушированными со спинки концами (см. табл. 19, 1, 2, 4). Функциональное назначение последних неясно.

В слое найдены 55 фрагментов необработанных костей млекопитающих и 953 фрагмента керамики. Обломки сосудов подразделяются на 12 типов. Тип I - 264 фрагмента с квадратными (0,3 x 0,3 см) отпечатками "вафли". У прямых венчиков выпуклые бортики сглажены. В 1 см ниже бортика на расстоянии 0,8 - 0,9 см друг от друга имеются сквозные округлые отверстия. Толщина черепков 0,5 - 0,6 см (см. табл. 18, 22; 20, 1). Тип II - 59 фрагментов гладкостенной керамики с двумя рядами налипших остросереберных валиков. Толщина черепков 0,3 - 0,4 см (см. табл. 18, 24, 25). Тип III - 63 фрагмента керамики с двумя рядами налипших остросереберных валиков, под которыми прослеживаются мелкие прямо-

угольные (1 x 2 мм) отпечатки "вафли" (см. табл. 18, 15; 19, 21). Тип IV - 68 фрагментов керамики с мелкими (1 x 1 мм) отпечатки квадратной "вафли". Венчик скошен вовнутрь. Бортик сглаженный, выпуклый. В 1 см ниже бортика и на расстоянии 2 см друг от друга имеются сквозные округлые отверстия (см. табл. 18, 17). Тип V - 140 фрагментов керамики с отпечатками ромбической (3 x 6 мм) "вафли". Сглаженный бортик чуть скошен наружу. Венчик слегка вогнут внутрь и украшен рядом сквозных округлых отверстий (см. табл. 18, 21). Тип VI - 25 фрагментов керамики с мелкими (2 x 2 мм) квадратными отпечатками "вафли" и рядом остросереберных наlepных валиков. Прямые венчики опоясаны одним рядом сквозных округлых отверстий. Они размещаются в 1 см друг от друга и ниже бортика на 0,5 см (см. табл. 18, 16, 18; 19, 14). Тип VII - 47 фрагментов керамики с прямоугольными (2 x 4 мм) отпечатками "вафли" и рядом сквозных отверстий. Они отстоят друг от друга на 0,7 см (см. табл. 18, 20; 20, 22). Тип VIII - 143 фрагмента керамики с отпечатками крупной (4 x 8 мм) ромбической "вафли" (см. табл. 18, 23). Тип IX - 126 фрагментов керамики с рельефными отпечатками "вафли" (4 x 5 мм) со слегка вогнутым, непосредственно переходящим в тулово венчиком, бортик которого заглажен. Под венчиком располагается один ряд сквозных округлых отверстий (см. табл. 18, 20). Тип X - два фрагмента венчика с отогнутым наружу бортиком, одним рядом сквозных отверстий и с прямоугольными отпечатками "вафли" (см. табл. 18, 13). Тип XI - четыре фрагмента венчика гладкостенной керамики. Скошенный наружу бортик утолщен налепом, под которым имеется ряд сквозных отверстий (см. табл. 18, 26). Тип XII - 12 фрагментов керамики с отпечатками на внешней стороне рубчатой лопаточки (см. табл. 18, 27).

Наличие фрагментов "вафельной" керамики и типология каменного инвентаря позволяют датировать слой II стоянки Курунг II поздним неолитом. Такой вывод подтверждается и стратиграфией слоя, залегающего между горизонтами среднего неолита и эпохи палеометаллов.

Многослойная стоянка Баасынай

Памятник открыт в 1974 г. автором на правом берегу Олёкмы, в 289 км от ее устья. Стоянка находится на левом приустьевом мысу безымянного ручья (см. рис. 9). Культурные остатки связаны с отложениями 16-метровой террасы. Стоянка исследована в 1975 г. автором. Площадь раскопа 49 м². Вскрыто два культурных слоя. Остатки позднего неолита в культурном слое II (красноватая супесь мощностью 40 - 200 см), на глубине 60 - 65 см от дневной поверхности. Над слоем II залегал слой I, содержащий остатки бронзового века. Культурные слои отделены друг от друга пачкой почвенных напластований мощностью 30 - 35 см (см. табл. 1, 5).

В культурном слое II обнаружены 896 отщепов, 2 нуклеуса и обломок нуклеуса, 299 пластин, 7 орудий и 3 фрагмента керамики. Представлено 36 крупных отщепов, 247 - средних, 61 - мелких. Отщепов из кремня 879 экз., из других пород - 17 экз. Один из нуклеусов призматический двуплощадочный, другой - уплощенный конический. Обломок нуклеуса представлен фрагментом средней его части. Ножевидных пластин 245, ребристых 54. Найдены 12 целых пластин, 63 сломаны в верхней части, 96 - в нижней, 128 - в верхней и нижней. Длина пластин 1,8 - 6,3 см, ширина 0,6 - 1,4 см (см. табл. 2, 5, 6). Орудия представлены шестью концевыми скребками из отщепов и теслом овальной формы.

Три мелких фрагмента керамики покрыты с внешней стороны вафельными отпечатками. Толщина черепков 0,5 - 0,7 см. Цвет их снаружи, в изломе и внутри кирпично-красный.

По керамике с "вафельными" отпечатками и стратиграфическим наблюдениям культурного слоя II стоянка относится к позднему этапу неолита Якутии. Не противоречат этой датировке и разновидности каменного инвентаря.

Многослойная стоянка Крестях I

Памятник открыт в 1980 г. Н.Н. Кочмаром и Н.М. Черосовым на правом берегу Олёкмы, в 286 км от ее устья (см. рис. 9). Стоянка расположена на правом приустьевом мысу безымянного ручья в месте, где возвышается 15-метровая терраса Олёкмы. Исследовалась в 1980 г. Н.Н. Кочмаром, в 1981 г. - Н.М. Черосовым. Площадь раскопа 36 м². В ходе работ вскрыто четыре культурных слоя. Остатки позднего неолита обнаружены в культурном слое II (красноватая супесь мощностью 30 - 45 см) на глубине 40 см от поверхности (см. табл. 1, 7). Над слоем II залегал слой I, содержащий остатки эпохи металла, а под слоем II - слой III с культурными остатками раннего и среднего неолита.

В культурном слое II найдены 1266 отщепов, нуклеус, 186 пластин, 9 каменных орудий и 11 заготовок их, 42 фрагмента керамики и 48 фрагментов костей. Отщепов, представленных из кремня, - 1239 экз., из других пород - 27 экз. Крупных - 93 экз., средних - 320, мелких - 847, чешуек - 6 экз. Нуклеус одноплощадочный призматический (табл. 21, 12). Все пластины кремневые. Они разделяются на ножевидные (Т^о 172 экз.) и ребристые (Т^о 14 экз.). Найдены 23 целые пластины, 45 - со сломанной верхней частью, 58 - нижней, 60 - верхней и нижней (см. табл. 22, 1). Следы сработанности выявлены на семи пластинах (см. табл. 21, 9).

Наконечники стрел (4 экз.) удлиненно-треугольной формы, с прямым или выемчатым основанием (табл. 17, 12, 13; 21, 1, 5). У всех скребков (4 экз.) спинки сплошь покрыты фасетками ретуши. Эти орудия подтреугольные и трапециевидные по фор-

ме (см. табл. 16, 8, 10; 21, 10). Вкладыш подпрямоугольный, двусторонне обработанный (см. табл. 21, 11). Заготовки орудий представлены блоками кремня с фасетками предварительной подтески (см. табл. 21, 3, 13).

Фрагменты керамики (42 экз.) подразделяются на три типа. Тип I - восемь фрагментов с крупными (5 x 5 мм) ромбическими отпечатками "вафли". Толщина черепков 0,6 - 0,7 см (см. табл. 21, 6, 7). Тип II - шесть фрагментов с мелкими (1 x 2 мм) подпрямоугольными отпечатками "вафли". Толщина черепков 0,4 - 0,5 см (см. табл. 21, 8). Тип III - 28 фрагментов гладкостенной керамики. Прямые венчики с бортиком, скошенным наружу. В 0,7 см ниже его на расстоянии 1,6 - 1,7 друг от друга размещаются округлые отверстия. Толщина черепков 0,6 - 0,7 см (см. табл. 21, 2, 4).

Культурный слой II по типам каменного инвентаря и по керамике с вафельными отпечатками, датируется поздним неолитом.

Многослойная стоянка Новый Летен I

Памятник открыт в 1970 г. Н.Д. Архиповым на правом приустьевом мысу р. Новый Летен, притока Олёкмы, в 281 км от ее устья (см. рис. 9).

Стоянка исследовалась в 1970 - 1972 гг. Н.Д. Архиповым (площадь раскопа 84 м²) и в 1974 - 1975 гг. автором (площадь раскопа 63 м²). В ходе исследований автора выявлено четыре культурных слоя. Остатки позднего неолита обнаружены в культурном слое I (гумусированная супесь мощностью 3 - 6 см) на глубине 12 - 15 см от дневной поверхности (см. табл. 1, 4).

Инвентарь культурного слоя I представляют 143 отщепа, нуклеус, 17 пластин, 26 каменных орудий, 3 заготовки и обломка орудий, а также 6 фрагментов керамики.

Найден 141 отщеп из кремня, из других пород - 2 экз. По размерам они подразделяются на крупные (17 экз.), средние (48 экз.), мелкие (69 экз.) и чешуйки ретуши (9 экз.) Нуклеус конический с округлой отжимной площадкой. Пластины снимались по всей окружности (см. 11, 18). Все 17 ножевидных пластин кремневые, из них 2 целые, 4 - со сломанной верхней частью, 3 - нижней, 8 - верхней и нижней. Длина пластин 1,6 - 5,9 см, ширина 0,6 - 2,5 см. Орудийный набор представляют 4 скребка и 2 их заготовки, 5 ножей, 5 целых наконечников стрел и обломок основания, 4 вкладыша, 6 резцов, проколка и абразив. Скребки изготовлены из отщепов. Ретушью у них оформлены только рабочие лезвия (см. табл. 11, 23, 26). С заготовок скребков рабочие края лишь слегка подправлены (см. табл. 11, 13). Ножи подтреугольные. Широкие плоскости их обработаны двусторонней ретушью.

Среди наконечников стрел один имеет форму равнобедренного треугольника. Основание его вы-

емчатое (см. табл. 11, 1). Остальные наконечники удлиненно-треугольной формы. У двух из них основания прямые, еще у двух - выемчатые. Все наконечники двусторонне обработанные. Обломок наконечника стрелы относится, очевидно, к удлиненно-треугольному (см. табл. 11, 3). Все четыре вкладыша изготовлены из пластин. Лезвия их обработаны односторонней ретушью и лишь по одному краю. Резцы подразделяются на два типа: угловые из пластин (4 экз.) и срединные из отщепов (2 экз.). Из ножевидной пластины изготовлена также проколка. Рабочее острие ее подправлено односторонней ретушью со спинки.

Все шесть фрагментов керамики гладкостенные. Толщина черепков 0,6 - 0,7 см. Цвет снаружи и внутри кирпичный, в изломе черный.

Инвентарь культурного слоя I стоянки Новый Летен относится к позднему неолиту. Главный датирующий элемент памятника - наконечник стрелы в форме равнобедренного треугольника. С.А. Федосеева считает, что именно такие наконечники стрел характерны для ымыяхтахской культуры [1980, с. 181 - 182].

Многослойная стоянка Большая Кюскэ

Остатки позднего неолита обнаружены в культурном слое II (красно-бурая супесь мощностью 15 - 25 см) на глубине 10 см от дневной поверхности. Над слоем II залегал слой I, содержащий остатки эпохи металла (?), а под слоем II - слои III и IV с изделиями среднего неолита. От нижележащего слоя III слой II отделен стерильной прослойкой мощностью 13 - 17 см (см. табл. 1, 3).

В культурном слое II обнаружены 14 отщепов, нуклеус, 21 пластина, 13 каменных орудий, 4 обломка орудий и заготовки, 53 фрагмента керамики, фрагмент кости животного. Отщепов крупных 2 экз., средних 3 экз., мелких 9 экз. Все они кремневые. Нуклеус двуплощадочный призматический (см. табл. 5, 22). Пластин целых 2 экз., со сломанной верхней частью - 9, с нижней и верхней - 10 экз. Длина пластин 2,1 - 5,4 см, ширина 0,7 - 1,8 см (см. табл. 5, 4).

Ножи (5 экз.) подтреугольные с двусторонней обработкой широких поверхностей (см. табл. 5, 10, 15 - 17). Скребки (2 экз.) изготовлены из отщепов (см. табл. 5, 1), а угловые резцы (2 экз.) - из сечений ножевидных пластин (см. табл. 5, 3, 7). Вкладыши выполнены тоже из пластин. Их режущие края оформлены односторонней ретушью со спинки (см. табл. 5, 6). У двух резчиков рабочие лезвия обработаны крутой отжимной ретушью со спинки. Обломки орудий - фрагменты наконечников стрелы и подпрямоугольного ножа (см. табл. 5, 2, 5). Заготовки представлены орудиями в первоначальной стадии оформления и потому неопределимы (см. табл. 5, 14).

Фрагменты керамики из слоя II принадлежат сосудам трех типов. Тип I - 41 фрагмент с мелкоячеис-

тыми (2 x 3 мм) отпечатками "вафли" (см. табл. 5, 12). Тесто содержит примесь гравия и растительных остатков. Цвет черепков темно-серый снаружи, в изломе и внутри. Толщина их 0,4 см. Тип II - фрагмент венчика, украшенный двумя рядами параллельных наклепных валиков, в поперечном сечении треугольных, шириной 0,5 см. Толщина черепков без валиков 0,5 см, с валиком - 0,8 см (см. табл. 5, 11). Тип III - 11 фрагментов керамики с прямоугольными (3 x 4 мм) отпечатками "вафли". Толщина черепков 0,4 - 0,5 см (см. табл. 5, 18).

По стратиграфии и фрагментам керамики с "вафельным" орнаментом культурный слой II стоянки Большая Кюскэ датируется поздним неолитом.

Многослойная стоянка Улахан Сегеленнях

Памятник открыт в 1987 г. автором на правом приустьевом мысу речки Улахан Сегеленнях, впадающей в р. Токко слева на 69 км от устья (см. рис. 9). Раскопки проводились в 1988 - 1991 гг. Общая площадь раскопов 287 м². Культурные остатки приурочены к террасе Токко высотой 6,5 м. На стоянке вскрыто 15 культурных слоев, разделенных стерильными прослойками. Остатки позднего неолита обнаружены в восьми (XV - VIII) культурных слоях. Поздненеолитическое поселение с таким количеством культурных слоев, относящихся к одной эпохе, обнаружено в Якутии впервые. Это открывает уникальную возможность проследить детали эволюции культуры, в частности, появление и исчезновение определенных типов орудий и керамики.

Культурный слой XV (темно-серая гумусированная супесь мощностью 5 - 8 см) находится на глубине 210 - 160 см от дневной поверхности. От вышележащего культурного слоя XIV он отделен стерильным слоем песка мощностью 15 - 20 см (см. табл. 1, 6). В нем найдены 142 отщепа, 16 пластин, 10 орудий, их заготовки и обломки, обломок костяного орудия и 123 фрагмента рубчатой керамики.

Отщепы найдены крупные (6 экз.), средние (48 экз.) и мелкие (88 экз.). Все они кремневые. Восемь отщепов обработано по краю ретушью. Все пластины ножевидные, 1 пластина сломана в верхней части, 4 - в нижней, 11 - в верхней и нижней. Наконечники стрел (2 экз.) и обломки (2 экз.) относятся к удлинненно-треугольным. Основания у целых экземпляров выемчатые. Широкие плоскости их обработаны ретушью. Скребки (3 экз.) выполнены из отщепов. Все они концевые (см. табл. 23, 5, 6). Найдены также заготовка скребла и обломок орудия такого же типа. Из крупного отщепа изготовлен средний резец. Обнаружено 123 фрагмента рубчатой керамики, все фрагменты темно-коричневого цвета. На внутренней стороне сосуда заметен нагар. Толщина черепков 0,2 - 0,4 см. Тесто с примесью крупнозернистого песка и гравия (табл. 24, 4).

Культурный слой XIV (темно-серая гумусированная супесь мощностью 6 см) находится на глубине 185 - 145 см от дневной поверхности. От нижележащего слоя XV он отделен стерильным слоем песка мощностью 15 - 25 см, а от вышележащего слоя XIII - стерильной прослойкой мощностью 15 - 18 см (см. табл. 1, 6).

Инвентарь культурного слоя XIV представлен 183 кремневыми отщепами, 24 пластинами, 4 орудиями, 334 фрагментами керамики.

Представлены отщепы крупные (12 экз.), средние (59 экз.), мелкие (112 экз.). Все пластины ножевидные: 2 пластины сломаны в верхней части, 8 - в нижней, 14 - в верхней и нижней. Длина пластин от 1,8 до 6,3 см. Скребок изготовлен из отщепа. Спинка его обработана сплошной ретушью, рабочее лезвие овально-выпуклое (см. табл. 23, 6). В качестве заготовки для костяного шила послужила метаподия лося (см. табл. 23, 7).

Фрагменты керамики (334 экз.) покрыты отпечатками "вафли". Часть обломков апплицируется. Венчиков представлено всего два. Керамика двухслойная. Толщина стенок от 0,3 до 0,8 см. Цвет черепков темно-коричневый. Тесто с примесью крупнозернистого песка и мелкой гальки. Судя по сохранившимся фрагментам венчика и апплицированному тулову, сосуд был закрытого типа, шаровидной формы. Венчик прямой, нависающий вовнутрь. Он украшен сквозными округлыми отверстиями диаметром 0,2 см. Отверстия располагаются на расстоянии 0,2 см от края венчика. Ниже в 7 см от бортика имелись сферические отверстия (возможно, с их помощью крепили стенки лопнувшего сосуда; см. табл. 24, 1, 2).

Культурный слой XIII (темно-серая гумусированная супесь мощностью 8 см) находится на глубине 170 - 135 см от дневной поверхности. От вышележащего культурного слоя XII он отделен стерильным слоем песка мощностью 10 - 20 см (см. табл. 1, 6).

Инвентарь культурного слоя XIII представлен 4379 отщепами, 32 пластинами, костяным шилом. Среди отщепов 56 крупных, 1317 средних, 3006 мелких. Все они кремневые. Пластин целых 2 экз., 4 сломаны в верхней части, 7 - в нижней, 19 - в верхней и нижней. Длина пластин 1,8 - 8,5 см (см. табл. 23, 8). Костяное шило изготовлено из метаподии лося.

Культурный слой XII (темно-серая гумусированная супесь мощностью 6 - 8 см) залегал на глубине 150 - 120 см от дневной поверхности. От вышележащего культурного слоя XI он отделен стерильной прослойкой песка мощностью 8 - 27 см (см. табл. 1, 6). По дереву, обнаруженному в культурном слое, получена радиоуглеродная дата - 4258 ± 125 л.н. (ИМ - 1017). Иных археологических остатков в слое найти пока не удалось.

Культурный слой XI (темно-серая гумусированная супесь мощностью 6 - 8 см) находился на глуби-

не 135 - 100 см. От вышележащего культурного слоя X он отделен стерильным слоем песка мощностью 8 - 18 см (см. табл. 1, 6). По дереву, извлеченному из слоя XI, получена радиоуглеродная дата - 4090 ± 150 л. н. (ИМ - 1010).

Инвентарь слоя XI представлен 43 отщепами, 8 пластинами, 3 орудиями и заготовками орудий, 4 фрагментами кости, 33 фрагментами рубчатой керамики.

Отщепы крупные (3 экз.), средние (4 экз.), мелкие (36 экз.). Из кремня 42 отщепа, из светло-зеленого нефрита - 1. Все пластины ножевидные, две сломаны в нижней части, шесть - в верхней и нижней. Длина пластин 2,2 - 5,4 см. Наконечник стрелы удлинненно-треугольной формы. Основание его прямое (см. табл. 23, 4). Кварцитовая галька использовалась в качестве отбойника (на концах инструмента видны забитости-глазки). Из крупного отщепа овальной формы изготовлен нож.

Фрагменты двухслойной рубчатой керамики (33 экз.) принадлежит двум сосудам. Первый представлен четырьмя обломками, которые апплицируются. Цвет черепков оранжевый. Толщина стенок 0,4 - 0,6 см. Тесто с примесью песка. На тулове сосуда прочерчены длинные перекрещивающиеся полосы. Орнамент такого типа характерен для ымыяхтахской культуры (см. табл. 24, 5). От второго сосуда сохранилось 28 обломков. Все фрагменты апплицируются, образуя часть тулова сосуда без венчика. Черепки светло-коричневого цвета. Толщина стенок 0,4 см. Тесто с примесью песка.

Культурный слой X (темно-серая гумусированная супесь мощностью 5 - 8 см) залегает на глубине 125 - 90 см. От вышележащего культурного слоя IX он отделен стерильным слоем песка мощностью 10 - 15 см (см. табл. 1, 6). Коллекцию находок из него составляют 117 отщепов, пластина, 3 фрагмента обработанной кости, костяная накладка для лука и 2 фрагмента вафельной керамики.

Представлены 16 кремневых и кварцитовый отщепы. Отщепы крупные (3 экз.), средние (23 экз.) и мелкие (91 экз.). Ножевидная пластина обработана по краю ретушью. Концевая накладка лука апплицирована из 16 обломков. Они составили дугообразную пластину длиной 56 см, шириной 2,1 см, толщиной 0,2 см. Судя по следам, накладку скоблили. Три костяных обломка представляют собой распиленные вдоль трубчатые кости.

На внешней стороне фрагментов керамики видны отпечатки мелкой ромбической "вафли". Черепки светло-оранжевого цвета. На внешней стороне одного из обломков замечен черный нагар. Керамика двухслойная. Толщина черепков 0,5 см. Тесто с примесью мелкозернистого песка и травы (см. табл. 24, 3).

Культурный слой IX (гумусированная супесь мощностью 5 - 8 см) прослежен на глубине 120 - 85 см от дневной поверхности. От вышележащего

культурного слоя VIII он отделен стерильным слоем песка мощностью 8 - 12 см (см. табл. 1, 6). По углю из нижней части слоя IX получена дата - 3920 ± 160 л.н. (ИМ - 1014), по древесине - 3698 ± 80 л.н. (ИМ - 1012) и 3750 ± 260 л.н. (ИМ - 1008).

Инвентарь культурного слоя IX представлен 8615 отщепами, 104 пластинами, 5 каменными орудиями, 5 костяными изделиями, 82 фрагментами керамики.

Отщепы крупные (16 экз.), средние (2329 экз.) и мелкие (6270 экз.). Кремневых отщепов 8604 экз., диабазовых - 11 экз. Имеются 3 целые пластины, 8 сломанных в верхней части, 33 - в нижней, 71 - в верхней и нижней. Длина пластин 2,1 - 5,6 см. Десять пластин были апплицированы. Они образовали многофасеточный (полиэдрический) резец.

Один из двух скребков изготовлен из отщепа. Ретушью у него оформлено лишь прямое рабочее лезвие. Второй скребок выполнен из крупной ребристой пластины. Его лезвие со спинки подправлено отжимной ретушью. Из отщепа овальной формы изготовлен нож. Его лезвие обработано краевой ретушью по периметру. У обломка двусторонне обработанного наконечника стрелы основание прямое. Заготовка топора (или какого-то рубящего орудия) сделана из крупной диабазовой гальки. Рабочее лезвие оформлено крупными сколами. Вторичная подправка инструмента не производилась. В слое обнаружены диабазовые отщепы, которые апплицировались с галькой.

Посредник из кости имеет вид стержня. Длина его 19 см, диаметр в сечении 1,7 см. На одном конце заметны следы сработанности. Имеются также четыре мелких костяных стержня с шлифовкой. Длина 2,5 - 3,4 см, диаметр в сечении 0,4 - 0,5 см.

Фрагменты керамики (82 экз.) покрыты с внешней стороны отпечатками рубчатой лопаточки. Внешняя поверхность темно-коричневого цвета, внутри - темная накипь. Бортик сосуда заглажен, венчик с пояском из сквозных отверстий округлый, нависающий вовнутрь. Сосуд удалось восстановить на 2/3. Он усеченно-яйцевидной формы. Диаметр отверстия его 14 см, диаметр по экватору 18 см, высота 18 см, объем 2,5 мл. Керамика трехслойная. Толщина стенок у венчика 0,5 см, в придонной части 0,8 см. В глиняное тесто добавлены песок и трава (табл. 25).

Культурный слой VIII (пачка серого песка с четырьмя тонкими прослойками гумусированной супеси мощностью 10 - 15 см) залегал на глубине 110 - 65 см от дневной поверхности. От вышележащего культурного слоя VII он отделен стерильным слоем мощностью 5 - 20 см (см. табл. 1, 6). Радиоуглеродная дата слоя VIII по древесине - 3740 ± 300 л.н. (ИМ - 1013).

Находки в слое располагались неравномерно, образуя в некоторых местах скопления мелких обломков костей, галек, отщепов и фрагментов орудий.

В кв. 6 - 7 - 11 - 12 находился округлый, обложенный камнями очаг. Он выделялся на поверхности раскопа темно-оранжевым цветом. Площадь очага 0,5 м².

Инвентарь культурного слоя VIII представлен 1732 отщепами, 287 пластинами, 25 каменными орудиями, 88 изделиями из кости, 180 фрагментами керамики.

Имеются 59 крупных (в том числе 26 осколков кремня) отщепов, 643 средних, 922 мелких, 108 чешуек ретуши. Кремневых отщепов 1677, диабазовых - 55. Найдены 6 пластин, 22 сломанных в верхней части, 86 - в нижней, 173 - в верхней и нижней. Длина пластин от 2 до 9,3 см.

Все восемь скребков изготовлены из отщепов. Они подтреугольной формы. Спинки их обработаны выстругивающей ретушью (табл. 26, 1 - 5). Удлиненно-треугольные наконечники стрел (3 экз.) обработаны сплошь с двух сторон. Основания их прямые и выемчатые (см. табл. 23, 9; 26, 9).

Два ножа примечательны их бифасиальной техникой обработки (см. табл. 26, 6). Еще один нож был апплицирован из отщепов (табл. 27, 2). Этот двусторонне обработанный "уло" - подобный нож по форме напоминает палеолитические ножи из Северо-Восточной Азии. Резцы (2 экз.) многофасеточные (см. табл. 26, 7, 8). Один из них удалось апплицировать с ножевидной пластиной, что позволило сделать вывод о том, что он был переоформлен из нуклеуса (см. табл. 26, 8). Тесло было апплицировано в лаборатории из крупных кремневых отщепов (см. табл. 27, 1).

Изделия из кости представлены 44 предметами. Наиболее выражены гарпун и подвеска из метаподии. Гарпун относится к односторонне бородчатому типу: с прямой базой, двумя уплощенными бородками, у основания имеется перехват для крепления линия (табл. 28, 4). Подвеска изготовлена из миниатюрной грифельной кости (метаподии). На одной из ее сторон имеется крестообразная и шесть горизонтальных насечек (табл. 28, 1). Обнаружено 40 прямоугольных костяных пластин. Их ширина 3 - 6 см, длина 4,5 - 6 см, толщина 0,3 - 0,4 см (табл. 28, 2). Судя по обломку одной пластины с отверстиями, это, вероятно, были заготовки для защитных панцирных пластин (табл. 28, 3).

Фрагменты "вафельной" керамики (188 экз.) принадлежат пяти сосудам. К первому относятся 24 фрагмента тулова с отпечатками мелкой ромбической "вафли" и 9 фрагментов венчика. Цвет черепков темно-коричневый, иногда оранжевый. Диаметр сосуда по венчику 21,2 см. Венчик отогнут под углом 60°. Бортик его округлый, неорнаментированный. Под венчиком имеются сквозные отверстия, удаленные друг от друга на 2 - 2,5 см. Керамика двухслойная. Толщина стенок 0,5 - 0,8 см. В глиняное тесто добавлены песок, мелкая галька и трава (табл. 28, 1, 5, 6, 7). Второй сосуд представлен 50 фрагментами тулова с отпечатками мелкой ромби-

ческой "вафли" и 8 фрагментами венчика. Диаметр сосуда по венчику 29,5 см. Бортик у него прямой, неорнаментированный, слабо отогнут. Венчик украшен выдавленной полосой. Ширина ее 0,6 см, под полосой расположены сдвоенные сквозные отверстия. Шейка сосуда заглажена. Черепки темно-коричневого цвета. Толщина стенок 0,3 - 0,6 см. Керамика двухслойная (табл. 29).

К третьему сосуду относятся 106 фрагментов, украшенных мелкой ромбической "вафлей", в том числе 4 обломка венчика, отогнутого наружу под углом 30°. Бортик прямой. Имеется декор в виде "вафельного" отпечатка. Венчик оформлен пояском из сквозных отверстий диаметром 0,3 см. Шейка сосуда заглажена. Диаметр сосуда по венчику 21,2 см. Черепки коричневого цвета. Толщина стенок колеблется от 0,3 до 0,8 см. Керамика двухслойная (см. табл. 28, 7).

Четвертый сосуд представлен семью фрагментами с отпечатками квадратной "вафли". Керамика двухслойная, коричневого цвета. Толщина фрагментов 0,5 см (см. табл. 28, 5). От пятого сосуда сохранился лишь фрагмент заглаженного венчика. Отпечатки технического декора отсутствуют. Бортик отогнут наружу. Керамика двухслойная, темного, почти черного обжига. Толщина венчика у верхней грани 0,7 см, у нижней - 0,4 см (см. табл. 28, 6).

Как видим, все восемь культурных слоев позднего неолита Улахан Сегеленнях залегают в четких стратиграфических условиях. Шесть радиоуглеродных дат точно определяют время слоев XII, XI, IX и VIII.

Однослойная стоянка Усть-Тунгир I

Памятник открыт автором в 1984 г. на правом берегу р. Тунгир, впадающей в Олёкму справа, в 937 км от ее устья. Стоянка расположена на террасе, высота которой над урезом Олёкмы составляет 8 м. Площадь разведочного раскопа 6 м².

Культурный слой позднего неолита (нижняя часть красной супеси мощностью 4 - 8 см) залегал на глубине 24 - 26 см от дневной поверхности. Горизонт с находками подстилался глиной и перекрывался светло-серым гумусом (2 - 4 см) и дерном (8 - 12 см).

Коллекцию находок составляют 11 отщепов, 4 пластины, каменное орудие и 85 фрагментов керамики.

Все отщепы кремневые, светло-серого цвета, средних размеров (табл. 30, 7, 25). Имеется скол с нуклеуса (табл. 30, 26). Сохранились одна целая пластина, три сломанных (табл. 30, 1 - 6). На длинной стороне одной пластины заметны следы сработанности (табл. 30, 8). Нож изготовлен из пластинчатого отщепка. Лезвие орудия оформлено краевой ретушью по длинному краю (табл. 30, 13).

Фрагменты керамики (85 экз.) разделяются на два типа - "вафельные" и гладкостенные. Среди 57 "вафельных" черепков есть экземпляры с квадратными (табл. 30, 10), ромбическими (табл. 30, 11, 12,

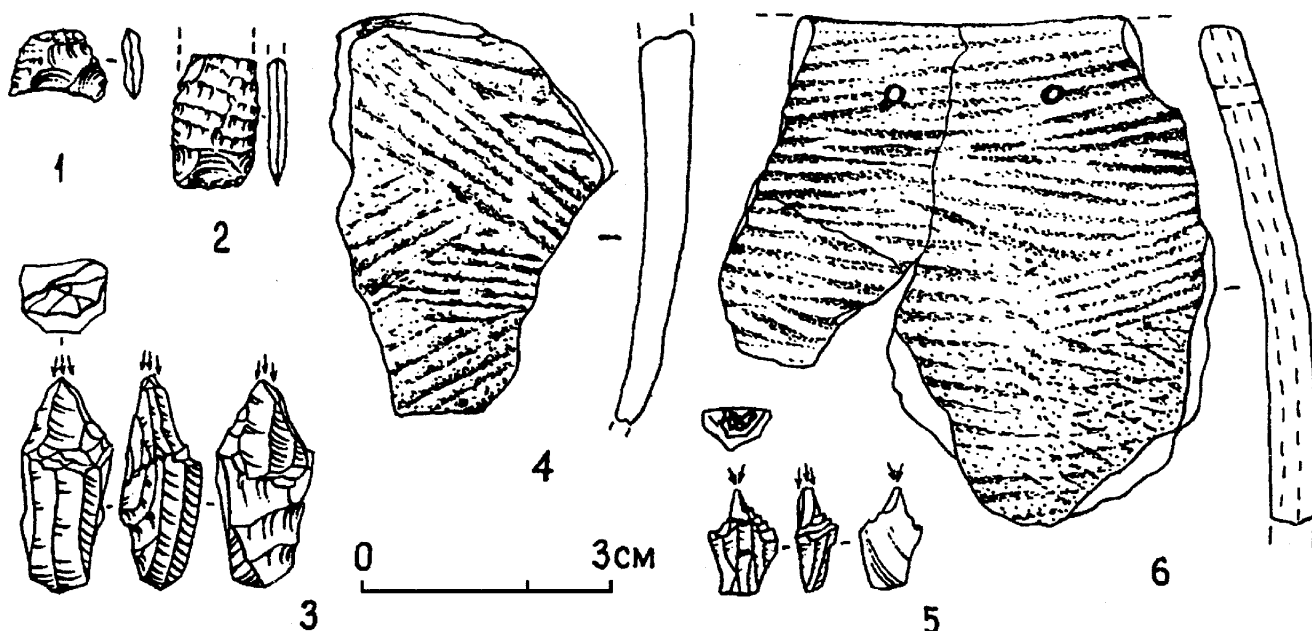

Рис. 10. Находки со стоянки Нууча-Кюэль III.

14, 19) и мелкоячеистыми (рис. 30, 17, 18, 20 - 22, 24) отпечатками. В изломе и на внешней поверхности фрагментов "вафельной" керамики заметны отпечатки волокон растений, которые добавлялись в тесто. Гладкостенная керамика представлена 28 фрагментами (табл. 30, 9, 15, 16, 23), венчик - одним (табл. 30, 27). Судя по последнему, сосуд был украшен орнаментом из двойного ряда косых параллельных насечек штампа-лопаточки. Возможно, такие насечки имелись и на тулове сосуда. Обратим внимание на то, что в орнаментике венчика отсутствует такой характерный для ымыяхтахской культуры элемент, как сквозные отверстия. На двух фрагментах керамики с орнаментом из оттисков штампа-лопаточки прослеживаются едва заметные отпечатки "вафельного" штампа.

Культурный слой стоянки представляется не смешанным. Учитывая наличие находок "вафельной" керамики и гладкостенной керамики с косыми насечками, Усть-Тунгир I можно датировать поздним неолитом Якутии или эпохой бронзы лесостепного Забайкалья, т.е. серединой II тыс. до н.э. [Алексеев, 1988, с. 71 - 78].

Однослойная стоянка Нууча-Кюэль III

Памятник открыт в 1987 г. С.А. Воробьевым в зоне правобережья среднего течения р. Вилюй, в 9 км от берега. Стоянка находилась на террасе восточного берега оз. Нууча-Кюэль. Высота террасы от уреза озера 4,5 м. Раскопки производились в 1987 г. Площадь раскопа 14 м².

Культурные остатки залежали в 2 - 3-сантиметровом слое серого суглинка, на глубине 15 см от дневной поверхности. Коллекцию находок составляют 130 отщепов, 8 пластин, 4 орудия, 841 фрагмент керамики.

Группу орудий представляют два многофасеточных резца, обломок скребла с овальным рабочим лезвием и обработанной ретушью спинкой, обломок двусторонне ретушированного вкладыша или наконечника стрелы с прямым основанием (рис. 10, 1 - 3, 5).

Фрагменты трехслойной темно-серой керамики на внешней стороне покрыты отпечатками рубчатой лопаточки. Обломки венчиков относятся по крайней мере к трем сосудам (рис. 10, 4, 6). Венчик первого сосуда отогнут вовнутрь. Под прямым бортиком прослеживается ряд сквозных округлых отверстий. Толщина черепков 0,6 см (рис. 10, 6, 11). Венчик второго сосуда сильно отогнут вовнутрь. Под прямым бортиком проходит пояс из сквозных округлых отверстий. Толщина стенок 0,5 см. Венчик третьего сосуда также отогнут вовнутрь, но не так сильно, как у второго сосуда. Оттиски рубчатого штампа расположены хаотично (рис. 10, 4).

Стоянка Нууча-Кюэль III, как и Таманда II, представляет собой лишенный разных примесей комплекс позднего неолита с керамикой рубчатой лопаточки. Ценность этого памятника заключается еще и в том, что это озерная стоянка.

Все описанные материалы достаточно выразительны и позволяют иметь представление о характерном инвентаре среднего и позднего неолита Якутии.

ГЛАВА IV

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ЯКУТИИ: ПЕРИОДИЗАЦИЯ, ХРОНОЛОГИЯ, КОРРЕЛЯЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ

Определение характера эпохи, которой посвящена данная глава, - сложная задача. Все дело в том, что археология пока не выработала твердых критериев, по которым можно было бы четко выделить начало неолита. Применительно к Якутии, где присваивающее хозяйство существовало изначально и стабильно, неолит следует выделять на основании археологических материалов. В соответствии с принятыми критериями периодизации эпох первобытности под неолитом понимается финальная ступень каменного века, для которой характерны появление керамики и широкое распространение серийных форм шлифованных каменных орудий. Именно такие вполне оправдавшие себя подходы и критерии характерны для исследований по неолиту Якутии [Окладников, 1955а; Мочанов, 1969, Федосеева, 1980; Алексеев, 1987; Аргунов, 1990; Кистенев, 1990; и др.]. В трактовке понятия "неолит Якутии" предлагается придерживаться апробированного технологического принципа.

I. Сылахская культура, IV тыс. до н.э.

Неолит в Якутии зародился, по существу, синхронно с культурой такого же уровня развития в таежной и тундровой зонах Евразии. Он эволюционировал, пройдя три этапа - ранний, средний и поздний. Впервые раннеолитическая стоянка на территории Якутии была открыта в 1928 г. биологом Н.Б. Кякшто. Тогда этот памятник, обнаруженный на Алдане, был определен просто как "стоянка каменного века" [Мочанов, 1969, с. 151]. Позже, в 1940 - 1946 гг., А.П. Окладникову на Лене в ходе работ Ленской историко-археологической экспедиции удалось обнаружить бесспорные местонахождения раннего неолита: Малая Мунга, Солянка, Юедей, Бестях, Куллаты, Якутск-Тир, Сылах, Уолба [Окладников, 1945, 1946, 1950а, 1955а]. Для отнесения этих стоянок к раннему неолиту решающее значение имели фрагменты керамики с отпечатками сетки-плетенки на внешней поверхности, типологически аналогичные керамике из Прибайкалья - региона, для которого А.П. Окладников по материалам погребения разработал культурно-хронологическую периодизацию неолита: хиньский (V тыс. до н.э.), исаковский (IV тыс. до н.э.), серовский (III тыс. до н.э.), китойский (вторая половина III - начало II тыс. до н.э.)*.

Эта схема и стала в то время своего рода эталоном для периодизации неолитических памятников Якутии. Как показали дальнейшие исследования, А.П. Окладников в целом верно отнес перечисленные выше стоянки Якутии к раннему неолиту. Однако в выявленных слоях якутских памятников в смешанном состоянии находились культурные остатки различных эпох. Поэтому выделение изделий раннего неолита, кроме керамики, выглядело весьма проблематичным. Не случайно, видимо, и сам А.П. Окладников воздерживался в обобщающих трудах от конкретного перечисления инвентаря, характерного для раннего неолита [1949, 1955а].

Проблема выделения бесспорных раннеолитических комплексов была решена только после открытия ПАЭ в бассейне Алдана ряда многослойных стоянок (Белькачи I и Сумнагин I), содержащих в четких стратиграфических условиях инвентарь подлинного раннего неолита. Изучение материалов многослойных стоянок позволило Ю.А. Мочанову [1969 г.] не только четко определить своеобразие раннего неолита Якутии, но и обосновать существование особой раннеолитической культуры, названной им сылахской (по стоянке Сылах в Жиганском районе, где А.П. Окладников обнаружил один из первых памятников с "сетчатой" керамикой). Изучение новых материалов по раннему неолиту, описанных в предыдущей главе, подтвердило обоснованность выделения особой археологической культуры раннего неолита Якутии. По ряду признаков она действительно отличается от синхронных культур сопредельных регионов Сибири.

На многослойных стоянках Якутии, содержащих культурные слои раннего неолита, получено 14 хорошо согласуемых радиоуглеродных дат: 10 на стоянке Сумнагин I (Алдан), 2 - Белькачи I (Алдан), 1 - Усть-Токко I (Олёкма) и 1 - Сиктях I (нижняя Лена). Наиболее важное значение имеет дата 5800 ± 60 л.н. (ЛЕ - 794), полученная для слоя XVI Сумнагин I, а также дата 5000 ± 175 л.н. (ИМ - 824) и 4670 ± 60 л.н. (ЛЕ - 736), полученные соответственно для слоя V Усть-Токко I и слоя II Сумнагин I. Первая дата определяет нижнюю хронологическую границу сылахской культуры, а две последующие уточняют

* В настоящее время эта периодизация неолита Прибайкалья, построенная исключительно на материалах могильников бассейна Ангары, пересматривается иркутскими археологами.

верхнюю хронологическую границу ее существования. При введении "поправки Годвина" (период полураспада C_{14} равен 5730 ± 40 л.н.) возраст сыалахской культуры на основе радиоуглеродных дат устанавливается в пределах 6000 ± 100 л.н. Сопоставление этих дат с "кривой Зюсса" позволяет утверждать, что сыалахская культура существовала в интервале от 6200 ± 100 л.н. до 5200 ± 100 л.н. [Мочанов, Федосеева, 1975; Мочанов и др., 1983, 1991]. Памятники сыалахской культуры обнаружены не только на Алдане, но и на Анабаре, Амге, Вилюе, Колыме, Индигирке, Лене, Мае, Олёкме и Яне. В настоящее время в Якутии известно более 110 стоянок сыалахской культуры, из них 10 (Белькачи I, Сумнагин I, Билир I, Усть-Миль I (Алдан), Тенсик II, Курунг II, Большая Кюскэ, Усть-Токко I (Олёкма), Тумул (верхний Вилюй) и Сыктях I (нижняя Лена) - памятники с четкой стратиграфией, с несмешанным инвентарем раннего неолита. Выделяется и пласт рисунков раннего неолита [Окладников, Мазин, 1976, 1979; Кочмар, 1992]. Как отмечал в одной из своих первых работ Ю.А. Мочанов, "ранний неолит Якутии развивался на местной позднепалеолитической (мезолитической. - А.А.) основе. О приходе раннеолитического населения в Якутию с юга, опираясь на факты, пока говорить нельзя. Перерастание позднего палеолита в ранний неолит, очевидно, было ускорено контактами с населением смежных областей" [1960, с. 163]. И.Е. Зыков также считал, что в якутском раннем неолите наблюдается преемственность в каменном и костяном инвентаре, выраженная прежде всего в бытовании мезолитических типов орудий: пластин со скошенным краем, пластин с выемкой, резцов и скребков из пластин, вкладышей, скребел и др. [1975, с. 67]. С открытием и изучением новых памятников сумнагинской и сыалахской культур Ю.А. Мочанов пересмотрел свою точку зрения на происхождение культуры: сыалахская культура сформировалась в бассейне средней Лены в результате ассимиляции сумнагинцев выходцами из Забайкалья. Культура последних, в свою очередь, произошла от какой-то раннеголоценовой культуры "дюктайской" традиции, частично сохранившейся в одном из южных районов в качестве изолята. Не исключено, что генезис сыалахской культуры связан с "селенгинской культурой", выделенной в конце 20-х г. Г.Ф. Дебецем, но пока недостаточно изученной [Мочанов, 1977, с. 253; Мочанов и др., 1983, с. 17; 1991, с. 16].

Как видим, относительно генезиса сыалахской культуры у исследователей нет пока устоявшейся точки зрения. Решение этого вопроса во многом зависит не столько от степени изученности конкретной культуры вообще, сколько от меры исследованности территории Сибири и более отдаленных южных регионов. Представляется, что в формировании сыалахской культуры участвовали мощные исаковско-серовские культуры Прибайкалья, трансформи-

ровавшиеся в ходе ассимилятивных процессов и под влиянием местных природно-экологических условий.

Сыалахская культура, включающая в себя ряд элементов сумнагинской культуры, уже на раннем этапе распространилась по всей Якутии, а также по Чукотке и Таймыру. О бесспорном распространении сыалахской культуры на Таймыре и Западной Чукотке свидетельствует такой показательный материал, как керамика. Кроме того, исследователи отмечают явные аналоги и в каменном инвентаре раннеолитических памятников этих территорий [Хлобыстин, 1975а, 1982; Кирьяк, 1993]. На сыалахских стоянках впервые на территории Якутии появились серийные типы шлифованных каменных орудий и обожженная глиняная посуда. Керамика с отпечатками сетки-плетенки на внешней стороне - наиболее показательный признак этой культуры. На раннем этапе эта керамика орнаментировалась налепными валиками, что резко отличает ее от исаковской и серовской "сетчатой" керамики Прибайкалья. Петрографический анализ "сетчатой" керамики из слоев VII и VI стоянки Белькачи I показал, что тесто сосудов в основном состоит из трех компонентов: глины (60 - 65%), песка (20 - 25%) и шамота (10 - 15%). Среди каменного инвентаря показательны двусторонне обработанные иволистные наконечники стрел, бифасиальные ножи и скребки подтреугольной, подпрямоугольной и овальной формы, шлифованные полулунные ножи, прямоугольные тесла. Широко бытовали угловые резцы, вкладыши, проколки и концевые скребки из пластин. Встречаются шлифованные тесла с намечающейся ступенькой, многофасеточные (полиэдрические) резцы с нуклеидной рукояткой, многолезвийные боковые резцы из отщепов, пластинчатые наконечники стрел. Из костяных орудий выделяются односторонне бородчатые наконечники гарпунов с плоским насадом [Мочанов, 1969, с. 159 - 161; Мочанов, Федосеева, 1976, с. 524; табл. 31, 6].

Многое из перечисленного инвентаря встречается в материалах неолитических памятников Олёкмы, рассмотренных в разделе I третьей главы (см. табл. 2; 12, 7, 11, 13; 14, 16; 15, 9, 19 - 21, 23). Множество каменных орудий обрабатывалось двусторонней ретушью. Это означает, что на этапе раннего неолита возродилась бифасиальная техника, распространенная в верхнем палеолите и почти исчезнувшая в эпоху мезолита, в сумнагинской культуре. В этом отношении особенно показательны ножи, скребки и наконечники стрел. Последние интересны для постановки важного теоретического вопроса. Дело в том, что лук и стрелы в Якутии достоверно фиксируются в раннем неолите. Однако истинное время их появления не установлено. Правильно полагать, что лук и стрелы в Якутии впервые появляются в эпоху мезолита, а, возможно, даже в верхнем палеолите. В пользу предположения о палеолитическом возрасте свидетельствует факт обнаружения в палеолитичес-

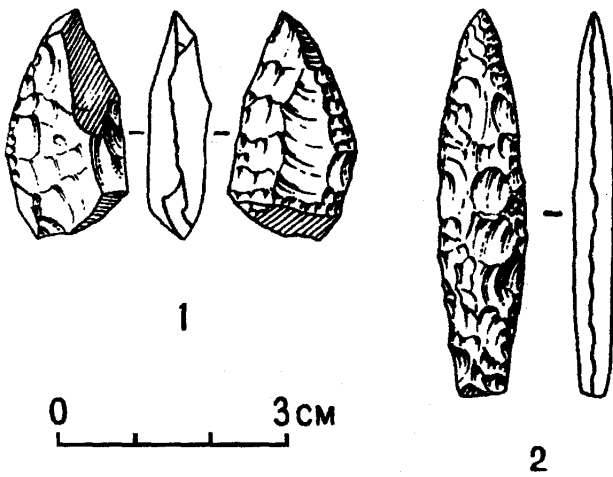

Рис. 11. Кремневые наконечники стрел из палеолитических слоев пещерных стоянок Хаергас (р. Лена) (1) и Дюктай (р. Алдан) (2).

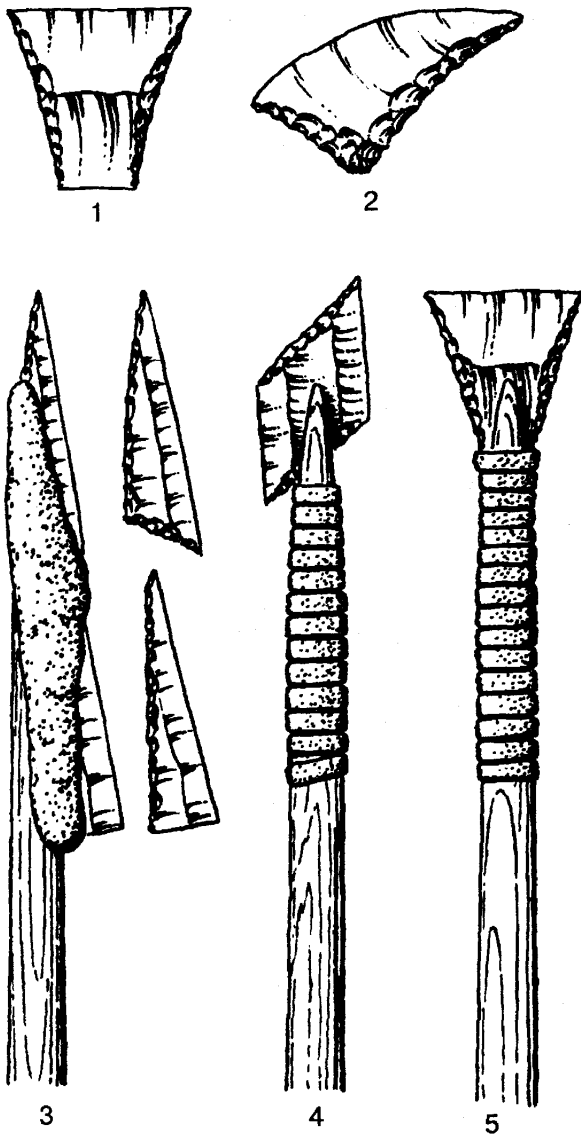

Рис. 12. Микролитические наконечники стрел эпохи мезолита Европы.

ком слое Дюктайской пещеры миниатюрного иволистного бифаса [Мочанов, 1977; рис. 11, 2]. Кроме того, в палеолитическом слое пещеры Хаергас на средней Лене найдено изделие, которое может интерпретироваться как заготовка наконечника стрелы [Черосов, 1988, с. 57; рис. 11, 1]. Однако единичность такого рода находок не может, разумеется, служить надежным доказательством существования лука и стрел в верхнем палеолите Якутии.

Более предпочтительным выглядит все же предположение о появлении лука и стрел в эпоху мезолита. На основании материалов первых лет исследований раннеголоценовых стоянок Ю.А. Мочанов [1969, с. 162 - 163] высказал мысль о том, что обитатели Якутии эпохи мезолита не знали лука и стрел. Такая точка зрения подтверждалась отсутствием стрел в четких стратиграфических условиях на сумнагинских стоянках даже при самых обширных раскопках. Однако в последующем Ю.А. Мочанов изменил свое мнение и стал считать, что лук и стрелы появились в Якутии не позднее мезолита. Исходя из результатов изучения основных технико-типологических показателей каменного инвентаря сумнагинцев и пользуясь аналогиями с раннеголоценовыми черешковыми и иволистыми пластинчатыми наконечниками Европы, Ю.А. Мочанов пришел к выводу о том, что наконечники стрел эпохи мезолита, вероятнее всего, изготавливались из ножевидных пластин при обработке их краевой ретушью [1977, с. 246]. Возможно, к сумнагинскому времени относится часть пластинчатых наконечников стрел, обнаруженных (но четко пока не датированных) на различных стоянках в Северо-Восточной Азии. Предположение Ю.А. Мочанова как будто подтверждает обломок наконечника стрелы из пластины, обнаруженный на стоянке Кыра II (р. Адыча, приток Яны), которая датируется временем существования сумнагинской культуры - XI - VI тыс. до н.э. [Михалев, Елисеев, 1992, с. 58]. Правда, возраст стоянки Кыра II твердо не доказан, нет уверенности и в том, что обломок изделия - действительно фрагмент наконечника стрелы.

Версия о мезолитическом возрасте лука и стрел в Якутии представляется вполне оправданной, если учесть, что наряду с наконечниками из пластин, и даже предшествуя им во времени, в качестве наконечников стрел использовались микролиты. Такие факты отмечались почти во всех регионах Евразии (рис. 12, 1 - 5). Если бы не найденные луки, то существование во многих регионах Евразии в мезолите лука и стрел тоже подвергалось бы сомнению на том основании, что микролиты очень отличаются от палеолитических и неолитических наконечников стрел. Ведь достаточно взглянуть на мезолитические наконечники стрел транше и транше деришат Евразии (рис. 12, 1, 2) и становится ясно, насколько существенно отличаются они от классических по виду наконечников стрел. И если бы не

открытие в торфяниках Европы древков стрел именно с такими наконечниками, то было бы трудно даже предположить их принадлежность к мезолиту. Между тем микролитические наконечники стрел существовали в реальности. В этой связи напомним, что на сумнагинских стоянках найдены изделия, которые вполне могли использоваться в качестве наконечников стрел (особенно как наконечники транше дериват).

Кроме того, существование стрел в мезолите косвенно подтверждается открытием в культурных слоях стоянок Белькачи I и Усть-Тимптон абразивов, которые интерпретируются обычно как выпрямители стрел (рис. 13). Хотя соответствующие трасологические определения в Якутии не проводились, но вряд ли можно сомневаться в том, что абразивы с желобками в самом деле использовались для изготовления древков стрел, ибо иное применение и толкование таких предметов маловероятно. Выпрямители подобного типа использовались, надо полагать, для изготовления древков стрел, шлифовка которых абразивом придавала несущей части стрелы устойчивость при полете и точность попадания в цель.

С учетом наличия выпрямителей древков стрел более убедительной становится идея Ю.А. Мочанова о вероятном существовании в сумнагинской культуре вкладышевых или составных наконечников стрел с костяной или деревянной основой. По его подсчетам, в сумнагинском инвентаре орудия из пластин составляют 85 - 95% от общего количества каменных инструментов, их которых около 30% микролитичны по характеру [1977, с. 242]. Эти данные свидетельствуют о доминировании в сумнагинской культуре пластинчатой техники. Здесь уместно напомнить, что в инвентаре самыми многочисленными являются группы вкладышей и резцов, что свидетельствует о развитой технике и широком использовании именно вкладышевых, сложносоставных орудий. В ряду их были и наконечники стрел, от которых сохранились только вкладыши. Косвенно бытование костяных наконечников стрел подтверждается открытием в мезолитическом культурном слое XVI стоянки Белькачи I костяного стержня с расщепом на одном конце. Возможно, этот стержень использовался в качестве стрелы [Мочанов, 1969, 1977; см. рис. 14].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что лук и стрелы в Якутии появились не позднее мезолита, в интервале 11,5 - 6 тыс. л.н. Следует надеяться, что будущие исследования памятников сумнагинской культуры или иных синхронных по времени культур, которые, возможно, будут выделены, подтвердят эту точку зрения новыми фактами.

Что же касается раннего неолита, то около 6 тыс. л.н. в Якутии бесспорно существовали лук и стрелы. Всего на стоянках этого времени найдено 56 камен-

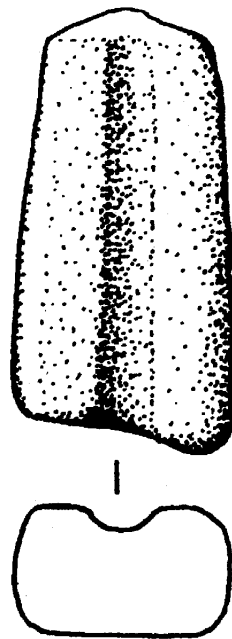

Рис. 13. Каменный абразив для шлифования древков стрел из мезолитического слоя стоянки Белькачи I.

Рис. 14. Костяной наконечник стрелы из мезолитического слоя стоянки Белькачи I.

ных наконечников. Как показывают результаты картирования, наконечники стрел в раннем неолите распространились по всей территории Якутии. Это в значительной мере укрепляет мнение о том, что появление лука и стрел следует относить ко времени, предшествующему раннему неолиту. Ранне-неолитические наконечники стрел Якутии в основном изготавливались из ножевидных пластин. Мелкой краевой отжимной ретушью у них обрабатывалось лишь острие, а иногда и прилегающие к нему боковые стороны. Остальные участки, как правило, сохраняют естественную поверхность пластин. В раннем неолите существовали также двусторонне обработанные наконечники стрел иволистной формы, по количеству они, однако, уступают наконечникам первого типа.

Впервые в Якутии наконечники стрел раннего неолита были найдены А.П. Окладниковым во время работ Ленской историко-археологической экспедиции. Затем ранне-неолитический возраст наконечников доказал Ю.А. Мочанов на материалах многослойных стоянок Алдана. В последующем существование в раннем неолите пластинчатых наконечников стрел подтвердилось исследованиями многослойных стоянок на Вилюе и Олёкме [Федосеева, 1968; Алексеев, 1987]. Как считал А.П. Окладников, наконечники стрел Якутии близки хиньским наконечникам из Прибайкалья. При этом, по его мнению, первоначально лук и стрелы, в том числе наконечники хиньского типа, появились в степных областях Азии и Европы, а уже оттуда проникли в таежные районы Прибайкалья и Якутию [Окладников, 1950а, с. 162]. Ю.А. Мочанов высказал идею об автохтонном происхождении лука и стрел в Якутии. Он считал, что прототипами ранне-неолитических пластинчатых наконечников могли служить мезолитические проколки [1969, с. 162]. Такое предположение вполне приемлемо.

Одно из важнейших достижений эпохи неолита - возникновение гончарства - производства из глины сосудов, игрушек, предметов ежедневного обихода и разного инвентаря*. Открытие обжига глины давало возможность получать принципиально новый не встречавшийся в природе материал - безводный силикат, в который превращается при обжиге глина. Как и другие подобные открытия, гончарство не есть изобретение одного лица или народа. Его осваивали независимо друг от друга люди в разных регионах Земли. Необходимые условия для появления глиняной посуды, как считается, создались с развитием оседлого рыболовческо-охотничьего хозяйства [Семенов, Коробкова, 1983].

Техника изготовления неолитической керамики Якутии не исследовалась специально. Основываясь

на утверждения Ю.А. Мочанова [1969, с. 163] о наибольшем сходстве ранне-неолитической сыалахской керамики Якутии с исаковской керамикой Прибайкалья, следует рассмотреть гипотезу А.П. Окладникова о технике изготовления исаковской "сетчатой" керамики, которая представляет наиболее архаичный способ лепки неолитической керамики Прибайкалья.

Исаковские сосуды сходны с сыалахскими пароболоидной формой. Внешняя поверхность тех и других сосудов сплошь покрыта текстильными рябчатыми оттисками, на которых местами отчетливо просматриваются отпечатки узлов и не очень толстых, круто скрученных нитей крупноячеистой, ромбической и квадратной сетки. Оттиски сетки-плетенки постоянно перекрывают и верхний прямой срез края венчика. На днище они особенно четкие и резкие. А.П. Окладников отмечал, что некоторые исследователи, в частности Н.Н. Агапитов, пришли к выводу о прямой связи сетчатых оттисков на сосудах с техникой их изготовления. Этот способ выделки сосудов мыслится обычно так: сплеталась легкая корзинка в виде конуса, которую обмазывали внутри глиной и ставили в огонь. Плетенка стгорала и получался остродонный горшок с оттисками корзиночного плетения на внешней его поверхности. Такой способ изготовления глиняной посуды отмечался обычно в качестве первоначального и всеобщего на ранних этапах развития керамического производства. Однако для изготовления керамики в качестве твердой основы использовалась не плетеная корзина, а сетка-плетенка. Исаковская керамика представляет собой своеобразный и очень архаичный по типу вид сетчатой керамики. Имеющиеся на исаковских сосудах оттиски произведены настоящей мелкоячеистой сеткой из тонких нитей, скрепленных в местах переплетения довольно крупными узелками. Но легкая и эластичная сетка, как считал А.П. Окладников, вряд ли могла быть единственной основой для сооружавшегося в ней глиняного сосуда. Сетка, по его мнению, служила лишь оболочкой твердой основы, внутри которой формировался сосуд, и единственным назначением ее в таком случае было предохранение глины от прилипания к стенкам формы. Это объясняет как наличие отчетливых грубых оттисков "плетенки" на стенках сосуда снаружи, так и появление на стенках изнутри отпечатков пальцев. Сетка или плетень растягивались неодинаково на всем пространстве формы. Поэтому оттиски местами были гуще, приобретая вид сплошных бугорков, а местами, где сетка растягивалась сильнее, ее следы отпечатывались в виде ромбических ячеек и нитей. Не исключено, отмечал А.П. Окладников, что вместо обмазки глиной мягкой сетки древние гончары изобрели совершенно иной способ укрепления ее стенок, при котором легко и просто решалась главная задача, - при формовке глиняного сосуда использовалась твердая основа. Для этого было достаточно вырыть в земле

* В некоторых районах Земли, например в Японии, Моравии и на Дальнем Востоке, керамика появилась в донеолитическое время. Однако повсеместное ее распространение приходится на неолит.

ямку, соответствующую форме сетки-кошелки, а затем обмазать ее изнутри глиной [Окладников, 1950б, с. 167 -171].

Высказывается, однако, и другая точка зрения: сыалахские сосуды лепили кольцевым (спиральным, ленточным, жгутовым) налепом. Остродонные сосуды начинали формовать не со дна, а сверху, с венчика. Потом из лент делали стенки сосуда, постепенно сужая сосуд, его округлое или острое дно. Чем тоньше были стенки сосуда, тем он становился прочней, удобней и эстетичней. Однако сырая глина при уплотнении стенок теряла форму, оплывала. Чтобы избежать этого, сыалахцы обматывали заготовку сосуда в несколько слоев снаружи обрывками плетеной мелкоячеистой сети. При обжиге сетка выгорала, а на наружной поверхности сосуда оставались ямки - отгибки узелков сети (т.е. использовался принцип утрачиваемых моделей). Керамику с такими оттисками сетки-плетенки именуют "сетчатой" или текстильной. В последнем случае чаще всего имеется ввиду керамика, при изготовлении которой в качестве эластичной основы (своего рода скелета) использовалась настоящая ткань.

Однако все модели технологии изготовления сосудов гипотетичны, бесспорных фактов, подтверждающих их правомерность, нет. К тому же С.А. Семенов, проведя серии экспериментов, доказал, что параболоидное тулово и острое дно неолитических глиняных сосудов определялись не формой сетки-кошелки или удобством вкапывания сосуда в землю при приготовлении пищи на костре, а физическими законами и свойствами материалов. Как показали опыты, успех сушки сосудов зависит от формы дна. При совершенно одинаковых условиях сушки среди остро - и круглодонных сосудов доля брака минимальна, а среди плоскодонных много сосудов с трещинами на дне, что делает изделие негодным для обжига [Семенов, 1965, с. 222]. По данным С.А. Воробьева, сыалахская керамика изготавливалась не с помощью сетки-плетенки или в вырытой в земле ямке с эластичным "скелетом" из обрывков плетеной сети, а совсем иначе, вероятнее всего, кольцевым налепом и выколачиванием. Остается лишь надеяться, что дальнейшие технологические исследования древнейшей керамики из Восточной Сибири прояснят в конечном счете вопрос о способах изготовления "сетчатой" керамики. Пока же можно согласиться с мнениями А.П. Окладникова и Ю.А. Мочанова о значительной архаичности с чисто технологической точки зрения исаковской и сыалахской керамики. То, что сыалахская сетчатая керамика в Якутии самая древняя, подтверждается стратиграфически. На всех исследованных многослойных и однослойных несмешанных памятниках раннего неолита встречается только сетчатая керамика. Поэтому керамика с отпечатками сетки-плетенки на внешней стороне представляет собой один из надежных индикаторных признаков сыалахской культуры.

Керамику как наиболее пластичный материал, легко поддающийся обработке, покрывали орнаментом. Под ним понимается совокупность узорных мотивов, рельефных или плоскостных, подчиненных определенной композиции. Мотив - это повторяющаяся часть орнамента. Украшали, как правило, венчики и верхнюю часть тулова сосудов, крайне редко - бортики венчиков. Основным орнаментом располагался на венчике и в верхней части тулова в виде опоясывающих бордюрных зон. Простой орнамент на неолитических сосудах составлен из округлых сквозных отверстий. В составе сложных орнаментальных композиций в качестве обязательных элементов присутствуют сквозные отверстия, а также различные сочетания горизонтальных, вертикальных и наклонных прочерченных линий. В отличие от технического орнамента, который сформировался на поверхности изделия в процессе изготовления, художественный наносили после изготовления сосуда, но по еще влажной глине.

Сыалахская керамика имеет технический и художественный орнамент: налепные валики под бортиком некоторых сосудов, дополнительно украшенные поперечными глубокими вдавлениями стека или тонкими прорезными линиями, образующими елочный узор. Почти у всех сосудов бортик украшен косыми параллельными или елочными насечками зубчатого штампа, поперечными черточками или овальными вдавлениями. Обязательный элемент орнаментальной композиции сыалахской керамики - пояс из сквозных округлых или овальных отверстий под венчиком. Относительно назначения пояса из дырочек на многих неолитических сосудах из разных регионов у исследователей нет единого мнения. Некоторые считают, что эти дырочки имели не разгаданное пока практическое назначение. Наиболее приемлемым представляется календарно-астрономическая трактовка таких отверстий, предложенная А.В. Пеньковым на основе исследования ымыяхтахской керамики [1993]. Заслуживает внимания мнение, что сквозные отверстия на венчике наносили с целью предохранения сосудов от растрескивания при соприкосновении с огнем.

Особый интерес вызывает керамика, найденная А.П. Окладниковым на стоянке Бестях на средней Лене [1960, с. 28]. Аналогичная керамика была обнаружена в культурном слое XI стоянки Сумнагин I [Мочанов, 1969, с. 149]. В обоих случаях под венчиком сосуда поверх отпечатков сетки-плетенки бордюром располагался решетчатый орнамент [Мочанов и др., 1983, табл. 75, 14]. Орнамент такого типа получил распространение в среднем неолите. Учитывая это, а также стратиграфическое положение слоя, Ю.А. Мочанов считает эту гибридную керамику показателем заключительного этапа раннего неолита [1969, с. 150].

"Сетчатая" керамика из Якутии отличается по орнаменту от исаковской и серовской сетчатой ке-

рамики из Прибайкалья. Сялахские изделия характерны наличием рассеченных налепных валиков и некоторых разновидностей плоскостного орнамента. Керамика сялахской культуры нигде, кроме Таймыра и Чукотки, не находит полных аналогий. Более того, керамика со стоянки Курунг II отличается от алданской сетчатой керамики орнаментом (см. табл. 3, 13). Отличие олекминской керамики от алданской не носит принципиального характера. Скорее всего, на Олёкме выявлен еще один тип сялахской раннеолитической керамики. В целом сялахские кругло- и остродонные сосуды, судя по оформлению венчиков, представлены простыми сосудами закрытого типа. Вариативность форм сялахских сосудов, разновидности орнамента на их тулове и бортике демонстрируются в сводной классификационной таблице сялахской керамики (табл. 32): за основу принята таблица керамического комплекса сялахской культуры, предложенная Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой [1976, с. 528].

Отличие сялахского комплекса от синхронного прибайкальского - в отсутствии в раннем неолите Якутии клиновидных нуклеусов. В раннеолитических комплексах Прибайкалья и верхней Лены клиновидные нуклеусы встречаются довольно часто [Дебеч, 1939; Окладников, 1950б; Савельев и др., 1974; Зубков, 1982]. В раннеолитических культурных слоях многослойных стоянок Якутии клиновидных нуклеусов нет. Отсутствуют они и на памятниках раннего неолита Таймыра и Чукотки [Хлобыстин, 1982; Кирьяк, 1993]. Они (с оговоркой о возможно более раннем возрасте) выделены лишь в переотложенных слоях стоянки Сумнагин II [Кашин, 1970]. Раньше на верхнем Вилюе на стоянках со смешанными культурными слоями клиновидные нуклеусы на основании сопоставлений с материалами соседних областей считались элементом раннеолитических комплексов [Федосеева, 1968]. Однако позже в свете археологических исследований на Алдане эта точка зрения была пересмотрена [Федосеева, 1970а, 1971]. Изучение многослойных памятников, а также стоянок, содержащих в смешанном виде культурные остатки всех этапов неолита и эпохи палеометаллов, показывает, что в это время клиновидные нуклеусы полностью вышли из употребления. В настоящее время трудно объяснить причину этого, будущие исследования предоставят новые материалы для размышлений, однако до тех пор, пока клиновидные нуклеусы не удастся найти в четких стратиграфических условиях вместе с раннеолитическими изделиями, их следует считать не только своеобразным показателем древности (палеолит - мезолит), но и одним из элементов различий между неолитическими комплексами Якутии и Прибайкалья.

Как указывалось, тип хозяйства племен Якутии в эпоху неолита продолжал оставаться присваивающим. Преобладающую роль в производстве играла

охота. Рыболовство получило большее, чем в предшествующей, сумнагинской, культуре, развитие. Впервые появились специальные рыболовные орудия - гарпуны, причем разных типов. У сялахцев фиксируется более многочисленная, чем у сумнагинцев, коллекция грузил от сетей. О существовании последних косвенно свидетельствует и сетчатая керамика. Необходимо отметить, что, судя по распространению орудий лова, в неолите рыболовство было более развито у южно-таежных племен Якутии. В северной части ее территории орудия рыболовства в неолитических памятниках пока не обнаружены, хотя на стоянках встречаются остатки ихтиофауны. Считается, что у сялахцев таежной зоны рыболовство имело такое же, как и охота на лесных животных, огромное хозяйственное значение. У них было хорошо организованное сезонное рыболовство. В приполярных и заполярных районах охотники занимались рыбным промыслом периодически - во время хода и нереста рыбы при помощи тальниковых запорных устройств. Видимо, ловля рыбы в этих районах не приобрела существенного хозяйственного значения из-за обилия крупных сухопутных и морских животных [Эверстов, 1988, с. 72 - 73]. Основными объектами охоты были лось, северный олень, косуля, боровая и водоплавающая птица. Судя по фаунистическим остаткам, в охотничьем промысле сялахцы отдавали явное предпочтение лосю.

Образ этого животного занимал центральное место и в искусстве сялахцев. Изображения лосей всегда численно доминируют и занимают зрительно более выгодное место на всех известных раннеолитических писаницах Алдана, Амги, Лены, Олёкмы, Синеи, Токко, Чары [Окладников, Запорожская, 1972; Окладников, Мазин, 1976, 1979; Кочмар, 1992]. Наскальные изображения раннего неолита выявлены на следующих святилищах: Суруктаах-Хайя, Токко, Бес-Юрях, Сылгылыр, Сибииктэ II, Балаганнах I, Укаан I - II, Аппа и Суон-Тиит. На рисунках раннего неолита запечатлены лоси, олени, сцены размножения и гибели животных (рис. 15, 1 - 3). Основой для их датировки стали свидетельства жертвоприношений, обнаруженные у скал с рисунками Сылгылыр, Аппа, Суон-Тиит [Кочмар, 1992, с. 23]. Особое значение при выделении раннеолитического пласта наскальных изображений имеют каменные скульптурки лосей. На стоянке Туой-Хайя в верховьях Вилюя найдена каменная фигурка лося [Федосеева, 1968, с. 54]. Подобная же фигурка лося обнаружена в культурном слое жертвенника у писаницы Онен в верховьях Олёкмы [Окладников, Мазин, 1976, с. 45]. Известны такие фигурки и в материалах из соседних с Якутией регионов, в частности, с Ангары [Окладников, 1966, с. 127]. Все эти скульптуры объединяют не только единство сюжета, но и манера исполнения, стиливые признаки передачи деталей тулова зверя. Яркое стиливое единство фигурам придает характерная параболическая трактовка головы.

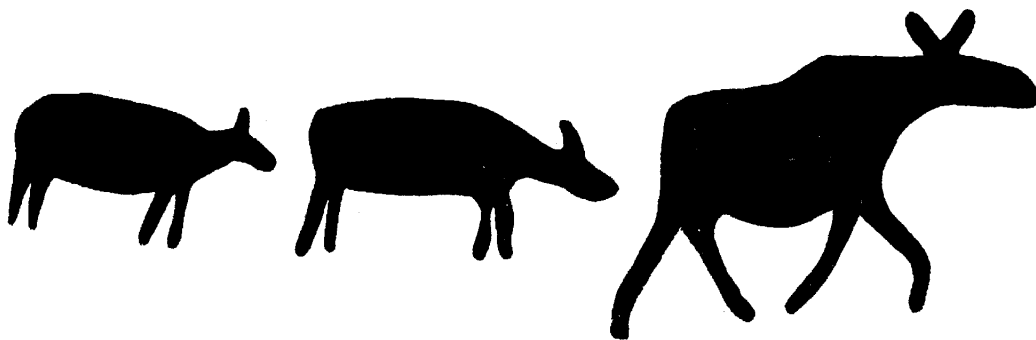

Рис. 15. Наскальные изображения лося и оленей эпохи раннего неолита.

Ценность таких скульптурок заключается не только в их художественном и смысловом содержании, но и в том, что они позволяют уточнить датировку памятника. Так, скульптурка из Туой-Хайя найдена именно в раннеолитическом слое. На писаницах Якутии исследователи выделяют изображения лосей с параболоидной головой.

Многие исследователи справедливо объясняют господство образа лося в древнем искусстве его культовым значением. Этнографические данные свидетельствуют, что культовое отношение к лосю у многих народов Сибири сохранялось несколько тысячелетий. Это отражало важность места лося в повседневной жизни северного охотника. Охота на него давала людям много мяса, теплую шкуру, поделочную кость. Вполне понятно, почему лось стал властителем дум неолитических охотников, отчего он превратился в особо почитаемый персонаж не только изобразительного искусства, но и мифологии. С лосем связаны многие хорошо известные в этнографии обряды, поверья, основу которых составляли первобытный анимализм и магия.

В целом изобразительное искусство сылахцев по праву называют звериным эпосом. На писаницах Якутии красной или бордовой охрой нарисованы многочисленные лоси и олени, иногда медведи и волки или собаки. Выполнены они в реалистической манере. Чаще всего изображения объединены в многофигурные композиции. Животные показаны, как правило, в движении, экспрессивно, очень редко в статичных позах. Среди раннеолитических рисунков впервые появляются, хотя и малочисленные, изображения человека, сцены загонной охоты, где охотник присутствует незримо, и мифологические сцены с солярными знаками. Раннеолитические писаницы Якутии близки синхронным памятникам Прибайкалья и верхнего Амура, где имеются изображения лосей с параболоидными головами и похожие антропоморфные фигуры [Окладников, 1966, 1976; Кочмар, 1992]. Очевидно, столь впечатляющие аналогии, как и отдельные параллели в материальной культуре, отражают существование контактов населения этих регионов Сибири в древности. Отличает писаницы Якутии от таких же памятников Прибайкалья и верхнего Амура отсутст-

вие выбитых рисунков, все наскальные изображения выполнены красной охрой различных оттенков.

В Якутии пока не обнаружено ни одного погребения эпох палеолита, мезолита и раннего неолита. Разумеется, это не означает, что здесь таковых нет вообще. Судя по материалам с других территорий Евразии, где погребения фиксируются с мустьерской эпохи [Смирнов, 1991], а также учитывая обилие стоянок этих эпох, древние погребения должны быть и в Якутии. Можно надеяться, что со временем они будут обнаружены и вместе с бесценными антропологическими данными позволят составить представление о мировоззрении, духовной и материальной культуре людей, населявших Ленский край в раннем неолите. Пока же приходится констатировать, что культуру раннего неолита Якутии можно реконструировать лишь по двум типам археологических памятников: по стоянкам и наскальным рисункам.

2. Белькачинская культура, III тыс. до н.э.

В конце IV тыс. до н.э. сылахскую раннеолитическую культуру на территории Якутии сменила белькачинская культура среднего неолита. Она получила свое название по первому многослойному памятнику Якутии - стоянке Белькачи I на Алдане, открытой в 1964 г. Ю.А. Мочановым. Считается, что носители белькачинской культуры были выходцами из Забайкалья и верхнего Амура. В III тыс. до н.э. представители белькачинской культуры, включившей в себя ряд автохтонных элементов, распространились на всем ареале сылахцев. Однако не исключается возможность существования изолятов более древнего населения в труднодоступных районах Якутии [Мочанов, 1969; Мочанов, и др., 1983, с. 17 - 20; 1991, с. 17 - 19]. Изоляты сылахцев могли существовать и в некоторых районах Таймыра и Чукотки.

В настоящее время в Якутии известно более 250 белькачинских памятников. На 18 многослойных стоянках обнаружены культурные слои среднего неолита. Материалы этих местонахождений, в том числе описанных в разделе 2, стали опорными при характеристике особенностей среднего неолита Яку-

тии. По памятникам этого времени, отличающихся четкой стратиграфией, получено 10 хорошо согласующихся между собой радиоуглеродных дат: Сумнагин I, слой X - 3970 ± 100 л.н., слой IX - 4200 ± 100 и 3750 ± 50 л.н.; Белькачи I, слои IV - V - 4800 ± 90 л.н.; Усть-Тимптон, слой III - 4100 ± 100 , 5200 ± 100 л.н.; Большая Кюскэ, слой V - 4800 ± 150 л.н.; Усть-Токко I, контакт слоев IV - V - 5000 ± 175 л.н.; Таланда II, слои IV - VI - 4100 ± 100 , 4200 ± 100 л.н.; Сиктях I, слой V - 4120 ± 120 л.н. Наиболее показательными среди них являются 5200 ± 100 л.н. (Усть-Тимптон, слой III), 4800 ± 90 л.н. (Белькачи I), 4800 ± 150 л.н. (Большая Кюскэ, слой V), 3750 ± 50 л.н. (Сумнагин I, слой IX). На основании перечисленных дат можно утверждать, что белькачинская культура существовала $5200 \pm 100 - 4100 \pm 100$ л.н. Этот возраст подкрепляется радиоуглеродными датами, фиксирующими верхнюю хронологическую границу сылахской культуры, а также датами, определяющими нижнюю границу ымыяхтахской культуры позднего неолита [Мочанов, Федосеева, Алексеев, и др. 1983; 1991]. Именно такими хронологическими рамками якутские археологи Ю.А. Мочанов, С.А. Федосеева, В.Г. Аргунов и другие ограничивают комплексы среднего неолита [Мочанов, Федосеева, 1975; Мочанов и др. 1983, 1991; Алексеев, 1987; Аргунов, 1990; и др.].

Основной индикатор белькачинской культуры - шнуrowая керамика. Иногда на стоянках встречаются сосуды с отпечатками рубчатой лопаточки на внешней стороне поверхности (штрихованная керамика). Впервые в Якутии памятник со шнуровой керамикой обнаружил в 1928 г. Н.Б. Кякшто. Затем стоянки, содержащие керамику со шнуровыми отпечатками, обнаружил А.П. Окладников во время работ Ленской историко-археологической экспедиции в 1940 - 1946 гг. Однако тогда памятники, содержащие шнуровую керамику, не были отнесены к отдельной культуре, хотя стоянки с такой керамикой датировались отдельным этапом неолита. Это стало возможным только в результате работ ПАЭ в 60-х гг. Начало изучения особой белькачинской культуры среднего неолита Якутии связано с исследованием многослойной стоянки Белькачи I слои V и IV.

Техника изготовления каменных орудий в среднем неолите достигла своеобразного пика. В это время практиковались все известные приемы обработки камня: пиление, сверление, шлифование. Характерный для белькачинской культуры каменный инвентарь представлен шлифованными ступенчатыми теслами с высокой спинкой, топорами с "ушками", клиновидными топорами, ретушированными теслами, долотами с желобчатым лезвием, концевыми скребками с "ушками", клювовидными комбинированными орудиями, иволистными и овальными двусторонне обработанными ножами и наконечниками копий, иволистными и треугольными двусторонне ретушированными наконечниками стрел. У

последних оформлялась асимметричная выемка в основании, а иногда лишь одно вытянутое жалце. Впервые широкое распространение получили многофасеточные срединные резцы с нуклеидными и ретушированными рукоятками. Большую группу составляли орудия из пластин - резцы, скребки и вкладыши. Очень показательны пластинчатые вкладыши с ретушью, широко заходящей на брюшко. Из костяных изделий характерны кинжалы, наконечники копий и стрел с одним или двумя пазами, в которые вставлялись пластинчатые вкладыши, рукоятки для тесел, а также составные рыболовные крючки, или блесны, гарпуны, шилья, иголки [Мочанов, 1969; Мочанов, Федосеева, 1976; Алексеев, 1987; Аргунов, 1990; табл. 33аб; 34]. Корреляция этих изделий с находками из соседних регионов показывает, что многие орудия находят аналоги в инвентаре сибирских неолитических культур. Однако в совокупности они не имеют полных аналогий в синхронных культурах Восточной Сибири. Оригинальный элемент культуры - ступенчатые тесла, часто шлифованные.

В сравнении с сылахским инвентарем новациями являются ступенчатые тесла, топоры с "ушками", удлиненно-треугольные наконечники стрел с двусторонней ретушью, концевые скребки с "ушками", изготовленные из отщепов, составные рыболовные крючки. Уменьшается доля орудий, изготовленных из пластин. Исследование разнотипных археологических памятников среднего неолита в разных районах и зонах Якутии убеждает в правомерности выделения особой среднеолитической культуры, названной Ю.А. Мочановым белькачинской. Керамика белькачинской культуры существенно отличается от раннеолитической, сылахской. Она характеризуется более совершенной техникой изготовления. Был освоен новый прием - выколачивание. Об этом, как считает Ю.А. Мочанов, можно судить по техническому декору сосудов: "На внешней поверхности всех глиняных сосудов белькачинской культуры хорошо заметны рельефные отпечатки крученого шнура, которые почти всегда расположены вертикально от венчика к днищу. Они образовались во время формовки сосуда из мягкой глины при помощи колотушки, обмотанной шнуром или узким плетеным ремешком" [1969, с. 176]. В результате такой работы на поверхности сосуда оставались отпечатки шнура или ремешка. О появлении новой технической традиции в гончарстве свидетельствует также дно белькачинских сосудов, которые состоят из нескольких последовательно наращенных слоев.

А.П. Окладников предполагал, что некоторые сосуды серовской эпохи в Прибайкалье изготавливались путем выколачивания. Как образец тонкостенных сосудов, оформленных с использованием новой технологии, он представил сосуд из погребения в могильнике Городище на Ангаре. Изготовить такой сосуд с тонкими стенками, пользуясь примитивным приемом лепки с твердой основой, А.П. Окладников

считал невозможным. Тогда оставалось "предположить, что его формовали тем хорошо известным в сибирской этнографии способом, который до недавнего времени применялся якутскими гончарами, а в древности был распространен по всей Сибири. Этот способ выколачивания глиняного сосуда из кома глины специальной колотушкой или лопаточкой, которой били по наружной стороне будущего сосуда, в то время как изнутри на месте удара подставляли плоский камень-наковальню" [19506, с. 208]. Посуда, изготовленная таким способом, была гладкостенной, так как колотушка не обматывалась шнуром или плетеным ремешком.

Упомянутый А.П. Окладниковым способ изготовления якутскими гончарами сосудов путем выколачивания описал в XIX в. В.Л. Серошевский: "Глину дробят молотком на каменной плитке, порошок собирают в корыто и разводят теплой водой с подмесью серы. Затем густое тесто ударами деревянного молотка уминают до тех пор, пока оно не станет однородной массой. Тогда делают из него булку, и из нее руками лепят стенки горшка, подбавляя, если нужно, свежей глины. Когда горшок уже получит известную желательную форму, внутрь его вставляют гладкий камень, и, поддерживая рукою, ударами лопатки снаружи по поверхности горшка, выравнивают и выглаживают его стенки" [1896, с. 378].

При изготовлении сосудов способом выколачивания применялась не только колотушка, обмотанная шнуром, но и лопаточка с резным узором, от которой на влажной глине оставались рубчатые отпечатки. Об этом свидетельствуют фрагменты рубчатой керамики в среднеолитических слоях стоянки Туой-Хайя на верхнем Вилюе и Большая Кюскэ на Олёкме [Федосеева, 1968, с. 67; Алексеев, 1987, с. 50]. В могильнике Туой-Хайя рубчатая керамика встречается вместе со шнуровой [Федосеева, 1968, с. 31; Мочанов и др., 1975, с. 31 - 32, табл. 33, 7, 9, 15]. Наличие рубчатой керамики свидетельствует об изменении технологии изготовления глиняных сосудов в среднем неолите, кроме того, ее присутствие в совокупности со шнуровой керамикой и остальным инвентарем указывает на развитие этнокультурных процессов в регионе.

Появление новой технологии изготовления керамики вызвало изменение состава и пропорций компонентов теста. Петрографический анализ показывает, что формовочная масса белькачинских сосудов состоит из двух компонентов: глины (63%) и песка (37 - 38%). Шамот примешивали редко (такие сосуды представлены единичными обломками [Мочанов, 1969, с. 177]. Следует заметить, что петрографический анализ проводился лишь на образцах шнуровой керамики.

Как и на сылахской, на белькачинской посуде украшался венчик. Узоры, окаймляющие сосуд, были составлены из параллельных резных ли-

ний, прочерченных двойной линией треугольников, решеток с крупными ромбическими ячейками, нанесенными зубчатым штампом. На многих сосудах под бортиком имеются широкие утолщающие пояски-налепы, некоторые из них орнаментированы параллельными косыми оттисками зубчатого штампа, семью - девятью параллельными поясками из вдавлений зубчатого штампа, елочным и ромбическим оттисками зубчатого штампа. Бортик сосудов чаще всего украшали косыми параллельными отпечатками зубчатого штампа. На некоторых сосудах под бортиком сделан окаймляющий поясик из сквозных отверстий. В целом орнамент на тулове белькачинских сосудов более разнообразен, чем на сылахских. Изменилась и форма посуды. Белькачинские сосуды представлены преимущественно формами, но на стоянке Сумнагин I обнаружен слегка отогнутый венчик шнуровой керамики [Мочанов, Федосеева, Алексеев и др., 1983; см. табл. 35]. Типология форм и орнаментация сосудов среднего неолита представлены в таблице 59.

На памятниках серовского времени в Прибайкалье шнуровая керамика не является господствующей. Здесь наиболее распространены изделия гладкостенные, с сетчатыми, гребенчатыми оттисками или с отпечатками рубчатой лопаточки. Что касается посольской керамики, то ее сходство с олекминскими находками ограничено лишь наличием отпечатков шнура на внешней поверхности. Треугольный в сечении валик и оформление линиями отступающей лопаточки посольской керамики отличает ее от олекминской. Типологически отличается от белькачинской и неолитическая шнуровая керамика из Прибайкалья. Особенно это касается основных элементов орнамента. В соседних с Якутией районах шнуровая керамика наиболее широко представлена на среднем Амуре в коллекции грома-тухинской культуры [Окладников, Деревянко, 1977]. В последние годы доказано бытование белькачинской шнуровой керамики на нижнем Амуре [Копоцкая, Милютин, 1989]. Во второй половине III тыс. до н.э. шнуровая керамика появляется на памятниках усть-юмурченской культуры на верхнем Витиме [Ветров, 1992]. Типично белькачинская шнуровая керамика зафиксирована на многих стоянках на Таймыре и Чукотке. Учитывая распространение шнуровой керамики и характерных белькачинских каменных орудий, исследователи приходят к выводу, что в среднем неолите миграционные потоки со стороны Якутии усилились [Хлобыстин, 1982; Кирьяк, 1993, с. 44].

Известно несколько погребений среднего неолита - Джикимское на Олёкме, Оннеское и Хайыргаское на Амге, Родинское на Нижней Колыме, Туой-Хайинский могильник в верховьях Вилюя [Федосеева, 1969; Кистенев, 1980, 1992; Козлов, 1980; Алексеев, 1975, 1987]. Пока это самые древние погребения, известные на территории Якутии. Общими

характеристиками для них являются: северо-восточная ориентация костяков (исключение - погребение Оннёс, ориентированное на юг); грунтовые могильные ямы лишены каменных кладок; погребенный засыпан охрой, вытянут на спине, руки согнуты в локтях, кисти покоятся на тазовых костях, ногами ориентирован к реке (погребенный в Оннёс обращен головой к реке). Много общего и в наборе погребального инвентаря: шлифованные тесла, вкладыши, составные вкладышевые орудия, наконечники стрел, нуклеусы (они найдены в Родинском), угловые резцы из сечений пластин (не найдены лишь в Туой-Хайя).

Сказанное позволяет включить перечисленные могильники в круг белькачинских памятников. Археологи отмечают элементы сходства белькачинских и серовских погребений в Прибайкалье [Федосеева, 1969; Алексеев, 1975, 1987; Кистенев, 1980, 1992; Козлов, 1980]. Совпадают: северо-восточная ориентация ногами к реке, положение вытянутое на спине, особенности размещения рук, отсутствие каменных кладок. Особенно близкие параллели обнаруживаются при анализе материалов из Верхоленского могильника и Прибайкалья. На первый взгляд, можно предложить единые генетические корни прибайкальской и якутской культур, но этому противоречат существенные различия в погребальном ритуале. Якутские погребения раннего неолита отличаются от прибайкальских наличием ступенчатых тесел, охры (обязательного элемента обряда) и отсутствием керамики.

Антропологическое изучение показало, что череп из Туой-Хайя относится к катанганскому монголоидному типу [Дебец, 1956, с. 60 - 63]; череп из Джикимды по морфологическим признакам близок черепам из погребений Бугачан и Туой-Хайя и относится к палеосибирскому монголоидному типу [Томтосова, 1977, с. 133 - 136]; оннёсский череп, морфологически близкий неолитическому черепу с Шилки [Томтосова, 1980, с. 54 - 55], представляет байкальский антропологический тип; череп из Родинского погребения сходен с черепом из Усть-Бельского могильника на Чукотке. Метрическая характеристика и соотношение размеров черепа из Родинского погребения свидетельствуют о преобладании признаков арктической расы в строении черепной коробки и сочетании черт арктической и байкальской рас в морфологии лицевого скелета [Гохман, Томтосова, 1883, с. 7 - 9; 1992, с. 105 - 124].

Обобщающие исследование неолитических черепов из Якутии пока не проводилось, но уже сейчас можно утверждать, что краниологическая серия состоит из двух групп: байкальской и метисной байкальско-арктической.

Богатые погребения белькачинской культуры содержали великолепные образцы украшений: бусы из створок раковин и скорлупы яиц крупных птиц, разнообразно орнаментированные костяные амуле-

ты и подвески в виде стилизованных изображений птиц, ожерелья из просверленных клыков, браслеты, костяные скульптурки птиц, нефритовые диски и орнаментированные костяные пластины (табл. 36). В Родинском погребении на Колыме обнаружены также загадочные орнаментированные изделия. Одно из них С.П. Кистенев предположительно определил как древний календарь [1992, с. 72, табл. 2, 1], но конкретных доводов в пользу своей гипотезы не привел. Заслуживает внимания интерпретация А.В. Пенькова [1993] двух других костяных изделий из инвентаря Родинского погребения. По его мнению, количество насечек на одном из них делится на четыре числовых блока, кратные девяти, и четыре блока, кратные четырем (табл. 36, 25). Комбинаторика числовых блоков позволяет получить любое число от 72 до 92, в том числе и те, которые соответствуют древним расчетам природных циклов. На другом костяном изделии (см. табл. 36, 26), по наблюдениям А.В. Пенькова, общее количество отрезков-ступенек образует числовой ряд: 2, 4, 6, 9, 8, 9, 6, 4, 2. В этом симметричном математическом ряду первые и последние пять цифр (с повторением центральной 8 в обоих случаях) дают в сумме 29, что соответствует продолжительности синодического лунного месяца в сутках. Исходя из этих рассуждений, названные изделия можно оценить как предметы календарно-астрономического назначения. Логика семантического анализа А.В. Пенькова представляется вполне убедительной и приемлемой, особенно с учетом содержания работ В.Е. Ларичева, доказавшего существование поразительно развитых астрономических знаний у обитателей Сибири эпохи верхнего палеолита [1984, 1985а, б, 1988, 1989].

Наскальные рисунки среднего неолита выделены исследователями на писаницах Кегей, Сурукта-Хайя Токко, Крестях I, Бэс-Юрях, Сылгылыр, Сибиктэ II - IV, Балаганнах I, Укаан I - II, Аппа, Кускангра, Суон-Тиит [Окладников, Мазин, 1976, 1979; Кочмар, 1992]. Около писаниц Крестях I, Кегей, Кускангра, Суон-Тиит обнаружены жертвенники с каменным инвентарем белькачинской культуры, позволившие объективно определить возраст рисунков. На писаницах III тыс. до н.э. при общем преобладании анималистических сюжетов и признаков охотничьего культа лося больше, чем на рисунках предыдущих эпох, антропоморфных изображений. Изображения людей, как и животных, сделаны в разной технике: сплошными и контурными линиями, а также заливкой контура краской. Люди показаны преимущественно в движении. Отмечаются новые стилистические признаки в трактовке антропоморфных фигур - трехпалые конечности, округлые головы, подчеркнута гипертрофированные фаллосы, детали одежды, которые часто интерпретируются как атрибуты шаманизма.

Новадиями в анималистической тематике представляются изображения животных с клиновидны-

ми головами без шейного перехода к туловищу и змей [Кочмар, 1992]. В III тыс. до н.э. в других районах Сибири довольно широко распространяются техники выбивания рисунка по контуру или даже сплошной выбивки. В Якутии эти приемы не получили распространения. Выбивание по контуру зафиксировано только в двух случаях: лось на писанице Крестях на Олёкме и лось на писанице Чуру на Лене. Несмотря на различия в технике исполнения, наскальные рисунки Якутии находят стилистические и сюжетные аналоги среди неолитических изображений в верхнем Приамурье и на Ангаре.

Хозяйство белькачинцев было в основном охотничьим. Судя по фаунистическим остаткам на стоянках, главными объектами охоты были лоси и олени. Иногда добычей охотников становились и другие основные представители голоценовой фауны Якутии. Дальнейшее развитие получило рыболовство. Наряду с грузилами и гарпунами на стоянках найдены составные рыболовные крючки. Интересно отметить, что у белькачинцев впервые достоверно фиксируется существование собаки, вероятнее всего, прирученной. В могильнике Туой-Хайя обнаружено захоронение собаки: погребен только череп, густо обсыпанный охрой, рядом с которым лежали два обломка каменных наконечников стрел и два отщепы из темно-серого глинисто-кремнистого сланца. Над присыпанным землей черепом был разведен жертвенный костер. В пределах кострища найдены мелкие фрагменты обожженных костей млекопитающих и птиц, фрагмент шнуровой керамики, а также два кремневых двусторонне ретушированных наконечника стрел со сломанными остриями и нуклеидный кремневый обломок. В целом по обряду погребения собаки аналогично захоронению в том же могильнике черепа человека [Федосеева, 1968, с. 32 - 34; Мочанов и др., 1991, с. 31 - 32]. Судя по погребальному ритуалу захоронение собаки, верного помощника на охотничьей тропе, было церемониальным и связано с культом собаки, традиционным для многих народов Сибири. Нет оснований считать, что собака послужила ритуальной пищей на погребальной тризне. Подобное не прослеживается в традиционной культуре палеоазиатов. Обычай жарить молодых собак и употреблять в пищу волков зафиксирован в XVII в. только у верхнеангарских эвенков асанов и коттов [Идес, 1789; Туголуков, 1985, 1986]. Этот редчайший пример, по мнению исследователей, находится в резком противоречии с традиционной культурой эвенков других регионов, исключавшей даже охоту на волков. Так, юагиры умерших охотничьих и ездовых собак выносили в тайгу и вешали на дерево. Обрабатывать собачью шкуру считалось делом греховным [Гурвич, 1975]. Сказанное отнюдь не означает, что domestикация собаки в Якутии произошла в среднем неолите. Природные условия, обильные фаунистические остатки на стоянках мезолита и раннего неолита предполагают ин-

тенсификацию охоты, а следовательно, и более раннее приручение человеком собаки. В соседних с Якутией районах, например на Камчатке, погребение домашней собаки зафиксировано даже в верхнепалеолитических слоях [Диков, 1977, с. 56]. В среднем неолите, очевидно, уже существовал развитый культ собаки. Об этом свидетельствуют довольно многочисленные погребения собак в неолитических глазковских памятниках Прибайкалья [Окладников, 1955, с. 301 - 302; Крижевская, 1961, с. 254]. Данные факты - дополнительное подтверждение связей обитателей Прибайкалья и верхнего Вилюя. Ритуал захоронения собаки зафиксирован и в Усть-Бельском могильнике на Чукотке [Диков, 1977, с. 136].

Решая вопрос об объектах охоты неолитического человека Якутии, отметим точку зрения Н.Д. Архипова, высказанную им в научно-популярной книге. Речь идет о том, что поздние (в рамках каменного века) обитатели Сибири охотились и на диких плейстоценовых лошадях, которые сохранились на севере Азии как реликт [1989, с. 45, 97, 98 и др.]. Более того, по мнению Н.Д. Архипова, дикие лошади продолжали существовать до средневековья, а около XIII в. н.э. пришлые якуты-скотоводы приручили реликтовое животное, которое и дало начало современной породе якутских лошадей [Там же, с. 80, 104, 121, 123 - 124]. Такой вывод аргументирован наличием костяного изделия, увенчанного изображениями четырех лошадиных копыт, в инвентаре Родинского погребения на Колыме и трех фрагментов костей то ли дикой, то ли домашней лошади в древнеэскимосском жилище на Барановом мысу - восточное устье Колымы [Окладников, Береговая, 1971]. Поскольку Н.Д. Архипов обосновывал существование плейстоценовых лошадей в голоценовое время не только в научно-популярном, но и научном издании, а затронутый вопрос является важным для теоретико-исторических построений общего плана, то необходимо подробно разобраться в нем. Гипотеза Н.Д. Архипова не приемлема по следующим соображениям. Во-первых, к настоящему времени археологами Якутии открыто и исследовано около 600 стоянок неолита, эпохи бронзы и раннего железного века, но ни на одном из местонахождений кости лошади не найдены. Стоянок верхнего палеолита обнаружено значительно меньше - около 30, на 11 из них обнаружены кости лошадей. Это свидетельствует о том, что в палеолите, когда бесспорно существовали плейстоценовые лошади, на них действительно охотились и употребляли их мясо в пищу. Но ничего подобного не зафиксировано при раскопках памятников эпох неолита - раннего железа. Так что же, люди в более позднее, чем палеолит, время, имея такое эффективное оружие, как лук и стрелы, перестали охотиться на лошадей или съедали их вместе с костями и копытами? Что касается костного изделия из Родинского погребения (см. табл. 36, 25), то С.П. Кистенев, который открыл и детально

изучил его, считает, что на этом изделии изображены раздвоенные копыта лося или оленя [1992, с. 73]. Ясно, что раздвоенные копыта никак не могли принадлежать плейстоценовой лошади (разве, что какой-то разновидности третичного гиппариона!). Во-вторых, кости из древнеэскимосского жилища XIII-XVI вв. на Барановом мысу идентифицировались как останки дикой лошади [Верещагин, 1971]. Почему не допустить, что это кости домашней якутской лошади, попавшей к эскимосам в результате торгового обмена, или случайно отбившейся от стада и ставшей охотничьей добычей? Очевидно, следует придерживаться первой версии, поскольку по данным Н.К. Верещагина [1971, с. 153] в жилище I найдены всего лишь фрагмент таза с суставной ямкой и пятчатая кость. Видимо, в одном из жилищ эскимосы разделали и съели небольшой кусок конины, а не целую тушу лошади. Предположение о находке на Барановом мысу костей якутской домашней лошади тем более вероятно, что последние исследования А.И. Гоголева убедительно доказывают факт расселения тюрков-скотоводов на средней Лене в конце XIII - начале XIV вв. [Гололев, 1990, с. 117; 1992, с. 30; 1993, с. 125]. В этой связи следует вспомнить замечание А.П. Окладникова и Н.А. Береговой [1971, с. 140] об активности торговых связей обитателей древнеэскимосского поселения на Барановом мысу с внешним миром. Меновые отношения были у них, надо полагать, и с якутским населением в XIII - XVI вв. Добавим к сказанному, что во всех эскимосских жилищах найдены обломки бивней мамонта, но ведь не следует же из этого, что мамонты существовали до XVI в.! Вероятность использования эскимосами для каких-то целей костей плейстоценовой лошади - еще один вариант простого объяснения наличия костей лошади на Барановом мысу, находки для эскимосской культуры весьма редкой (на всей остальной обширной территории обитания эскимосов на поселениях VII - XVII вв. костей лошадей никогда не находили) [Аругюнов, Сергеев, 1975].

Многие палеонтологи считают, что позднплейстоценовые лошади вымерли около 10 тыс. л.н., и в голоцене лошадь вновь распространилась в Якутии только после прихода сюда тюрков-скотоводов, сумевших адаптировать лошадей и крупный рогатый скот к суровым условиям Севера [Кузьмина, 1977]. И.П. Гурьев видит генетическую связь якутских лошадей с монгольской и ахалтекинской породами и с некоторыми разновидностями казахских и киргизских лошадей, а не с позднплейстоценовыми лошадьми Якутии [Гурьев И.П., 1920]. С выводами специалистов согласны и археологи, изучающие средневековый период истории Якутии [Гоголев, 1992, с. 25; 1993, с. 113 - 114]. Как видим, ни археологические, ни палеонтологические данные не подтверждают гипотезу о сохранении плейстоценовых лошадей в виде реликта. Построение Н.Д. Архипова по этому вопросу невероятно. Потому следует от-

вергнуть и ошибочную датировку им наскальных изображений крупного рогатого скота и лошадей [Архипов, 1984]. Предложенная А.П. Окладниковым, А.И. Мазиным, Н.Н. Кочмаром датировка рисунков этих животных на писаницах Якутии более обоснованная и приемлемая.

Средний неолит Якутии изучен значительно полнее, чем ранний неолит. Такое утверждение основано не только на статистике археологических объектов, но и на разнообразии типов археологических памятников среднего неолита (поселения, погребения, могильники, памятники наскальных изображений), которые в совокупности представляют объемную информацию об эпохе. Накопленные материалы позволили исследователям сделать выводы о генезисе и региональной специфике среднего неолита Якутии.

Анализ материалов среднего неолита верхнего Вилюя, выполненный С.А. Федосеевой, показал, что он испытывал слабое влияние приленской белькачинской культуры и больше тяготел к культуре правобережного бассейна среднего Енисея. Вместе с тем в отличие от памятников среднего Енисея на верхнем Вилюе отсутствовали ромбические и черешковые наконечники стрел, рыболовные крючки, рыбы-приманки, керамика, орнаментированная отступающей лопаточкой и пунктирной гребенкой. Все это, по мнению С.А. Федосеевой, свидетельствует о том, что в среднем неолите верхний Вилюй был контактным районом. Он испытывал влияние западных и в некоторой степени восточных культур и потому развивался своеобразно. Специфические черты культуры неолитических племен верхнего Вилюя, как считает С.А. Федосеева, позволяют считать ее локальным вариантом среднего неолита Якутии, зону распространения которого предстоит еще очертить [1970, с. 69]. Сходство некоторых устойчивых элементов материальной и духовной культуры серовцев Прибайкалья и верхневиллюйцев Якутии С.А. Федосеева объясняет их происхождением от единых раннеэнеолитических предков. Предполагается, что существовавшая в IV тыс. до н.э. этническая исаковская общность к III тыс. до н.э. распалась на несколько локальных групп, одну из которых и представляли верхневиллюйцы [Федосеева, 1968, с. 142].

Представления о среднем неолите верхнего Вилюя во многом строились на керамике памятников района. Наиболее распространенный тип местной керамики - сосуды с отпечатками рубчатой лопаточки. Под венчиком расположен ряд округлых вдавленных или отверстий. Сосуды, украшенные выдавленными изнутри горошинами, характерны только для нижней Ангары (стоянки Федоровская и Чадобец), Илима (Аталанга), верхней Лены и верхнего Вилюя (Усть-Чиркуо). Шнуровая керамика, один из основных элементов белькачинской культуры, встречается очень редко [Там же]. Как считал ранее Ю.А. Мо-

чанов, на верхнем Вилюе, судя по распространению рубчатой керамики, существовал особый контактный район между прибайкальской и приленской культурно-историческими областями, культура которого возникла в результате взаимодействия пришлых из бассейна Тунгусок и белькачинских племен. Последние определялись как потомки аборигенного ранне-неолитического населения Якутии [Мочанов, 1969, с. 182]. В конце 60-х - начале 70-х гг. такие взгляды не противоречили имеющимся материалам и объяснениям генезиса неолитических культур Якутии. Ю.А. Мочанов не раз высказывал мысль о преемственности всех этапов неолита, которые развивались на местной основе. Изначальной, давшей толчок последовательному развитию неолитических культур, считалась сумнагинская культура [Мочанов, 1966а, 1967а, б, 1969]. Это подтверждалось исследованиями И.Е. Зыкова материалов Белькачи I [1975, с. 67 - 68]. По его мнению, постепенное, но неуклонное уменьшение доли пластин в исходном сырье и соответственно увеличение количества орудий из отщепов свидетельствовали в какой-то степени о непрерывности развития одной технической традиции на протяжении всего мезолитического и неолитического времени. Данные о соотношении орудий из пластин и отщепов и о преемственности в художественной орнаментации керамики стали показателем непрерывности развития культур и послужили подтверждением точки зрения Ю.А. Мочанова об автохтонном развитии неолитических культур Якутии на местной мезолитической основе.

Однако после исследований новых многослойных стоянок и с увеличением материалов из разных районов Якутии Ю.А. Мочанов пришел к иному выводу, согласно которому смена одной культуры другой происходила в Северо-Восточной Азии в основном не за счет местных факторов (постепенное социально-экономическое развитие, прирост населения, изменение природных условий), а благодаря неоднократным миграциям с юга и юго-запада. О том, что это были миграции, а не просто культурные заимствования, свидетельствует полная смена комплексов, особенно хорошо запечатлившаяся в керамике [Мочанов, Федосеева, 1975, 1976, 1980; Мочанов и др., 1983, 1991].

Тезис о локальной обособленности верхнего Вилюя в среднем неолите был снят. Во многом этому способствовало открытие на среднем Вилюе многих памятников, в которых преобладали сосуды со шнуровыми отпечатками на внешней поверхности. В результате весь район Вилюя вошел в ареал единой белькачинской культуры. Однако результаты последних исследований на Олёкме позволяют вернуться к этому вопросу. В культурном слое V стоянки Большая Кюскэ обнаружен каменный и костяной инвентарь в сочетании с керамикой, оформленной отпечатками рубчатой лопаточки. Остальной инвентарь соответствует белькачинскому комплексу. Это сви-

детельствует о наличии в среднем неолите контактных районов, испытавших влияние прибайкальских и местных культур, одним из которых ранее считался верхний Вилюй. Возможно, со временем определится вся контактная полоса на стыке приленской, прибайкальской, забайкальской и приамурской культурно-исторических областей. Очевидно, прав был В.Н. Чернецов, связывавший образование особой верхневилуйской группы памятников среднего неолита с ассимиляцией серовцами местного населения этого района. "При продвижении на запад границы Байкальско-Ленского ареала население с культурой раннесеровского типа вступило во взаимодействие с аборигенами, в результате чего во всей пограничной зоне от верхнего Вилюя на севере до среднего течения Ангары на юге возникла смешанная культура, выделенная С.А. Федосеевой на верхнем Вилюе". При этом В.Н. Чернецов подчеркнул временный характер обособления верхневилуйских памятников: "Существовала она (верхневилуйская локальная группа. - А.А.), по всей видимости, недолго, так как отражала лишь начальные стадии ассимилятивных процессов" [1973, с. 15]. Такая идея убедительно подтверждается материалами с Олёкмы, где имеющий специфику слой V Большой Кюскэ сменился на чисто белькачинский слой IV со шнуровой керамикой. Вероятно, такая же контактная зона существовала когда-то и на верхнем Вилюе. Возможно, существованием контактной зоны или мощными культурными влияниями прибайкальских культур объясняются некоторые параллели в погребальном обряде серовских и белькачинских захоронений, рассмотренные нами выше.

В конце III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Азии белькачинская культура сменилась ымыхтахской культурой позднего неолита. Но ее наиболее яркий признак - шнуровая керамика - получила довольно широкое распространение в Северной Америке [Wright, 1970; Griffin, 1968]. Еще в конце 50-х - начале 60-х гг. американские и канадские археологи высказывали предположение, что шнуровая керамика проникает в Северную Америку вместе с предками атапасскоязычных индейцев, выходцами из континентальных районов восточно-сибирской тайги [Mac-Neish, 1956; Wormington, Forbis, 1965]. Исследования последних десятилетий на северо-западе Америки как будто подтверждают эту точку зрения, хотя есть и сторонники автохтонного происхождения шнуровой керамики [Wright, 1970]. Принимая во внимание распространение белькачинских памятников на Чукотке и в берингоморском направлении, можно высказать убеждение, что культура американской шнуровой керамики имеет белькачинские корни или же ее творцы испытывали мощное влияние белькачинцев. При любом варианте исключается конвергентное происхождение шнуровой керамики Северной Америки. Истоки ее следует искать в Сибири.

Изучение материалов показывает, что белькачинская культура генетически не связана с сыалахской. Комплекс данных материальной культуры свидетельствует о полной смене населения в среднем неолите. Правда, зафиксирован случай совпадения орнаментации сыалахских и белькачинских сосудов [Борисов, 1986, с. 85 - 86]. Такая синкретичная керамика найдена на Алдане, в слое XI стоянки Сумнагин I, содержащей культурные остатки заключительного этапа сыалахской культуры [Мочанов, 1969, с. 149 - 150]. Венчик сетчатого сосуда имеет утолщенный плоский налп, по которому зубчатым штампом нанесена косая решетка. Такой орнамент характерен для белькачинских сосудов. Сочетание сыалахских и белькачинских элементов на керамике стоянки Сумнагин I Ю.А. Мочанов считал показателем завершения этапа развития раннего неолита [Там же, с. 150]. Соглашаясь с Ю.А. Мочановым, можно также предположить, что в данном случае подтверждается правомерность предположения о существовании отдельных изолятов сыалахцев [Мочанов и др., 1983, с. 17 - 20; 1991, с. 17 - 19]. Судя по остальным материалам стоянки Сумнагин I, изоляты сыалахцев просуществовали недолго и были полностью ассимилированы белькачинцами, так как вся остальная керамика белькачинских слоев стоянки Сумнагин I - типично белькачинская и по технике изготовления, и по характеру художественной орнаментации. В любом случае единственный пример сочетания традиций раннего и среднего неолита не опровергает верность вывода о смене сыалахского населения белькачинским. Белькачинское население было вытеснено пришлыми племенами ымыяхтахцев.

3. Ымыяхтахская культура, II тыс. до н.э.

В конце III - начале II тыс. до н.э. на территории Якутии распространяется ымыяхтахская культура позднего неолита. Она получила название по стоянке, открытой в 1942 г. А.П. Окладниковым у оз. Ымыяхтах на средней Лене. Тогда, основываясь на прибайкальской периодизации неолита, А.П. Окладников верно датировал стоянку Ымыяхтах и другие тождественные памятники поздним неолитом. Впервые памятники этого круга были выделены в особую культуру Ю.А. Мочановым [1969, 19766] после открытия многослойных стоянок на Алдане. В последующем эта культура специально изучалась С.А. Федосеевой [1980].

В настоящее время на территории Якутии известно около 30 разнотипных памятников ымыяхтахской культуры - стоянки, могильники, одиночные погребения и писаницы. Более 30 поселений зафиксировано в четких стратиграфических условиях, они содержат комплексы, не смешанные с изделиями других культур. По ымыяхтахским памятникам

получена серия (более 30) радиоуглеродных дат. Наиболее показательными среди них считаются 3900 ± 50 л.н. (Сумнагин I, слой VIII), 3800 ± 400 л.н. (Чучур-Муранский могильник), 2950 ± 50 л.н. (Бурулгино, слой II), 2800 ± 100 л.н. (оз. Чировое). На основании этих дат можно считать, что ымыяхтахская культура существовала $3800 \pm 100 - 2900 \pm 100$ л.н. Такой возраст подкрепляется радиоуглеродными датами 4200 ± 100 л.н. (Сумнагин I, слой IX) и 4120 ± 120 л.н. (Сиктях I, слой V), фиксирующими верхнюю хронологическую границу белькачинской культуры, а также датами 2900 ± 70 л.н. (Сумнагин I, слой V) и 2930 ± 50 л.н. (Белькачи I, слой II), определяющими нижнюю границу усть-мильской культуры бронзового века. При введении "поправки Годвина" возраст ымыяхтахской культуры на основе радиоуглеродных дат определяется в пределах 3900 ± 100 и 3100 ± 100 л.н. Сопоставление этих дат с "кривой Зюсса" позволяет считать, что ымыяхтахская культура существовала $4200 \pm 100 - 3300 \pm 100$ л.н. или XXIII - XIV вв. до н.э. [Федосеева, 1980, с. 212]. Именно такими хронологическими рамками ограничивается ымыяхтахская культура в работах якутских археологов последнего десятилетия [Мочанов и др., 1983, 1991; Алексеев, 1987; Аргунов, 1991 и др.]. Исходя из теоретического понимания начала бронзового века в Якутии и дат C_{14} , полученных на стоянке Улахан Сегеленнях, мы считаем, что верхний хронологический рубеж ымыяхтахской культуры может варьировать от 3500 до 3300 л.н.

Ымыяхтахцы считаются выходцами с юга. До прихода в Якутию они обитали, вероятно, на территории между Байкалом и Зеей. В конце III - начале II тыс. до н.э. ымыяхтахцы расселились в зоне обитания белькачинцев. Их культура окончательно сформировалась в бассейне средней Лены, включив в себя ряд белькачинских элементов [Мочанов, 1969; Федосеева, 1980; Мочанов и др., 1983, 1991]. Стадиально ымыяхтахская культура относится к заключительному этапу каменного века Якутии - позднему неолиту. С.А. Федосеева считает, что в конце существования культуры ымыяхтахцы стали иногда употреблять металл - изготавливали медные и бронзовые изделия. Ымыяхтахская культура со временем распространилась на огромную территорию в несколько миллионов квадратных километров. Возможно, при продвижении на восток потомки ымыяхтахского населения проникли на Аляску, о чем свидетельствует появление там "вафельной" керамики [Мочанов, 1969, с. 196; Хлобыстин, 1975, с. 104; 1987, с. 339]. По лесотундровой зоне отдельные группы ымыяхтахцев просочились далеко на запад, вплоть до Скандинавии. Их путь отмечен "вафельной" керамикой, которая имела в инокультурных комплексах рубежа II - I тыс. до н.э. в Западно-Сибирском Заполярье и Большеземельской тундре, а также в Оленеостровском могильнике на Кольском полуострове [Хлобыстин, 1987, с.339].

Основной индикаторный признак культуры - керамика с "вафельными" и рубчатыми отпечатками на внешней поверхности. Бытуют также гладкостенные сосуды. Среди каменного инвентаря выделяются тщательно ретушированные трех- и четырехгранные наконечники стрел (некоторые имеют черенок), наконечники стрел в виде удлиненного и равнобедренного треугольника (плоские черешковые наконечники стрел), двусторонне ретушированные прямоугольные вкладыши, подтреугольные ретушированные ножи, небольшие подтреугольные скребки с круглым лезвием и спинкой, сплошь обработанной ретушью, шлифованные резцы. Из костяных изделий наиболее часто встречаются наконечники стрел, копий, гарпуны, иглы, шилья, панцирные пластины (табл. 61, а, б).

Ымыяхтахский каменный инвентарь от белькачинского особенно отличают наконечники стрел трех- и четырехгранные, в форме широкого равнобедренного треугольника, черешковые, а также костяные панцирные пластины, наличие которых, по мнению С.А. Федосеевой, свидетельствуют о межродовых военных столкновениях [1980, с. 210]. Обнаруженные в культурном слое VIII стоянки Улахан Сегеленнях панцирные пластины и их заготовки подтверждают вывод о том, что этот вид защитного вооружения действительно был распространен в позднем неолите и находки на стоянке Бурулгино не случайность. Наличие панцирных доспехов на памятниках глазковской культуры [Окладников, 19556], на Охотском побережье [Васильевский, 1971], на Чукотке [Диков, 1977], а также существование подобного военного снаряжения в палеоэтнографической культуре нганасан, селькупов и юкагиров могут служить свидетельствами определенной этнокультурной связи древнего населения этих регионов Сибири. Изделия ымыяхтахской культуры, как правило, имеют аналоги в различных сибирских памятниках, но в совокупности они представляют собой оригинальный комплекс, характерный именно для этой культуры.

Сосуды ымыяхтахской культуры круглодонные. Они изготовлены способом пластинчатого формования. Ымыяхтахцы уплощали стенки сосудов лопаточкой, на которой вырезался вафельный или рубчатый штамп. На наружной поверхности сосудов оставались отпечатки вафельного технического орнамента или рубчатой лопаточки. Иногда использовалась гладкая лопаточка. Сосуды указанных типов бытовали не всегда. В некоторых регионах "вафельная" и рубчатая (штриховая) керамика не встречаются вместе. Пример стоянки Улахан Сегеленнях свидетельствует о том, что раздельное бытование керамики таких типов оформления было возможно даже в одном регионе. Особенность ымыяхтахской керамики - многослойность. Сосуды формовали не одним приемом, их лепили послойно, с помощью последовательного наращивания пластов

раствора до трех, а в придонной части до пяти пластов. После нанесения последнего пласта стенки сосудов выколачивали, уплощали с помощью лопаточки. Последовательное наращивание пластов глиняного теста придавало сосудам прочность. Еще одна особенность ымыяхтахской керамики - состав теста, который кроме обычных компонентов содержал примеси шерсти и (реже) растительных остатков хвой или травы. Эти примеси особенно заметны на изломах черепков, а на внешней и внутренней поверхностях сосудов о подобных примесях свидетельствуют хаотически разбросанные тончайшие вдавления, отпечатанные выгоревшими при обжиге шерстинками или травинками [Федосеева, 1980, с. 187 - 188]. Для ымыяхтахской керамики характерно высокое содержание глины - в среднем 75% (песок - 25%) [Мочанов, 1969, с. 193].

Художественный орнамент ымыяхтахских сосудов весьма разнообразен. На тулове ымыяхтахских сосудов он имел, по данным С.А. Федосеевой, подробно изучившей керамику, до 35 композиционных вариантов, а орнамент на бортике венчика - 7. При этом ымыяхтахские орнаментальные мотивы по сравнению с сылахскими и белькачинскими были намного сложнее. По форме сосуды очень разнообразны. Их можно разделить на 10 типов. Мы не будем подробно описывать орнамент и форму сосудов, все это исчерпывающе представлено в монографии С.А. Федосеевой, а также в главе II настоящей книги. Кроме того, классификация форм сосудов и варианты орнаментальных композиций ымыяхтахской керамики приведены в таблице 37. Отметим только, что, судя по материалам стоянки Улахан Сегеленнях, в конце позднего неолита появились сосуды с ярко выраженной шейкой. С этого времени распространяются сложные сосуды открытого типа, существовавшие на протяжении почти всего неолита простые сосуды закрытого типа встречаются реже. Разнообразие форм сосудов и многовариантность орнаментации - свидетельства мастерства ымыяхтахских гончаров. То же подтверждают технологические инновации в изготовлении керамики. С.А. Федосеевой зафиксированы случаи совмещения на одних сосудах белькачинских и ымыяхтахских орнаментов. Значит, контакты белькачинской и ымыяхтахской культур, отмеченные С.А. Федосеевой по керамике и каменному инвентарю, - безусловная реальность. Растущее со временем преобладание ымыяхтахского орнамента над белькачинским подтверждает мнение С.А. Федосеевой о постепенном процессе ассимиляции ымыяхтахцами части белькачинцев.

На Олёкме заключительный этап позднего неолита примечателен появлением сосудов двух разновидностей: 1) заметно профилированных с одним треугольным в сечении налепным валиком, опоясывающим шейку, 2) с мелкочаеистой "вафлей" на тулове и тремя рядами остроруберных налепных валиков

на заглаженной шейке (Курунг II, Большая Кюскэ).

"Вафельная" керамика с двумя и пятью рядами остросереберных наlepных валиков под венчиком найдена в смешанных культурных слоях на стоянках Уларовская Протока и Татьянано Озеро в низовьях р. Индигирки. А.П. Окладников и И.С. Гурвич [1957, с. 50] датировали стоянку Уларовская Протока первой половиной II тыс., а стоянку Татьянано Озеро - концом II - началом I тыс. до н.э. С.А. Федосева считает эти памятники с однотипной керамикой одновременными и относит их к заключительному этапу ымыяхтахской культуры [1980, с. 149 - 150]. Л.П. Хлобыстин датировал сосуд со стоянки Татьянано Озеро серединой I тыс. до н.э. [1975, с. 105].

Однако "вафельная" керамика с наlepными валиками в четких стратиграфических условиях выделена только на Олёкме, где она относится к ымыяхтахской культуре. На всей остальной территории Якутии подобная керамика в четких стратиграфических условиях впервые обнаружены на стоянках усть-мильской культуры. Этот факт и вызвал дискуссию о действительном возрасте стоянок на Индигирке, где в смешанных слоях найдена подобная керамика. Представляется, что открытие на Олёкме поздненеолитических культурных слоев с "вафельной" керамикой, опоясанной остросереберным наlepным валиком, могло внести ясность в вопрос о путях и времени появления такой керамики в Якутии.

Гладкостенная керамика, украшенная наlepными валиками, во II тыс. до н.э. имеет широкое распространение в Прибайкалье и Забайкалье. Можно предполагать, что поздненеолитические памятники Олёкмы, входящие по составу основного инвентаря в круг ымыяхтахской культуры, судя по керамике, были в какой-то степени связаны с Прибайкальем и Восточным Забайкальем. Очевидно, это объясняется "пограничным" положением Олёкмы, которая находится на стыке двух районов. Олёкма - одна из самых южных окраин зоны распространения ымыяхтахской культуры, "снабжала" Прибайкалье и Забайкалье керамическими сосудами с "вафельными" отпечатками и примесью шерсти в тесте. От южных соседей она переняла традицию изготовления керамических сосудов с наlepными валиками. Судя по распространению такой керамики до северо-восточных районов Якутии (Заполярная Индигирка), случилось это около середины II тыс. до н.э., а не на заключительном этапе позднего неолита, как предполагалось ранее [Алексеев, 1981, 1987]. Вероятно, Олёкма была одним из главных путей, по которому керамика с наlepными валиками проникла в середине II тыс. до н.э. на юг Якутии, а в конце II - начале I тыс. до н.э. распространилась по всей ее территории, в том числе в долине Индигирки. С таким мнением согласны археологи, занимавшиеся изучением керамики с наlepными валиками северо-востока Азии [Лебединцев, 1990, с. 218; Эртюков, 1990, с. 102].

Еще одно яркое свидетельство связей Олёкмы с сопредельными территориями выявлено при раскопках стоянки Усть-Тунгир. Здесь в одном слое вместе с фрагментами ымыяхтахской "вафельной" керамики двух типов найдены фрагменты, орнаментированные косыми насечками, выдавленными прямым концом лопаточки (см. табл. 30, 16, 23, 27). Наиболее близкие аналоги такому орнаменту отмечаются в Забайкалье. На юго-западе Забайкалья косые параллельные насечки на посуде появляются в эпоху ранней бронзы, на доронинском этапе, что хронологически соответствует ымыяхтахской культуре Северо-Восточной Азии [Семина, 1985, с. 120 - 121]. Широко распространен этот вид орнамента на территории Восточного Забайкалья. Показательна в этом отношении керамика с Шевинской стоянки на р. Куэнга, впадающей в р. Шилку. Предполагаемый возраст местонахождения - вторая половина II тыс. до н.э. [Гришин, 1981, с. 61, 103]. Вместе с тем "вафельная" керамика, обнаруженная при изучении стоянки, имеет ымыяхтахскую специфику: многослойность теста, примесь хвои или шерсти.

Перечисленные факты позволяют высказать убеждение, что в позднем неолите Якутии через Олёкму на среднюю Лену начала проникать забайкальская керамика. Вероятно, двусторонней транзитной дорогой служили таежные озера, протянувшиеся гирляндой из Якутии в Забайкалье. На прибрежных стоянках на озерах Иргень и Кенон в Забайкалье исследователи давно уже отмечали наличие якутской "вафельной" керамики [Ларичев, 1960, с. 30 - 34; Ларичев, Рижский, 1966, с. 125 - 128].

Весьма интересная ситуация наблюдается в восточном ареале ымыяхтахской культуры, в берингоморских районах Чукотского полуострова. Судя по радиоуглеродным датам, на Таймыре, в Якутии и на Западной Чукотке поздненеолитические памятники существовали почти синхронно. По сравнению с этими регионами в восточной части Чукотки поздний неолит хронологически отстает на 1000 лет и относится в основном к I тыс. до н.э., что соответствует времени проникновения на Аляску "вафельной" керамики [Диков, 1993, с. 152, 162]. Это обстоятельство позволяет в какой-то мере проследить динамику расселения ымыяхтахцев во времени и в пространстве. Очевидно, во II тыс. до н.э. ымыяхтахцы освоили территорию от Таймыра до Западной Чукотки. В конце II - начале I тыс. до н.э. они проникли в берингоморские районы Чукотки и Аляски. Впоследствии, как предполагают исследователи, берингоморский проход в Америку был "закрыт" сначала эскимосским, а затем и чукотским клином [Диков, 1977, 1979; Алексеев, 1989]. Носители бронзовой культуры Северной Азии уже не переселялись в Америку - бронзовые изделия отсутствуют в древних культурах Северной Америки.

В наскальном искусстве во II тыс. до н.э. началась резкая смена сюжетов. Первостепенное зна-

чение приобрели изображения человека, анималистические рисунки отступили на второй план. Антропоморфные фигуры показаны стоящими, танцующими, в движении, в действии, с поднятыми в жесте адорации руками, полусидящими. Все они в определенной мере стилизованы. Рисунки выполнялись минеральной красной охрой различных оттенков. На писаницах отсутствуют выбитые или гравированные изображения. Человека в этот период рисовали не только в фас, но и в профиль. Как и на ранних рисунках, лицо, другие мелкие детали человеческого тела не выписывали. Наибольший интерес среди антропоморфных изображений вызывают фигурки в рогатых и конусовидных шапках или с головами в виде развилок (рис. 16). Исследователи обоснованно считают их изображениями шаманов [Окладников, Запорожская, 1972; Окладников, Мазин, 1976, 1979; Кочмар, 1992], ведь рогатые или островерхие шапки - атрибут ритуального костюма шамана, описанного этнографами. Существование религиозной идеи подтверждается наличием изображений людей с молитвенно воздетыми вверх руками, а также танцующих человечков, участников шаманского танца-камлания. О шаманских идеях и мифах можно судить по человеческим фигуркам в полусидящих позах. Считается, что они олицетворяли культ плодородия, воспроизводства человеческого рода.

Анималистические сюжеты продолжали бытовать довольно широко, однако прежнего господства так называемого звериного эпоса нет. Теперь звери как бы подчинены человеку. Отдельные изображения животных редки. Чаще они размещаются на плоскости скалы рядом с изображением человека. Реалистичный рисунок полностью не исчез, но постепенно начинает преобладать стилизация: мелкие, важные прежде детали, вроде копыта, обозначать перестали, круп обрисовывали в виде овала или прямоугольника, голову показывали клинообразным мазком и т.д. В позднем неолите на писаницах Якутии в изображениях животных появляется новая деталь - так называемые валенкообразные ноги [Окладников, Мазин, 1976, 1979; Кочмар, 1992]. Эта своеобразная художественная черта становится одним из важных датирующих элементов. Именно она помогает выделить из массы рисунков пласт изображений животных позднего неолита.

Примечательно появление на писаницах Алдана и Чары не характерного для других таежных зон Сибири сюжета - личин каких-то фантастических существ или божеств. По мнению А.П. Окладникова и А.И. Мазина, эти маски-личины находят аналоги на писаницах нижнего Амура, где они весьма широко представлены. Подобные личины, связанные с культом предков, распространены также в наскальном искусстве Тихоокеанского побережья Америки. Вполне возможно, что такое совпадение объясняется не конвергенцией, а какими-то реальными этнокультурными контактами между обитателями При-

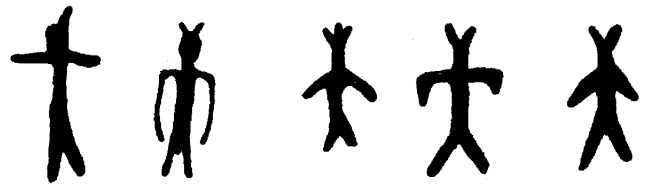

Рис. 16. Наскальные изображения шаманов эпохи позднего неолита.

Рис. 17. Фрагмент писаницы Еланка (средняя Лена).

амурья, Якутии и Америки. Тему культа предков, очевидно, представляют и сцены с участием человеческих фигур, нарисованных вверх ногами (рис. 17). Этнографические параллели позволяют интерпретировать их как умерших людей, плывущих по "реке смерти" в потусторонний "нижний" мир.

В украшениях этого периода каких-либо значительных изменений не замечено. Набор их ограничивается нефритовыми кольцами, бусами из раковин, подвеской из зуба оленя. По изяществу и разнообразию типов они уступают белькачинским. Это удивительно на фоне значительных изменений в наскальном искусстве и орнаментике сосудов. Возможно, регресс объясняется тем, что украшения стали делать из дорогой меди. Естественно, ценные медные украшения не выбрасывали даже в случае поломки, а пускали в переплавку для изготовления новой вещи. Однако прямых фактов в пользу высказанного предположения нет. В отдельных случаях медные и бронзовые украшения могли стать добычей грабителей могил. Факты ограбления могил в позднем неолите точно зафиксированы С.А. Федосеевой на ымыяхтахском могильнике Диринг-Юрях [1988, с. 78 - 98].

Мировоззрение поздненеолитического населения Якутии отражают также погребения ымыяхтахцев, наиболее ярко представленные в могильниках Чочур-Муран, Диринг-Юрях (средняя Лена), Уолба (нижняя Лена), Помазкино (средняя Колыма), а также погребения Покровское, Куллаты (средняя Лена), Иччиляхское, Бугачанское (нижняя Лена). Уолбинское погребение сначала было отнесено Ю.А. Мочановым к раннему неолиту [1969, с. 148], но затем - к среднему неолиту [Мочанов, Федосеева, 1982; Федосеева, 1992], что соответствовало первоначальной датировке А.П. Окладникова [1946, 1955а, с. 112].

Уолбинское погребение было найдено колхозниками во время земляных работ, поэтому какой-либо подробной документации о ритуале погребения не имеется. В 1943 г. А.П. Окладников у частных лиц и в отвале собрал некоторый инвентарь этого погребения, представленный напильниковидными наконечниками [Окладников, 1946, табл. II]. Сказанное не позволяет полноценно использовать материалы Уолбинского погребения для сопоставлений с другими погребениями. Тем не менее можно высказать некоторые предположения о времени захоронения. Мы считаем, что сопроводительный инвентарь погребения Уолба позволяет отнести его к позднему неолиту. Показательны в этом отношении четыре каменных трехгранных черешковых наконечника стрел. Подобные наконечники стрел, именуемые напильниковидными, характерны для ымыяхтахского каменного инвентаря.

Пока не до конца изучен могильник Помазкино на средней Колыме. По сообщению В.А. Кашина, вскрыто два одиночных погребения, ориентированных головой на юг, направленных вдоль реки, головой против течения*. Сверху могильная яма была покрыта плитками известняка, погребенные завернуты в бересту, частично обсыпаны охрой. В заполнении могильной ямы сохранились древесные угли. Сопровождающий инвентарь включал пять черепков "вафельной" керамики, три наконечника стрел, один из которых черешковый, бусы из сланца, створки морских раковин [Кашин, 1993, с. 94].

Погребения позднего неолита Якутии следует разделить на две хронологические группы. К первой, ранней, относятся могильники Чочур-Муран, Помазкино и Уолба. Их объединяет южная ориентация погребенных (тела лежат параллельно реке, головой против течения) и наличие в заполнении древесных углей. В Чочур-Муране охра отсутствует, а в Помазкино и Уолбе она использовалась в погребальном обряде. Видимо, это - региональная специфика. В могилах Чочур-Мурана и Помазкино обнаружены фрагменты "вафельной" керамики. Во всем остальном, в том числе и в типологии инвентаря, погребения тождественны. Ко второй, поздней, хронологической группе относятся могильник Дириг-Юрях [Федосеева, 1992, с. 102] и открытые А.П. Окладниковым погребения Куллаты, Иччилях, Бугачан и Покровское**. А.П. Окладников отнес исследованные им погребения к бронзовому веку [1946, 1950а, 1955а]. С.А. Федосеева определила их как ымыях-

тахские [1980]. Для них характерны северо-западная и юго-западная ориентация погребенных вдоль ручья, головой против течения (на Бугачане наоборот), отсутствие охры и керамики, неременное наличие обгоревших плах, углей в яме, медных или бронзовых пластин и изделий (исключение - Куллаты). В Иччилях и Покровском зафиксировано трупосождение, а в Бугачане и Куллате - трупоположение. Во всех погребениях, за исключением Иччилях, обнаружены костяные держатели наконечников стрел, кинжаловидные острия и наконечники стрел. В захоронениях Бугачан и Иччилях найдены также орнаментированные костяные игольники. Отмеченные параллели позволяют объединить упомянутые погребения в одну хронологическую группу и датировать ее временем финала ымыяхтахской культуры.

Антропологи исследовали череп из погребения Бугачан [Якимов, 1950, с. 189 - 198] и шесть черепов из могильника Дириг-Юрях [Гофман, Томтосова, 1992, с. 105 - 124]. Изучение черепа из Бугачана показало, что погребенный был монголоидом ("смягченного" монголоидного типа), по черепнолицевому индексу занимал промежуточное положение между европеоидами и монголоидами. Это позволяет предположить единую основу населения севера Сибири и коренных обитателей Северной Америки [Якимов, 1950]. Краниологическая серия из Дириг-Юряха определена как монголоидная, но с крайне своеобразными морфологическими особенностями, нехарактерными для современных монголоидов (такие особенности отмечены лишь у отдельных групп арктической и центрально-азиатской рас). По отдельным признакам она имеет сходство с черепами из областей распространения арктической расы (Родинка, Усть-Белая) и в значительной мере отличается от черепов из Шилкинской пещеры и Оннёса, в которых преобладает комплекс признаков байкальской расы. При сравнении ее с краниологическими сериями современных народов Восточной Сибири обнаруживается наибольшее сходство с представителями центрально-азиатской расы, в частности с якутами [Гофман, Томтосова, 1992, с. 116 - 117].

По антропологическим и археологическим материалам неоднократно пытались выявить истоки современных этносов Севера. Одни исследователи этнически связывают ымыяхтахцев с предками юкагиров [Окладников, 1955а; Окладников, Гурвич, 1957; Хлобыстин, 1973, 1975; Симченко, 1975, 1976, 1982]. Другие вслед за В.Н. Чернецовым [1964] усматривают в носителях ымыяхтахской культуры предков чукчей и коряков [Мочанов, 1969; Окладников, 1970; Васильевский, 1971; Константинов, 1978; Диков, 1979]. По мнению С.А. Федосеевой, ымыяхтахцы сыграли немаловажную роль в сложении северо-восточных палеоазиатов и юкагиров [1980]. В развитие этой гипотезы Л.П. Хлобыстин в одной из последних работ высказал предположение, что ымыяхтах-

* Доклад на международной конференции "Языки, культура и будущее народов Арктики". Якутск, 17 - 21 июня 1993 г.

** В публикациях А.П. Окладникова, где речь идет об этих погребениях, обстоятельно этнографические экскурсы, раскрывающие мировоззрение жителей Севера. Документация раскопок оставляет, однако, желать лучшего: обряд, а также инвентарь описаны недостаточно полно, иллюстрации же скудны и малоинформативны.

кая культура представляет не один, а несколько этносов. По его мнению, потомки ымыяхтахцев приняли участие в формировании различных народов, в основном палеоазиатов Северо-Востока [1987, с. 344]. Многообразие суждений отражает интерес к проблеме, но вопрос этнической идентификации ымыяхтахцев пока остается открытым. Отсутствие достаточно обширных археологических, антропологических и лингвистических данных не позволяет выйти даже на уровень его гипотетического решения. Учитывая наличие в ымыяхтахской культуре нескольких локальных вариантов, за которыми просматриваются различные этнические образования, следует признать, что, потомки ымыяхтахцев приняли участие в складывании нескольких современных народов Северо-Восточной Азии.

4. Проблема локальных культур в неолите Якутии

Одна из трудностей в изучении неолитических культур Якутии связана с выделением их локальных вариантов. Она во многом объясняется общей теоретической неразработанностью подходов к проблеме выделения локальных различий. Успешное обоснование локальных различий зависит от степени изученности конкретной культуры. Отдельные исследователи связывают процесс образования локальных вариантов какой-либо культуры с обособлением этнических групп. Н.Н. Гурина по этому поводу пишет: "Появление и формирование новых культур шло различными путями, обусловленными двумя причинами - внутренней и внешней. Отдельные группы племен, постепенно отрываясь друг от друга (проникнув далеко на север), подвергались воздействию соседей и в процессе внутреннего саморазвития обособлялись, создавали со временем свои оригинальные культуры, сохранившие при этом в большей или меньшей мере традиции прошлого" [1973, с. 18]. По мере удаления от центра характерные черты той или иной культуры ослабевают, постепенно переходят в локальные варианты или же становятся основой абсолютно иной культуры: "В каждой археологической культуре имелись центр и ее периферия. В эпицентре прослеживается максимальное совпадение общих признаков, тогда как на периферии характерные особенности данной археологической культуры в значительной степени ослаблены, а в отдельных случаях полностью замещены новыми за счет некоторой изоляции и влияния соседних культур" [Там же, с. 19].

Сходных взглядов придерживался и А.Ф. Анисимов. Он считал, что различия возникают в результате дифференциации некогда единого населения. Спецификой природно-географических условий (масштабы территории, изолированность, проживание в различных ландшафтных зонах) определялось

самобытное хозяйственное и культурное развитие локальных этнических групп, складывавшихся на путях освоения обширных просторов тайги, лесотундры, тундры, что приводило к обособлению, а затем и к возникновению локального варианта культуры [1968, с. 51]. М.Е. Фосс понятие "археологическая культура" трактовала как комплекс памятников, представляющий собой результат территориального обособления племенных групп населения на определенном отрезке времени [1955, с. 47].

Что касается анализируемого археологического материала, то подходы археологов к выделению археологической культуры или локальных ее вариантов также различаются. Одни исследователи считают главным критерием для выделения культуры и локальных вариантов керамику [Кричевский, 1949; Фосс, 1952, с. 64 - 77; Монгайт, 1967, с. 60; 1973, с. 81; Бурина, 1973, с. 11; Третьяков, 1984, с. 66]. Другие придают первостепенное значение орудиям, каменной индустрии [Брюсов, 1952, с. 20; Формозов, 1957; с. 74; 1959, с. 11 - 24; Коробкова, 1975, с. 8 - 9]. Есть также сторонники определения культуры главным образом по погребениям [Крупнов, 1957, с. 63 - 69]. Многие считают, что для определения археологической культуры необходимо учитывать весь комплекс находок. Дискуссия не получила завершения, и вопрос о том, что считать в слагаемых элементах культуры главнейшим, остается открытым. Видимо, правы те исследователи, которые при выделении археологической культуры или локального ее варианта предлагают учитывать все слагаемые, обращая особое внимание на специфические элементы.

Выделение археологических культур эпохи неолита Якутии, а также разработка хорошо обоснованной относительной и абсолютной хронологической шкалы для приленской культурно-исторической области требуют нового уровня исследовательских задач, направленных на уточнение ареала культур и выявления возможных локальных различий. Исследование неолитических культур Якутии в последние годы показывает, что постановка вопроса такого характера для неолита пока преждевременна в силу недостаточной изученности сылахской культуры (малочисленность памятников с четкой стратиграфией на севере, отсутствие погребений и могильников). Как удалось проследить в ходе анализа белькачинской культуры, в среднем неолите появляются контактные зоны с прибайкальскими неолитическими культурами - Олёкма, верхний Вилюй. Специфика инвентаря, обнаруженного на Олёкме и верхнем Вилюе, объясняется, однако, не локальным своеобразием развития культуры среднего неолита в этих регионах Якутии, а кратковременным доминированием на этой территории прибайкальского неолита (стадия становления белькачинской культуры). Поэтому на современном этапе археологического изучения Якутии можно выдвинуть предположение о

существовании локальных вариантов ымыяхтахской культуры.

Как отмечалось, в 1987 г. в бассейне Олёкмы, в среднем течении Токко, была открыта стоянка Улахан Сегеленнях. При ее раскопках было выявлено 15 культурных слоев. Слои XV - VIII относятся к ымыяхтахской поздненеолитической культуре. Этот памятник примечателен тем, что в отличие от других ымыяхтахских стоянок здесь сосуды с рубчатой и "вафельной" орнаментацией залегают в слоях раздельно. К тому же они чередуются, сменяя друг друга: слой XV - только рубчатая керамика*, XIV - только "вафельная", XI - рубчатая, X - "вафельная", IX - рубчатая, VIII - "вафельная". При этом во всех слоях имеется типично ымыяхтахский каменный и костяной инвентарь. В культурных слоях XIII и XII керамика пока не обнаружена. В слое VIII впервые зафиксированы "вафельные" сосуды трех типов с отогнутым наружу венчиком и выраженной шейкой. Со времени отложения этого слоя на стоянке Улахан Сегеленнях изготавливались сосуды только с отогнутыми венчиками и с выраженной шейкой. Они встречаются во всех культурных слоях эпохи бронзы и раннего железного века. Сосуды закрытого типа характерны только для нижележащих (XV - IX) ымыяхтахских слоев, содержащих керамику. Хронологическую принадлежность памятника определяют следующие радиоуглеродные даты: слой XII - 4258 ± 125 л.н. (ИМ 1017), слой XI - 4090 ± 150 л.н. (ИМ - 1010), слой IX - 3750 ± 260 л.н. (ИМ - 1008), 3698 ± 80 л.н. (ИМ - 1012), слой VIII - 3920 ± 160 л.н. (ИМ - 1014), 3740 ± 300 л.н. (ИМ - 1013).

До открытия стоянки Улахан Сегеленнях считалось, что рубчатая керамика, как правило, залегают вместе с "вафельной", значительно уступая последней в количественном отношении. Лишь на одной стоянке (Таланда II на Вилюе) удалось четко зафиксировать ымыяхтахскую рубчатую керамику в слое, лежащем над слоем с ымыяхтахской "вафельной" керамикой [Федосеева, 1980, с. 190]. Однако этот единичный факт был признан исключением и не получил должной оценки. Раздельное залегание рубчатой и "вафельной" керамики на стоянке Улахан Сегеленнях дало основание объяснить и феномен Таланды II. Фиксируемые на стоянках Таланда II и Улахан Сегеленнях отдельные друг от друга комплексы позднего неолита с рубчатой или "вафельной" керамикой позволяют выделить локальные варианты ымыяхтахской культуры. Чередование рубчатой и "вафельной" керамики, а также их сосуществование - проявления трех территориальных вариантов ымыяхтахской культуры.

* Как в среднем неолите (Большая Кюскэ), так и в позднем (Улахан Сегеленнях) рубчатая керамика предшествует шнуровой и "вафельной". Это лишний раз подтверждает правомерность оценки Олёкмы как контактной зоны между приленской и прибайкальской культурно-историческими областями.

Вариант I ("северный") - ымыяхтахские комплексы только с "вафельной" керамикой: культурные слои XIV, X, VIII Улахан Сегеленнях, слой I Тенсик I, слой II Баасынай I, слой II Крестях I, слой II Большой Кюскэ I, Малая Кюскэ (Олёкма); слой I Чомполоо, слой VI - VIII Сумнагин I, Угино IV, слой III Биллир I, слой III Усть-Миль I, пещера Сибиктэ (Алдан); слой III Таланда II, слой II Хатынгнаах II, Эльгяй II (Вилюй); Чочур-Муранский могильник, слой III Мурья III, верхний горизонт Уолба I, оз. Жирково III, слой IV Сиктях I (Лена); Абыналлах, Буолкалаах, Хорбусуонка I (Оленек); Туостях XI, Хатыстаах I (Яна), Уларовская, Татьянано Озеро, Дениско-Юрюйэтэ, Белая Гора (Индибирка), Усун-Айван (Алазея), Лабуя, Помазкино, могильник Помазкино, Конзабой I, Пантелеиха I, Гора I, Родинка I, II, Стадухинская IV, Тытыль V, Кантвеем I (Колыма), а также памятники северо-чукотской культуры. На севере Чукотки "вафельная" керамика идентична керамике из слоя VIII стоянки Улахан Сегеленнях и представлена сосудами с отогнутыми венчиками (поздний этап ымыяхтахской культуры). Представляется, что вариант I ымыяхтахской культуры получил распространение на территории от Таймыра до Колочинской губы на Чукотке.

Вариант II ("южный") - ымыяхтахские комплексы сопровождаются только рубчатой керамикой: культурные слои XV, XI, IX Улахан Сегеленнях (Олёкма), Сулбугур (Синяя), Буяга I, Оннею (Алдан), слой II Таланда II, Нучча-Кюель III (Вилюй), Юнари, Казачка, Верхний Тонай II (Енисей), а также памятники усть-бельской культуры на Чукотке. Эти местонахождения очерчивают территорию от правобережных притоков Енисея на западе до среднего течения р. Анадырь на востоке (Чукотка).

К варианту III ("смешанному") относятся памятники ымыяхтахской культуры, где в одном слое залегают рубчатая и вафельная керамика, например: слой III Угино I, слой II Усть-Тимптона I, слой III Белькачи I (Алдан), слой II Курунг II (Олёкма), слой II Дьехси-Сирэй (Вилюй). Однако уверенности в оправданности выделения варианта III нет, так как остаются сомнения относительно "чистоты" ымыяхтахских комплексов перечисленных памятников, ибо не исключена вероятность смешивания ымыяхтахских изделий с артефактами раннего железного века, в результате чего в слои позднего неолита с "вафельной" керамикой из вышележащих слоев раннего железного века могли попасть фрагменты керамики с рубчатыми отпечатками. Возможно, именно это случилось на стоянках Белькачи I и Курунг II - опорных для корреляции материалов памятников позднего неолита со смешанными культурными остатками.

Анализ показывает, что рубчатая керамика на поздненеолитических стоянках с четкой стратиграфией в тундровой и лесотундровой зонах Якутии не встречается ("вафельные" гладкостенные сосуды обнаружены лишь в Сиктях I, Бурулгино, Дениска-

Юрайэтэ, Конзабой I, могильнике Помазкино). Рубчатая керамика отсутствует также на памятниках со смешанными культурными слоями всех эпох неолита (Уолба I, II Жирково III (нижняя Лена), Тирэктээх I - III, Боролуолаах, Хорбусуонка I (Оленек), Хатыстаах I, Бартымах, Туостах XI, Ньулбугур-Айаана (Яна), Белая Гора. Буолумуна-Тааса, Тумус I (Индибирка), Большой Эльгахчан I, Стадухинская I, Гора I, Родинка I, II (Колыма) и др. В Приполярной и Заполярной Якутии рубчатая керамика встречается только на тех стоянках, где вместе с неолитическим инвентарем в смешанном виде залегают культурные остатки эпохи ранних металлов, к комплексу которых и относится рубчатая керамика. При включении рубчатой керамики в комплекс позднего неолита на стоянках этого региона обычно исходят из данных многослойных стоянок Алдана. Что касается такого признака, как многослойность теста, то он характерен не только для поздненеолитических изделий из глины, но и для керамики эпохи бронзы и раннего железного века Якутии.

Исходя из тезиса о реальности существования локальных вариантов ымыяхтахской культуры, можно представить следующую картину исторических событий. Носители ымыяхтахской культуры варианта I проникли из бассейнов Алдана и Олёкмы на нижнюю Лену и заселили в основном тундровую и лесотундровую зоны. Одна их часть распространилась на запад от Лены - на Оленек и, вероятно, на Анабар, а другая двинулась на восток через Яну и Индибирку на Колыму. По протоку Колымы Малый Ануй они проникли на Чукотку, где оставили памятники северо-чукотской культуры с "вафельной" керамикой Чировое Озеро, Тытыль IV, Липчиквыгытгын I - III, Кантвеем I, Якитикиевеем, Среднее Озеро I - II, Айон, Амгуэма, Экитыки Нижнеилринейская I. Затем проявления варианта I ымыяхтахской культуры как будто фиксируются на Аляске в комплексах стоянок Такли, Тейле-Лейк, Тукту и др. (они датируются концом II - началом I тыс. до н.э.; (см. [Диков, 1979, с. 140]).

Локализация варианта I в северных районах объясняется тем, что на юге Якутии почти одновременно с вариантом I распространился вариант II ымыяхтахской культуры с рубчатой керамикой. Носители ымыяхтахской культуры варианта II, ассимилируя или вытесняя на север племена с "вафельной" керамикой, в основном заселили таежную зону - долины Алдана, Олёкмы и Вилюя. Следы их на западе отмечены в бассейне Енисея (стоянка Юнари на р. Таймура), на стоянках Казачка и Верхний Тонай II (на р. Кан) [Андреев, Фомин, 1964; Генералов, 1979, 1981]. На востоке вариант II ымыяхтахской культуры представлен памятниками усть-бельской культуры с рубчатой керамикой, выделенной Н.Н. Диковым на материалах Чукотки как самостоятельная культура "неразвитого бронзового века" II тыс. до н.э. [1979, с. 147]. К ним относятся распо-

ложенные в южной части Чукотки стоянки Увеснования, Утесики, Камешки, Вилка I, II, Чикаево, а также Омрынский и Усть-Бельский могильники*. Расселившиеся на территории от Енисея до Чукотки носители ымыяхтахской культуры варианта II оттеснили одну часть племен - носителей этой же культуры варианта I на север, а другую вытеснили на юг, в Забайкалье. Именно это обстоятельство объясняет неожиданное распространение ымыяхтахской "вафельной" керамики на значительной территории лесостепного Забайкалья [Ларичев, 1960, с. 30 - 34; Ларичев, Рижский, 1966, с. 125 - 128; Гришин, 1981, с. 81, 93; Окладников, Кириллов, 1980, с. 160 - 161].

Вариант III ымыяхтахской культуры** связан с этносом сложившимся в результате симбиоза носителей двух первых вариантов, которые вступали в тесные этнокультурные взаимоотношения. Стоянки этого варианта обнаружены на Алдане, Олёкме и Вилюе, т.е. в тех же районах, где распространены стоянки вариантов I и II в Якутии. На Аляске, вероятно, был тоже распространен вариант III ымыяхтахской культуры. Он представлен комплексом стоянки Нортон, для которого характерно существование "вафельной" и рубчатой керамики. Материалы стоянки Нортон имеют выраженные "эскимойдные черты", позволяющие надеяться на открытие в будущем подобных памятников и на Чукотке. Это вовсе не значит, что ымыяхтахские стоянки варианта III в Якутии оставлены эскимосами. Относительно этнической принадлежности всех трех вариантов ымыяхтахской культуры судить пока трудно. Твердо установлено, однако, что варианты I и II представляют собой две локальные группы ымыяхтахской культуры, границы расселения представителей которых примерно соответствуют ландшафтными зонам тайги и тундры.

В 40 - 50-х гг. А.П. Окладников пришел к выводам о неравномерности развития различных регионов Якутии, о существовании двух обособленных культурно-исторических областей - среднененской и нижнененской. Этим выводам предшествовали следующие теоретические построения. Еще в 40-х гг. А.П. Окладников выделил в неолите Сибири четыре большие территориальные хозяйственно-культурные зоны: байкальскую (культура таежных охотников и рыболовов, кочевая по своему характеру); нижеа-

* Судя по данным Н.Н. Дикова [1977, с. 119 - 141], рубчатая керамика встречается не во всех перечисленных памятниках, а на стоянках Вилка I, II, Утесики и в захоронениях Омрынского могильника керамика вообще отсутствует. Тем не менее, исследователь, считая, что главным критерием для выделения усть-бельской культуры является наличие рубчатой керамики [1979, с. 148, 150 - 152], относит их к усть-бельской культуре [Там же, с. 40, 141 - 152].

** Если компоненты выделены стратиграфически четко и не содержат смешанного материала.

мурско-приморскую и обскую (обе культуры оседлых рыболовов бассейнов больших рек и морского побережья); арктическую (высоко специализированная культура морских зверобоев). В последующем он выделил в пределах центральной для Сибири байкальской зоны ряд местных культурно-исторических областей: от Байкала до Енисея, включая Ангару и верховье Лены, распространение получили памятники Прибайкальской области; среднее течение Лены и бассейны Алдана и Витима образовали так называемую южнокутскую область; бассейны нижней Лены, Яны, Индигирки, Колымы стали областью распространения североякутской неолитической культуры. В соответствии с этой теорией территории были определены как обособленные культурно-исторические области [Окладников, 1941а, б, 1950в]. Эта концепция весьма общего плана породила выделение на территории Якутии двух культурно-исторических областей. Со временем североякутская и южнокутская области были переименованы соответственно в нижнеленскую и среднеленскую культурно-исторические области. Уточнялись их границы: нижнеленская расширилась за счет арктического побережья и заняла большую часть Чукотки; среднеленская кроме долины Лены включала северо-запад Якутии, Хатангу и правобережье нижнего Енисея [Окладников, 1955а, 1956].

Если появление нижнеленской и среднеленской областей в историографическом плане объяснимо, то до сих пор остаются непонятными критерии обособления регионов. Так, границы прибайкальской области очерчивались А.П. Окладниковым по археологическим данным и подробно обосновывались. На материалах культур леновского региона тот же принцип не использовался полноценно и последовательно. Здесь в чисто археологическом плане А.П. Окладников, не конкретизируя, отмечал лишь общее своеобразие материалов неолита нижней и средней Лены. Более оправданно своеобразие неолита Лены формировалось в экономико-хозяйственном плане. По мнению А.П. Окладникова в среднеленской культурной области обитали полуоседлые охотники, рыболовы и скотоводы (по находкам зуба домашнего быка на стоянке Малая Мунку); а в нижнеленской культурной области жили бродячие охотники тундры и озерные рыболовы Севера. Территорию последних он приурочил к зоне между Полярным кругом на юге и побережьем Ледовитого океана на севере. Захватывала она также бассейн Оленёка на западе и земли почти до Берингова пролива на востоке [Окладников, 1949, 1955а, 1956]. Кроме того, на территории Якутии А.П. Окладников выделил особые районы с памятниками так называемого озерного неолита [1945, 1946а, б].

Как показали исследования ПАЭ, зубы домашнего быка были найдены А.П. Окладниковым на стоянке Малая Мунку и Куллаты в смешанном слое, содержащем различные культурные остатки неоли-

та, эпох бронзы и железа, средневековья и даже современности [Мочанов, 1969; Федосеева, 1971]. На многочисленных четко стратифицированных стоянках среднего и позднего неолита следы скотоводства не обнаружены. Так был опровергнут один из главных аргументов в пользу выделения нижнеленской и среднеленской культурно-исторических областей. Гипотеза А.П. Окладникова отличалась нестандартным по тем временам экологическим подходом, однако она, не подтвержденная конкретными археологическими фактами и построенная на стратиграфически неверно выделенных остеологических остатках, выглядела недоказательной и потому вызвала возражения [Федосеева, 1971; Константинов, 1978; Мочанов, Федосеева, 1980; Мочанов и др., 1983, 1991; Аргунов, 1990]. Позже А.П. Окладников не настаивал на реальности существования обособленных нижнеленской и среднеленской культурно-исторических областей и принял для обозначения позднего неолита термин "ымыяхтахская культура".

Не получила также подтверждения гипотеза А.П. Окладникова о существовании в Якутии особых районов "озерного неолита". К настоящему времени исследовано несколько десятков озерных неолитических стоянок в Амгинском, Вилуйском, Горном, Кобяйском, Мегино-Кангаласском, Таттинском и Чурапчинском районах Якутии. Как показал анализ находок, они не отличаются спецификой и по всем показателям соответствуют инвентарю сылахской, белькачинской и ымыяхтахской неолитических культур. Следовательно, в Якутии не было особой области озерного неолита [Мочанов и др., 1983, с. 20; Мочанов, и др., 1991, с. 19].

В 70-е гг. И.Е. Зыков, анализируя в историографическом плане итоги изучения неолита Якутии, предлагал пересмотреть границы культурно-исторических областей зон тундры и тайги [1975, с. 71]. По существу такая постановка проблемы выглядела повторением попытки А.П. Окладникова выделить локальные варианты неолита не на археологических материалах, а на основе природно-ландшафтного районирования. Но в таком аспекте без доказательной фактологической базы эта проблема не может быть решена корректно. Выделение локальных вариантов с использованием конкретных археологических фактов стало возможно благодаря целенаправленным полевым и теоретическим исследованиям ПАЭ, в результате проведения которых ымыяхтахская культура оказалась изученной лучше всех других неолитических культур Северо-Восточной Азии.

Выделяя локальные варианты ымыяхтахской культуры по керамическим комплексам, следует усилить аргументацию тезиса о существовании локального варианта I. В этих целях обратим внимание на то, что на Севере вместе с "вафельной" керамикой часто встречается черешковые наконечники стрел - плоские черешковые с треугольными клинками

(тип 2, по С.А. Федосеевой) и мелкие подтреугольные и трапециевидные с черешками (тип 2Б). Кроме того, в северном ареале ымыяхтахской культуры обнаружены трехгранные наконечники стрел, которые С.А. Федосеева по материалам Приохотья и Камчатки описала как вариант 5Ав [1980, с. 183]. Но такие наконечники встречаются и в Якутии: на стоянках Белая Гора (Индибирка) - 2 экз., Хорбусуонка I (Оленек) - 2, Уолба, нижний слой - 1, и в могильниках (Уолба (нижняя Лена) - 4, Туостях I (Яна) - 1 экз. [Окладников, 1946, табл. II, 1, 3 - 5; 1955а, с. 113, рис. 33, 2; Константинов, 1970, с. 88 - 89, рис. 4, 8, 9; Эверстов, 1980, с. 68, табл. I, 29, 33; Михалев, Елисеев, 1992, с. 54]. Плоские черешковые наконечники стрел найдены на стоянках в северной части Якутии: Уолба - 2 экз., Кыларса - 2, Сыктях I, слой IV (нижняя Лена) - 2, Оленек I - 1, Хорбусуонка I - 2, Тириктээх I (Оленек) - 1, Бартымах - 1, Туостях I - 1, Хатыстах I - 1, (Яна), Робинка V - 1 экз. (нижняя Колыма) [Окладников, 1946, с. 55, 56, табл. V, 4, 3; УП, 1, 2; 1955а, рис. 38, 7; Константинов, 1970, с. 78, рис. 2, 5; с. 89, рис. 4, 4; Федосеева, 1980, рис. 43, 4, 5; Щербакова, 1980, с. 62, рис. 21; Кистенев, 1980, с. 79, табл. II, 3; Аргунов, 1990, с. 51 - 53, рис. 23, 4, 23; с. 96, рис. 46, 2; с. 127, рис. 67, 9; Михалев, Елисеев, 1992, с. 53, табл. 3, 6; с. 60, табл. 7, 1]. Плоский черешковый наконечник стрелы найден в могильнике Помазкино*. Всего в северном ареале ымыяхтахской культуры обнаружено 25 черешковых наконечников стрел**.

Черешковые наконечники стрел встречаются и на стоянках в южной части Якутии, но очень редко - по одному в Белькачи I, Сумнагин I, Усть-Тимптон и Бердигэс [Федосеева, 1980, рис. 12, 19; рис. 19, 13; рис. 28, 17; рис. 35, 14]. Вероятно, южный комплекс "вафельной" керамики с черешковыми наконечниками стрел являлся основой, которая породила на севере локальный вариант I ымыяхтахской культуры.

Еще одно своеобразие северного варианта ымыяхтахской культуры - отсутствие на стоянках позднего неолита сложных орудий рыболовства, которые в таежной части Якутии были распространены довольно широко [Эверстов, 1988, с. 68, 114]. Кроме того на глиняных сосудах северной части Якутии и Чукотки почти полностью отсутствуют сложные композиции художественного орнамента. Заметна и

* Устное сообщение В.А. Кашина.

** В это число не вошли черешковые наконечники стрел с Чукотки и Таймыра, где они широко представлены на ымыяхтахских стоянках. При этом в восточных районах Чукотского полуострова каменные черешковые наконечники стрел появляются только в позднем неолите [Диков, 1993, рис. 142б]. В раннем и среднем неолите их нет. На Западной Чукотке черешковые наконечники имеются в раннем неолите, но их нет в среднем неолите. В позднем неолите они появляются вновь [Кирияк, 1993, табл. 122].

скудость художественного декора керамики [Федосеева, 1980, с. 191, 196, 213; Аргунов, 1990, с. 200, 203; Кистенев, 1990, с. 20; Кирияк, 1993, с. 53 - 55]. По мнению С.А. Федосеевой и Л.П. Хлобыстина, керамика с территории, прилегающей к побережью Ледовитого океана, отличается от керамических комплексов Алдана и других южных районов распространения ымыяхтахской культуры отсутствием прорисованных орнаментов. Исключение составляет лишь черенок со стоянки Кыларса II. Но культурные остатки этой стоянки являются смешанными и представляют собой разновременный комплекс [Аргунов, 1990, с. 70 - 72]. На примере материалов стоянок Северо-Западной Якутии В.Г. Аргунов отметил в каменном инвентаре некоторый "консерватизм" - сохранение и развитие пластинчатой индустрии [1990, с. 202 - 203]. Однако это наблюдение пока не нашло подтверждения в материалах стоянок на Нижней Колыме, где орудий на пластинках мало [Кистенев, 1990, с. 20]. Это обстоятельство заставляет воздержаться от привлечения развитой пластинчатой индустрии как показателя своеобразия "северного" локального варианта ымыяхтахской культуры.

Таковы представления о существовании локальных вариантов ымыяхтахской культуры позднего неолита. Исходя из теоретических построений М.Е. Фосс, Н.Н. Гуриной и А.Ф. Анисимова, главный фактор возникновения локальных вариантов ымыяхтахской культуры нам видится в дифференциации некогда единой археологической культуры, которая, распространившись по огромной территории Северо-Восточной Азии, разобшилась на почти не контактирующие ареалы. В условиях обособления при сохранении основных традиций происходило постепенное замещение отдельных элементов культуры новыми, что и придавало локальному варианту своеобразие. Определенную роль в этом процессе обособления сыграла географическая среда, которая требовала адаптации к специфическим условиям обитания в арктической тундре. При этом не стоит ограничивать ареалы локальных вариантов зонами тундры и тайги, но следует определить локальные варианты ымыяхтахской культуры как северный, южный и смешанный. Экологический подход при оценке древних культур остается актуальным, но пока нет возможности подтвердить отражение территориального своеобразия в планах хозяйственного и социального аспектов. Анализ показывает, что таежное и тундровое население вело одинаковое (в главных чертах) присваивающее хозяйство. Кроме того, от прямого природно-ландшафтного районирования границ локальных вариантов культуры следует воздержаться, потому что в древности, надо полагать, существовали многочисленные пути обратных миграций из тундры в тайгу и, напротив, вклинивание таежных племен в лесотундру и тундру. По этой причине археологическая карта

локальных вариантов ымыяхтахской культуры, которая, как можно надеяться, в будущем определится четко, едва ли полностью совпадет с картой ландшафтных зон Якутии. На современном же этапе изучения неолита Якутии важен уже сам по себе факт выделения локальных вариантов культуры. Уточнение их ареалов - дело будущих исследований.

Можно надеяться, что дальнейшее изучение ымыяхтахской культуры позволит не только уточнить границы предложенных нами локальных вариантов, но и пополнить перечень признаков, маркирующих своеобразие локальных вариантов. Это будет способствовать выделению локальных вариантов ымыяхтахской культуры в обширном регионе ее бытования.

Основываясь на антропологических и археологических материалах, были предприняты попытки выявить в археологических культурах возможные источники современных этносов Севера. Этнически с ымыяхтахцами некоторые исследователи связывают предков юкагиров [Окладников, 1965; Окладников, Гурвич, 1957; Хлобыстин, 1973, 1975; Симченко, 1975, 1976, 1982; Гурвич, 1983, 1993]. Однако многие вслед за В.Н. Чернецовым [1964] видят в носителях ымыяхтахской культуры предков чукчей, эскимосов, коряков [Мочанов, 1969; Окладников, 1970; Васильевский, 1971; Константинов, 1978; Диков, 1979, 1993]. По мнению С.А. Федосеевой, ымыяхтахцы сыграли немаловажную роль в сложении северо-восточных палеоазиатов и юкагиров [1980]. Развивая эту гипотезу, Л.П. Хлобыстин предположил, что ымыяхтахская культура была присуща не одному, а нескольким этносам и потомки ымыяхтахцев приняли участие в генезисе различных народов, в основном палеоазиатов Северо-Востока [1987, с. 344]. Многообразие мнений в данном случае отражает интерес к проблеме, а не ее решение. Этническая идентификация ымыяхтахцев продолжает оставаться открытой.

Отсутствие достаточных археологических, антропологических, лингвистических данных не дает возможности выйти за уровень гипотетического решения проблемы. Учитывая существование в ымыяхтахской культуре локальных вариантов, за которыми безусловно стоят различные этнические образования, мы, соглашаясь с С.А. Федосеевой и Л.П. Хлобыстиным, считаем, что потомки ымыяхтахцев приняли участие в генезисе нескольких современных народов Северо-Востока Сибири. Представления о полиэтничности населения ымыяхтахской культуры базируются также на данных антропологии, аналогиях в материальной и духовной сферах этнической культуры палеоазиатов Севера.

Антропологами исследованы череп из погребения Бугачан [Якимов, 1950, с. 189 - 198] и шесть черепов из могильника Диринг-Юрях [Гофман, Томтосова, 1992, с. 105 - 124]. Как показало изучение черепа из Бугачана, погребенный был монголоидом,

однако это был "смягченный" монголоидный тип. По черепно-лицевому индексу череп занимает промежуточное положение между европеоидами и монголоидами. Этот факт, возможно, свидетельствует о единстве населения севера Сибири и коренных обитателей Северной Америки [Якимов, 1950]. Краниологическая серия из Диринг-Юряха определена как принадлежащая монголоидам, но имеющая крайне своеобразные морфологические особенности, нетипичные для современных монголоидов, однако встречающиеся у некоторых групп арктической и центрально-азиатской рас. В целом при сравнении с древними черепами из Восточной Сибири диринг-юряхская краниологическая серия по отдельным признакам обнаруживает сходство с черепами из областей распространения арктической расы (Родинка, Усть-Белая) и довольно сильно отличается от черепов из Шилкинской пещеры и Оннеса, в которых преобладают признаки байкальской расы. При сравнении ее с краниологическими сериями современных народов Восточной Сибири обнаруживается наибольшее сходство с представителями центрально-азиатской расы, а среди них - с якутами [Гофман, Томтосова, 1992, с. 116 - 117].

Проведенный нами анализ ымыяхтахского культурного комплекса показывает, что многие ымыяхтахские традиции продолжают существовать в бронзовом веке, раннем железе и палеоэтнографической кулун-атахской культуре якутов [Алексеев, 1994]. По нашему мнению, многочисленные факты живучести культурных традиций не могут объясняться случайными совпадениями. Сохранение традиций в украшении керамики и изготовлении некоторых типов орудий на протяжении позднего неолита, бронзового века, эпохи железа и кулун-атахской культуры XIV - XVI вв. свидетельствует о непрерывности существования на территории Якутии в основе общего для этих эпох этнического субстрата. Именно этот этно субстрат, который, вероятнее всего, являлся палеоазиатским, вступил в ассимиляционные процессы с пришлыми тюркоязычными группами и дал начало образованию нового этноса - якутов.

Существование в Северо-Восточной Азии какого-то общего древнейшего этно субстрата проявляется не только в материальной, но и в духовной культуре, особенно в орнаментике. Последнее очень показательно демонстрируют орнаменты, называемые растительным и вороньей лапкой. Эти орнаменты нанесены только на костяные изделия. В Якутии растительный орнамент зафиксирован на костяном изделии с местонахождения Сюгдюкэн [Мочанов и др., 1983, табл. 188], на Чукотке - в Усть-Бельском могильнике [Диков, 1979, рис. 60, 7], в Берингоморье - в лахтинской культуре [Орехов, 1987, с. 112, тип 5], в Приохотье - на древнекорякской стоянке [Лебединцев, 1990, рис. 149, 5]. Можно отметить параллели и в изображениях "вороньих лапок". В Якутии

такой орнамент имеется на керамике кулун-атахской культуры XIV в. и керамике XVIII в. [Гоголев, 1990, табл. IV, 16; V, 14; XXXIX, 6; 1993, табл. IV, 16; V, 14; XXVIII, 6], на Чукотке - на костяном изделии Усть-Бельского могильника [Диков, 1979, рис. 60, 7], в Берингоморье - в лахтинской культуре [Орехов, 1987, рис. 51, 6]. Точно такие же знаки, известные в пиктографии якутов под названием "след куропатки", нанесены на дне некоторых деревянных чоронов XIX в. УПотапов, 1972, с. 86 - 87, рис. 22].

На Чукотке орнамент из "вороньих лапок" исследователи считают проточукотским компонентом культуры [Диков, 1993, с. 163], в Берингоморье - керекским, восходящим к древнекорякской, или к протоэскимосской, традиции [Орехов, 1987, с. 132 - 133; Лебединцев, 1990, с. 227]. В Якутии керамика с таким орнаментом интерпретируется как якутская, поскольку она является неотъемлемой частью кулун-атахского культурного комплекса и имеется на типично якутских глиняных сосудах XVIII в. и некоторых чоронах XIX в. Аналогией в орнаментальном искусстве можно считать циркульный орнамент, также характерного для многих народов Сибири. Изучая костяные скульптурки остроголовых человечков, А.П. Окладников [1955а, с. 143 - 144] и М.А. Кирьяк [1993, с. 111 - 113] отмечали их широкое распространение в Сибири.

Приведенные совпадения и этногенетические идентификации элементов духовной культуры подтверждают наши наблюдения, сделанные в результате анализа материального комплекса. В совокупности с другими подобными фактами в духовной и материальной культуре они свидетельствуют не только о культурных контактах, но и о более тесных этнических взаимоотношениях, о существовании какого-то общего древнейшего этнического пласта в генезисе некоторых современных народов Северо-Восточной Азии. Мы считаем, что основу этого этнического субстрата составляли ымыяхтахцы. В результате воздействия внутренних и внешних факторов некогда единая ымыяхтахская культура разделилась на две хронологические группы.

Основу хозяйства ымыяхтахцев по прежнему составляли охота и рыболовство, в приемах которых никаких принципиальных перемен не замечено. Во II тыс. до н.э. в соседних с Якутией горно-таежных районах Верхнего Приамурья и Восточного Забайкалья появились возможно, зачатки оленеводства, отраженного в сюжетах наскальных изображений [Мазин, 1986, с. 107 - 109; 1988, с. 22 - 23]. Изучение

материалов ымыяхтахской культуры показывает, что ни в вещественных объектах, ни в сюжетах писаниц нет каких-либо свидетельств зарождения в Якутии оленеводства в позднем неолите. Очевидно, это произошло здесь гораздо позже. Сказанное, однако, не исключает, что в отрогах Алданского Становика в конце II- начале I тыс. до н.э. могли обитать группы оленеводческого населения. Но чтобы определиться в этом вопросе необходима организация специального поиска древних поселений оленеводов в горно-таежных районах Олёкмы и Алдана.

Подводя итоги изучения неолитических культур Якутии, следует отметить факт особой важности: три последовательно сменившие друг друга культуры, сыалахская, белькачинская и ымыяхтахская, генетически не связаны. Замеченные случаи совпадения элементов культуры незначительны и объясняются взаимовлияниями в ходе ассимилятивных процессов. В целом же в каждой последующей культуре наблюдается почти полная смена определяющего комплекса вещей, что особенно хорошо зафиксировано в керамике. Сказанным подтверждается правомерность вывода о том, что смена в Якутии одной неолитической культуры другой происходила не эволюционным путем, а в результате миграции на ее территории нового населения.

Анализ материалов неолитических культур Якутии показывает, что в эпоху среднего неолита верхний Вилюй и Олёкма стали контактными с прибайкальской культурно-исторической областью районами. Поэтому в генезисе белькачинской и ымыяхтахской культур определенную роль сыграли синхронные с ними культуры Прибайкалья. Корреляция неолитических материалов из Якутии и из соседних регионов раскрывает также многие параллели и с древними культурами Забайкалья. В позднем неолите контактный район выявлен пока только на Олёкме. Заметим в этой связи, что эта зона в позднем неолите испытывала культурное влияние преимущественно Забайкалья, а не Прибайкалья, как было в среднем неолите. Накопленные к настоящему времени материалы позволяют разделить погребения ымыяхтахской культуры на две хронологические группы, а также выделить локальные ее варианты. Этническая персонификация сыалахского и белькачинского населения представляется пока неразрешимой. Этническая идентификация ымыяхтахцев также трудна. Можно лишь полагать, что потомки ымыяхтахцев приняли участие в генезисе нескольких современных народов Северо-Восточной Азии.

ГЛАВА V ЯКУТИЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

1. История изучения памятников эпохи бронзы

В Якутии случайные находки бронзовых изделий известны с XIX в. Как правило, это были предметы крупных размеров и необычной формы. Первым бронзовым орудием следует, видимо, считать кельт, обнаруженный в XIX в. у морского побережья, вблизи устья р. Колымы [Окладников, 1944; Эртоков, 1990]. В старых коллекциях выделяются мечи оригинальной формы, найденные на дне спущенного озера Сильгумджа на Вилюе и у пос. Укалан в верховьях Алдана. Выразительными были также бронзовые кельты, копья и котел скифского типа с Лены, Вилюя, Алдана, Витима и с низовьев Колымы (рис. 18). Случайно выделенные весьма совершенные бронзовые изделия сами по себе не давали, разумеется, полной информации об эпохе. Но они заставляли размышлять о существовании местной культуры бронзы. Тем не менее в археологии долгое время доминировало мнение, что в Якутии отсутствовало самостоятельное производство металлов. Все ставшие известными бронзовые изделия объявлялись неместными - привезенными из степных регионов Сибири, ибо считалось, что население Якутии находилось на уровне каменного века вплоть до прихода сюда тюрков-скотоводов, которые будто бы и принесли развитую металлургию железа.

Эти ошибочные взгляды пересмотрел А.П. Окладников, руководивший Ленской историко-археологической экспедицией (1940 - 1946 гг.). При раскопках открытых им тогда древних поселений у Покровска, Якутска и Старого Сыктяха он обнаружил следы бронзолитейных мастерских: остатки плавильных печей-горнов, обломок половинки глиняной формы для литья кельтов, глиняные стерженьки и сердечники для оформления втулок наконечников копий, а также так называемые льячкики - глиняные ложки для заливки расплавленной бронзы и литейные формы. Эти находки и стали неоспоримым доказательством возникновения и развития местной металлургии в Якутии [Окладников, 1945, 1946, 1950а, 1955а]. А.П. Окладников предложил и первую периодизацию бронзового века Якутии. Находки из нижнего слоя стоянки Старый Сыктяха, а также вещи из меди и бронзы из погребений Бугачанское, Иччилахское, Покровское он отнес к раннему этапу бронзового века. Полагая, что своеобразный импульс для развития бронзолитейного произ-

водства Якутии могли дать глазковцы, А.П. Окладников возраст раннего этапа бронзы соотносил с глазковской культурой, со второй половины II тыс. до н.э. Развитым этапом бронзового века А.П. Окладников датировал раскопанные в черте Покровска и Якутска бронзолитейные мастерские, а также все известные к тому времени бронзовые изделия, в которых он усматривал влияние карасукской и тагарской культур Южной Сибири. Соответственно развитый этап бронзового века определялся им в пределах XIII - III вв. до н.э. В целом А.П. Окладников связывал бронзолитейщиков Якутии с глазковцами Прибайкалья, отдавая при том приоритет более передовому глазковскому культурному влиянию. Отмечались при этом и контакты населения бронзового века Якутии с племенами Северной Европы, Западной Сибири, Прибайкалья, Китая и Арктической Америки [Окладников, 1949, 1955а]. Таким образом, А.П. Окладников не только доказал существование местной металлургии бронзы, но и первым разработал верную в основе классификацию и хронологию бронзового века Якутии. Однако фактический материал, который привлекался им для теоретических построений, имел существенные недостатки. Известно, что только несмешанный комплекс дает наиболее объективное представление о материальной культуре людей той или иной эпохи. Между тем поселения-мастерские бронзолитейщиков, в построениях А.П. Окладникова опорные, содержали в культурном слое не "чистые комплексы" эпохи бронзы, а смешанные остатки неолита, бронзового и раннего железного веков. Смешанные культурные слои были раскопаны на стоянках Сангар Хая, Мельжегей, Мыс Обух, Малтаны, Чочур-Муран, Хапчагай, Хатын-Юрях и др. Бронзовые изделия из числа случайных находок А.П. Окладников оценил, прибегая к сравнительно-типологическим методам анализа, что не позволило ему достаточно точно и полно выявить соответствующий культурный комплекс.

Очередной этап в изучении эпохи бронзы связан с деятельностью ПАЭ под руководством Ю.А. Мочанова. Открытие и исследование многослойных стоянок Белькачи I и Сумнагин I (р. Алдан) позволили зафиксировать в четких стратиграфических условиях бесспорные комплексы бронзового века [Мочанов, 1969]. Особое значение имел найденный на стоянке Усть-Миль I бронзовый нож с костяной ручкой, по которому удалось установить прямую связь бронзовых изделий с разнообразными материалами по-

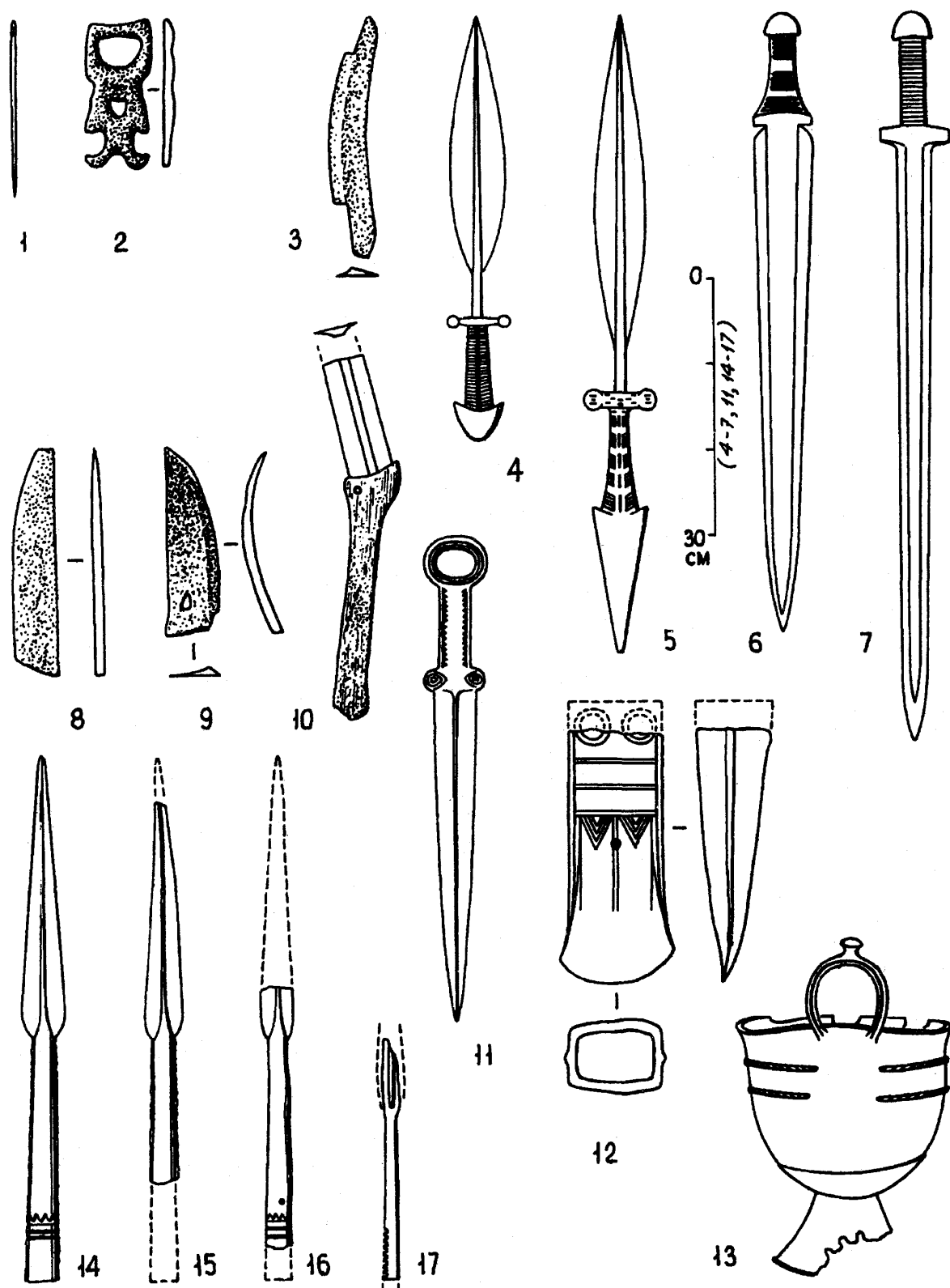

Рис. 18. Бронзовые изделия усть-мильской культуры (по В.И. Эртюкову, 1990).

1 - игла (нижняя Лена), 2 - подвеска (Усть-Тимптон, Алдан), 3 - нож (Сюльдюкар, Вилюй), 4 - меч (Укулаан, Алдан), 5 - меч (Сэндэлэ, Лена), 6 - меч (оз. Сильгумджа, Вилюй), 7 - меч (местонахождение неизвестно), 8 - нож (Андреевская I, Алдан), 9 - нож (Хатынгнах, Вилюй), 10 - нож (Усть-Миль, Алдан), 11 - меч (оз. Хотуу-Тулаах, Вилюй), 12 - кельт (Мурья, Лена), 13 - котел (р. Марха, Вилюй), 14, 15 - копьа (р. Марха, Вилюй), 16 - копьа (р. Нотора, Алдан), 17 - копьа (р. Тюнг, Вилюй).

селений. Анализ инвентаря многослойных стоянок показал, что в Якутии существовала своеобразная для Северной Азии культура бронзового века - усть-мильская [Федосеева, 1970б]. Накопленные в ходе работ ПАЭ и предшественников материалы были обобщены в монографии В.И. Эртюкова [1990], который систематизировал известные до конца 80-х гг. памятники усть-мильской культуры, разработал их периодизацию и провел корреляцию керамики и единичных бронзовых изделий Якутии с находками соседних регионов.

В настоящее время в Якутии открыто около 100 усть-мильских памятников. На восьми стоянках (Белькачи I (слой II), Сумнагин I (слои III - IV), Билир I (слой I) на Алдане, Сиктях I (слой II) на нижней Лене, Улахан Сегеленнях (слой VII), Курунг II (слой I), Баасынай I (слой I), Большая Кюскэ (слой I на Олёкме) обнаружены не смешанные культурные остатки эпохи бронзы. Они и стали опорными в изучении бронзового века Якутии.

Многослойная стоянка Баасынай I

Остатки бронзового века обнаружены в культурном слое I (серая супесь мощностью 4 - 5 см). От нижележащего культурного слоя II он отделен стерильной прослойкой песка (14 - 25 см) и перекрыт слоем песка (10 - 20 см) и дерном (5 - 7 см; табл. 1, 5). Площадь раскопа 49 м². В слое обнаружено 76 мелких фрагментов тонкостенной керамики, украшенной несколькими рядами рассеченных налпных валиков. Толщина черепков 0,3 - 0,4 см, цвет их снаружи, в изломе и внутри темно-бурый (табл. 38, 3). Подобная керамика широко распространена на поселениях бронзового века Якутии, что позволяет датировать культурный I слой памятника эпохой бронзы.

Многослойная стоянка Большая Кюскэ

Культурные остатки бронзового века зафиксированы в культурном слое I, под дерном, в 3 - 4-сантиметровой гумусированной прослойке (табл. 10, 3). Площадь раскопа 55 м². Найдены 3 кремневых отщепов, оббитая галька, 18 фрагментов гладкостенной керамики с нерассеченными налпными валиками (табл. 38, 4). Аналогичная керамика характерна для памятников бронзового века Якутии.

Многослойная стоянка Улахан Сегеленнях

Культурные остатки бронзового века зафиксированы в культурном слое VII (пачка желтоватого цвета песка мощностью 10 - 15 см). От вышележащих и нижележащих культурных слоев он отделен 10 - 15-сантиметровыми стерильными прослойками песка (табл. 1, 6). Слой зафиксирован на всей площади раскопа (287 м²). По углю получены две

радиоуглеродные даты: 3570 ± 140 л.н. (ИМ - 1011) и 3120 ± 120 л.н. (ИМ - 1009).

В слое найдены 287 отщепов, 27 осколков кремня, 46 пластин, 11 каменных орудий, 6 костяных орудий, 481 фрагмент керамики. Длина пластин 31,2 - 16 см. Интерес представляет сборка из пластин длиной 1,8 - 2,2 см, образующих периметр нуклеуса (табл. 39, 15) и пластина длиной 6 см (табл. 39, 12). Судя по рисунку кремня, последняя снята с того же нуклеуса, что и указанная группа апплицированных пластин, что позволяет судить о первоначальных размерах нуклеуса.

Каменные орудия представлены шестью наконечниками стрел с выемчатым основанием, обломком ножа, многофасеточным резцом, тремя скребками (табл. 39; 1 - 6, 9, 14).

К костяным изделиям относятся два шила, две иголки, два плоских ланцетовидных наконечника стрел, обломок гарпунного острия (табл. 39, 7, 8, 10, 16, 17).

Фрагменты керамики по ориентации венчика и тулова относятся к пяти типам сосудов. Сосуд типа I представлен 80 фрагментами с отпечатками на внешней поверхности крупной (5 x 5 мм) квадратной "вафли". Изделие почти полностью восстанавливается. Высота сосуда 30 см, диаметр венчика 19,5 см, объем 3,5 л. Отогнутый наружу бортик украшен оттисками отступающего полукруглого штампа. Под венчиком расположен пояс из "жемчужин", под которым находится пояс из парных округлых вдавлений. Толщина стенок у венчика 0,3 см, у дна 0,8 см. Керамика двухслойная (табл. 40, 1). К сосудам типа II относятся 235 фрагментов керамики с отпечатками ромбической "вафли" на внешней поверхности. Один из таких сосудов частично восстановлен. Диаметр его венчика 21 см. Бортик отогнут под углом 60°, рассечен поперечным косым штампом и украшен "жемчужинами". Ниже их располагаются два пояса из округлых вдавлений. Толщина стенок 0,3 - 0,5 см. Керамика двухслойная. В тесто добавлялась трава. Сосуд в древности реконструировался, трещина на тулове его была замазана варом изнутри и снаружи (табл. 40, 2). Сосуды типа III представлены 131 фрагментом керамики с "вафельными" отпечатками. Один из них восстановлен частично. Диаметр венчика 20 см. Бортик отогнут под углом 60° и украшен оттисками его двузубчатого штампа, а также "жемчужинами". Ниже последних располагаются два пояса из оттисков прямоугольного двузубчатого штампа. На шейке имеются два сквозных биконических отверстия - очевидно, следы реконструкции сосуда. Толщина стенок 0,4 - 0,5 см. Керамика двухслойная. В тесто добавлялась трава (табл. 41).

Сосуды типа IV сохранились в 29 фрагментах керамики с "вафельными" отпечатками. Бортик отогнут под углом 60° и рассечен поперечным косым штампом. Венчик украшен "жемчужинами", под которыми размещается двойной ряд крупных округ-

лых вдавлений, а ниже - два пояса оттисков двузубчатого штампа. На тулове двузубчатым штампом вытеснены антропоморфные изображения (фаллические фигурки с разведенными по сторонам руками и расставленными ногами). Толщина стенок 0,4 - 0,5 см. Керамика двухслойная (табл. 42).

К сосудам типа V относятся шесть фрагментов "вафельной" керамики. Толщина стенок 0,4 см. Малые размеры обломков не позволяют воссоздать ни форму, ни размер изделий.

Радиоуглеродный анализ и стратиграфические положения культурного слоя VII поселения Улахан-Сегеленнях позволяют датировать описанные находки бронзовым веком.

2. Усть-мильская культура эпохи бронзы

В настоящее время на территории Якутии известно около 100 усть-мильских памятников. На восьми многослойных стоянках обнаружены не смешанные культурные остатки эпохи бронзы: Белькачи I (слой II), Сумнагин I (слои III - IV), Билир I (слой I) на Алдане, Сиктях I (слой II) на нижней Лене, Улахан Сегеленнях (слой VII), Курунг II (слой I), Баасынай I (слой I), Большая Кюскэ (слой I) на Олёкме. Они и стали опорными в изучении бронзового века Якутии.

По образцам, извлеченным из культурных слоев бронзового века, получены четыре радиоуглеродные даты: Сумнагин I, слой V - 2900 ± 70 л.н. (ЛЕ - 871), слой III - 2000 ± 40 л.н. (ЛЕ - 872); Улахан-Сегеленнях, слой VII - 3570 ± 140 л.н. (ИМ - 1011) и 3120 ± 120 л.н. (ИМ - 1009). Исходя из дат Сумнагина I, Ю.А. Мочанов и С.А. Федосеева пришли к выводу о том, что усть-мильская культура существовала в интервале от 3300 ± 100 до 2400 ± 100 л. н. [Мочанов и др. 1983, 1991; Федосеева, 1980]. В.И. Эртюков приводит иную хронологию культуры: $3100 \pm 100 - 2100 \pm 100$ и $3300 \pm 100 - 2100 \pm 100$ л.н. [1990, с. 96; 1992, с. 144]. Учитывая многочисленные даты C_{14} , которые определяют верхнюю границу ымыяхтахской культуры и нижний хронологический рубеж раннего железного века, а также принимая во внимание датировку культурного слоя VII стоянки Улахан Сегеленнях, следует признать более правомерной датировку, предложенную Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой. Правда, в таком случае несколько удревленной выглядит дата 3570 ± 140 л.н. для нижней части культурного слоя VII Улахан Сегеленнях. И все же на фоне общей хронологической шкалы стоянки эта дата, "стыкуясь" со временем формирования поздненеолитического слоя VIII (3740 ± 300 л.н.), кажется приемлемой. С учетом даты слоя VI стоянки Улахан Сегеленнях, фиксирующей начало эпохи железа, может быть, следует несколько удревить верхний хронологический рубеж усть-мильской культуры. В таком случае напрашивается вывод, что

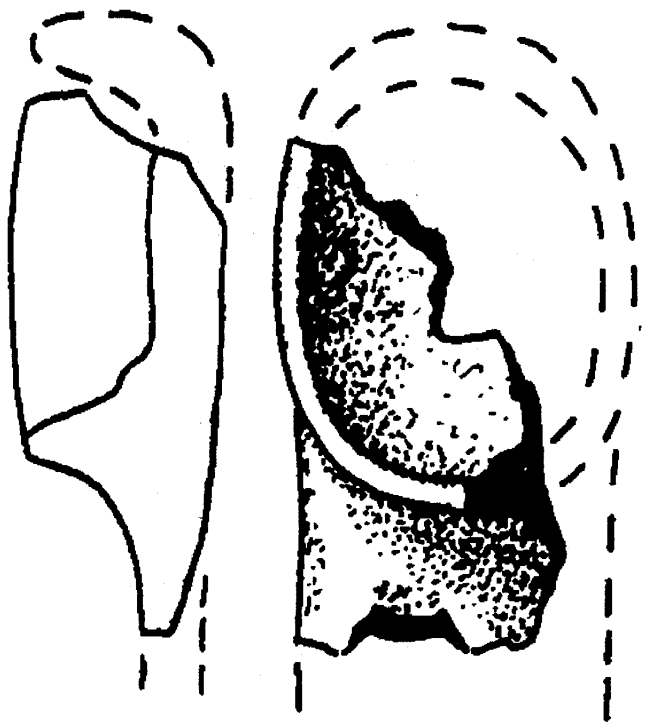

Рис. 19. Фрагмент глиняного льячика со стоянки Сиктях I (нижняя Лена; по А.П.Окладникову, 1946).

усть-мильская культура существовала в Якутии в пределах $3500 \pm 100 - 2500 \pm 100$ л.н.

Бронзовый век Якутии в источниковом плане представлен главным образом керамическими материалами. Что касается каменного и костяного инвентаря, то он не столь разнообразен и выразителен, как керамика, и к тому же весьма немногочислен.

Усть-мильская керамика изготавливалась выколачиванием. Все сосуды делались круглодонными. Широкое распространение получили появившиеся в конце позднего неолита сосуды открытого типа. Лишь изредка встречаются обломки сосудов закрытого типа с венчиками, наклоненными вовнутрь. На раннем этапе изготавливалась двухслойная керамика, а позже однослойная, тонкостенная - толщиной 0,3 - 0,4 см. В глиняное тесто на раннем этапе примешивались растительные остатки. У тонкостенных же сосудов более позднего времени тесто плотное, без примесей. Художественная орнаментация весьма разнообразна. Прочерченный орнамент встречается очень редко. Основу узора составляют различные сочетания тонких и выдавленных гладких или рассеченных поясков-валиков. Они в сечении треугольные или полуовальные. Иногда соединяются друг с другом вертикальными или наклонными валиками. В отдельных случаях зоны между валиками заполнялись ногтевидными или округлыми вдавлениями. В.И. Эртюков выделяет в усть-мильской керамике 45 разновидностей форм сосудов и 14 типов орнамента с 56 вариан-

тами композиций [1990, с. 84 - 92, табл. 24]. Последние исследования в этой области дополняют и корректируют предложенную им классификацию (табл. 43). Керамический комплекс пополнился теперь часто встречающимися при раскопках поселений тиглями и льячиками (рис. 19).

Каменный инвентарь усть-мильской культуры представлен концевыми скребками, подпрямоугольными и полулунными ножами, треугольными наконечниками стрел, долотовидными орудиями, призматическими и коническими нуклеусами. В данной коллекции по сравнению с ымыяхтахской заметно сократилось количество орудий из пластин. Несмотря на преобладание в инструментарии каменных изделий над бронзовыми и костяными, наблюдается упрощение техники обработки каменных орудий. Они становятся менее разнообразными (из орудийного набора исчезли проколки, вкладыши, бифасы-наконечники и топоры). Из меди стали изготавливать иглы, шилья, мечи, ножи, наконечники копий и кельты. Среди находок встречаются иногда плоские промежуточные бусины-кружочки и мелкие бусинки из белого пирофиллита. Наличие этих предметов А.П. Окладников объяснял влиянием глазковской культуры Прибайкалья [1949; 1955а, б].

Бронзовая металлургия была в целом местной. О том убедительно свидетельствуют открытые А.П. Окладниковым мастерские бронзолитейщиков на р. Лене - в Якутске, Покровске, Куллаты, Сангаре и на Крайнем Севере - на стоянке Старый Сиктях [1950а, с. 20, 92, 93; 1955а, с. 146 - 148]. Мастерские, где производилась плавка бронзы, удалось открыть также на Вилюе - Усть-Чона II, Бэрэ, а также на Олёкме - Крестях I, Усть-Чара, Усть-Токко II, Улахан Сегеленнях (см. [Федосеева, 1968, с. 146; Архипов, 1976, с. 216; 1989, с. 63; Алексеев, 1981, с. 163; 1987, с. 115]). При раскопках этих памятников найдены горны для выплавки бронзы, льячики, сопла от кузнечных мехов, литейные формы для отливки изделий и прочее. Комплекс находок подобного рода достаточно убедительно демонстрирует наличие в Якутии вполне самостоятельного центра бронзовой металлургии.

На территории Якутии обнаружено 19 бронзовых предметов: 4 копыя, 5 мечей, 4 ножа, кельт, игла, 3 подвески и котел для варки пищи (см. рис. 18). Все они за исключением усть-мильского ножа и ножа со стоянки Хатынгнаах II на Вилюе стратиграфически не привязаны, но типологические особенности свидетельствуют об их несомненной принадлежности бронзовому веку. Методом полуколичественного спектрального анализа установлено, что большинство этих изделий изготовлено из мышьяковистой бронзы. К ним относятся два копыя с р. Марха, меч с оз. Хотуу-Туулаах, кельт из с. Мурья, нож со стоянки Усть-Миль. Копье и игла с р. Нотара сделаны из мышьяковисто-оловянной бронзы, укуланский меч с верховьев Алдана и сэн-

дэлинский меч - из оловянистой бронзы, вилюйский бронзовый котел - из медной руды с довольно большим (3 - 10%) содержанием железа [Федосеева, 1974]. Разнообразие состава бронзы, возможно, отражает принадлежность бронзовых изделий к разным хронологическим этапам культуры или ее локальным вариантам.

Превосходная отделка, высокое техническое и художественное исполнение бронзовых изделий исключают мысль об их спонтанном, случайном изготовлении. Бесспорно, они отлиты по определенным правилам, ибо явно копируют классические образцы. Одним из вещественных доказательств является форма для отливки кельта карасукского типа, найденная в мастерской бронзолитейщика у областной больницы в г. Якутске [Окладников, 1955а, с. 152]. Собственно, само по себе существование специализированных поселений-мастерских, где работали литейщики, раскрывает уровень развития культуры бронзы Якутии. Богатые местные месторождения медных руд способствовали ее становлению.

Бронзовые изделия свидетельствуют и о широких культурных связях обитателей Якутии эпохи бронзы. Так, усть-мильский, хатынгнаахский и шюльдюкарский ножи имеют близкие аналоги среди образцов такого же рода с севера Забайкалья и из Прибайкалья [Гришин, 1985, с. 33 - 34]. Некоторые наконечники копий из Якутии по формам, пропорциям пера и втулки, общим размерам, орнаментации втулки вписанными друг в друга треугольниками напоминают втульчатые наконечники копий из Иньского Китая, а другие - наконечники копий с Енисея и Томско-Нарымского Приобья [Окладников, 1955а, Эртюков, 1990]. Ажурная подвеска со стоянки Усть-Тимптон имеет аналоги среди соответствующих находок из Центральной Азии. Хоту-туулахский меч В.Г. Борисов сравнивает с карасукскими ножами [1961]. Аналоги укуланскому мечу А.П. Окладников нашел среди иньских вещей - меч, найденный в уезде Шанчжи в Китае [1955а, с. 182]. Однако В.И. Эртюков считает, что укуланский и сэндэлинский мечи по технике изготовления, формам и орнаментации более близки скрипковидным кинжалам Древнего Чосона [1990, с. 81]. Можно полагать, что многие карасукские и центрально-азиатские изделия, как и технические приемы их изготовления, стали известны в Якутии через контакты с носителями культуры плиточных могил Забайкалья.

Итак, по отдельным элементам усть-мильская культура аналогична глазковской в Прибайкалье, сейминско-турбинской и карасуко-тагарской соответственно в Западной и Южной Сибири. Прослеживается сходство с бронзовыми изделиями из Центральной Азии и скифского мира. Столь разнообразные и широкие параллели вполне допустимы. Они отражают не только генетические линии, но и культурно-экономические контакты, характерные в целом для бронзового века, когда повсеместно на-

блюдался рост обмена и этнических связей между племенами.

Многочисленность бронзового оружия, в частности мечей и наконечников копий, свидетельствует о возросшей роли военной деятельности в жизни усть-милыцев. Оружие, особенно мечи и кинжалы, служило своеобразным символом власти, что позволяет думать о социальных изменениях у племен бронзового века Якутии. Однако, в отличие от обитателей степных районов, у которых в бронзовом веке широко распространились скотоводство и земледелие, использование бронзовых орудий не изменило присваивающей формы хозяйства усть-милыцев. Источником существования их осталась охота, дополняемая рыболовством и собирательством. Длительному сохранению охотничье-рыболовческого уклада хозяйства в немалой степени способствовали благоприятные условия обитания в богатой промысловыми животными таежной и тундровой зонах. Соответственно социальные изменения протекали медленно. Очевидно, усть-милыцы находились на стадии разложения родоплеменного строя и жили небольшими коллективами, ведя характерный для таежных охотников образ жизни. Частые перекочевки были связаны с миграциями основных объектов охоты и нерестовым ходом рыбы. На стоянках отсутствуют следы капитальных жилищ, видимо, усть-милыцы жили в легких переносных каркасных сооружениях типа чума или урасы, известных по этнографическим материалам. Поселение занимала, вероятно, одна кровнородственная группа, объединяющая ближайших родственников.

Выделение погребений эпохи бронзы на территории Якутии проблематично. Ранее А.П. Окладников относил к бронзовому веку Бугачанское, Иччиляхское, Куллатинское и Покровское погребения. С.А. Федосеева пересмотрела датировку и считает их погребениями ымыяхтахской культуры, с чем можно согласиться, оставив под вопросом точность определения времени погребений Иччилях и Покровское. Пока к бронзовому веку можно отнести Сылахское, Олёкминское и Хатын-Тумульское погребения, которые объединяет обряд трупосожжения. Какие-либо иные параллели между этими погребениями и сопоставления с другими провести невозможно, так как названные погребения плохо документированы [Овчинников, 1890; Окладников, 1945]. Обряд трупосожжения зафиксирован также в погребениях Иччилях и Покровское, включенных С.А. Федосеевой в круг ымыяхтахских памятников. Однако они не совсем вписываются в круг неолитических погребений не только по обряду захоронения, но и особенностям ориентации умерших. Напомним, что в погребениях среднего неолита кости ориентированы головой на северо-восток, позднего неолита - на юг (Чочур-Муран - ранний этап позднего неолита) и северо-запад (Бугачан, Куллаты - поздний этап позднего неолита). Погребенные

в Иччилях и Покровском ориентированы головой на юго-запад. Правда юго-западная ориентация оказалась характерной для погребенных в могильнике Диринг-Юрях, который датируется неолитическим временем. Возможно, поэтому следует датировать погребения Иччилях и Покровское концом позднего неолита, что и объяснит совмещение в них признаков погребального обряда неолита и бронзы. Такая точка зрения представляется наиболее приемлемой.

Изменения в духовной жизни людей эпохи бронзы нашли отражение в сюжетах наскальных изображений. Рисунки, относящиеся к бронзовому веку, выделены А.П. Окладниковым, А.И. Мазиным, Н.Н. Кочмаром и другими исследователями на писаницах Алдана, Амги, Лены, Олёкмы, Токко [Окладников, Запорожская, 1972; Окладников Мазин, 1976, 1979; Кочмар, 1985, 1988, 1990, 1992]. На писаницах эпохи бронзы по сравнению с неолитом становится больше стилизованных фигурок людей в "рогатых" или "лучистых" головных уборах, с головой, нарисованной в виде развилки. По мнению исследователей писаниц, это изображения шаманов, чьи заклинания и культовые действия обеспечивали удачу в охотничьем промысле. Появившийся еще в позднем неолите мифологический сюжет становится более сложным, что свидетельствует о новом этапе развития идеологии шаманизма (обогащение его содержания), об укреплении культа шамана, могущественного посредника между людьми и духами.

В этом плане особый интерес вызывает сосуд из слоя УП поселения Улахан Сегеленях с оттиснутыми на стенках фаллическими антропоморфными фигурками (табл. 42). Фигурки с расставленными ногами, разведенными в сторону руками, голова увенчана двумя рожками. Последняя деталь свидетельствует в пользу предположения о шаманской семантике рисунков. Полных аналогов этим изображениям нет, хотя рисунки антропоморфных фигур на керамике известны не только в ближайших к Якутии районах Сибири, но и далеко на западе [Лозе, 1983, с. 144, рис. 3; 1987, с.45 - 47, рис. 4, 2, 3; 5; Петрин, Широков, 1987, рис. 4]. Чаще всего антропоморфные фигуры на керамике трактуются как изображения шаманов. Олёкминским рисункам на керамике наиболее близки по стилю антропоморфные фигурки на фрагментах глиняных сосудов со стоянки Плотбище на р. Белой и со стоянки Тушам на р. Илим в бассейне Ангары [Савельев, Горюнова, 1971, с. 202 - 204; Окладников, Мазин, 1976, с. 98, рис. 27]. "Рогатые" фигурки со стоянки Плотбище выполнены резными линиями. Прямые ноги фигурок расставлены, руки разведены в сторону. Антропоморфные фигурки на керамике со стоянки Тушам выполнены зубчатыми вдавлениями. Руки антропоморфной фигурки разведены в стороны, ноги не изображены. Стоянка Плотбище датируется глазковским временем. Датировка керамики стоянки Тушам

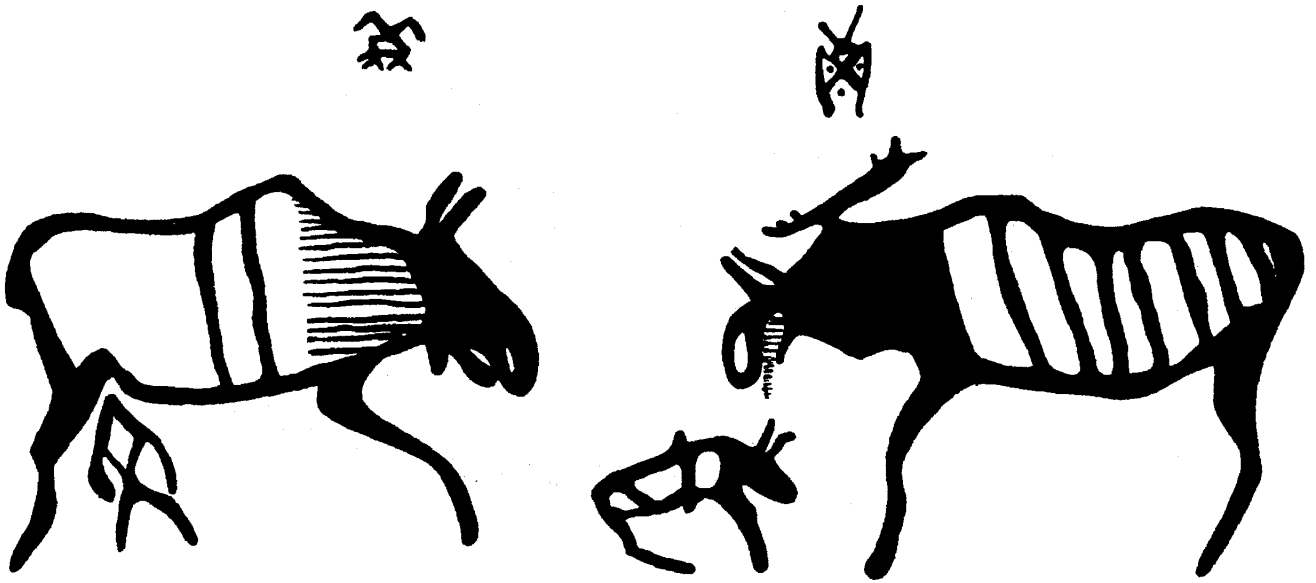

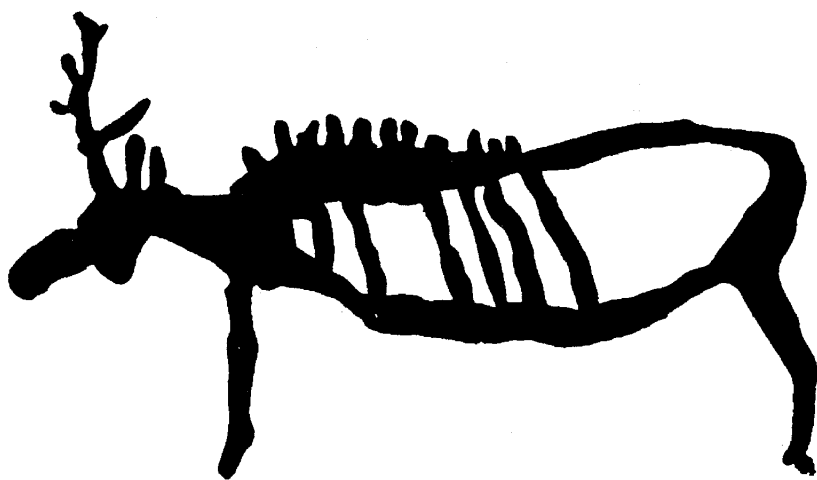
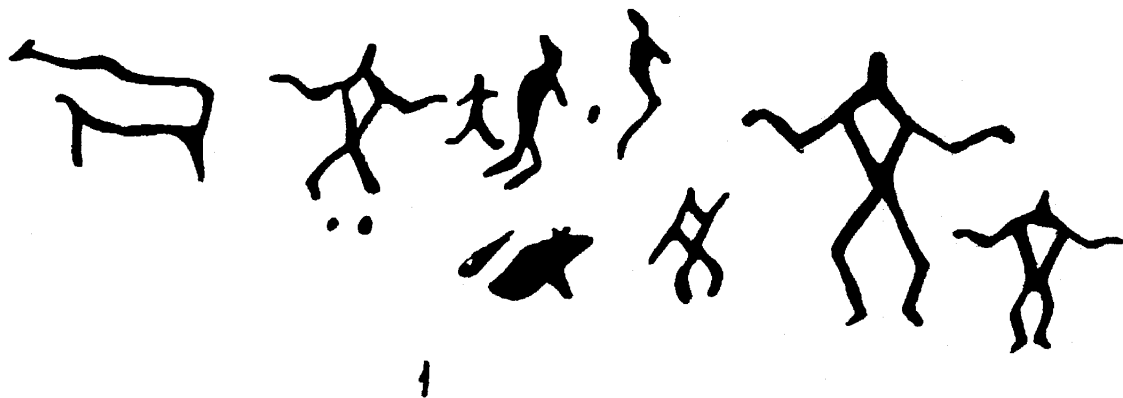
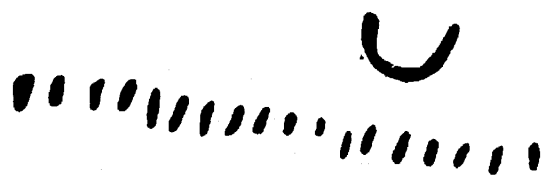
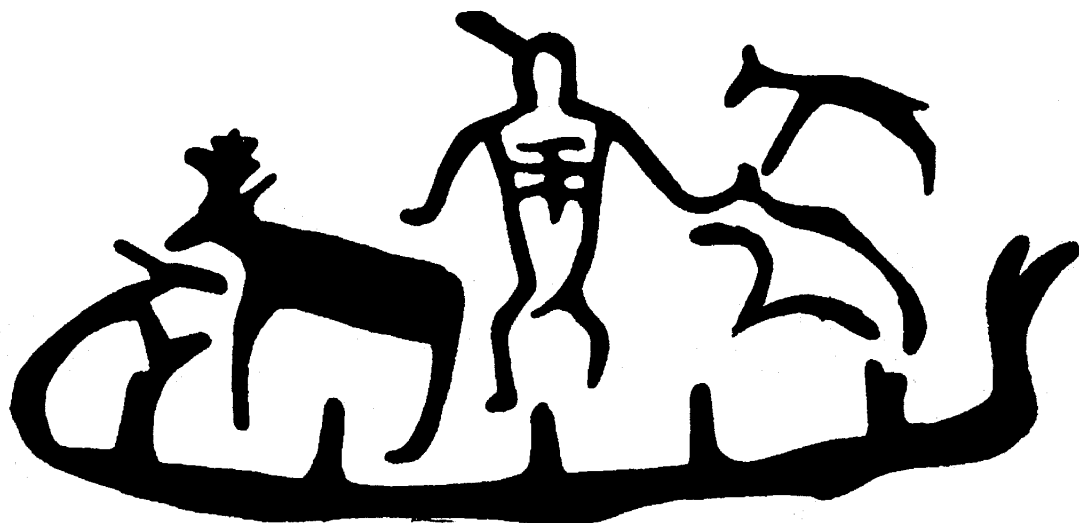
Рис. 20. Фрагмент писаницы у с. Тойон-Ары на р. Лене.

ма не известна. Фрагмент с рисунком опубликован в монографии А.П. Окладникова и А.И. Мазина со ссылкой на полевые материалы А.М. Георгиевского [1976, с. 97]. В публикациях о стоянке Тушама, в том числе в обобщающей монографии об археологических памятниках Северного Приангарья, сведения о фрагменте с рисунком отсутствуют [Георгиевский, 1974, с. 189 - 190; Бурилов, 1975, с. 80 - 86; 1980, с. 32 - 42; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988, с. 58 - 64]. Антропоморфные изображения на керамике Прибалтики датируются неолитом, а в Сибири рисунки такого типа распространяются, вероятно, в бронзовом веке.

Наиболее образно мистические представления обитателей Якутии эпохи бронзы отражены в сцене на писанице у с. Тойон-Ары на Лене (рис. 20). Главные персонажи композиции - лоси, самец и самка противостоят друг другу в яростной схватке. Обращает на себя внимание то, что у лося-самца кроме естественных рогов нарисованы два бивнеобразных рога. Такие бивни, конечно же, отсутствуют у настоящих лосей, о чем не мог не знать древний художник. И эта фантастическая деталь животного - символ его нереальности. Такие "матери-звери" шаманов часто упоминаются в легендах многих народов Севера. Не случайно в упомянутой композиции человек явно соподчинен животным. Так оно и должно быть, ибо в пантеоне шаманства такие звери представляют более высокий иерархический уровень обитателей окружающего мира. В понимании древних людей подобные фантастические существа обладали сверхъестественной силой. Они господствовали над стихиями природы и могли обеспечить благоденствие роду, а также удачу в повседневных делах [Ксе-

нофонтов, 1928, 1930; Окладников, Запорожская, 1972]. Основанием для датировки этого рисунка бронзовым веком (как и лося на писанице Еланка на Лене) послужила манера изображения животных в так называемом скелетном стиле (поперечные полосы пересекают тело). В такой же ажурной трактовке выполнены фигурки людей на писанице Баасынай на Олёкме, а также на скалах Алдана, Амги, Лены (рис.21). Антропоморфные изображения, аналогичные подобным фигуркам, обнаружены на керамике бронзового века со стоянки Самусь IV в низовьях р. Томь [Матюшенко, 1961; Косарев, 1974, 1987, рис. 102, 9]. Это позволяет предполагать появление стиля в бронзовом веке [Формозов, 1969; Окладников, Запорожская, 1972; Окладников, Мазин, 1976, 1979; Кочмар, 1990, 1992].

Интересна композиция из изображений человека и зверей в лодке, запечатленная на писанице Баасынай в нижнем течении Олёкмы (см. рис. 21). Антропоморфная фигура, выполненная в "скелетном" стиле, близка так называемым шаманским фигурам писаниц средней Лены и Большой Кады на Ангаре. Туловища таких фигур всегда показаны в виде разделенных внутри ажурных клеток, ноги - согнутыми в коленях, ступни, нередко развернутыми в стороны. На голове выделяются выступы - рога или трезубцы [Окладников, 1966, табл. 159; Окладников, Запорожская, 1972, табл. 85]. Изображение на скале Баасынай, как видим, близко большекадинским и среднеленским. У фигуры "ажурное" туловище, полусогнутые в коленях ноги с раздвинутыми в стороны ступнями. От изображений с Лены и Ангара существо несколько отличается головным убором в виде колпака. Антропоморфное изображение

2

Рис. 21. Фрагмент писаниц Баасынай на р. Олёкме (1) и Еланка на р. Лене (2).

с таким же конусообразным колпаком на голове найдено в верховьях Енисея в афанасьевском могильнике Таас-Хаза, который датируется III тыс. до н.э. [Липицкий, 1970, рис. 2].

Осмотр композиции на скале Баасынай вызывает в памяти эвенкийский праздничный обряд икэ-нипкэ (иконипка), записанный Г.М. Василевич в 1930 г. у сымских эвенков. Она выделила в этом обряде два пласта - дошаманский и шаманский. Согласно шаманским представлениям движение происходило вверх по шаманской реке (Энгдекиит) к истокам ее (фиксирование воспоминания о прежней жизни). Движение по Энгдекиит вначале направлялось на юг, затем на восток. Шаманский бубен (унгтувун, нимганки) во время камланий символизировал собой плот или лодку, на которой шаман путешествовал по Энгдекиит и ее притокам. Бугорки на ободке бубна означали количество "побед" шамана над враждебными силами. Семь или девять поперечин внутри бубна символизировали или поперечины в лодке (улкал - р. Сым), или дороги (хоктол - реки Витим и Олёкма). Сам шаман во время обряда облачался в специально подготовленный для такого праздника костюм-плащ. Металлические части шаманского костюма символизировали кости скелета и духов-помощников. Металлические пластинки (идыра), размещенные вдоль спины, изображали позвоночник [Василевич, 1957, с. 151 - 163].

Лодка в композиции Баасынай, которая, вероятно, символизировала бубен шамана, ориентирована на юг, т.е. художник изобразил начальный этап движения по шаманской реке Энгдекиит. На днище лодки, вероятно, соответствующему ободу бубна, можно легко заметить острые выступы - бугорки, означавшие знаменательные победы шамана. Совпадает количество поперечин на лодке писаницы Баасынай - их семь. Взаимопересекающиеся линии на груди антропоморфной фигуры могут представлять изображение шаманского костюма-скелета*.

Ранее казалось, что эту композицию следует датировать временем позднего неолита (на том основании, что у оленя на скале Баасынай ноги "валенкообразные" - признак, позволяющий датировать рисунок началом II тыс. до н.э. [Алексеев, 1987]). Недаром же, по мнению А.П. Окладникова и А.И. Мазина, такие фигуры животных с "валенкообразными" ногами встречаются только на писаницах первой половины II тыс. до н.э. [1976, с. 101]. Однако последующее изучение писаницы показало, что композиция, вероятнее всего, относится к бронзовому веку.

* Относительно трактовки шаманского костюма как имитации человеческого скелета до Г.М. Василевич писали многие исследователи - Э. Пекарский, В. Васильев, В. Серошевский, В. Трощанский, Н. Щукин и др. При этом они исходили не только из внешнего сходства, но и из содержания шаманской идеологии.

Хотя в наскальных рисунках в целом заметен переход от культа природы к культу божеств, традиционный охотничий сюжет все еще продолжает бытовать и в эпоху бронзы. Часто на писаницах этого времени встречаются изображения лосей, оленей, других промысловых животных и птиц, нарисованные, однако, без стремления к реализму, в статичных позах. Экспрессия проявляется лишь тогда, когда животные представляют персонажей мифологических повествований или ирреальных происшествий. В преобладании символических композиций видятся перемены, которые с распространением бронзы произошли не только в материальной, но и в духовной сфере.

Один из сложных аспектов изучения эпохи бронзы связан с вопросом о взаимовлиянии ымыяхтахской культуры позднего неолита и усть-мильской культуры бронзового века. При его решении исследователи придерживаются противоположных мнений. Так, И.Е. Зыков высказал предположение о необходимости выделения переходного от неолита к бронзе этапа - энеолита [1978, с. 37 - 38]. По его мнению, такая культура вызревала в местном позднем неолите в ходе активных контактов ымыяхтахцев с населением сопредельных областей, носителями культур развитого бронзового века. Хронологические рамки энеолита И.Е. Зыков определил финальной стадией ымыяхтахской культуры (середина - конец II тыс. до н.э.). А.П. Окладников считал, что появление медных изделий в Бугачанском, Иччиляхском и Покровском погребениях свидетельствует о начале или раннем этапе бронзового века [19556, с. 170]. Появление простейших бронзовых изделий на памятниках Якутии он объяснял влиянием глазковской культуры Прибайкалья. С этой точкой зрения соглашались Л.П. Хлобыстин [1982, с. 178 - 179; 1987, с. 337] и В.И. Эртюков [1990]. Наличие медных и бронзовых орудий в ымыяхтахских погребениях, по их мнению, указывает на существование раннего этапа эпохи бронзы Якутии. Однако никто из исследователей не обратился к качественной оценке роли металла в комплексе, не раскрыл степени влияния металла на содержание комплекса не в формально-количественном, а в качественном аспектах.

Отстаивая свою гипотезу о раннем этапе бронзы, В.И. Эртюков подкрепил ее анализом керамики и в результате пришел к выводам не столько теоретического, сколько хронологического плана. Они таковы: в середине II тыс. до н.э. на территории Якутии вместе с отдельными медными изделиями появилась гладкостенная керамика двух типов, украшенная нерассеченными налепными валиками, и керамика с валиками, рассеченными прямыми насечками. Такая керамика и отражает ранний этап бронзового века. Примерно в середине - конце II тыс. до н.э. появляется керамика с налепными валиками, рассеченными косыми насечками и в некоторых случаях допол-

ненными наклонными соединительными валиками. Посуда этого типа, как и двух предыдущих, попала в Якутию из Приамурья. К этапу развитого бронзового века Якутии, охватывающему XIII - VIII вв. до н.э., В.И. Эртюков отнес всю остальную керамику усть-милцев и выразительные бронзовые изделия. В конце I тыс. до н.э. с приходом сюда нового этноса бронзовый век заканчивается. Конец эпохи бронзы и начало железного века маркируется появлением керамики, соответствующей 13-му типу усть-милского керамического комплекса [1990, с. 103 - 108].

По мнению С.А. Федосеевой [1980, с. 215], ымыяхтахская культура всецело принадлежит каменному веку. Лишь в памятниках поздней поры ымыяхтахской культуры найдены бронзовая игла с ушком и четыре мелкие бронзовые или медные пластины (Бугачанское погребение), миниатюрная медная пластина (Иччиляхское погребение), игловидное острие из меди или бронзы (Покровское погребение), миниатюрный слиток меди или бронзы (стоянка Сиктях). Появление единичных и к тому же не очень выразительных медных и бронзовых изделий не изменило общего облика ымыяхтахской культуры. Поэтому С.А. Федосеева справедливо считает, что ымыяхтахская культура в целом поздне-неолитическая. Скучный набор металлических изделий обуславливает небесспорность выделения некоторыми исследователями энеолита или раннего этапа бронзового века Якутии на основе наличия (или отсутствия) металла. Между тем малочисленность металлических изделий в неолитическом инвентаре характерна для культур многих регионов Евразии. Такие предметы рассматривают как случайные, а появление их объясняют влиянием более развитых культур. Более приемлемым поэтому представляется стадийный подход С.А. Федосеевой при оценке ее значимости малого числа простейших металлических изделий, которые обнаружены при раскопках ымыяхтахских памятников.

Вместе с тем трудно согласиться с выводом С.А. Федосеевой о необходимости включения в ымыяхтахский комплекс бронзовых кельтов и наконечников копий сейминско-турбинского типа, найденных на северо-востоке Азии [1980, с. 205]. Судя по предложенной В.И. Эртюковым датировке, эти изделия в общем соответствуют хронологическим рамкам бронзового века (кельты - XIII - VIII вв. до н.э., копьё - VIII - VII вв. до н.э. [1990, с. 73 - 77, 81]). Правомерной следует признать точку зрения А.П. Окладникова, согласно которой кельты и наконечники копий из Якутии принадлежали "вполне развитому бронзовому веку" [1955а, с. 149]. С.А. Федосеева сначала также включала кельты и копьё в усть-милский культурный комплекс [1974, с. 150 - 151]. Представляется, что ее первоначальные выводы больше отвечали реальному существованию дела.

По моему мнению, бронзовый век Якутии документируют такие бронзовые изделия установив-

шихся форм, как усть-милский, хатынгнаахский, сьюльдюкарский ножи, а также мурьинский и проинский кельты. В керамическом комплексе им соответствуют сосуды с нерассеченными и рассеченными налепными валиками, с гребенчатым орнаментом и "жемчужинами". Все остальные типы керамики хронологически совпадают с бытованием мечей, наконечников копий и подвесок. Что касается простейших металлических изделий из погребений Бугачан, Иччилях, Покровское и стоянки Сиктях I, то их не следует считать объектами, определяющими новую эпоху. Ведь их появление не вызвало сколько-нибудь существенных изменений в облике ымыяхтахской культуры. Скорее всего, единичные медные (?) изделия в ымыяхтахских памятниках отражают лишь начальный уровень технологических поисков, характерных для многих культур Евразии конца каменного века. В свете новых открытий в Прибайкалье появление отдельных изделий из металла в позднем неолите Якутии вполне может объясняться влиянием глазковской культуры, которая в настоящее время датируется концом IV - началом II тыс. до н.э.

Уверенно и четко выделить отдельные хронологические этапы бронзового века Якутии пока невозможно, хотя попытки сделать это предпринимались ранее А.П. Окладниковым, И.Е. Зыковым, Л.П. Хлобыстиным, В.И. Эртюковым. Как справедливо заметила С.А. Федосеева, сами по себе термины "энеолит", "ранний бронзовый век", или "неразвитый бронзовый век", вопроса о существовании особых этапов не проясняют. Их употребление приводит только к искусственному противопоставлению памятников одной и той же культуры, а в сущности, к искажению исторической действительности [Федосеева, 1980, с. 214]. Так, Л.П. Хлобыстин стоянку Сиктях включил в эпоху бронзы (1400 до н.э.), а стоянку на оз. Чировое к позднему неолиту (800 до н.э.). Поскольку на стоянке Сиктях был обнаружен миниатюрный слиток меди, Л.П. Хлобыстин согласился с мнениями А.П. Окладникова, В.И. Эртюкова и других о существовании некой культуры, "уподобляющейся бронзовому веку".

Новые важные для изучения бронзового века факты получены в ходе раскопок памятников бассейна Олёкмы. Так, в культурном слое VII стоянки Улахан Сегеленях удалось обнаружить изделия бронзового века. Время их по C_{14} - 3120 ± 120 и 3500 ± 140 л.н. В этом слое найдены фрагменты пяти сосудов, из которых четыре удалось восстановить почти полностью (табл. 40; 41; 42;). Все они двухслойные, круглодонные, с отогнутой шейкой и "вафельным" техническим орнаментом. Как и в поздне-неолитических слоях, в слое VII отсутствовала гладкостенная керамика

Сосуды четырех типов имели на венчиках по одному поясу выдавленных с внутренней стороны

"жемчужин", а у трех сосудов под венчиком имелся еще орнамент из гладких вдавлений отступающего штампа. В четких стратиграфических условиях подобная керамика обнаружена в Якутии впервые, и теперь не может быть сомнений относительно времени появления керамики с "жемчужинами" и отпечатками зубчатого штампа, о чем в археологии Якутии велись дискуссии до открытия Улахан Сегеленнях [Эртюков, 1990, с. 85, 104]. Керамика с "жемчужинами" стала одним из важнейших элементов, маркирующих границу бронзового века Якутии. Открытие в слое VII обломков сосудов с "вафельным" техническим орнаментом - еще один важный факт, ибо ранее считалось, что в эпоху бронзы керамические сосуды с "вафельными" отпечатками в Якутии не изготавливались. Здесь уместно подчеркнуть, что именно отсутствие "вафельного" орнамента послужило основой для выводов о смене населения Якутии в эпоху бронзы, когда сюда пришли люди с собственной керамической традицией. Появление вафельной керамики в раннем железном веке (считалось, что она отсутствовала в эпоху бронзы) связывалось с появлением нового населения.

Керамика с "жемчужинами" и отпечатками штампа распространена в культурах неолита и ранней бронзы Приамурья, Прибайкалья, Забайкалья и Канского археологического ареала на Енисее. Особенно часто она встречается на памятниках в Приангарье и на верхней Лене. Якутским наиболее близки территориально, типологически и хронологически сосуды, обнаруженные на верхнем Витиме при раскопках стоянок эпохи палеометаллов [Ветров, Самуилова, 1990, с. 122 - 124; Ветров, 1981, с. 19 - 21]. Для керамических изделий с верхнего Витима характерны ярко выраженная шейка, "вафельный" технический орнамент, пояс из "жемчужин" и горизонтальные ряды оттисков косо поставленного зубчатого штампа. Как видим, по главным показателям сосуды с Олёкмы и Витима идентичны. Керамика двух регионов почти синхронна: дата слоев с "вафельной" керамикой с Витима по C_{14} 3250 ± 40 и 3670 ± 40 л.н. Витим, стыковая зона Приамурья, Забайкалья и Якутии, был, надо полагать, одним из путей, по которому в Якутию проникла традиция нанесения "жемчужин" на стенки сосудов.

Судя по сосудам со стоянки Улахан Сегеленнях, в эпоху бронзы сохранились многие характерные для позднего неолита традиции изготовления керамики: "вафельный" технический орнамент, примесь травы в тесте, выраженный перехват в виде шейки и округлое дно. По форме сосуды эпохи бронзы повторяют сосуды из неолитического (VIII) культурного слоя той же стоянки. К такому выводу пришел и В.И. Эртюков, когда изучал керамику эпохи бронзы [1990, с. 96 - 106]. Он, выделив 14 типов керамики, отметил, что сосуды типов I - III "подверглись ымыяхтахскому влиянию", о чем свиде-

тельствуют двухслойное тесто, пояс из сквозных отверстий, горизонтальные ряды нерассеченных наlepных валиков и имеющийся на некоторых из них "вафельный" технический орнамент [Там же, с. 96 - 97]. От сосудов этих типов отличаются однослойные и тонкостенные сосуды с орнаментом из бордюрных зон, с рядами горизонтальных наlepных рассеченных валиков, иногда соединенных между собой вертикальными прямыми или наклонными валиками. Они рассекались прямыми, каплевидными, ромбовидными или прямоугольными насечками. Эту группу керамики В.И. Эртюков [Там же, с. 100] определил как собственно усть-мильскую. Керамику типа IV В.И. Эртюков назвал керамикой переходного типа от ымыяхтахской неолитической к "классической" керамике бронзового века [Там же, табл. 5]. Она характеризуется сочетанием элементов упомянутых групп (наличие пояса нерассеченных наlepных валиков, причем не остросеберных, а полуовальных, соединенных между собой вертикальными наlepными валиками; иногда от нижнего валика на тулово опускаются вертикальные валики; керамика тонкостенная, иногда с "вафельным" орнаментом; венчики прямые или отогнутые вовнутрь; отсутствие сосудов с выраженной шейкой) [табл. 43]. Представляется, что описанные разновидности сосудов типа IV хорошо иллюстрируют эволюцию орнаментации усть-мильского керамического комплекса от архаических типов к новым разновидностям. Классифицируя орнаментацию усть-мильских глиняных сосудов, легко заметить, что новые в ней элементы определяются способами рассечения наlepных валиков и "жемчужинами". Все остальные виды орнаментации усть-мильской керамики известны с неолита. Так, зубчатый штамп использовался в белькачинской культуре - широкий наlep сосудов украшали различными сочетаниями оттисков зубчатого штампа, который иногда наносили и на венчик сосуда [Мочанов, 1969, с. 93 - 94, табл. 35 - 37; с. 108 - 109, табл. 42], редко, но встречаются следы зубчатого штампа и на керамике ымыяхтахской культуры [Федосеева, 1980, с. 194, табл. 36, 3; 37]. В целом в усть-мильской керамике прослеживаются следующие признаки позднего неолита: многослойность теста с примесью травы и хвои, аналогичные формы сосудов, "вафельный" технический орнамент, сочетания наlepных нерассеченных валиков, орнаментация оттисками зубчатого штампа.

Изучение материалов усть-мильских памятников показывает, что в культуре эпохи бронзы традиции ымыяхтахской культуры позднего неолита сохраняются не только в сфере керамического производства. То же можно сказать и о каменном инвентаре, который В.И. Эртюков вообще считает полностью идентичным ымыяхтахскому [1990, с. 96; 1992, с. 144]. Действительно, в каменном инвентаре позднего неолита и бронзового века много общего, хотя усть-мильский комплекс отличается

явно бедным инвентарем и упрощенностью техники обработки орудий [Федосеева, 1970а, с.130; 1970б, с. 310 - 311]. Существенные соответствия прослеживаются и в погребальном обряде эпохи бронзы и финальной стадии позднего неолита: трупопожжение, западная, вдоль реки, головой против течения ориентация*. Исследователи фиксируют также еще одно совпадение в ымыяхтахском и усть-мильском комплексах - сходство орнамента на бронзовых изделиях, кельтах и наконечниках копий (двойные глазки, вписанные один в другой, горизонтальная полоска, от которой вершиной вниз опускаются шевроны, зигзаги, свисающие треугольники). Эти разновидности орнамента на бронзовых изделиях находят аналоги в орнаментике на ымыяхтахской керамике и костяных изделиях [Федосеева, 1970а, с. 137; 1980, с. 205; 1992, с. 104]. На материалах верхнего Вилюя С.А. Федосеева отмечала некоторую преемственность в форме и технике изготовления каменных орудий и керамики, объясняя это генетическим родством населения эпохи бронзы с неолитическими предшественниками [Федосеева, 1968, с. 147 -148]. Однако впоследствии она пересмотрела свои взгляды.

Факт сохранения ымыяхтахских традиций в усть-мильском комплексе дает основание сделать уверенный вывод: культуру бронзового века Якутии нельзя считать полностью привнесенной. Усть-мильская культура бронзы генетически связана с ымыяхтахской и сложилась в местной позднеолитической среде. С учетом этого более правомерным становится предположение об автохтонном происхождении усть-мильской культуры, которая, конечно же, развивалась не изолированно, а в контексте с традициями населения сопредельных территорий. Именно это, как представляется, дало повод для дискуссий и привело к попытке выделить финальную стадию ымыяхтахской культуры в особый энеолитический (или ранней поры бронзы) этап. Фиксируя отдельные случаи преемственности ымыяхтахских традиций в усть-мильской культуре и понимая неслучайность этих фактов, исследователи пытались по вещевым критериям определить хронологический рубеж позднего неолита и начало бронзового века или теоретически обосновать существование особой культуры, "уподобляющейся бронзовому веку". Такие попытки, однако, обречены на неудачу, так как на современном уровне знаний о бронзовом веке Якутии решить подобную задачу невозможно. При малочисленности фактов этот путь породит лишь бесплодные дискуссии и бесконечные формально-

количественные сопоставления инвентаря "классического" и "уподобляющегося" бронзового века. Поэтому ныне бронзовый век можно выделить только по хронологическим границам, которые устанавливаются на основе абсолютных дат для стоянок с четкой стратиграфией. Конечно, границы эти весьма условны, не исключено и взаимопроникновение культур, но на современном этапе изучения бронзового века Якутии такой подход наиболее приемлем, ибо условное выделение эпохи бронзы по хронологическим рубежам часто применяется в других регионах Евразии (см. напр. [Монгайт, 1973, с. 200 - 201]).

Таким образом, мы удрежняем возраст усть-мильской культуры, выводя ее корни непосредственно из ымыяхтахской среды, чья роль в сложении культуры бронзового века, как показывают проведенные нами аналитические исследования вещевых комплексов и погребальных обрядов эпох неолита и бронзы, более велика, нежели роль пришлого элемента.

Решение вопроса об этнической принадлежности усть-мильской культуры пока представляется весьма сложным. Этнически с усть-мильцами некоторые исследователи связывают предков юкагиров [Окладников, 1955а, Эртюков, 1990]. Л.П. Хлобыстин считает, что распространение усть-мильской культуры следует сопоставить с расселением из районов Забайкалья и Прибайкалья тунгусоязычного населения [1987, с. 344]. Отсутствие достоверного усть-мильского палеоантропологического материала затрудняет этнические реконструкции, и они носят характер гипотез. Не дает никаких четких палеоэтнографических данных и анализ материальной культуры усть-мильцев, а также ретроспективная линия: экстраполяция отдельных элементов культуры эпохи бронзы на этнографическую культуру коренных народов Севера. Представляется правильным распространить на этническую проблему усть-мильской культуры вывод С.А. Федосеевой и Л.П. Хлобыстина, сделанный в итоге изучения ымыяхтахской культуры - потомки усть-мильцев приняли участие в генезисе различных народов Северо-Восточной Азии. Мы считаем, что среди них могли быть предки современных коряков, чукчей, юкагиров и якутов.

Итак, эпоха восстанавливается в следующем виде. Около XV в. до н.э. племена Якутии вступают в эпоху бронзы. Хронологически бронзовый век охватывает XV - V вв. до н.э. Судя по сохранению многих ымыяхтахских традиций в материальной культуре усть-мильцев, культура эпохи бронзы вызревала в местной позднеолитической среде. Носители культуры бронзы были в своей основе ымыяхтахцы, трансформировавшиеся в ходе поступательного развития культуры и имевшие более или менее развитые культурные связи с населением соседних регионов на юге и юго-востоке. Роль пришлого населения в формировании усть-мильской культуры была не столь значительной, как представлялось ранее. Можно полагать, что распространение бронзовой металлургии

* В виду неудовлетворительного документирования погребений бронзового века более детальные сопоставления невозможны. Ориентация погребенного вдоль реки (головой против течения) реконструируется на основании особенностей погребения Сылах, открытого и изученного в 1943 г. А.П. Окладниковым [1945, с. 84 - 85].

обусловило социально-экономический прогресс общества. Имеющиеся в этом аспекте материалы представляют весьма ограниченную информацию, что не позволяет выйти за рамки интерпретационных штампов в характеристике социально-экономического содержания эпохи. Можно сказать, что технологический прогресс, связанный с освоением и использованием металла, сказался на повышении продуктивности присваивающего хозяйства, производительности охоты и рыболовства. Изменения в духовной жизни людей эпохи бронзы нашли отражение в наскальных рисунках. Наскальное искусство обогащается новыми сюжетами, среди которых большое место занимает образ человека, в трактовке изображений наблюдается продолжение традиции неолитической эпохи. Широкое распространение получают мифологические композиции и образная символика, в том числе и на керамике. Все это свидетельствует об усложнении культовых воззрений. Бронзовый век кончается с появлением в V в. до н.э. железной металлургии, вызревшей в результате развития местной культуры бронзы.

Возвращаясь к генезису усть-мильской культуры, следует заметить, что вывод о приходе нового населения в пору ее появления основан главным образом на отсутствии "вафельной" керамики в инвентаре культуры бронзового века. "Вафельная" керамика встречалась ранее только на стоянках со смешанными культурными остатками. Исключение составляли находки со стоянки Курунг II (здесь в четких стратиграфических условиях удалось обнаружить фрагменты керамики с "вафельными" отпечатками и налепными валиками). Поскольку во всем ареале это был единственный памятник с "вафельной" керамикой, интерпретационные возможности его не могли серьезно корректировать сложившиеся представления о керамическом комплексе усть-мильской культуры. Ее продолжали считать привнесенной. Более того, отсутствие в слоях эпохи бронзы керамики с "вафельными" оттисками долгое время по праву определяло соответствующие теоретические построения и в соседних с Якутией регионах. Так, А.А. Лебединцев [1990, с. 216], подыскивая аналоги керамике Приохотья, исключал материалы бронзового века Якутии, ибо считал, что среди них "вафельная" керамика отсутствует. Находки из Якутии не учитывались также при этногенетических реконструкциях.

Обнаруженные в слое VII стоянки Улахан Сегеленнях многочисленные фрагменты "вафельной" керамики подтвердили неслучайный характер наличия таких же черепков на Курунге и на стоянках со смешанными культурными слоями. Доказательство бесспорного существования в эпоху бронзы сосудов с "вафельным" техническим орнаментом позволило поставить под сомнение главный аргумент идеи миграционного происхождения усть-мильской культуры. С учетом этих находок и в свете

рассмотренных выше примеров преемственности ымыяхтахской и усть-мильской культур более приемлемым становится предположение об автохтонном происхождении усть-мильской культуры, которая, конечно же, развивалась не изолированно, а контактируя с населением сопредельных территорий. В этом плане представляется возможным экстраполировать на бронзовый век вывод Ю.А. Мочанова и С.А. Федосеевой: "сейминско-турбинские бронзовые изделия попали в ымыяхтахский ареал, очевидно, не в результате проникновения сюда нового населения, а благодаря межплеменным контактам" [Мочанов и др., 1991, с. 17]. Факты свидетельствуют о том, что массовой миграции в Якутию бронзолитейщиков из какого-либо региона не было, все ограничивалось межплеменными контактами, которые способствовали развитию местной металлургии бронзы, и проникновением небольших групп населения из соседних областей, прежде всего из Прибайкалья (гребенчатая керамика) и Витима (керамика с "жемчужинами" и гладкостенная).

По поводу определения времени и районов, откуда гребенчатая керамика могла проникнуть в Якутию, среди исследователей имеются расхождения. По мнению И.В. Константинова (1978, с. 84) корни гребенчатой керамики следует искать на Средней Ангаре. А.С. Федосеева (1980, с. 211) считает, что керамика такого типа может быть связана с лугавской культурой, которая существовала в Минусинской котловине в XIV-VI вв. до н. э. Наиболее приемлемой кажется точка зрения В.И. Эртюкова (1990, с. 106). Он считает, что гребенчатая керамика проникла в Якутию из Прибайкалья в середине и конце II тыс. до н. э. При этом важно подчеркнуть, что по наблюдениям исследователей "пришлые" гребенчатая керамика и керамика с "жемчужинами" не получили в Якутии широкого распространения, так как носители таких типов керамики были малочисленны, или же их контакты с населением Якутии были эпизодическими и ограничивались некоторыми районами, пограничными с правобережными притоками Енисея (Федосеева, 1980, с. 211; Эртюков, 1990, с. 106-107). Соглашаясь с этими выводами добавим, что тезис об автохтонности культуры бронзового века Якутии подкрепляется кроме того существованием местного бронзолитейного производства, факт которого давно и не раз отмечали исследователи (Окладников, 1955а, с. 148; Эртюков, 1990, с. 97).

В целом совокупность имеющихся в настоящее время данных позволяет еще раз подчеркнуть: в основе своей усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии больше автохтонная, чем пришлая, якобы полностью мигрировавшая в Якутию из каких-то южных районов Сибири.

Итак, подводя итог рассуждениям можно констатировать следующее: в XV в. до н.э. племена Якутии вступили в эпоху бронзы, хронологически бронзовый век этого региона Сибири охватывает XV-V вв.

до н.э.; более дробная периодизация бронзового века Якутии пока невозможна. Судя по сохранению многих ымыяхтахских традиций в среде усть-милыцев, культура эпохи бронзы Якутии вызревает в культуре местного позднего неолита. Носителями культуры бронзы были в основе своей трансформировавшиеся ымыяхтахцы, которые имели достаточно тесные культурные связи с обитателями соседних регионов на юге и юго-востоке. Роль пришлого населения в формировании усть-милыской культуры следует признать второстепенной. Можно полагать, что распространение бронзовой металлургии сказалось на общем социально-экономическом прогрессе общества, хотя материалы о том весьма ординарны и при выводах не позволяют выйти за рамки интерпретационных штампов. Конечно же, техноло-

гический прогресс, связанный с освоением и использованием металла, сказался на повышении продуктивности присваивающего хозяйства, производительности охоты и рыболовства.

Изменения в духовной жизни людей эпохи бронзы нашли отражение в рисунках. Наскальное искусство обогатилось новыми сюжетами, среди которых значительное место стал занимать образ человека. Широкое распространение получили мифологические композиции и образная символика. Все это свидетельствует об усложнении культовых воззрений. Бронзовый век Якутии завершился с появлением в V в. до н.э. металлургии железа, которая вызрела в недрах местной культуры бронзы. Но тема эта будет рассмотрена в очередном томе "Древней Якутии".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение памятников эпохи неолита и бронзы Якутии позволяет сформулировать следующие выводы:

1. В неолите Якутии выделяются три последовательно сменявшие друг друга археологические культуры - сылахская (IV тыс. до н.э.), белькачинская (III тыс. до н.э.) и ымыяхтахская (II тыс. до н.э.). Значительные технико-типологические отличия инвентаря культур, особенно разнотипность керамики, свидетельствуют о том, что смена одной неолитической культуры другой есть не следствие эволюционного развития, а результат прихода в Якутию нового населения из соседних регионов Сибири. Сопоставление материалов якутского неолита с коллекциями той же эпохи из соседних областей позволяет сделать вывод о влиянии на формирование неолитических культур Якутии синхронных им культур Прибайкалья и Забайкалья.

2. Накопленные к настоящему времени материалы дают основание для выделения локальных вариантов самой поздней из неолитических культур Якутии - ымыяхтахской. Вариант I ("северный") характеризуется "вафельной" керамикой, каменными черешковыми наконечниками стрел, отсутствием сложных орудий рыболовства и прочерченных узоров на стенках сосудов. Памятники этой группы распространены от Таймыра до Колючинской губы на Чукотке. В зоне северного варианта ымыяхтахской культуры (Таймыр, Якутия) обнаружены самые древние лабретки, которые впоследствии широко распространились на территории Чукотки и Северной Америки. Этот факт, а также наличие на неолитических памятниках Чукотки и Северной Америки "вафельной" керамики, позволяет высказать предположение о продвижении части ымыяхтахских племен в северо-восточном направлении. Локальный вариант II ("южный") представляет ымыяхтахские комплексы с рубчатой (штрихованной) керамикой. Такие памятники распространены на территории от правобережных притоков Енисея на западе до среднего течения р. Анадырь на востоке. Локальный вариант III включает стоянки, в культурных слоях, которых залегают вместе рубчатая и вафельная керамика. В отличие от керамики варианта I сосуды вариантов II и III украшены разнообразным художественным орнаментом, в том числе прочерченными узорами. На стоянках локальных вариантов II и III часто встречаются орудия рыболовства: гарпуны, крючки и каменные грузила от

сетей, но отсутствуют каменные черешковые наконечники стрел. Локальные варианты ымыяхтахской культуры возникли в результате дифференциации некогда единой культуры позднего неолита. Носители ее, расселившись по огромной территории Северо-Восточной Азии, разобшились и обособились. Основные их традиции сохранились, но появились и новые элементы культуры, которые придавали локальному варианту специфические черты. Определенную роль в процессе обособления, а с ним и появления своеобразия в культуре сыграла географическая среда (широкие просторы арктической тундры и адаптация человека к условиям обитания в ней).

3. Хозяйство племен Якутии на всех этапах неолита продолжало оставаться присваивающим. Отсутствуют свидетельства проникновения на территорию Якутии оленеводческого населения верхнего Амура и Восточного Забайкалья, хотя можно допустить изолированное обитание оленеводческих групп в отрогах Алданского Становика.

4. Этническая персонификация сылахского и белькачинского населения пока остается открытой. Этническая идентификация ымыяхтахцев также весьма трудна. Пока можно предположить, что потомки ымыяхтахцев приняли участие в генезисе нескольких народов Северо-Восточной Азии, в том числе якутов.

5. В XV в. до н.э. племена Якутии вступили в эпоху бронзы. Культура этого времени существовала до V в. до н.э. Более дробная периодизация с выделением раннего и позднего этапов развития на имеющейся источниковой базе невозможна. Судя по сохранению многих ымыяхтахских традиций в материальной культуре усть-мильцев, культура эпохи бронзы вызрела на местной почве. Носителями ее были в основном ымыяхтахцы. Они трансформировались в ходе поступательного развития культуры и установили связи с населением соседних регионов, граничащих с Якутией на юге и юго-востоке. Роль пришлого населения в формировании усть-мильской культуры была незначительной. Накопленные факты дают веские основания считать, что культура бронзового века Якутии не могла быть оставлена только пришлым населением.

6. Можно полагать, что распространение бронзовой металлургии сказалось на социально-экономическом прогрессе общества, но об этом остается рассуждать лишь в рамках интерпретационных

штампов (из-за недостаточного количества соответствующих фактов). Несомненно, что технологический процесс, связанный с использованием металла, обусловил повышение продуктивности присваивающего хозяйства, а также производительность охоты и рыболовства. Довольно значительное количество бронзового оружия свидетельствует о возросшей роли военной деятельности в жизни усть-мильцев. Учитывая, что оружие, особенно мечи и кинжалы, служило в древнем обществе символом власти, можно предполагать возможность социальных изменений в жизни обитателей Якутии бронзового века.

7. Этнически с усть-мильцами обычно связывают юкагиров, эвенков или чукчей. Отсутствие палеоантропологического материала затрудняет достоверные этнические реконструкции. Не дает четких палеоэтнографических сведений и анализ материальной культуры усть-мильцев, а также ретроспективный прием

- экстраполяция отдельных элементов культуры эпохи бронзы на этнографическую культуру коренных народов Севера. Поэтому следует решать этническую проблему усть-мильской культуры, исходя из вывода С.А. Федосеевой и Л.П. Хлобыстина, сделанного относительно ымыяхтахской культуры - потомки усть-мильцев приняли участие в генезисе разных народов Северо-Восточной Азии. В этой связи обратим внимание на то, что орнаментация керамики бронзового века Якутии в значительной степени сохраняет традиции, существовавшие в позднем неолите. Примечательно, что те же элементы орнамента прослеживаются в керамике раннего железного века и в палеоэтнографической культуре якутов. Это позволяет сделать очень важный вывод: отдельные группы потомков усть-мильцев были инкорпорированы тюркоязычными предками якутов и стали местной этнической основой при формировании якутского народа.

RÉSUMÉ *

Archaeological sites of Yakutia became widely known to the scientific world after A.P. Okladnikov had published the results of works of the Lena Historico-Archaeological Expedition and Yu.A. Mochanov and S.A. Fedoseeva had discovered and investigated the multi-layered sites with distinct stratigraphy on the Aldan River. All this took place in the forties-sixties of the current century. Since then, the problems of origin and formation of the ancient cultures of Yakutia remain the central ones in the class of problems of the Siberian archaeology. Of the paramount importance the problems of introducing into scientific turn of the new archaeological material and work on trying to understand its sense in the light of new discoveries are. For the author of this book, the aspects of the investigated theme, connected with such problems as the ethnogenesis of the peoples of Yakutia, the sources of their original cultures, study of certain stages of formation of some traditions of the material culture of the aboriginal ethnoses on the basis of cultures, that existed in Yakutia during the Stone and Bronze Ages, seem to be those of no less topical interest.

The historiographical review given in this publication is the first synthesis on the history of study of the archaeological sites of the Neolithic and Bronze Epochs. For the first time, taking into consideration the new archaeological materials, obtained by the author during the last two decades, as well as the results of investigations of his predecessors, in the work, the reconstruction of the ancient cultures of Yakutia, those of the New Stone and Bronze Ages is given. In a new way, the problem of peopling of the examined region by Turks, Evenks, Evens and Yakuts is solved, and quite different, than formerly, variants and chronology of such peopling are proposed.

The book consists of introduction, five chapters and conclusion. References and numerous tables with drawings are applied too.

In the Introduction, the author's choice of the theme and its urgency are motivated; the extent we have come to know it is defined; the publications on the theme are characterized; the novelty, aims and tasks of this investigation are formulated.

The history of study of the archaeological sites of the New Stone and Bronze Ages of the examined region has never been an object of a special description. To it **the First Chapter** of this monograph is devoted. In the historical literature, numerous separate data on the history of development of the Yakut archaeology in the aspect of the problem of our interest are represented. Of the great informativeness the historiographical works of A.P. Okladnikov (1955), S.A. Fedoseeva (1971), I.Ye. Zykov (1973), I.V. Konstantinov (1971, 1978), Yu.A. Mochanov and S.A. Fedoseeva (1980), V.I. Ert'ukov (1990) are. All the rest publications give us a short history of the archaeological study of this or that concrete region of Yakutia, and they anticipate the monographical investigations of S.A. Fedoseeva (1968), Yu.A. Mochanov (1969), A.N. Alekseev (1987), V.G. Argunov (1990).

The history of study of the archaeological sites of the Neolithic and Bronze Epochs of Yakutia can be divided into two stages. Each of these stages is characterized by a large scale of systematic investigations, carried out at a high level of professionalism and theoretical comprehension of the archaeological material.

The first stage: the XVIIth century - the 1940s. The earliest evidence on the material culture of the peoples of Yakutia was left in the XVIIth century by the Russian military and industrial people. In conformity with "the mandates", got from military leaders, the expeditions of land-passengers, being on the routes, had to clear up "what kind of people lived on the banks of those rivers and on the tops of the hills, what kind of activities those people preferred, what natural resources were at their disposal and what benefit the Russians could derive from the latter". Of course, the "reports" of such land-passengers were the ones of great importance, but it must be noted here, that they lack any orderly description of the way of life, economy and occupation of the population of the new places. These "records" give rather scanty information on the material culture. For this reason, the informative opportunities of the sources are extremely limited.

In the XVIIIth-XIXth centuries, the Government and Academy of Sciences of Russia, being guided by the needs of the home and foreign policy, organized several scientific expeditions for study of the geography and natural resources of North-East Siberia. With their activities the beginning of a special archaeological investigation of the territory of Yakutia began. The latter was connected, first of all, with works of S. Andreev and

G.A. Saŕychev. From the second half of the XIXth century, such investigations were successfully continued by the political exiles, deported to the examined region for a long place of residence: V.G. Bogoraz, V.I. Iokhel'son, N.A. Gekker, N.A. Vitashevskiy, M.P. Ovchinnikov, V.M. Ionov.

After establishment of the Soviet Power in Yakutia, the most fruitful works in archaeology of the latter were carried out by the local scientists and regional ethnographers: S.I. Bolo, M.I. Kovinin, G.V. Ksenofontov, N.V. K'akshto, I.D. Novgorodov, E.D. Strelov.

At the first stage of investigations, the archaeological materials' were accumulated very slowly. It is explained by the qualitative level of archeological work, the absence of regular expeditions, shortage of the professional archaeologists. On the whole, the archaeological work of this period was confined to occasional collections of "the odd things" and information about some ancient sites. The interests of unnumerous professional archaeologists were concentrated on solving of the problem of origin of the Yakuts. Sites of the earlier epochs were not studied at all.

The second stage: from the 1940s to the present time. For this period of investigation of ancient cultures of Yakutia, creation of regular archaeological expeditions by the scientific-research institutes is a distinctive feature. For the first time, such specially organized archaeological expeditions began their investigation of the examined territory from 1940 to 1946 by the works of the Lena Historico-Archaeological Expedition under the leadership of A.P. Okladnikov. Then, the purposeful archaeological search was continued by the Viluy and Cis-Lena Archaeological Expeditions of the Yakut Scientific Center of the Siberian Division of the Russian Academy of Sciences (under the leadership of S.A. Fedoseeva and Yu.A. Mochanov respectively). From the end of the 1960s, gradually extending the scale and thematics of investigation, the Historico-Archaeological Expedition of the Yakut State University began its activities (till the 1974 year, under the leadership of N.D. Arkhipov, and then - of A.N. Alekseev). From 1973, the Archaeologo-Ethnographical Expedition of the Yakut State University (under the leadership of A.I. Gogolev) joined in study of the ancient history of the examined territory.

The archaeological excavations of A.P. Okladnikov, carried out in the 1940-1946 years, have found their reflection in numerous publications of the latter. Among them, - "The History of the Yakut Soviet Socialist Republic. Yakutia Before Its Joining to the Russian State", published in 1955. A.P. Okladnikov not only described the articles of the material culture, dated from the Stone Age and up to the Middle Ages, but he also tried to correlate them with certain ethnoses: Yukagirs, Yakuts, Tunguses. His publications exercised considerable influence on the subsequent works, concerning the ancient history of Yakutia. A great contribution into this sphere of knowledge has been made by S.A. Fedoseeva and Yu.A. Mochanov. They have not only accumulated a great number of new finds, but also discovered a series of multi-layered sites and created on their basis a detailed and reliably well-founded division into periods of the archaeological cultures, recognized by them on the examined territory. All this has led to the new in principle level of archaeological knowledge, allowing more surely to make the regional and interregional correlation schemes.

Discovery on the Aldan River and then in the other regions of Yakutia, of a series of the unique multi-layered sites, where the main cultural layers contained the paleolithic, mesolithic and neolithic complexes, promoted more priority in study of the ancient epochs of the Stone Age, in comparison with the later ones.

On the whole, the second stage of study of the sites of the New Stone and Bronze Ages of Yakutia is characterized by the regularity of field work and the operative publication of the results of investigations. The systematic works are carried out by ones and the same archaeological expeditions, in certain extent specialized in the concrete scientific-research thematics. By their efforts the wide-scale field work has been carried out, considerable part of the territory of Yakutia has been subjected to the archaeological investigation, the varied archaeological material has been collected and the fund of sources has been repeatedly increased. The more effective and perfect methodics of excavations of the archaeological sites is used, and investigation of the latter is the complex one, with drawing in some methods of natural sciences. This stage of the archaeological study of Yakutia differs from the first one by the productiveness in the theoretical respect too. On the basis of new finds, a series of new conclusions has been made, some of the old points of view have been revised and the fresh ideas have been proposed. At this stage, the summarizing works of A.P. Okladnikov, Yu.A. Mochanov, I.V. Konstantinov, S.A. Fedoseeva and others, as well as the works of the Cis-Lena Archaeological Expedition and the Historico-Archaeological Expedition of the Yakut State University came to light. The fruitful archaeological study of the region promoted the appearance of the systematized series of manuals in archaeology (A.N. Alekseev, N.M. Cherosov, 1990; A.N. Alekseev, A.I. Golubev, I.Ye. Zykov, 1991; A.I. Gogolev, 1978, 1980, 1983, 1986) and the scientific popular books on the ancient history of Yakutia (N.D. Arkhipov, F.G. Safronov, 1992).

The Second Chapter of this monograph is devoted to the physico-geographical review of the territory of Yakutia in the Late Holocene. Some data on its natural environment are given. It is noted that the examined region lacked any considerable natural and climatic changes in this period. The taiga and tundra zones, abounded with many sorts of fur-bearing animals, as well as the water bodies, that were rich in fish, created the objective prerequisites for settling of ancient hunters and fishermen in Yakutia.

The Third Chapter of the book is devoted to the type-sites of the Early, Middle and Late Neolithic, or more precisely, to general description, classification and division into periods of the archaeological sites, earlier unpublished or done in part, those discovered in 1972-1992 by the Historico-Archaeological Expedition of the Yakut State University, working under the leadership of the author. The archaeological complexes of the type-sites, their geomorphology, stratigraphy, planigraphy are described in detail, the radiocarbon dates are given. The materials of twenty-five of such sites are examined. All the latter have distinct stratigraphy, allowing to consider the cultural complexes to be "pure", unmixed, and to examine the latter as the standard ones.

In the Fourth Chapter, the neolithic cultures of Yakutia, their division into periods, chronology, correlation and the problems of recognizing of their local variants are examined. The New Stone Age of Yakutia begins at about one and the same time, as that of the other taiga and tundra zones of Eurasia, and its evolution passes through the following three stages: the early, middle and late ones. For this reason, the chapter, devoted to the New Stone Age of Yakutia, consists of three parts, in which the cultures, typical for these stages - the Syalakh, Bel'kachi, Ymyyakhtakh Ones respectively, - are analysed, and the fourth part, where the problem of local cultures in the Neolithic of Yakutia is examined.

1. *The Syalakh Culture of the IVth millennium B.C.* For the first time, an early neolithic site was discovered in Yakutia in 1928 by N. K'aksho on the Aldan River. Later on, several sites of the kind were excavated by A.P. Okladnikov, during works of the Lena Historico-Archaeological Expedition in 1940-1946. As the further investigations have demonstrated, A.P. Okladnikov was right in his relating of the sites to the Early Neolithic. However, all of them contained cultural remains of different epochs in the mixed state. For this reason, recognizing of the early neolithic artifacts, with an exception of those, made of ceramics, was highly problematic. Only the discovery by the Cis-Lena Archaeological Expedition, in the Aldan Basin, of a series of multi-layered sites, that contained the early neolithic inventory in the precise stratigraphical conditions (Bel'kachi, Sumnagin I), allowed Yu.A. Mochanov (1969) to determine the peculiarity of the Early Neolithic of Yakutia and to give the theoretical reasons of existence of a special early neolithic culture, called by him "the Syalakh Culture". The author's study of the materials of the Early Neolithic of Yakutia allows him to consider the Yu.A. Mochanov's recognition of the special archaeological culture of this period to be quite well substantiated.

At the multi-layered sites of Yakutia, those containing cultural horizons of the Early Neolithic Epoch, 14 radiocarbon dates have been obtained. The latter are in accordance between themselves. The age of the Syalakh Culture, based on the absolute dates, ranges from 6200 ± 100 to 5200 ± 100 years B.P. (Yu.A. Mochanov, S.A. Fedoseeva, 1975, 1983).

Sites of the Syalakh Culture have been discovered on the Aldan, Amga, Anabar, Indigirka, Kolyma, Lena, Maya, Olen'ok, Ol'okma, Viluy and Yana Rivers. At present, in Yakutia, over 110 sites of this culture are known. Ten of them are those with precise stratigraphy and the early neolithic inventory fixed *in situ*: Bel'kachi I, Sumnagin I, Bilir I, Ust'-Mil'I (Aldan); Tensik II, Kurung II, Bol'shaya K'uske, Ust'-Tokko I (Ol'okma); Tumul (the Upper Viluy); Sikt'akh I (the Lower Lena). Besides, on the rock-drawings of Yakutia, petroglyphs of the early neolithic age have been recognized (A.P. Okladnikov, A.I. Masin, 1976, 1979; N.N. Kochmar, 1992). At the early stage of its existence, the Syalakh Culture, that included a series of elements of the Sumnagin One, spread over the territory of Yakutia and, probably, Chukotka and Taimyr.

At the sites of the Syalakh Culture, for the first time, serial types of polished stone artifacts and burnt pottery appear. The most indicative feature of this culture ceramics with woven net-prints on the outer surface is. At the early stage, the latter was ornamented by modeled bolsters - the feature, making such ceramics quite different from that of the Isakov and Serov Cultures of the Cis-Baikal Area, having the same prints of woven net on the outer surface of pottery. The petrographical analysis of the ceramics from Layers VII and VI of the Bel'kachi I Site shows that the ceramic paste was made mainly of clay, sand and shamo (65-60%, 25-20% and 15-20% respectively).

Among the stone inventory of the sites of the Syalakh Culture, the willow-leaved (lanceolate) arrowheads, bifacial knives and scrapers of the sub-triangular, sub-rectangular and oval shapes, as well as polished crescent knives and rectangular adzes are the main types of tools. To those widely spread burins of the corner variety, insets, perforators and end scrapers, made of blades, refer. Polished adzes with a step (the one taking shape), multi-faceted (polyhedral) burins with corelike shafts, multi-bladed side burins on flakes, arrowheads, made of blades, are also met. Among the bone tools, harpoon points denticulated on one side are recognized.

The Syalakh Complex differs from the synchronous one of the Cis-Baikal Area by the absence of wedge-shaped cores in the Early Neolithic of Yakutia. Such cores have been fixed only in redeposited layers of the Sumnagin II Site and are, possibly of the earlier age (V.A. Kashin, 1970). Study of the multi-layered sites, containing in the mixed state cultural remains of all stages of the New Stone and Bronze Ages, witness that in this time, wedge-shaped cores are completely obsolescent.

2. *The Bel'kachi Culture of the IIIrd millennium B.C.* In the end of the IVth millennium B.C., the Syalakh early neolithic culture of Yakutia was superseded by the Bel'kachi Culture of the Middle Neolithic. The latter was given the name of the first multi-layered site of Yakutia - Bel'kachi I, discovered in 1964 by Yu.A. Mochanov on

the Aldan River. The bearers of this culture are considered to be those, that once upon a time, came here from the Trans-Baikal Area and the Upper Amur. In the IIIrd millennium B.C., the Bel'kachi Culture, that included in itself a series of autochthonous elements, occupied the whole Area of existence of the Syalakh Culture. However, the possibility of existence of representatives of the latter in almost inaccessible regions of Yakutia is not excluded (Yu.A. Mochanov, S.A. Fedoseeva, 1983).

At present, in Yakutia, over 250 sites of the Bel'kachi Culture are known. At 18 multi-layered ones, cultural horizons of the Middle Neolithic have been discovered. Several burials, dated from the same period, have been revealed: the Dzhikimdin Burial Ground on the Ol'okma River, Onne and Khaiyrghas on Amga, Rodinsk on Kolyma, and Tuoy-Khayin in the upper reaches of Viluy. These are the ancient burial grounds of those known in Yakutia. For the middle neolithic sites with precise stratigraphy 10 radiocarbon dates have been obtained. They are in good conformity between themselves and allow one to consider that the Bel'kachi Culture existed 5200 ± 100 - 4100 ± 100 years B.P.

The main indicative feature of the Bel'kachi Culture corded wares are. Sometimes, vessels, ornamented by strokes-prints of tiny spade with slots on its working edge (shaded pottery), are met. On the mouth of the Bel'kachi pottery, as on the Syalakh ceramic wares, a special ornament is traced: parallel carved lines, triangular, drawn by a double line, the lattice ornament with large diamond-shaped cells, traced by denticulated stamp. Many wares have wide modeled bolsters under their mouth. These tiny belts are also ornamented by parallel oblique lines of the toothed stamp, by 7-9 parallel lines-rims, made of pressings of such stamp, as well as by the "fir" or diamond-shaped ornament, made by the same toothed stamp. The ornament on the body of the Bel'kachi vessels became much more diverse, than it used to be at the Syalakhians.

In the regions contiguous with Yakutia, the corded wares are mostly wide-spread on the Middle Amur, in the Gromatukha Culture (A.P. Okladnikov, A.P. Derev'anko, 1977). In the last years, the indisputable existence of the corded wares on the Lower Amur has been convincingly proved (A.K. Konopatskiy, K.I. Milutin, 1989). In the second half of the IIIrd millennium B.C., the latter existed in the Ust'-Umurchen Culture of the Upper Vitim (V.M. Vetrov, 1992). In the Cis-Baikal Area of the Serov Period, the corded wares were not the main type of the ceramic vessels. Here, wares, ornamented by woven net, as well as those with plain walls of the body, or vessels, ornamented by prints of comb or strokes-prints of tiny spade with slots on its working edge, are met. As for the Posol'sk ceramics, the author, following L.P. Khlobystin (1978), points out that the concurrence only in prints of "cord" on the outer surface of vessels can be noted. The triangular cross-section of the modeled bolsters and their ornamentation by lines of receding tiny spade make the Posol'sk ceramics different from the Yakut vessels. The typology of the neolithic corded wares of the Trans-Baikal Area, and especially that of the main elements of the ornament, noticeably differs from the Bel'kachi one.

The technique of production of stone tools in the Middle Neolithic, reaches its peak: all known methods of treatment stone - sawing, drilling and polishing are used. The stone inventory typical for the Bel'kachi Culture is represented by polished stepped adzes with high dorsal face, axes with "small ears", wedge-shaped axes, retouched adzes, scaled pieces with grooved blade, end scrapers with "small ears", *becks*, lanceolate and oval bifacially flaked knives and spear points, lanceolate and triangular arrowheads. The latter have an asymmetric notch in the base and sometimes a single tip. For the first time, multi-faceted medial burins with nuclear and retouched shafts become widely spread. Burins, scrapers and insets, made of blades, are numerous in the collections of finds. The flake-scars on the ventral face of the insets are rather long. Among the bone tools, daggers, spear points and arrowheads, with one or two grooves for blade-insets, shafts for adzes, compound fish-hooks or spoon-baits, harpoons, awls and needles are met.

In comparison with the Syalakh inventory, some new elements are recognized in the examined cultural complex, such as stepped adzes, axes with "small ears", elongated-triangular arrowheads with bifacial diagonal retouch, end scrapers with "small ears", compound fish-hooks. The share of tools, made of blades, is reduced.

Comparison of the Bel'kachi Complex with those from the contiguous regions of Yakutia shows that the majority of tools taken separately have their analogies in the neolithic cultures of Siberia. However, taken jointly, they have no complete analogies in the synchronous cultures of Eastern Siberia. At the same time the Bel'kachi Culture was not isolated from the influence of the latter. The stone and bone inventory of the Bol'shaya K'uske Site on Ol'okma was found in association with ceramics ornamented by prints of receding tiny spade with slots on its working edge. This fact is indicative of the existence in the Middle Neolithic of Yakutia of the contact regions, that experienced the influence of the Cis-Baikal Area cultures. Several decades ago, S.A. Fedoseeva (1968) considered the region of the Upper Viluy to be the contact zone of influence of the Cis-Baikal Area cultures upon the Yakut ones. Later on, this conclusion was revised. The author thinks that, in time, the contact zone of mutual influence of ancient cultures on the junction of the culturo-historical areas of the Cis-Lena, Cis-Baikal, Trans-Baikal and Cis-Amur Regions can be marked.

3. *The Ymyyakhtakh Culture of the II millennium B.C.* In the end of the IIIrd - the beginning of the IIrd millennia B.C., on the territory of Yakutia, the Ymyyakhtakh Culture of the Late Neolithic appeared and became widely

spread. It was given the name of the Ymyyakhtakh Site on the Middle Lena, discovered in 1942 by A.P. Okladnikov. At those days, taking into consideration the Cis-Baikal Area division of Neolithic into periods, A.P. Okladnikov was right in his dating of this and some other similar sites by the Late Neolithic. For the first time, sites of such type were singled out in a special culture by Yu.A. Mochanov (1967, 1968), after discovery of several multi-layered sites on Aldan. Later on, this culture was investigated by S.A. Fedoseeva, who described the results of her work in a special monograph (1980).

At present, on the territory of Yakutia, about 300 sites of the Ymyyakhtakh Culture, those of different types, are known: sites, burial grounds, solitary burials, rock-drawings. Over 30 settlements of the Late Neolithic have been fixed in precise stratigraphical conditions. At the latter, cultural complexes contain the materials, that lack any artifacts of some other cultures. A series of radiocarbon dates (over 30) has been obtained on the charcoal from the Ymyyakhtakh sites. On their basis, the age of the examined culture ranges within the limits of 3800 ± 10 - 2900 ± 100 years.

The Ymyyakhtakh people are considered to be those, who came to Yakutia from South, where they occupied the territory lying between Baikal and Zeya. In the end of the IIIrd - the beginning of the IIrd millennia B.C., they began to dwell on the territory inhabited by the representatives of the Bel'kachi Culture. The culture was finally formed in the Middle Lena Basin and a series of elements of the Bel'kachi Culture were included into it (Yu.A. Mochanov, 1960; S.A. Fedoseeva, 1980). In the opinion of S.A. Fedoseeva, at the final stage of existence of the Ymyyakhtakh Culture, metal, copper and bronze artifacts are sporadically used. Gradually, the examined culture spreads over the enormous territory, occupying several millions of square kilometers. Possibly, in their advancement more further into the East, the descendants of the Ymyyakhtakh population penetrated into Alaska. The appearance there of the waffle ceramics is indicative of this (Yu.A. Mochanov, 1969; L.P. Khlobystin, 1987). Over the Forest-Tundra Zone, separate groups of the Ymyyakhtakh people penetrated far into the West, to Scandinavia. Their route is marked by the finds of the waffle ceramics at the bearers of the other cultures of the boundary of the IIrd - Isth millennia B.C., including those of the Western-Siberian Polar Zone, the Mainland Tundra and the Oleneostrovsk Burial Ground on the Kola Peninsula.

The main indicative feature of the Ymyyakhtakh Culture the waffle ceramics is. The latter is often met in association with clay vessels, ornamented by the receding tiny spade with slots on its working edge, or those with plain walls, i.e. lacking any ornament on their outer face. Among the stone inventory, the following types of artifacts are recognized: the tri- and tetrahedral arrowheads, having the appearance of elongated or isosceles triangles; bifacially retouched rectangular insets; subtriangular retouched knives; small subtriangular scrapers with round blade and the dorsal face entirely covered by retouch; polished burins. Bone artifacts are represented by arrowheads, spear points, harpoons, needles, awls, chain-mail plates.

From the Bel'kachi cultural complex the Ymyyakhtakh inventory differs by such stone artifacts as the tri- and tetrahedral arrowheads, the stemmed arrowheads and those having the shape of a wide isosceles triangle, as well as the bone chain-mail plates. The latter, in the S.A. Fedoseeva's opinion, are indicative of the armed conflicts between stocks and tribes. Several dozens of such chain-mail plates, discovered by the author in Layer VIII of the Ulakhan Segelennakh, witness that this kind of the protective requisites was actually used in the Late Neolithic and that the finds from the Burulgino Site were not the accidental ones. Artifacts of the Ymyyakhtakh Culture find their analogies in different regions of Siberia, but in total, they represent an original complex, typical for this culture.

The type of economy of the neolithic tribes of Yakutia, during the whole epoch, continues to be the one appropriating the natural resources. The main trade of the population hunting was. Fishery became much more popular, than in the preceding Sumnagin Culture of the Mesolithic Epoch (according to Yu.A. Mochanov, - the Latest Paleolithic). In the New Stone Age, for the first time, special tools for fishing - harpoons of different types are fixed. Bullits for fish-nets are more numerous, than those at the Sumnagin people. Not only the bullits, but also the technical ornament of the ceramics are indirect indicators of the existence of nets. It must be noted that, judging from distribution of fish-tools, in the Neolithic Epoch, fishery was more developed at the south-taiga tribes of Yakutia. In the northern part of the territory of Yakutia, no fish-tools have been discovered yet at the neolithic sites, but the remains of the ichthyofauna are met. Judging from the faunal remains and the plots of rock-drawings, the main objects of hunting elk, rein-deer, roe, pine forest birds and waterfowl were.

Study of the neolithic cultures of Yakutia demonstrates that three consecutively replacing each other cultures - the Syalakh, Bel'kachi and Ymyyakhtakh Ones, are not connected genetically. The mentioned cases of similarity of some elements of culture are insignificant and can be explained by the mutual influence in the course of the processes of assimilation. On the whole, in every subsequent culture, almost complete replacement of the cultural complex is traced, and it is especially well seen, when the ceramic material is analysed. This corroborates the conclusion that replacement of one of these neolithic cultures by another occurred not by the evolutionary way, but as a result of migrations of new populations.

The analysis of the materials of the neolithic cultures of Yakutia demonstrates that in the Middle Neolithic Epoch, the Upper Viluy and Ol'okma were the regions of contacts with the Cis-Baikal culturo-historical area.

Hence, it follows that the synchronous cultures of the Cis-Baikal Area could play a special role in the genesis of the Bel'kachi and Ymyyakhtakh Cultures. Correlation of the materials of the Yakut neolithic with archaeological collections of the neighbouring regions witnesses that ancient contacts with the Trans-Baikal population took place too. In the Late Neolithic Epoch, such region of contacts is traced only on Ol'okma. Moreover, the cultural influences are mainly those of the Trans-Baikal population, but not of the Cis-Baikal one, as they were in the Middle Neolithic time. The materials, accumulated by present, allow to recognize the early and late chronological groups of the burials of representatives of the Ymyyakhtakh Culture.

4. The problem of the local cultures in the New Stone Age of Yakutia.

Recognizing of archaeological cultures of the Neolithic Epoch of Yakutia, as well as elaborating of the well-founded relative and absolute chronological scale for the Cis-Lena culturo-historical area, put some new problems before investigators, those connected with precisizing of the territory of distribution of the cultures and revealing of their possible local differences. Owing to the fact that the Syalakh Culture is insufficiently studied, we consider putting of the problem of the kind for the Early Neolithic to be premature yet (in the North of Yakutia, a small number of sites with precise stratigraphy is known; burials and burial mounds have not been discovered).

The analysis of the materials of the Bel'kachi Culture demonstrates that in the Middle Neolithic Epoch, some contact zones with the Cis-Baikal neolithic cultures - Ol'okma, the Upper Viluy are outlined. The specific inventory, fixed on Ol'okma and the Upper Viluy, seems to be not a local peculiarity of the development of the middle neolithic culture in these regions of Yakutia, but an of short-term and fragmentary (in the archaeological complex) predominance on the territory, of the Cis-Baikal neolithic at the stage of formation of the Bel'kachi Culture. It seems to us that at the given stage of study of the Yakut archaeology, the opportunity of existence of some local variants can be supposed only for the Ymyyakhtakh Culture of the Late Neolithic Period.

In the light of new discoveries, three local territorial variants of the Ymyyakhtakh Culture are recognized. To Variant 1 ("the northern one") the ymyyakhtakh complexes, containing only the waffle ceramics (the of false textile, the chess-draught one), are referred. Besides, the clay vessels of the northern part of Yakutia almost completely lack any complex compositions of their ornament and demonstrate a noticeable sparing use of colour (S.A. Fedoseeva, 1980; V.G. Argunov, 1990; S.P. Kisten'ov, 1990). L.P. Khlobystin (1987) also considers the ceramics from the territories adjoining to the coast of the Arctic Ocean to be different from the ceramic complexes of Aldan and the other southern regions of the Ymyyakhtakh Culture by the drawn ornaments. The cultural complex of a series of sites, located in the north of Yakutia, differs also by the comparatively wide distribution in this region of the stemmed stone arrowheads and by the absence at the late neolithic sites of the complex fish-tools, that are often met in the southern-taiga zone of Yakutia (S.I. Everstov, 1988). Sites of Variant 1 of the Ymyyakhtakh Culture are spread over the tundra and forest-tundra zones of Taimyr and Yakutia. At Chukotka, the area of their existence coincides with regions of distribution of the Northern-Chukotka Culture, singled out by N.N. Dikov (1979). To Variant 2 ("the southern one") the ymyyakhtakh complexes, containing only shaded ceramics, are referred. In the cultural complexes of the sites of this group, ceramics, respectively, has more varied artistic ornament; there are complex fish-tools and the stemmed stone arrowheads are very seldom met. The sites of Variant 2 of the Ymyyakhtakh Culture are spread in the taiga zone of Yakutia. From west to east, they occupy the territory, lying between the right bank tributaries of the Yenisei and the middle reaches of the Anadyr' River at Chukotka, where they find the conformities in the Ust'-Bel'sk Culture (N.N. Dikov, 1979). To Variant 3 ("the mixed one") sites of the Ymyyakhtakh Culture, where the waffle and shaded ceramics are met in ones and the same cultural layers, are referred. The author is not sure in the rightness of singling out of Variant 3, for there are doubts, concerning "the purity" of the cultural complexes of the sites of this group. Of a special doubt are complexes of the Bel'kachi I and Kurung II Sites, often taken for the type ones in attempts to correlate the materials of the late neolithic sites with mixed cultural remains.

The Fifth Chapter of the monograph is devoted to the Bronze Age of Yakutia. In it, the history of study of the sites related to this period and the Ust'-Mil' Culture are examined.

In Yakutia, occasional finds of bronze wares were known as early as in the XIXth century. Nevertheless, for a long time, scientists continued to think that there was no independent production of metals in the examined region of North Asia. All bronze artifacts were considered to be those "imported", got in exchange from more developed steppe tribes. The ancient population of Yakutia seemed to be on the level of the Stone Age up to the appearance there of the Turks-cattle-breeders, who brought the developed metallurgy of iron with them. These erroneous views were revised due to the results of works of the Lena Historico-Archaeological Expedition under the leadership of A.P. Okladnikov. Later on, study of the Bronze Epoch was connected with the activities of the Cis-Lena Archaeological Expedition under the leadership of Yu.A. Mochanov. Discovery and investigation of the multi-layered sites on Aldan, allowed to recognize in precise stratigraphical conditions complexes of the Bronze Age. Of a special importance the bronze knife with wooden handle, found at the Ust'-Mil' Site, was. This find allowed to establish a direct connection of the bronze wares with varied materials of the settlements.

Having taken into consideration the importance of this discovery, the culture of the Bronze Age was given the name "Ust'-Mil" (S.A. Fedoseeva, 1970).

At present, in Yakutia, about a hundred of sites of the Ust'-Mil' Culture have been discovered. At 8 of them, the multi-layered ones, unmixed cultural remains of the Bronze Epoch have been fixed. Besides, 5 solitary burials of the same period have been found. On the Yakut rock-drawings, numerous depictions were made in that very time. Four radiocarbon dates have been obtained on charcoal from the cultural layers of the Bronze Age of Yakutia. The dates range within 3300 ± 100 - 2500 ± 100 years B.P.

The Bronze Age of Yakutia is studied mainly on the basis of the ceramic complex, for ceramics is the most numerous and pronounced material at the settlements. The stone and bone inventory is not so varied and numerous as the ceramics.

The Ust'-Mil' ceramics has waffle technical ornament and can be plain. The vessels are round-bottomed, many of them are those of the open type (the latter appeared in the end of the Late Neolithic Epoch). At the early stage of the Bronze Age of Yakutia, the two-layered ceramics, often with admixture of vegetable remains, existed. Later on, such vessels became one-layered with thin walls. They were made of dense paste without admixtures. The artistic ornament of the Ust'-Mil' vessels is rather varied. The main ornament is represented by different combinations of thin and stamped belts-bolsters, plain or split. The latter have triangular or semi-oval cross-section and are sometimes connected between themselves by vertical or oblique bolsters. In some cases, the space between the bolsters is covered with nail-shaped or round pressings. The drawn ornament is very seldom met. In the Bronze Age, ceramics decorated by "pearls" and prints of the toothed-stamp was widely used. Vessels of the Bronze Epoch retain in considerable extent the late neolithic traditions: the waffle technical ornament, the multi-layered paste, with admixture of grass, the pronounced neck and round bottom, some variants of the artistic ornamentation, especially modeled bolsters on the vessels having plain walls.

The stone inventory of the Ust'-Mil' Culture is represented by end scrapers, knives, arrowheads, scaled pieces, prismatic and conic cores. In comparison with the Ymyyakhtakh Culture, the tools made of blades considerably reduced their number. The technique of treatment of the latter is simplified. Nevertheless, the stone inventory of the Ust'-Mil' people finds many analogies in the Ymyyakhtakh Complex. Sometimes, flat mother-of-pearl beads - circular pieces and tiny beads of white pyrophyllite are met. A.P. Okladnikov (1949, 1965) explains the presence of these articles in the collections from the sites of the Bronze Age of Yakutia by the influence of the Glazkov Culture of the Cis-Baikal Area.

On the whole, the bronze metallurgy is the local one. The workshops of foundrymen of bronze on the Lena, discovered by A.P. Okladnikov, witness the fact convincingly enough. Such workshops were discovered later on, on Viluy and Ol'okma (S.A. Fedoseeva, 1968; N.D. Arkhipov, 1976, 1989; A.N. Alekseev, 1981, 1987). At these sites, forges for making of bronze, nozzles, blacksmith's bellows, casting moulds for casting of wares and so on, have been found. All this is indicative of the existence in Yakutia of an independent center of the bronze metallurgy.

At the sites of Yakutia, 19 bronze wares have been discovered yet: 4 spears, 5 swords, 4 knives, 1 celt, 1 needle, 3 pendants and 1 boiler. All the finds, excluding knives from the Ust'-Mil' and Khatyngnaakh Sites, have no stratigraphical correlation. Nevertheless, the typological analogies are indicative of their undoubted affinity to the Bronze Age. By the method of half-quantitative spectral analysis it has been established that the majority of these wares are made of the arsenious bronze and a part of them - of the tin and arsenious - tin bronze. The diversity of the chemical composition of the bronze, witnesses, possibly, of the affinity of the bronze wares of Yakutia to different chronological stages of the examined period or to some local variants of the Ust'-Mil' Culture. The fine treatment, high technical and artistic level of the bronze artifacts exclude the thought about their spontaneous, occasional production. Undoubtedly, they were cast, following the certain canons and copying the samples, tested long ago. A casting mould for production of celts of the Karasuk type, found at a workshop of a foundryman in Yakutsk, near the regional hospital (A.P. Okladnikov, 1955, p. 152) witnesses eloquently this. At the same time, the bronze wares are indicative of the cultural contacts, that existed at the Yakut tribes with the Glazkov, Seymino-Turbin, and Karasuk-Tagar Cultures of Western and Southern Siberia and those of Central Asia. Such diverse parallels of the Ust'-Mil' Culture are quite assumed and they may mean not only the genetic lines, but also the culturo-economic contacts, for in the Bronze Age, everywhere the growth of exchange and ethnic contacts between different tribes is traced.

Fair considerable number of finds of the bronze arms, specifically swords and spear points, is indicative of the growing role of military activities in the life of the Ust'-Mil' people. Moreover, arms, especially swords and daggers, were the symbols of power - and this allows to suppose the probable opportunity of some social changes at the Yakut tribes of the Bronze Age too. However, use of the bronze tools did not change the type of the Ust'-Mil' people's economy. As the source of their existence, hunting, supplemented by fishing and gathering, remained.

At present, one can't surely recognize separate chronological stages of the Bronze Age of Yakutia, though some attempts of such kind were made by A.P. Okladnikov, I. Ye. Zykov, L.P. Khlobystin, V.I. Ert'ukov. The author is agree with S.A. Fedoseeva that the terms "Eneolithic", "the Early Bronze Age", "Undeveloped Bronze

Age" themselves do not make clear the problem of existence of some special stages. Using of these terms draws only to the artificial comparison of the sites of one and the same culture, misrepresenting of the historical reality. L.P. Khlobystin, for instance, refers the Sikt'akh Site, dated by 3400 years ago, to the Bronze Age and the Site on the Chirovoye Lake, dated by 2800 years ago, to the Late Neolithic Epoch (S.A. Fedoseeva, 1980, p. 214). The author considers that the beginning of the Bronze Age of Yakutia is documented by such developed forms of bronze tools as the Ust'-Mil', Khatyngnaakh, S'ul'dukar knives and the Mur'in and Pronin celts. In the ceramic complex, vessels with unsplit and split modeled bolsters, combed ornament and "pearls" correspond to them. All the rest types of ceramics chronologically coincide with existence of bronze swords, spear points, pendants. It seems to the author that the obtained materials allow to recognize some periods within the limits of the XIIIth (XIVth) - IIIrd (IVth) centuries B.C., but the simple artifacts of metal from the Bugachan, Ichchil'akh, Pokrovsk Burials and the Sikt'akh I Site must not be included into the Bronze Age. Their appearance did not cause any changes in the character and content of the Ymyyakhtakh Culture. Most probably, the solitary copper (?) wares at the Ymyyakhtakh sites, reflect the level of technological searches, inherent in many archaeological cultures of Eurasia, in the end of the Stone Age.

Judging from maintaining of many Ymyyakhtakh traditions in the material culture of the Ust'-Mil' people, the Bronze Age culture ripens in the local late neolithic environment. The bearers of the Bronze Age culture were mostly the Ymyyakhtakh people, transformed in the course of the evolution of their culture. The latter had more or less developed cultural contacts with population of neighbouring regions in the south and south-east. The role of the strange population in the formation of the Ust'-Mil' Culture was not so significant, as it was earlier supposed.

In the Conclusion, the author's synthesis of the results of investigation of the examined ancient cultures of Yakutia is given in short.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Н.** Джикимдинское погребение (памятник белькачинской неолитической культуры на Олёкме) // Якутия и ее соседи в древности. - Якутск, 1975. - С. 95 - 99.
- Алексеев А.Н.** Каменный век Нижней Олёкмы: Дис. ... канд. ист. наук. - Л., 1980. - 203 с.
- Алексеев А.Н.** История археологического изучения Олёкмы // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока. - Якутск, 1982. - С. 91 -93.
- Алексеев А.Н.** Комплексы раннего железного века Якутии // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. - Красноярск, 1991. - Т. 3. - С. 72 -73.
- Алексеев А.Н.** Локальные варианты и этническая идентификация ымыяхтахской археологической культуры // Учен. зап. Якут. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. - Якутск, 1994. - С. 5, 18 - 35.
- Алексеев А.Н.** Происхождение якутского народа (по новым археологическим материалам)// Учен. зап. Якут. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. - Якутск, 1994. - С. 131 - 154.
- Алексеев А.Н., Воробьев С.А.** Новые археологические памятники нижнего Вилюя // Проблемы археологии Северной Азии. - Чита, 1988. - С. 90 -91.
- Алексеев А.Н., Кочмар Н.Н., Черосов М.Н.** Основные итоги и задачи исследований археологической экспедиции Якутского университета // Археология Якутии. - Якутск, 1988. - С. 5 - 15.
- Алексеев А.Н., Черосов М.Н.** Археология Якутии (каменный век): Учебн. пособие. - Якутск, 1990. - 104 с.
- Алексеев А.Н., Гоголев А.И., Зыков И.Е.** Археология Якутии(эпоха палеометалла и средневековья): Учебн. пособие. - Якутск, 1991. - 111 с.
- Алексеев В.П.** Материалы по краииологии мохэ // Палеоантропология Сибири. - Новосибирск, 1980. - С. 106 - 130.
- Алексеев В.П.** Историческая антропология и этногенез. - М., 1989. - 444 с.
- Алексеев В.П., Гохман И.И.** Антропология азиатской части СССР. - М., 1984. - 208 с.
- Алексеев В.П., Мамонова Н.И.** К палеоантропологии эпохи неолита верховьев Лены // СЭ - 1979. - N 5. - С. 49 -63.
- Андреев Г.И., Фомин Ю.М.** Археологические разведки по среднему течению р. Подкаменная Тунгуска // КСИА. - 1964. - Вып. 101. - С. 94 - 98.
- Анисимов А.Ф.** Общее и особенное в развитии общества и религии народов Сибири. - М., 1968. - С. 51.
- Антонов Н.К.** Материалы по исторической лексике якутского языка. - Якутск, 1971. - 173 с.
- Анучин Д.Н.** Описание предметов выставки. Отдел доисторический // Изв. Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящее при Моск. ун-те. - М., 1879. - Т. 35. - Ч. 2. - Вып. 1.
- Аргунов В.Г.** Каменный век Северо-Западной Якутии. - Новосибирск, 1990. - 212 с.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.** Новые находки в древнеберингоморском могильнике на Уэлене // СЭ - 1961. - С. 15 - 16.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.** Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). - М., 1969. - 201 с.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.** Проблемы этнической истории Берингоморья. - М., 1975. - 240 с.
- Архипов Н.Д.** Археологические памятники нижнего Вилюя // АО 1968 года. - М., 1969. - С. 206.
- Архипов Н.Д.** Петроглифы Олёкмы // АО 1970 года. - М., 1971. - С. 195 -196.
- Архипов Н.Д.** Работы Олёкминской экспедиции // АО 1971 года. - М., 1972. - С. 258 - 259.
- Архипов Н.Д.** Исследования в Южной Якутии // АО 1971 года. - М., 1973. - С. 198.
- Архипов Н.Д.** От палеолита до железного века // Соц. Якутия. - 1974. - 18 дек.
- Архипов Н.Д.** Исследования в Якутии // АО 1974 года. - М., 1975. - С. 189.
- Архипов Н.Д.** Вилюйская экспедиция // АО 1975 года. - М., 1976. - С. 216.
- Архипов Н.Д.** Ынгыр-Хая - новая мастерская эпохи камня в Якутии // АО 1976 года. - М., 1977. - С. 187 - 188.
- Архипов Н.Д.** Работы в Жиганском и Олекминском районах Якутии // АО 1977 года. - М., 1978. - С. 206.
- Архипов Н.Д.** Ранний железный век Якутии (к вопросу о взаимодействии скифо-сибирского мира и тайги) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. - Кемерово, 1980. - С. 53 -65.
- Архипов Н.Д.** Данные археологии и палеонтологии и проблема датировки петроглифов Лены с рисунками крупного рогатого скота и лошади // Скифо-сибирский мир: Тез. докл. второй арх. конф. - Кемерово, 1984. - С. 15.
- Архипов Н.Д.** Древние культуры Якутии. - Якутск, 1989. - 190 с.
- Асеев И.В.** Прибайкалье в средние века. - Новосибирск, 1980. - 150 с.
- Богораз В.Г.** Краткий отчет об исследовании чукч Колымского края. - Иркутск, 1899. - 89 с.
- Богораз В.Г.** Новые данные к вопросу о протоазиатах. (Отд. оттиск) - Б.м., 1928. - 15 с.
- Богораз В.Г.** Чукчи. - Л., 1934. - Ч. I. - 191 с.
- Богораз В.Г.** Чукчи. - Л., 1939. - Ч. II. - 196 с.
- Богораз В.Г.** Материальная культура чукчей. - М., 1991. - 223 с.
- Борисов А.В.** Белькачинский орнамент на сылахской керамике // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири (итоги и перспективы). - Иркутск, 1986. - С. 85 - 86.

- Борисов В.Г.** Меч и копье из Якутии // СА - 1961. - N 2. - С. 239 - 241.
- Борисов А.Я.** Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. - М., 1952. - 260 с.
- Бурилов В.В.** Работы в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС // АО 1972 года. - М., 1973. - С. 200.
- Брилов В.В.** К археологии Средней Ангары (по материалам раскопок в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС) // Археология Северной и Центральной Азии. - Новосибирск, 1975. - С. 80 - 86.
- Бурилов В.В.** Бадарма II - новый многослойный памятник на средней Ангаре // Древние культуры Приангарья. - Новосибирск, 1980а. - С. 32 - 42.
- Бурилов В.В.** Материалы раскопок многослойных памятников Бадарма I, III на средней Ангаре // Источники по археологии Северной Азии (1975 - 1976 гг.). - Новосибирск, 1980б. - С. 75 - 97.
- Вайнштейн С.И.** Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ - 1966. - N 3. - С. 60 - 81.
- Василевич Г.М.** Игры тунгусов // Этнограф-исследователь. - 1927. - N 1. - С. 26 - 30.
- Василевич Г.М.** Токминские тунгусы // Сов. Север. - 1930. - N 5. - С. 8 - 13.
- Василевич Г.М.** Сымские тунгусы // Сов. Север. - 1931а. - N 2. - С. 18 - 24.
- Василевич Г.М.** К вопросу о тунгусах, кочующих к западу от Енисея // Сов. Север. - 1931б. - N 10. - С. 33 - 38.
- Василевич Г.М.** Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов // КСИИМК. - 1936. - N 1. - С. 46 - 49.
- Василевич Г.М.** Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов // СЭ - 1946. - N 4. - С. 34 - 49.
- Василевич Г.М.** Древнейшие языковые связи народов Азии и Европы // Тр. ИЭ. - 1947. - Т. 2. - С. 205 - 232.
- Василевич Г.М.** К вопросу о палеоазиатах Сибири // КСИЭ. - 1949. - Вып. 8. - С. 48 - 52.
- Василевич Г.М.** Тунгусский нагрудник у народов Сибири // Сб. МАЭ. - Л., 1949. - Т. 11. - С. 15 - 20.
- Василевич Г.М.** Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // Сб. МАЭ. - Л., 1957. - Т. XVII. - С. 151 - 185.
- Василевич Г.М.** К вопросу о тунгусах и ламутах северо-востока в XVII - XVIII вв. // Учен. зап. ЯФ СО АН СССР. - Якутск, 1958. - Вып. 5. - С. 23 - 29.
- Василевич Г.М.** Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII - начало XX в.). - Л., 1969. - 303 с.
- Васильевский Р.С.** Происхождение и древняя культура коряков. - Новосибирск, 1971. - 250 с.
- Васильевский Р.С.** Роль миграций в формировании древнейшего населения Северной Азии // Историческая демография Сибири. - Новосибирск, 1992. - С. 5 - 16.
- Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И.** Археологические памятники Северного Приангарья. - Новосибирск, 1988. - 225 с.
- Верещагин Н.К.** Остатки животных из жилищ Баранова мыса восточнее устья р. Колымы // **Окладников А.П., Береговая Н.А.** Древние поселения Баранова мыса. - Новосибирск, 1971. - С. 149 - 156.
- Верещагин Н.К.** Раскопки мамонтова кладбища на р. Берелёх // Вестн. АН СССР. - 1971. - N 8. - С. 85 - 93.
- Ветров В.М.** Усть-Каренский комплекс стоянок на Витиме // Новое в археологии Забайкалья. - Новосибирск, 1981. - С. 19 - 26.
- Ветров В.М.** Каменный век верхнего Витима: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Новосибирск, 1992. - 17 с.
- Ветров В.М., Самуилова О.В.** Новое направление в археологии верхнего Витима (эпоха неометалла) // Палеоэтнология верхнего Витима. - Иркутск, 1990. - С. 122 - 123.
- Визе В.Ю.** Климат Якутии // Якутия. - Л., 1927. - С. 221 - 274.
- Виташевский Н.А.** Интересный экземпляр каменной стрелки, найденной в Якутской обл. // Изв. ВСОРО. - Иркутск, 1899. - Т. 30. - N 1. - С. 52 - 54.
- Воробьев К.К.** Птицы Якутии. - М., 1963. - 336 с.
- Вруцевич М.С.** Обитатели, культура и жизнь в Якутской области. - СПб., 1891. - 41 с.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. - М., Л., 1985. - 112 с.
- Гаврилова М.К.** Климат Центральной Якутии. - Якутск, 1973. - 120 с.
- Гайдук А.А.** Производство сыродутного железа в Якутском округе // Журнал рус. мет. об-ва. - СПб., 1911. - С. 113 - 127.
- Геккер Н.Л.** К характеристике физического типа якутов (антропологический очерк) // Зап. ВСОИРГО по этнографии. - Иркутск, 1896. - Т. 3. - Вып. I. - С. 15 - 23.
- Генералов А.Г.** Неолитическая керамика многослойного поселения Казачка // КСИА. - 1979. - Вып. 157. - С. 43 - 47.
- Генералов А.Г.** Новые памятники эпохи неолита и бронзы Канской котловины // Материальная культура населения Восточной Сибири. - Иркутск, 1982. - С. 26 - 27.
- Геология сибирской платформы.** - М., 1966. - 477 с.
- Геология СССР.** - М., 1970. - Т. 18. - Ч. 1. - 535 с.
- Георги И.Г.** Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. - СПб., 1776 - 1777. - Ч. I.
- Георги И.Г.** Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. - СПб., 1799. - Ч. III.
- Георгиевский А.М.** Работа Нижне-Илимского отряда // АО 1973 года. - М., 1974. - С. 189 - 190.
- Гидрогеология СССР.** - М., 1970. - Т. XX: Якутская АССР. - 383 с.
- Гоголев А.И.** Лекции по исторической этнографии якутов: Учебн. пособие. - Якутск, 1978. - 76 с.
- Гоголев А.И.** Историческая этнография якутов: Учебн. пособие. - Якутск, 1980. - 106 с.
- Гоголев А.И.** Распространение по средней Лене скотоводства и проблема этногенеза якутов // Историческая этнография: традиции и современность. - Л., 1983. - С. 73 - 78.
- Гоголев А.И.** Формирование и основные этапы этнической истории якутов // Якут. ун-т. - 1983. - 15 дек.
- Гоголев А.И.** Историческая этнография якутов (вопросы происхождения якутов). - Якутск, 1986. - 82 с.

- Гоголев А.И.** Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV - XVIII вв.). - Иркутск, 1990. - 192 с.
- Гоголев А.И.** Этногенез и этническая история якутов // Археология Якутии (эпоха палеометаллов и средневековья): Учебн. пособие. - Якутск, 1991. - С. 61 - 100.
- Гоголев А.И.** Историческая этнография якутов: Проблемы этногенеза и формирования культуры: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - СПб., 1992. - 33 с.
- Гоголев А.И.** Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). - Якутск, 1993. - 200 с.
- Гоголев З.В., Гурвич И.С., Золотарева И.М., Жорницкая М.Я.** Юагиры (историко-этнографический очерк). - Новосибирск, 1975. - 242 с.
- Гохман И.И., Томтосова Л.Ф.** О времени формирования арктической расы // Кр. сод. докл. науч. сессии. - Л., 1983. - С. 7 - 9.
- Гохман И.И., Томтосова Л.Ф.** Антропологические исследования неолитических могильников Диринг-Юрях и Родинка // Археологические исследования в Якутии. - Новосибирск, 1992. - С. 105 - 125.
- Гришин Ю.С.** Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. - М., 1975. - 134 с.
- Гришин Ю.С.** Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. - М., 1981. - 201 с.
- Гришин Ю.С.** О некоторых западных культурных связях лесного забайкальского населения в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Древнее Забайкалье и его культурные связи. - Новосибирск, 1985. - С. 33 - 37.
- Гурвич И.С.** Металлическое орудие на Колыме // КСИЭ. - М., 1953а. - Вып. 18. - С. 47 - 49.
- Гурвич И.С.** Этнографическая экспедиция в бассейн р. Индигирки (предварительный отчет) // КСИЭ. - М., 1953б. - Вып. 19. - С. 28 - 42.
- Гурвич И.С.** Юагиры чуванского рода в середине XVIII в. // Тр. ИЭ. - 1957. - Т. 35. - 246 - 262.
- Гурвич И.С.** Этническая история Северо-Востока Сибири. - М., 1966. - 269 с.
- Гурвич И.С.** Изучение этногенеза народов Севера в советский период (состояние проблемы, задачи и перспективы) // Этногенез и этническая история народов Севера. - М., 1975. - С. 5 - 42.
- Гурвич И.С., Симченко Ю.Б.** Этногенез юагиров // Этногенез народов Севера. - М., 1980. - С. 141 - 152.
- Гурина Н.Н.** Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. - Л., 1973. - С. 7 - 21.
- Гурьев И.П.** Иммуногенетические и краниологические особенности экотипов якутской лошади: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. - М., 1920. - С. 342.
- Данилов П.П., Русаков О.С., Туманов И.Л.** Хищные звери Северо-Запада СССР. - Л., 1979. - 164 с.
- Дашибалов Б.Б.** Поминальные сооружения курумчинской культуры в Прибайкалье // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. - Новосибирск, 1992. - С. 56 - 87.
- Дебец Г.Ф.** Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья (палеоэтнологический этюд) // Изв. Ассоциации научно-исследоват. ин-тов при физ.-мат. факультете I МГУ. - 1930. - Т. 3. - N 2-А. - С. 151 - 169.
- Дебец Г.Ф.** Антропологические исследования в Камчатской области // Тр. ИЭ. - 1951. - Т. 17. - 263 с.
- Дебец Г.Ф.** О принципах классификации человеческих рас // СЭ. - 1956а. - N 4. - С. 74 - 94.
- Дебец Г.Ф.** Древнейший череп из Якутии // КСИЭ. - 1956. - Вып. 25. - С. 60 - 63.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Уэлен и Эквен // **Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.** Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). - М., 1975. - С. 198 - 240.
- Деревянко А.П.** Ранний железный век Дальнего Востока. - Новосибирск, 1972. - Ч. 2. - 273 с.
- Деревянко А.П.** Приамурье (I тыс. до н.э.). - Новосибирск, 1976. - 383 с.
- Деревянко Е.И.** Мохэские памятники Среднего Амура. - Новосибирск, 1975. - 249 с.
- Деревянко Е.И.** Троицкий могильник. - Новосибирск, 1977. - 223 с.
- Деревянко Е.И.** Тюркские элементы в погребальном обряде амурских племен I тыс. до н.э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск, 1978. - С. 118 - 128.
- Деревянко Е.И.** Очерки военного дела Приамурья. - Новосибирск, 1987. - 225 с.
- Диков Н.Н.** Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных // Тр. СВКНИИ ДВНЦ АН СССР. - Магадан, 1964. - Вып. 8. - С. 5 - 27.
- Диков Н.Н.** Археологические памятники Чукотки и Верхней Колымы. - М., 1977. - 391 с.
- Диков Н.Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии. - М., 1979. - 252 с.
- Диков Н.Н.** Чукотка в древности // История Чукотки. - М., 1989. - С. 12 - 66.
- Диков Н.Н.** Азия на стыке с Америкой в древности. - М., 1993. - 304 с.
- Долгих Б.О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. - М.;Л., 1960а. - 622 с.
- Долгих Б.О.** Родоплеменной состав, расселение и численность народов Сибири в XVII в. - М., 1960б. - 328 с.
- Долгих Б.О.** Проблемы этнографии и антропологии Арктики // СЭ - 1964. - N 4. - С. 76 - 90.
- Егоров О.В.** Дикие копытные Якутии. - М., 1965. - 259 с.
- Еловская Л.Г., Петрова Е.И.** Почвенно-географическое районирование Якутской АССР // Почвы долины рек Лены и Алдана. - Якутск, 1965. - С. 34 - 53.
- Жуков Е.М.** Очерки методологии истории. - М., 1980. - 253 с.
- Журнал** Анадырской команды сержанта **Андреева**, вехенный во время путешествия по островам Ледовитого моря // Сиб. вестн. - СПб., 1823. - Ч. 6. - Кн. 23, 24. - С. 67 - 70.
- Загоскин Л.А.** Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Л. Загоскиным в 1892, 1843 и 1844 годах. - СПб., 1847. - Ч. 1; 1848. - Ч. 2.
- Зайцев М.А.** Железные наконечники стрел курумчинской культуры в Приольхонье // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. - Новосибирск, 1992. - С. 101 - 107.

- Залкинд Е.М.** К этногенезу эвенков // Учен. зап. Бурят-Монгольского пед. ин-та им. Доржи Банзарова. - Улан-Удэ, 1947. - Вып. 1. - С. 17 - 29.
- Золотарев А.М.** Пережитки тотемизма у народов Сибири. - Л., 1934. - 52 с.
- Золотарев А.М.** Родовой строй и религия ульчей. - Хабаровск, 1939. - 98 с.
- Золотарева И.М.** Антропология некоторых народов Северной Сибири // Юкагиры (историко-этнографический очерк) - Новосибирск, 1975. - С. 97 - 110.
- Зубков В.С.** Неолит и ранний бронзовый век верхней Лены: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Л., 1982. - 18 с.
- Зыков И.Е.** Интерес к археологии в дореволюционной Якутии // Якутский архив. - Якутск, 1972. - С. 161 - 170.
- Зыков И.Е.** Археологическое изучение Якутии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Якутск, 1973. - 21 с.
- Зыков И.Е.** Некоторые итоги изучения неолита Якутии // Вопросы истории и социологии народов Якутии. - Якутск, 1975. - С. 63 - 71.
- Зыков И.Е.** Археология и вопросы происхождения якутов // Полярная звезда. - 1978. - N 4. - С. 128 - 132.
- Зыков И.Е.** Становление современных представлений о происхождении якутского народа // Археология Якутии. - Якутск, 1988. - С. 125 - 130.
- Зыков Ф.М.** Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX - начала XX вв. - Новосибирск, 1986. - 116 с.
- Игнатъев К.М.** Особенности освоения природных ресурсов и размещение производства на северо-востоке Якутской АССР // Природные условия и народное хозяйство Якутской АССР. - Якутск, 1965. - С. 28 - 43.
- Идес И.** Путешествие и журнал по указу великих государей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, отправленного из Москвы в Китай господину Эбергарде Избраннеде посланником в 1692 году марта 14 дня // Древняя Российская Вивлиофика. - М., 1789. - Ч. 8. - С. 378 - 428.
- Иохельсон В.И.** Зверопромышленность и торговля мехами (очерк) // Тр. Якут. экспедиции. - СПб., 1848. - Т. 10. - С. 118 - 123.
- Иохельсон В.И.** Образцы материалов по изучению юкагирского языка и фольклора // Изв. АН. - СПб., 1892. - Т. 9. - N 2. - С. 151 - 177.
- Иохельсон В.И.** По рекам Ясачной и Коркодону: Древний и современный быт и письмена // Изв. ИРГО. - 1898а. - Т. 34. - Вып. 3.
- Иохельсон В.И.** Очерк зверопромышленности и торговли мехами // Тр. Якут. экспедиции. - СПб, 1898б. - С. 167 - 185.
- Иохельсон В.И.** Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействия различных племенных элементов // Живая старина. - СПб., 1900а. - Т. 10. - Вып. 1/2.
- Иохельсон В.И.** Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора. - СПб. - Ч. 1. - 155 с.
- Иохельсон В.И.** Этнологические проблемы на северных берегах Тихого океана // Изв. ИРГО. - 1907. - Т. 13.
- Иохельсон В.И.** Одульский (юкагирский) язык // Языки и письменность народов Севера. - М.;Л., 1934. - Ч. 3. - С. 30 - 36.
- История и культура чукчей.** - Л., 1987. - 287 с.
- Кабо В.Р.** Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. - М., 1969.
- Кабо В.Р.** Тасманийцы и тасманийская проблема. - М., 1975.
- Каменецкий И.С.** Археологическая культура - ее определение и интерпретация // СА - 1970. - N 2. - С. 18 - 36.
- Кашин В.А.** Культурные комплексы каменного века на стоянке Сумнагин II // По следам древних культур Якутии. - Якутск, 1970. - С. 94 - 109.
- Кашин В.А.** Погребальный обряд в неолите Колымы // Языки, культура и будущее народов Арктики: Тез. докл. междунаро. конф. - Якутск, 1993. - С. 94.
- Кириллов И.И.** Неолит Забайкалья // Очерки древней истории Забайкалья. - Чита, 1973. - С. 44 - 75.
- Кириллов И.И.** Восточное Забайкалье в древности и в средневековье. - Иркутск, 1979. - 96 с.
- Кириллов Ф.Н.** Рыбы Якутии. - М., 1972. - 359 с.
- Кирьяк М.А.** Неолитические стоянки на озере Б. Нутенеут // Краеведческие записки. - Магадан, 1986. - Вып. 14. - С. 151 - 159.
- Кирьяк М.А.** Полевые работы на западе Чукотки // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1987. - С. 213 - 215.
- Кирьяк М.А.** Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. - М., 1993. - 220 с.
- Киселев С.А.** Древняя история Южной Сибири. - М., 1951. - 642 с.
- Кистенев С.П.** Новые археологические памятники бассейна Колымы // Новое в археологии Якутии. - Якутск, 1980. - С. 74 - 87.
- Кистенев С.П.** Каменный век бассейна Нижней Колымы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Якутск, 1990. - 22 с.
- Кистенев С.П.** Родинское неолитическое захоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в экстремальных условиях Крайнего Севера // Археологические исследования в Якутии. - Новосибирск, 1992. - С. 68 - 83.
- Ковычев Е.В.** Лук и стрелы восточнотайских племен I тыс. н.э. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск, 1981. - С. 97 - 110.
- Козлов В.И.** Новые археологические памятники Амги // Новое в археологии Якутии. - Якутск, 1980. - С. 55 - 62.
- Конопацкий А.К., Милютин К.И.** Шнуровая керамика в неолитических памятниках нижнего Амура // Керамика как исторический источник. - Новосибирск, 1989. - С. 92 - 103.
- Константинов И.В.** Неолитические стоянки на Олёкме // По следам древних культур Якутии. - Якутск, 1970. - С. 73 - 93.
- Константинов И.В.** Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). - Якутск, 1971. - 211 с.
- Константинов И.В.** Ранний железный век Якутии. - Новосибирск, 1978. - 128 с.

- Коробкова Г.Ф.** Экспериментально-трассологическое изучение производств трипольского общества // АО 1974 года. - М., 1975. - С. 439 - 440.
- Косарев М.Ф.** Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. - М., 1974. - 163 с.
- Косарев М.Ф.** Первый период развитого бронзового века Западной Сибири (самусьско-сейминская эпоха) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. - М., 1987. - С. 276 - 289. - (Археология СССР).
- Кочмар Н.Н.** Отчет о работе Средненеленского отряда АЭЭ МАЭ ЯГУ за 1981 год (Рукопись). - Архив ОПИ ИА АН СССР.
- Кочмар Н.Н.** Шэнкэны писаниц Южной Якутии // Рериховские чтения. - Новосибирск, 1985. - С. 180 - 192.
- Кочмар Н.Н.** Петроглифы Якутии // Археология Якутии. - Якутск, 1988. - С. 104 - 117.
- Кочмар Н.Н.** Корреляция петроглифов Южной и Центральной Якутии // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. - М., 1990. - С. 231 - 236.
- Кочмар Н.Н.** Стиль и датировка писаниц Якутии // Археологические исследования в Якутии. - Новосибирск, 1992. - С. 160 - 168.
- Кочмар Н.Н.** Петроглифы Якутии: Дис. ... канд. ист. наук. - Якутск, 1992. - 256 с.
- Крейнович Е.А.** Юкагирский язык. - М.:Л., 1958. - 288 с.
- Крижевская Л.Я.** К вопросу о производстве каменных орудий у неолитических племен Приангарья (раскалывание камня при помощи огня) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1961. - С. 245 - 254.
- Кричевский Е.Ю.** Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы // Учен. зап. ЛГУ. - 1949. - N 85. - Сер. ист. наук. - Вып. 13.
- Крупник И.И.** Арктическая этноэкология. - М., 1989. - 210 с.
- Крупнов Е.И.** Древняя история и культура Кабарды. - М., 1957. - 176 с.
- Ксенофонтов Г.В.** Легенда и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов // Материалы к мифологии урало-алтайских племен Северной Азии. - Иркутск, 1928. - Ч. 1. - 77 с.
- Ксенофонтов Г.В.** Избранные труды. - Якутск, 1992. - 316 с.
- Ксенофонтов Г.В.** Урангхай сахалар: Очерки по древней истории якутов. - Иркутск, 1937. - Т. I. - 484 с.
- Кызласов Л.Р.** История Тувы в средние века. - М., 1969. - 209 с.
- Ларичев В.Е.** Неолит Восточного Забайкалья и вопрос о так называемой микролитической культуре // Науч. конф. по истории Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. и сообщ. - Иркутск, 1960. - С. 30 - 34.
- Ларичев В.Е.** Скульптурное изображение женщины и лунно-солнечный календарь Малая Сья // Изв. СО АН СССР. Сер. История, филология и философия. - Новосибирск, 1984. - N 3. - С. 18 - 25.
- Ларичев В.Е.** Календарная пластина Мальты и проблема интерпретации образов первобытного художественного творчества // Проблемы реконструкций в археологии. - Новосибирск, 1985а. - С. 74 - 104.
- Ларичев В.Е.** Лунно-солнечный календарь погребения Мальты и проблема палеокосмогонических аспектов семантики образов искусства древнекаменного века Сибири // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. - Новосибирск, 1985б. - С. 60 - 86.
- Ларичев В.Е.** Мальтинская пластина - счетная календарно-астрономическая таблица древнекаменного века Сибири. // Методические проблемы археологии Сибири. - Новосибирск, 1988. - С. 13 - 23.
- Ларичев В.Е.** Мудрость змеи: Первобытный человек, Луна и Солнце. - Новосибирск, 1989. - 272 с.
- Ларичев В.Е.** Синодические обороты планет в календарных системах древнекаменного века Сибири (мальтинская культура) // Методы реконструкций в археологии. - Новосибирск, 1991. - С. 124 - 179.
- Ларичев В.Е.** Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. - Новосибирск, 1993. - 286 с.
- Ларичев В.Е., Рижский М.И.** Озерный неолит и ранняя бронза Восточного Забайкалья (стоянки в районе озер Иргень и Кенон) // Сибирский археологический сборник. - Новосибирск, 1966. - С. 94 - 128.
- Лебединцев А.И.** Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. - Л., 1990. - 260 с.
- Левин М.Г.** Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока (к проблеме этногенеза народов Северной Азии) // СЭ - 1950. - N 2. - С. 53 - 54.
- Левин М.Г.** Проблема происхождения Homo sapiens в советской антропологии // КСИЭ. - 1950. - Т. 9. - С. 18 - 23.
- Левин М.Г.** Антропологический материал из Верхоленского могильника // Тр. ИЭ. Нов. сер. - М., 1956. - Т. 33. - С. 299 - 339.
- Левин М.Г.** К проблеме происхождения северо-восточных палеоазиатов // Сб. ст. по истории Дальнего Востока. - М., 1958а. - С. 186 - 199.
- Левин М.Г.** Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. - М., 1958б. - 359 с.
- Левин М.Г.** Основные итоги и очередные задачи антропологического изучения Сибири в связи с этногенетическими исследованиями // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1961. - С. 41 - 51.
- Левин М.Г.** Древние могильники Чукотки и некоторые аспекты эскимосской проблемы. - М., 1954. - 11 с.
- Линденау Я.И.** Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). - Магадан, 1983. - 176 с.
- Липский А.Н.** К вопросу о семантике солнцобразных личин Енисея // Сибирь и ее соседи в древности. - Новосибирск, 1970. - С. 163 - 173.
- Лозе И.А.** Антропоморфные изображения со стоянки Звидзиенакрогс (Лубанская равнина) // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. - Л., 1983. - С. 144.
- Лозе И.А.** Изображение человека в искусстве каменного века Восточной Прибалтики // Антропоморфные изображения. - Новосибирск, 1987. - С. 37 - 48.
- Мазин А.И.** Традиционные верования и обряды эвенков-орочононов (конец XIX - начало XX вв.). - Новосибирск, 1984. - 201 с.

- Мазин А.И.** Таежные писаницы Приамурья. - Новосибирск, 1986. - 260 с.
- Мазин А.И.** Петроглифы таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - Новосибирск, 1988. - 39 с.
- Майнов И.И.** Некоторые данные о тунгусах Якутского края. - Иркутск, 1898. - 214 с.
- Майнов И.И.** Население Якутии // Якутия. - Л., 1927. - С. 46.
- Мамонова Н.Н.** К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. - М., 1973. - С. 18 - 28.
- Мамонова Н.Н.** Население Ангары и Лены в серовское время по данным палеоантропологии (к вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита). - М., 1980. - С. 64 - 88.
- Матющенко В.И.** Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV // СА - 1964. - N 4. - С. 266 - 269.
- Михалев В.М., Елисеев Е.И.** Археологические исследования в бассейне верхней Яны // Археологические исследования в Якутии. - Новосибирск, 1992. - С. 47 - 64.
- Медведев А.Ф.** Ручное метательное орудие. Лук и стрелы, самострел. VIII - XIV вв. // САИ. - М., 1966. - Вып. Е I - 36. - С. 32 - 38.
- Мещанинов И.И.** Палеоазиатские языки // Изв. АН СССР. Отд-е лит. и языка. - 1948. - Т. 6. - Вып. 6. - С. 22 - 28.
- Млекопитающие Якутии.** - М., 1971. - 660 с.
- Монгайт А.Л.** Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-археологических исследований) // Народы Азии и Африки. - 1967. - N 1. - С. 53 - 56.
- Монгайт А.Л.** Археология Западной Европы. - М., 1973. - 355 с.
- Мостахов С.Е. и др.** Якутская АССР: Краткий географический словарь-справочник. - Якутск, 1980. - 184 с.
- Мочанов Ю.А.** Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 1966а. - 20 с.
- Мочанов Ю.А.** Ранний неолит Алдана // СА - 1966б. - N 2. - С. 126 - 136.
- Мочанов Ю.А.** Ымыяхтахская поздненеолитическая культура // Любите и охраняйте природу Якутии. - Якутск, 1967а. - С. 51 - 56.
- Мочанов Ю.А.** Белькачинская неолитическая культура // Любите и охраняйте природу Якутии. - Якутск, 1967б. - С. 45 - 50.
- Мочанов Ю.А.** Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. - М., 1969. - 254 с.
- Мочанов Ю.А.** Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. - Новосибирск, 1977. - 264 с.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.** Археология Арктики и берингоморские этнокультурные связи Старого и Нового Света в голоцене // Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозое. - Хабаровск, 1973. - С. 196 - 199.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.** Основы корреляции и синхронизации археологических памятников Северо-Восточной Азии // Древняя история народов Юго-Восточной Сибири. - Иркутск, 1974. - Вып. 2. - С. 25 - 34.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.** Абсолютная хронология голоценовых культур Северо-Восточной Азии // Якутия и ее соседи в древности. - Якутск, 1975а. - С. 38 - 49.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.** Периодизация и абсолютная хронология археологических памятников Якутии // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. - Новосибирск, 1975б. - С. 51 - 59.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.** Основные этапы древней истории Северо-Восточной Азии // Берингия в кайнозое. - Владивосток, 1976. - С. 515 - 539.
- Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.** Основные итоги археологического изучения Якутии // Новое в археологии Якутии. - Якутск, 1980. - С. 3 - 13.
- Мочанов Ю.А. и др.** Археологические памятники Якутии. - Новосибирск, 1983. - 391 с.
- Мочанов Ю.А. и др.** Археологические памятники Якутии. - Новосибирск, 1991. - 224 с.
- Некрасов И.А.** Криолитозона Северо-Востока и Юга Сибири и закономерности ее развития. - Якутск, 1976. - 248 с.
- Новгородов И.Д.** Археологические раскопки музея // Сб. научн. ст. Якут. респ. краевед. музея. - Якутск, 1955. - Вып. I. - С. 138 - 162.
- Овчинников М.П.** Пояснительная записка к вещам, найденным у г. Олёмминска Якутской области // Тр. антропологич. отдела. - М., 1890. - Вып. 3. - С. 93 - 94.
- Окладников А.П.** Неолитические памятники как источник по этногонии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. - 1941а. - Вып. 9. - С. 5 - 14.
- Окладников А.П.** Археология и основные вопросы древней истории Якутии // КСИИМК. - 1941б. - Вып. 9. - С. 63 - 79.
- Окладников А.П.** Исторический путь народов Якутии. - Якутск, 1943. - 91 с.
- Окладников А.П.** Археологические памятники и древние культуры на нижней Лене // Учен. зап. Якут. гос. пед. ин-та. - Якутск, 1944. - Вып. 1. - С. 3 - 20.
- Окладников А.П.** Ленские древности. - Якутск, 1945. - Вып. I. - 95 с.
- Окладников А.П.** Ленские древности. - Якутск, 1946а. - Вып. 2. - 186 с.
- Окладников А.П.** Археологические исследования 1940 - 1943 гг. в долине реки Лены и древняя история северных племен // КСИИМК. - 1946б. - Вып. 13. - С. 99 - 107.
- Окладников А.П.** История Якутии. - Якутск, 1949. - Т. 1. - 437 с.
- Окладников А.П.** Ленские древности. - М.;Л., 1950а. - Вып. 3. - 195 с.

- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья (историко-археологическое исследование) // МИА. - М.;Л., 1950б. - N 18. - 411 с.
- Окладников А.П.** К изучению начальных этапов формирования народов Сибири: Население Прибайкалья в неолите и раннем бронзовом веке // СЭ - 1950в. - N 2. - С. 115 - 124.
- Окладников А.П.** У истоков культуры народов Дальнего востока // По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. - М., 1954. - С. 225 - 260.
- Окладников А.П.** История Якутской АССР. - М.;Л., 1955а. - Т. I. - 430 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья (глазковское время) // МИА. - М.;Л., 1955б. - N 43. - 343 с.
- Окладников А.П.** Племена Сибири и Дальнего Востока // История СССР: Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР. - М., 1956. - С. 55 - 64.
- Окладников А.П.** Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока // МИА. - Л., 1963. - N 112. - 355 с.
- Окладников А.П.** К вопросу о мезолите и эпипалеолите в азиатской части СССР: Сибирь и Средняя Азия // У истоков древних культур (эпоха мезолита) - М.;Л., 1966. - С. 213 - 233. - (МИА, N 126).
- Окладников А.П.** Петроглифы Ангары. - М.;Л., 1966. - 322 с.
- Окладников А.П.** Неолит Сибири и Дальнего Востока // Каменный век на территории СССР. - М., 1970. - С. 172 - 193.
- Окладников А.П.** Предисловие к сб. "По следам древних культур Якутии". - Якутск, 1970. - С. 5 - 9.
- Окладников А.П.** Неолитические памятники нижней Ангары. - Новосибирск, 1976. - 327 с.
- Окладников А.П.** Верхнеленский могильник - памятник древней культуры народов Сибири. - Новосибирск, 1978. - 287 с.
- Окладников А.П., Береговая Н.А.** Древние поселения Баранова мыса. - Новосибирск, 1971. - 213 с.
- Окладников А.П., Гурвич И.С.** Древние поселения в дельте р. Индигирки // КСИЭ. - 1957. - Вып. 27. - С. 42 - 51.
- Окладников А.П., Деревянко А.П.** Далекое прошлое Приморья и Приамурья. - Владивосток, 1973. - 287 с.
- Окладников А.П., Деревянко А.П.** Громатухинская культура. - Новосибирск, 1977. - 285 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы средней Лены. - Л., 1972. - 270 с.
- Окладников А.П., Кириллов И.И.** Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. - Новосибирск, 1980. - 176 с.
- Окладников А.П., Мазин А.И.** Писаницы реки Олёкмы и верхнего Приамурья. - Новосибирск, 1976. - 92 с.
- Окладников А.П., Мазин А.И.** Писаницы бассейна реки Алдан. - Новосибирск, 1979. - 152 с.
- Орехов А.А.** Керамические традиции Северо-Западного Берингоморья // Археологические и этнографические исследования Восточной Сибири: итоги и перспективы: Тез. докл. к регион. конф. - Иркутск, 1986. - С. 111 - 113.
- Орехов А.А.** Древняя культура Северо-Западного Берингоморья. - М., 1987. - 174 с.
- Основные гидрогеологические характеристики. Ресурсы поверхностных вод СССР** - Л., 1974. - Т. 9. - 415 с.
- Пармузин Ю.П.** Северо-Восток и Камчатка: Очерк природы. - М., 1967. - 367 с.
- Певнов А.М.** Глоттохронология и тунгусо-маньчжурская проблема // Археология и этнография народов Дальнего Востока. - Владивосток, 1984. - С. 31 - 37.
- Пеньков А.В.** Гении неолита. Древние астрономы и математики на территории Якутии // Советы Якутии. - 1993. - 6 июля.
- Перфильев В.И., Ревин О.В.** Редкие звери и птицы Якутии. - Якутск, 1972. - 80 с.
- Петрин В.Т., Широков В.Н.** Об одном антропоморфном сюжете с Шайтанской писаницы (Средний Урал) // Антропоморфные изображения. - Новосибирск, 1987. - С. 49 - 57.
- Петрова Е.И.** Почвы Южной Якутии. - Якутск, 1971. - 168 с.
- Поздняков Л.К.** Леса бассейна реки Олёкмы // Природа. - 1955. - N I. С. 101 - 105.
- Покшишевский В.В.** Якутия. Природа. Люди. Хозяйство. - М., 1957. - 198 с.
- Попов Г.В.** Слова "неизвестного происхождения" якутского языка. Сравнительно-историческое исследование. - Якутск, 1986. - 148 с.
- Потапов И.А.** Антропоморфные изображения на некоторых кумысных ковшах якутов XVIII века и их ранние археологические прототипы // По следам древних культур Якутии. - Якутск, 1970. - С. 198 - 209.
- Потапов И.А.** Якутская народная резьба по дереву. - Якутск, 1972. - 144 с.
- Савельев Н.А. и др.** Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес (предварительное сообщение) // Древняя история народов Юго-Восточной Сибири. - Иркутск, 1974. - Вып. 1. - С. 160 - 169.
- Савельев Н.А., Горюнова О.И.** Сосуд с антропоморфными изображениями со стоянки Плотбище // Изв. ВСОРГО. - 1971. - Т. 68. - С. 202 - 204.
- Савенков И.Т.** О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. - М., 1914.
- Савинов Д.Д.** Почвы Якутии: Проблемы рационального использования почвенных ресурсов, мелиорация и охрана. - Якутск, 1989. - 152 с.
- Савинов Д.Г.** Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск, 1981. - С. 146 - 162.
- Сарычев Г.А.** Путешествия по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. - М., 1952. - С. 87 - 95.
- Сарычев Г.А.** Результаты раскопки кургана около г. Якутска (Письмо Г. Сарычева от 14 декабря, 1888 г.) // Изв. ВСОРГО. - Иркутск, 1888. - Т. 20. - N 2. - С. 31 - 32.
- Семенов С.А.** Экспериментальный метод изучения первобытной техники // МИА. - 1965. - N 129. - С. 216 - 222.
- Семенов С.А., Коробкова Г.Ф.** Технология древнейших производств (мезолит, энеолит). - Л., 1983. - 256 с.
- Семина Л.В.** Керамика эпохи неолита и бронзы Юго-Западного Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. - Новосибирск, 1985. - С. 104 - 122.
- Серошевский В.Л.** Якуты: Опыт этнографического исследования. - СПб., 1896. - Т. 1. - 720 с.

- Симченко Ю.Б.** Некоторые данные о древнем этническом субстрате в составе народов Северной Евразии // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. - М., 1968.
- Симченко Ю.Б.** Некоторые вопросы древних этапов этнической истории Заполярья и Приполярья Евразии // Этногенез и этническая история народов Севера. - М., 1975. - С. 148 - 185.
- Симченко Ю.Б.** Культура охотников на оленей Северной Евразии. - М., 1976. - 310 с.
- Симченко Ю.Б.** Культура охотников на оленей Северной Евразии (проблемы генезиса и этногонии. Опыт историко-этнографической реконструкции): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - М., 1982. - 38 с.
- Скрябин С.З., Караваяев М.Н.** Зеленый покров Якутии. - Якутск, 1991. - 153 с.
- Смирнов Ю.А.** Мустьерские погребения Евразии. - М., 1991. - 338 с.
- Соломонов Н.Г.** Животный мир Якутии (птицы и млекопитающие). - Якутск, 1975. - 181 с.
- Степанов А.Д.** Находки панцирных пластин на памятниках раннего железного века Якутии (вопросы аналогий, хронологии, реконструкции) // Археологические исследования в Якутии. - Новосибирск, 1992. - С. 168 - 174.
- Стрелов Е.Д.** Важнейшие задачи истории Якутии // Сб. тр. исследоват. об-ва "Саха Кескиле". - Якутск, 1925. - Вып. I.
- Тимофеев Д.А.** Средняя и нижняя Олёкма. - М.;Л., 1965. - 136 с.
- Тимофеев П.А.** Леса Якутии. - Якутск, 1980. - 152 с.
- Токарев С.А.** Очерки истории якутского народа. - М., 1940. - 247 с.
- Токарев С.А.** Проникновение якутской народности // КСИИМК. - Л., 1941. - Вып. IX. - С. 58 - 62.
- Токарев С.А.** Общественный строй якутов XVII - XVIII вв. - Якутск, 1945. - 412 с.
- Томгосова Л.Ф.** Череп человека из древнего погребения на Олёкме // СЭ - 1977. - N 3. - С. 133 - 136.
- Томгосова Л.Ф.** Неолитический череп из Оннеса // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. - Иркутск, 1980. - С. 54 - 55.
- Третьяков В.П.** Неолитическая керамика и археологические культуры (по материалам лесной и лесостепной зон европейской части СССР) // СА - 1984. - N 1. - С. 66 - 76.
- Трубникова О.Б.** К классификации неолитических серий Северной и Восточной Азии по краниологическим признакам // Палеоантропология Сибири. - М., 1980. - С. 89 - 105.
- Туголуков В.А.** Следопыты верхом на оленях. - М., 1969. - 215 с.
- Туголуков В.А.** Кто вы, юкагиры? - М., 1979. - 152 с.
- Туголуков В.А.** Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. - М., 1980а. - С. 152 - 176.
- Туголуков В.А.** Тунгусские имена как этнографический источник // Ономастика Востока. - М., 1980б. - 113 - 123.
- Туголуков В.А.** Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. - М., 1985. - 289 с.
- Туголуков В.А.** Межэтнические связи и культура приангарских эвенков в XVII - XVIII вв. // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. - Кемерово, 1986. - С. 148 - 158.
- Туголуков В.А.** Предания об уходе юкагиров на острова и "за море" // СЭ - 1986. - N 6. - С. 94 - 100.
- Федосеева С.А.** Результаты первой археологической разведки на Вилкое // Мат-лы первой научн. конф. молодых специалистов. Секция гуманитарных наук. - Якутск, 1961. - С. 8 - 14.
- Федосеева С.А.** Древняя культура верхнего Вилюя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Новосибирск, 1964. - 26 с.
- Федосеева С.А.** Древние культуры верхнего Вилюя. - М., 1968. - 190 с.
- Федосеева С.А.** Новые данные о бронзовом веке Якутии // По следам древних культур Якутии. - Якутск, 1970а. - С. 128 - 142.
- Федосеева С.А.** Эпоха бронзы на Алдане (по материалам многослойной стоянки Белькачи I) // Сибирь и ее соседи в древности. - Новосибирск, 1970б. - С. 303 - 313.
- Федосеева С.А.** Ранний железный век Алдана (по материалам стоянки Белькачи I и Дюктайской пещеры) // По следам древних культур Якутии. - Якутск, 1970в. - С. 143 - 153.
- Федосеева С.А.** Основные этапы древней истории Вилюя в свете новых археологических открытий // По следам древних культур Якутии. - Якутск, 1970. - С. 65 - 72.
- Федосеева С.А.** Археологическое изучение Якутии за 50 лет // Вопросы историографии и источниковедения Якутии. - Якутск, 1971. - С. 18 - 32.
- Федосеева С.А.** Новые данные о стоянках Усть-Чиркус на верхнем Вилюе и Бурулгино на нижней Индигирке // АО 1971 года. - М., 1972. - С. 260 - 261.
- Федосеева С.А.** Усть-милская культура эпохи бронзы Якутии // Древняя история юга Восточной Сибири. - Иркутск, 1974. - Вып. 2. - С. 146 - 158.
- Федосеева С.А.** Стоянка Конзабой - памятник ымыяхтахской позднеолитической культуры на Колыме // Якутия и ее соседи в древности. - Якутск, 1975. - С. 88 - 94.
- Федосеева С.А.** Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. - Новосибирск, 1980. - 224 с.
- Федосеева С.А.** Ымыяхтахская культура Северо-Восточной: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - Новосибирск, 1984. - 33 с.
- Федосеева С.А.** Дириг-Юряхский могильник (ограбление могил и проблема зарождения первобытного атеизма) // Археология Якутии. - Якутск, 1988. - С. 79 - 98.
- Федосеева С.А.** Дириг-Юряхский могильник (типология каменного погребального инвентаря и место памятника в древней истории Северо-Восточной Азии) // Археологические исследования в Якутии. - Новосибирск, 1992. - С. 84 - 105.
- Формозов А.А.** Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? // СА - 1957. - N 4. - С. 66 - 74.
- Формозов А.А.** Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. - М., 1959. - 126 с.
- Формозов А.А.** Очерки по первобытному искусству: Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. - М., 1969. - 253 с.

- Формозов А.А.** Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. - М., 1977. - 143 с.
- Фосс М.Е.** О терминах "неолит" "бронза", "культура" // КСИИМК. - 1949. - Вып. 29. - С. 33.
- Фосс М.Е.** Древнейшая история севера европейской части СССР // МИА. - 1956. - N 29. - 280 с.
- Хлобыстин Л.П.** Новое о древнем населении Таймыра // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. - Томск, 1969. - С. 141 - 143.
- Хлобыстин Л.П.** Поселение развитого неолита Маймече I и его место в неолите Восточной Сибири // КСИА. - 1972. - Вып. 131. - С. 99 - 106.
- Хлобыстин Л.П.** Древнейшие памятники Западного Таймыра // КСИА. - 1973. - Вып. 133. - С. 89 - 96.
- Хлобыстин Л.П.** Памятники Сибирского Заполярья и их соотношение с культурами таежной зоны // Соотношения древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. - Новосибирск, 1975а. - С. 100 - 110.
- Хлобыстин Л.П.** Древние бронзолитейщики Сибирского Заполярья // Новые открытия советских археологов. - Киев, 1975. - С. 97 - 99.
- Хлобыстин Л.П.** Возраст и соотношения неолитических культур Восточной Сибири // КСИА. - 1978. - Вып. 153. - С. 93 - 99.
- Хлобыстин Л.П.** Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии: Дис. ... д-ра ист. наук. - Л., 1982. - 357 с.
- Хлобыстин Л.П.** Бронзовый век Восточной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. - М., 1987. - С. 327 - 350.
- Хлобыстин Л.П., Грачева Г.Н., Студзицкая С.В.** Работы Заполярной экспедиции // АО 1974 года. - М., 1975. - С. 234 - 240.
- Хлобыстин Л.П., Левковская Г.М.** Роль социального и экономического факторов в развитии арктических культур Евразии // Первобытный человек и природная среда. - М., 1974. - С. 235 - 242.
- Хлобыстин Л.П., Левковская Г.М.** Культуры Западного Таймыра и их природное окружение (по материалам многослойного поселения Усть-Половинке) // КСИА. - 1990. - N 200. - С. 77 - 83.
- Худяков Ю.С.** Вооружение енисейских кыргызов VI - XII вв. - Новосибирск, 1980а. - 176 с.
- Худяков Ю.С.** Сложение военного дела культур скифского времени в Южной Сибири // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. - Кемерово, 1980б. - С. 135 - 144.
- Худяков Ю.С.** Вооружение кочевников приалтайских степей в IX - X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск, 1981. - С. 115 - 132.
- Худяков Ю.С.** Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск, 1986. - 267 с.
- Худяков Ю.С.** Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. - Новосибирск, 1991. - 187 с.
- Худяков Ю.С., Соловьев А.И.** Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. - Новосибирск, 1987. - С. 135 - 163.
- Чебоксаров Н.Н.** Основные проблемы этнической антропологии Дальнего Востока // Вопросы истории советского Дальнего Востока. - Владивосток, 1965. - С. 37 - 50.
- Чернецов В.Н.** К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре. - М., 1964.
- Чернецов В.Н.** Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. - М., 1973. - С. 10 - 17.
- Чернявский Ф.Б.** Млекопитающие Крайнего Северо-Востока Сибири. - М., 1984. - 385 с.
- Черосов Н.М.** Памятники каменного века центральной части Приленского плато (Олёкминский район ЯАССР) // Археология Якутии. - Якутск, 1988. - С. 54 - 71.
- Шренк Л.И.** Об инородцах Амурского края. - СПб., 1883. - Т. 1. - 324 с.
- Щербак А.М.** Грамматика староузбекского языка. - М.;Л., 1962. - 276 с.
- Щербаков И.П.** Типы лесов Южной Якутии // Леса Южной Якутии. - М., 1964. - С. 5 - 109.
- Щербаков И.П.** Лесной покров Северо-Востока СССР. - Новосибирск, 1975. - 334 с.
- Щербакова Н.М.** Археологические памятники Яны // Новое в археологии Якутии. - Якутск, 1980. - С. 62 - 65.
- Щереметьева В.А., Горшков В.А., Медников Б.Н.** Молекулярная история коряков Камчатки // Природа. - 1983. - N 1. - С. 28 - 34.
- Эверстов С.И.** Новые археологические памятники Индигирки и Алазеи // Новое в археологии Якутии. - Якутск, 1980. - С. 66 - 73.
- Эверстов С.И.** Рыболовство в Сибири. - Новосибирск, 1988. - 142 с.
- Эртюков В.И.** Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. - Новосибирск, 1990. - 152 с.
- Эртюков В.И.** Усть-мильская культура бронзового века и ее роль в древней истории Якутии // Археологические исследования в Якутии. - Новосибирск, 1992. - С. 114 - 160.
- Якимов В.П.** Череп человека бронзового века из Якутии // Окладников А.П. Ленские древности. - М.;Л., 1950. - Вып. 3. - С. 189 - 198.
- Якутия.** - М., 1965. - 467 с.
- Ackerman R.E.** The neolithic-bronze cultures of Asia and the Norton phase of Alaskan prehistory // Arctic Anthropology. - 1982. - Vol. 19. - N 2. - P. 11 - 18.
- Arnold Ch.** Archaeology in the Northwest Territories // Northern Perspectives. - 1982. - Vol. 10. - N 6.
- Hierisch C.** Die Tungusen. Eine Ethnologische Monographie. - SPT, 1879.
- Griffin J.B.** A discussion of prehistoric similarities and connections between the arctic and temperature Zones of North America // Arctic Institute, Technical paper. - 1962. - N 11.

- Griffin J.B., Wilmeth R.** The ceramic complexes at Iyatayet, Appendix I to J.Giddings // The archaeology of Cape Denbigh, 1964.
- MacNeish R.S.** The Engigtsciar site on Yucon, Arctic Coast // Anthropological papers of the University of Alaska. - 1956. - Vol. 4. - N 2. - P. 91 - 111.
- Shirokogoroff S.M.** Social organisation of northern Tungus introductory chapters concerning geographical distribution and history of these groups. - Shanghai, 1929.
- Worminton H.M., Forbis R.G.** An introduction to the archaeology of Alberta. - Canada, Denver, 1965.
- Wright J.V.** The Origins of New World Ceramics as Seen from Eastern Canada // Proceedings VIII-th ICAES. - Tokio, 1970. - Vol. III. - P. 325 -326.

ТАБЛИЦЫ

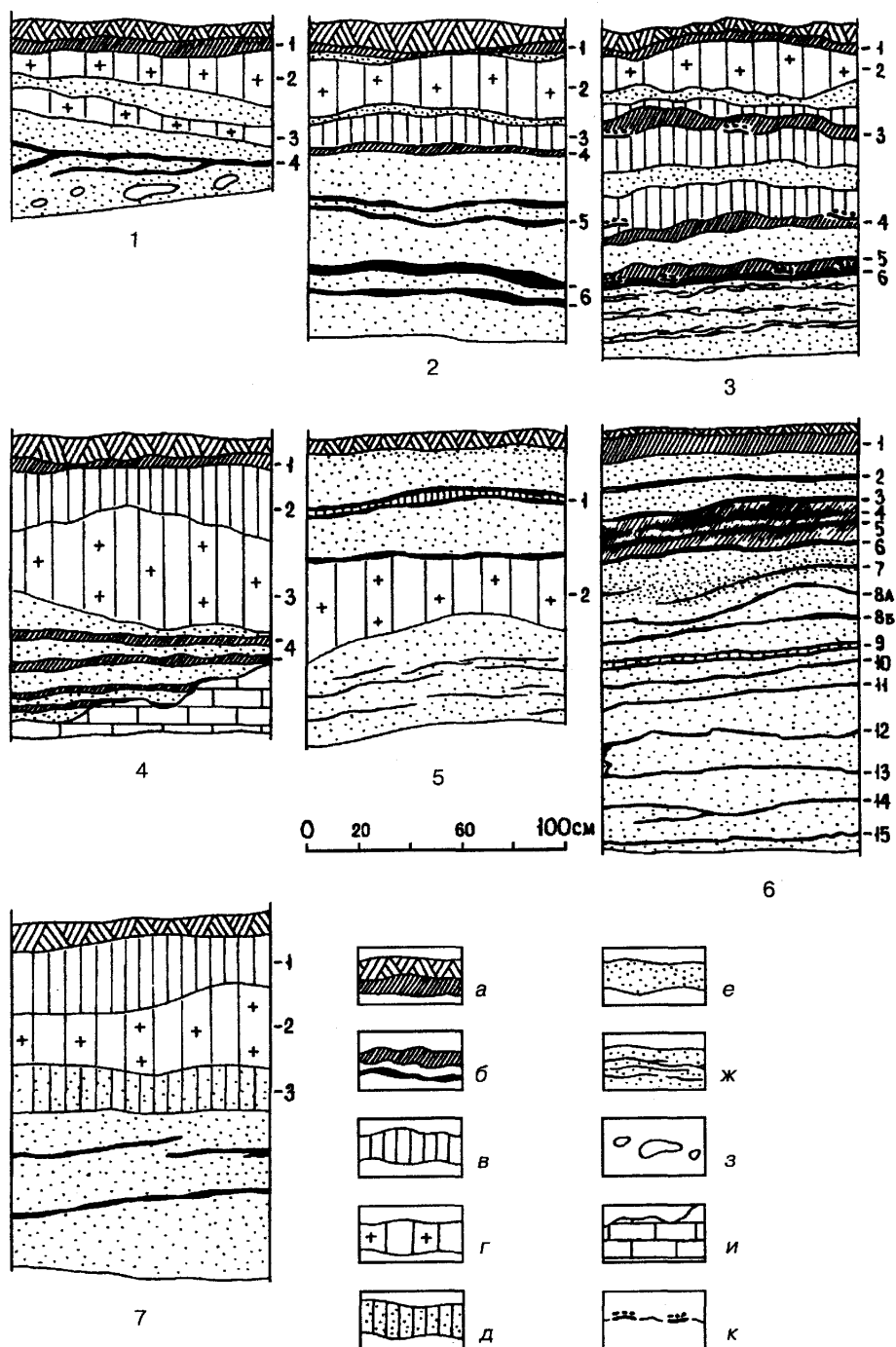

Табл. 1. Стратиграфические разрезы опорных памятников бассейна р. Олёкмы. а - дерн с поддерновой супесью, б - гумусированные слои, в - супесь, г - супесь палевая, д - супесь опесчаненная, е - песок, ж - песок с детритными прослойками, з - галька.

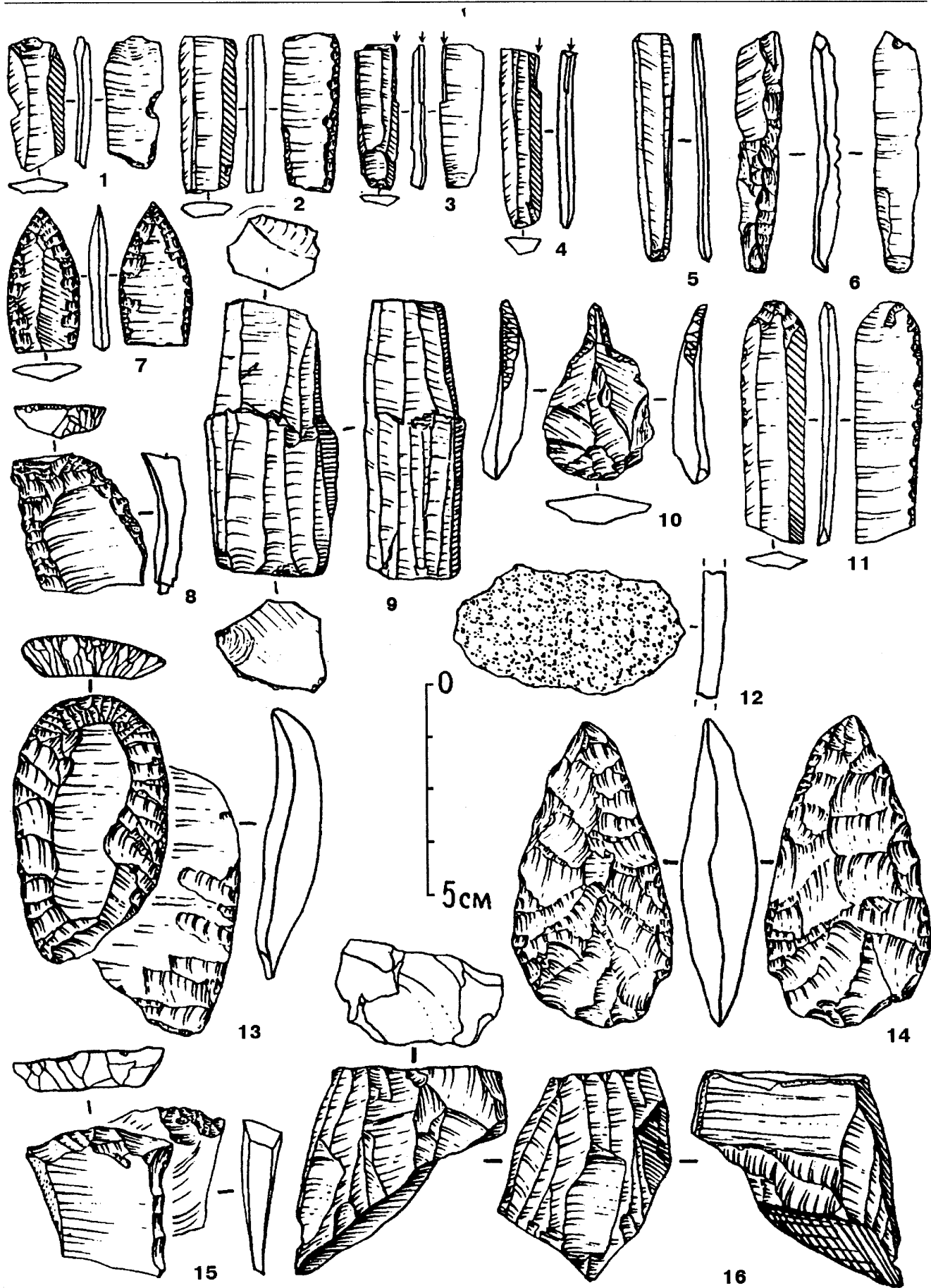

Табл. 2. Находки со стоянок Тенсик II, слой III (1 - 4, 7, 8, 10 - 16) и Баасынай I (5, 6, 9).

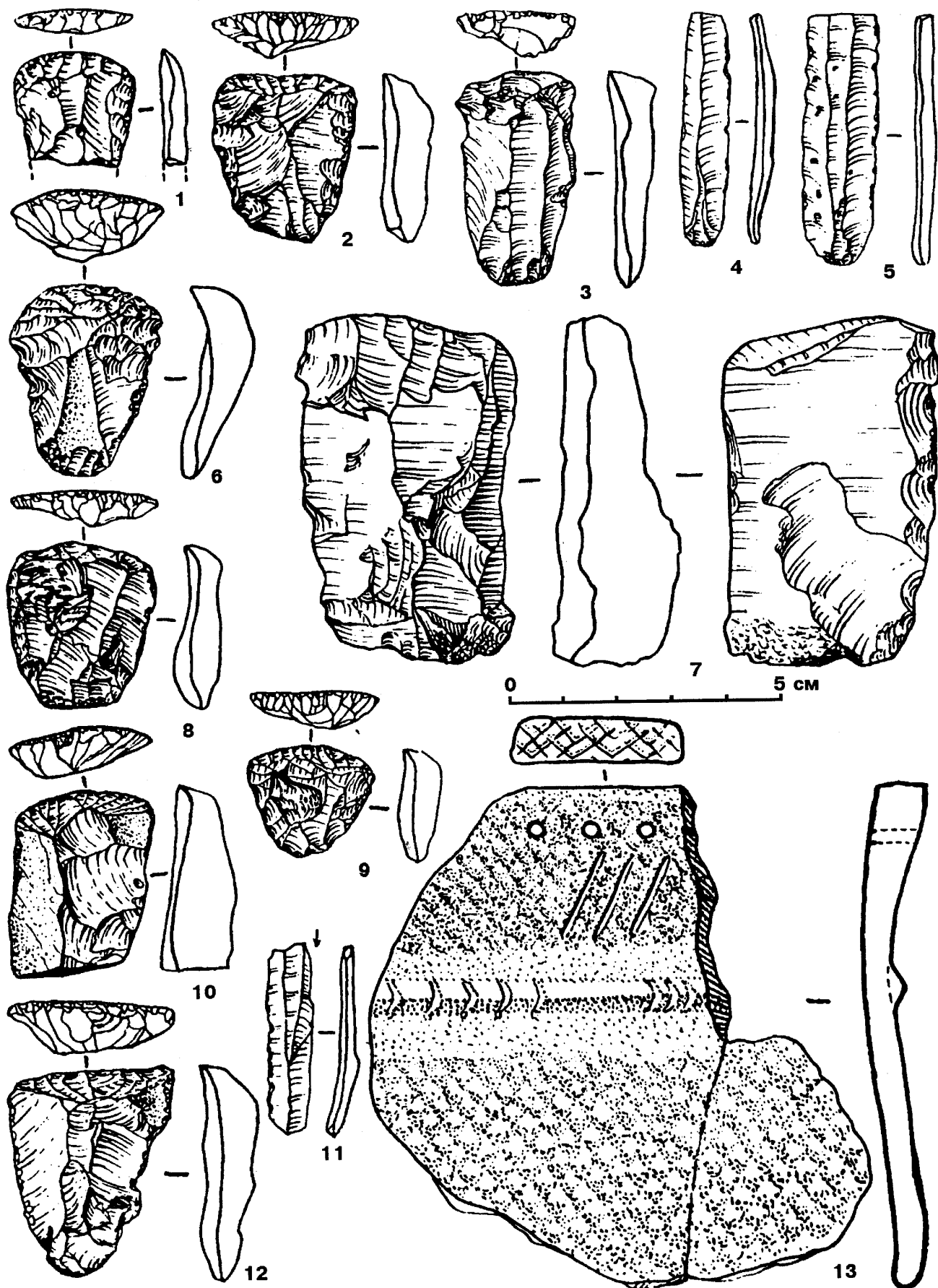

Табл. 3. Находка со стоянки Курунг II, слои II (1 - 6, 8 - 10, 12) и IV (7, 11, 13).

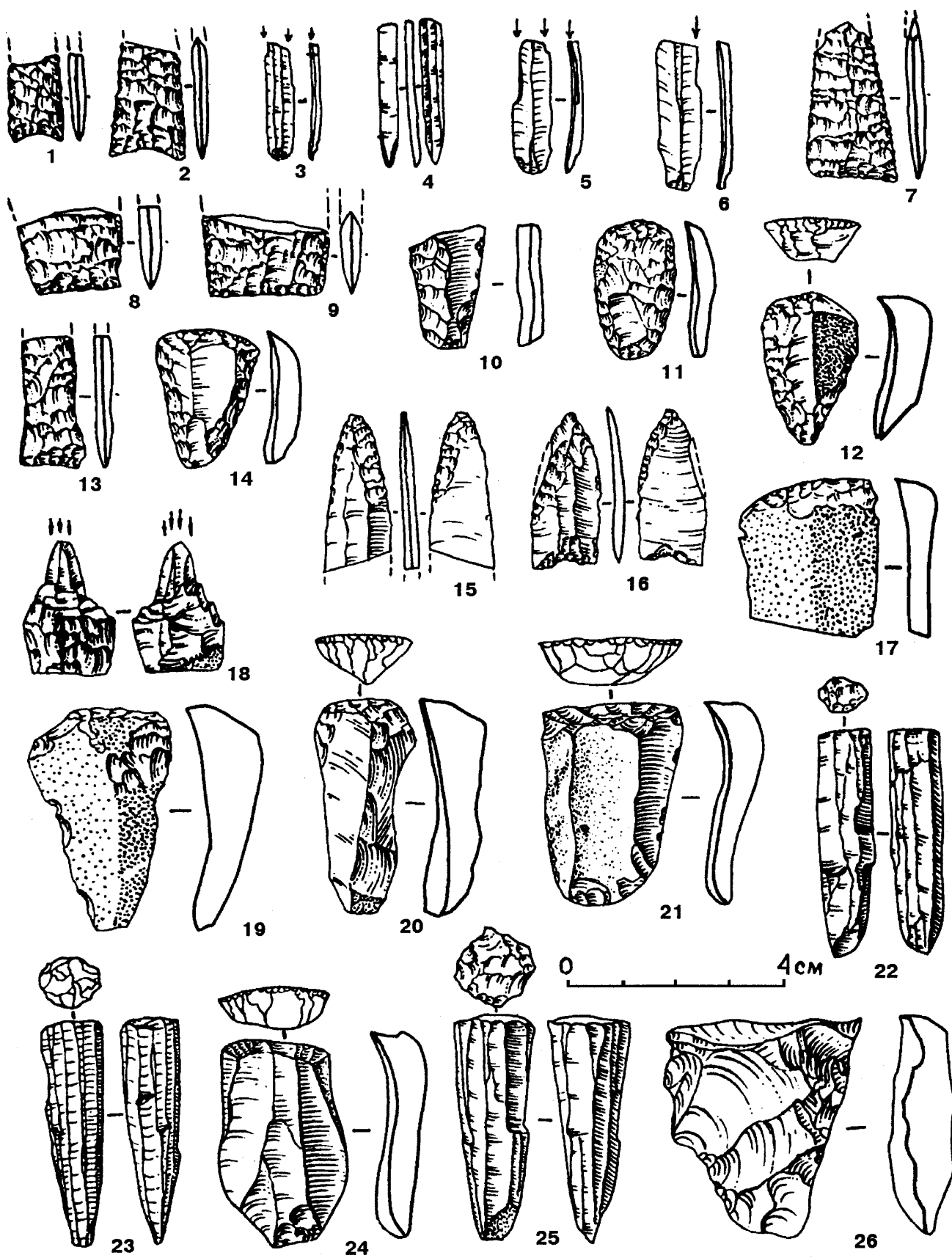

Табл. 4. Находки со стоянки Курунг II, слои III (1 - 15, 17 - 26) и IV (16).

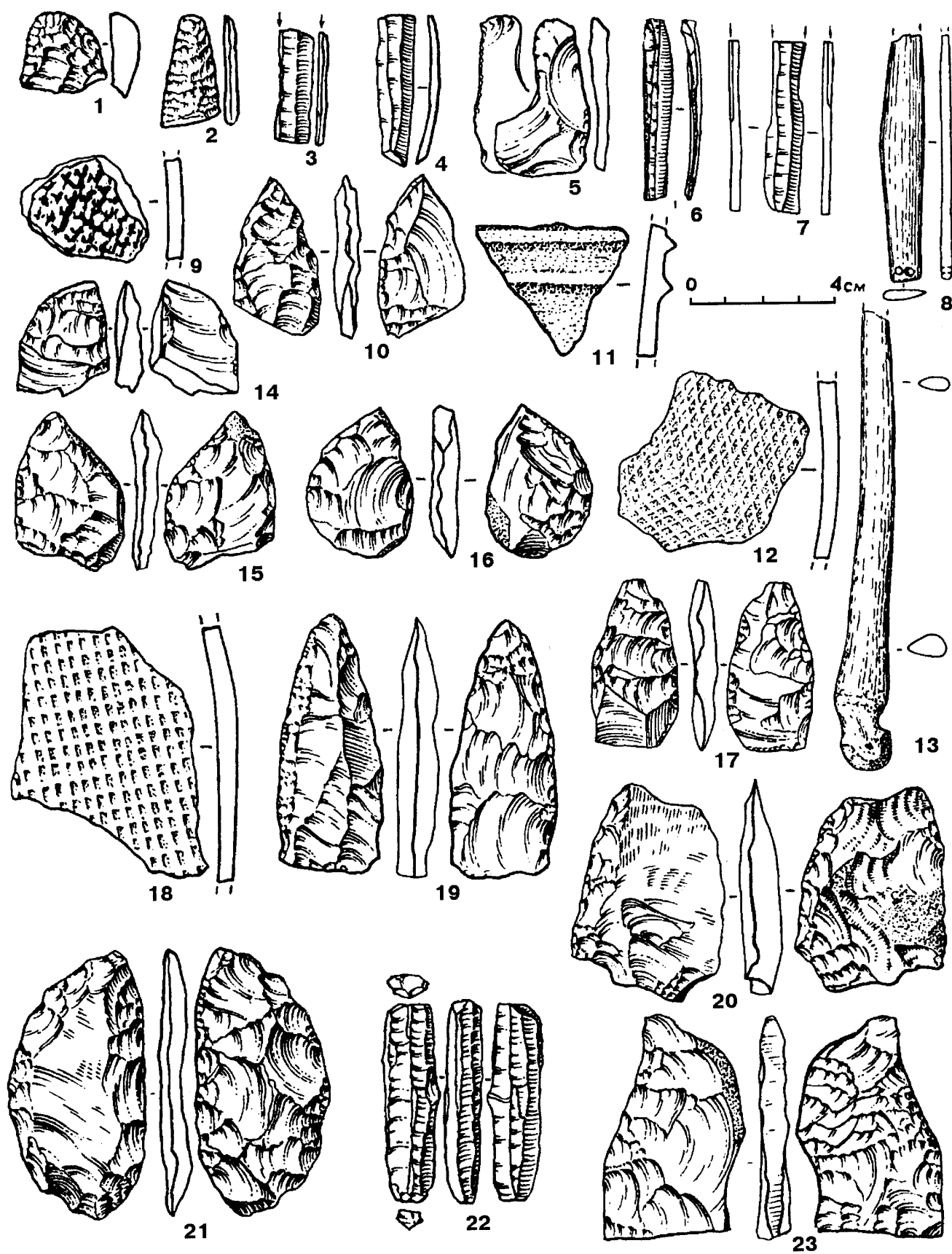

Табл. 5. Находки со стоянки Большая Кюскэ I, слои II (1 - 7, 10 - 12, 14 - 18, 22), V (8, 13) и VI (9, 10 - 21, 23).

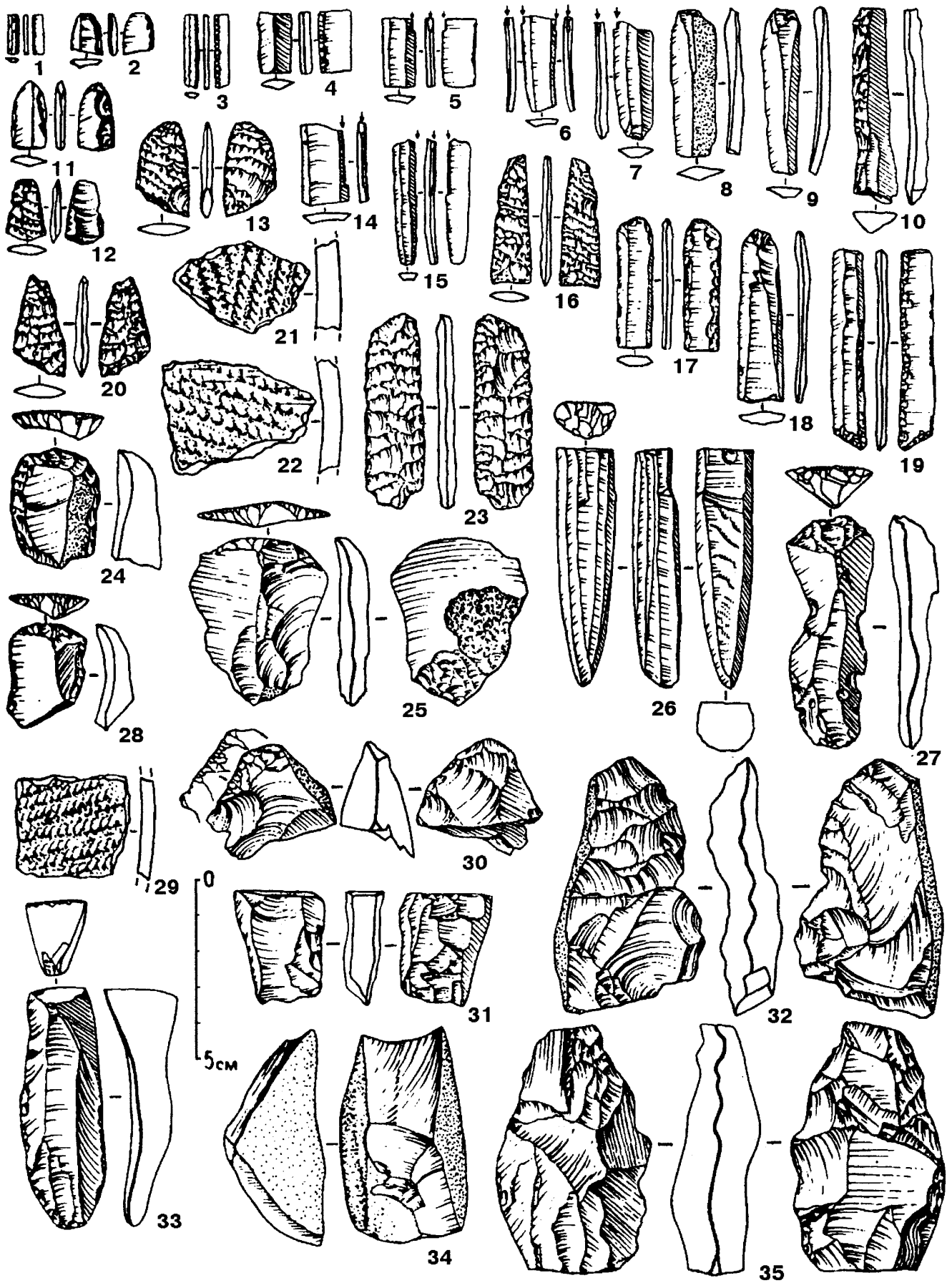

Табл. 6. Находки со стоянки Тенсик II, слои II (1 - 8, 10 - 23, 26, 27, 29, 31, 32, 35) и IV (9, 24, 25, 28, 30, 33, 34).

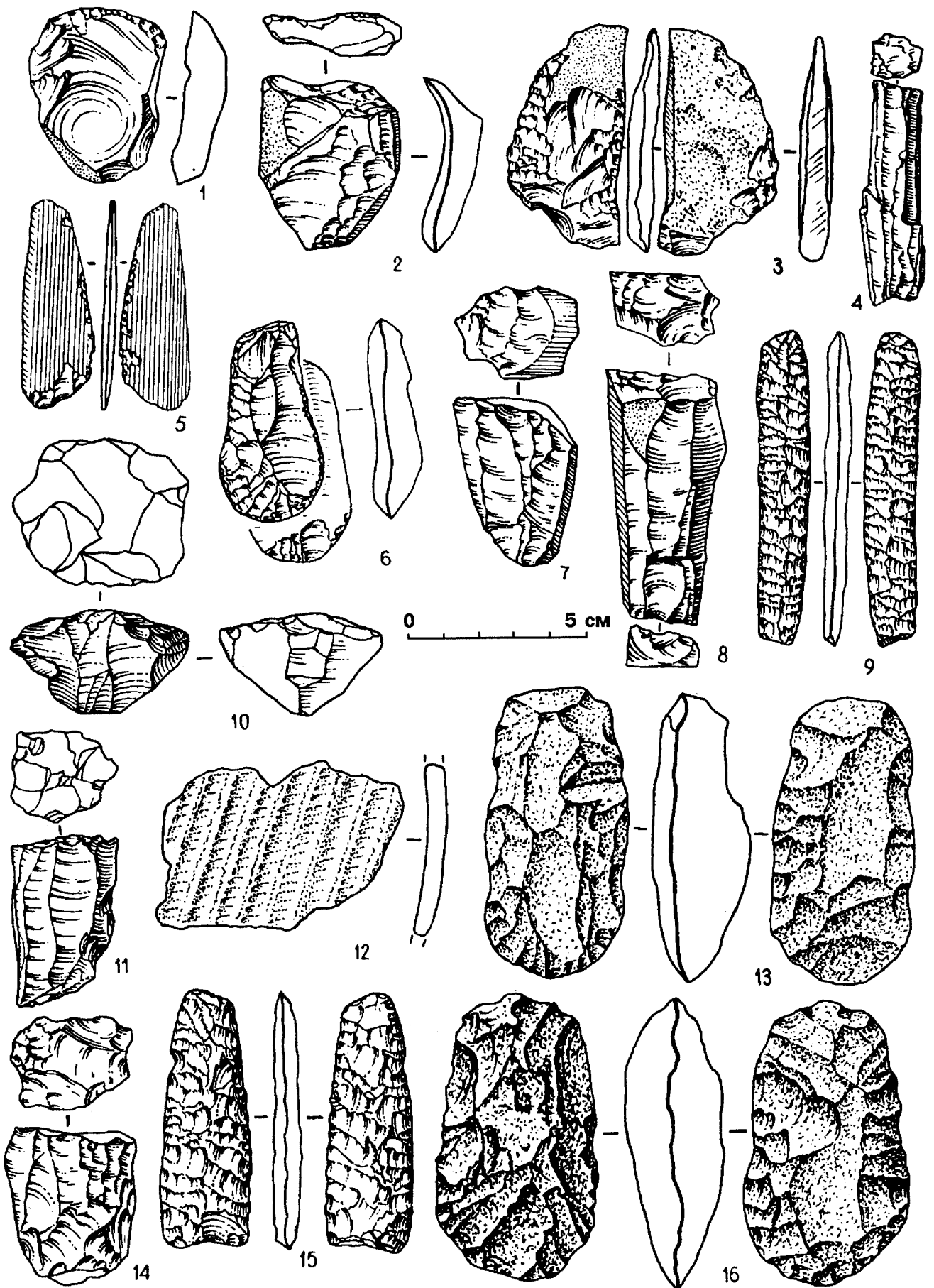

Табл. 7. Находки со стоянки Курунг II, слой III.

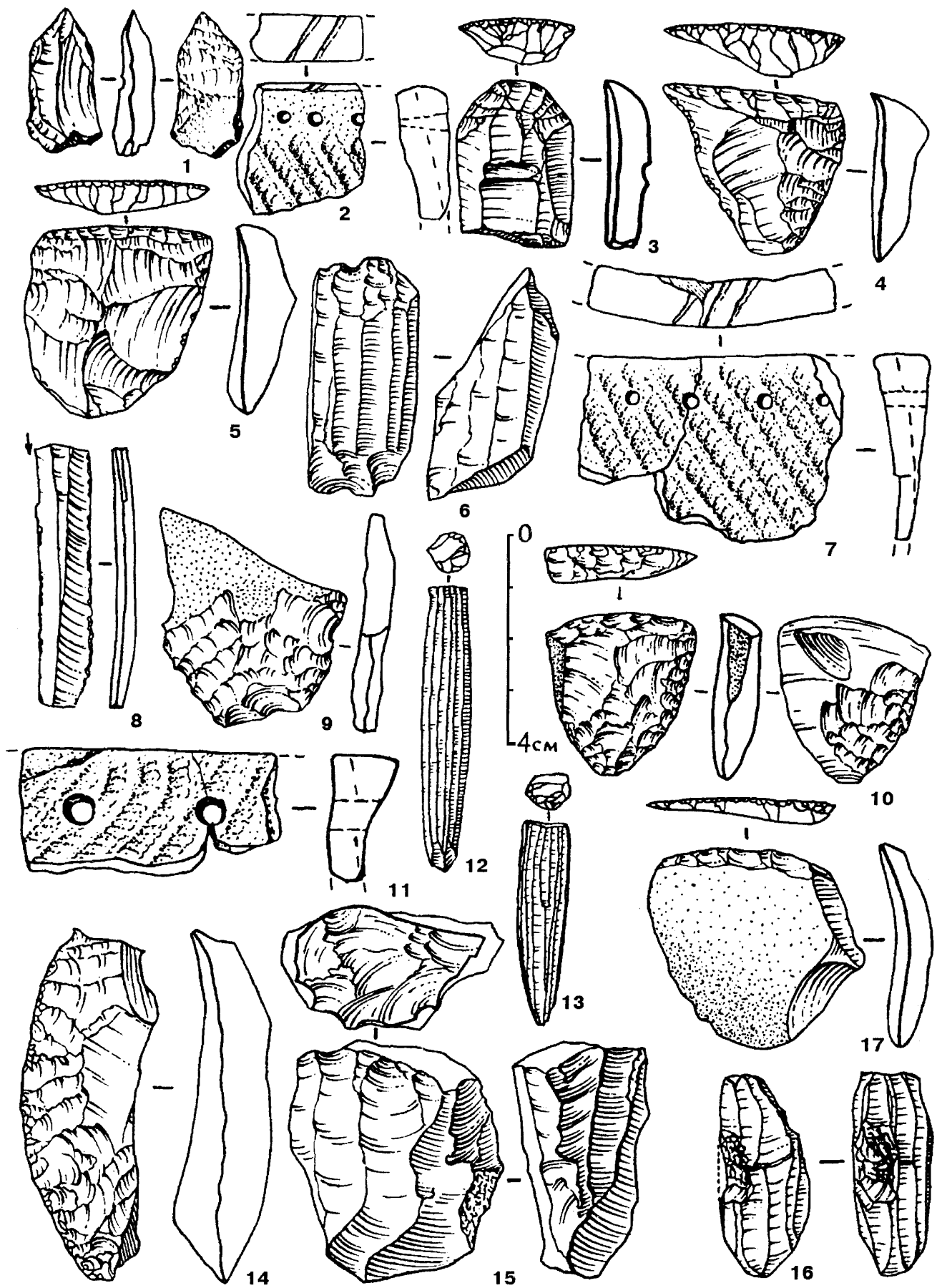

Табл. 8. Находки со стоянки Курунг II, слой III (1 - 14, 16) и II (15).

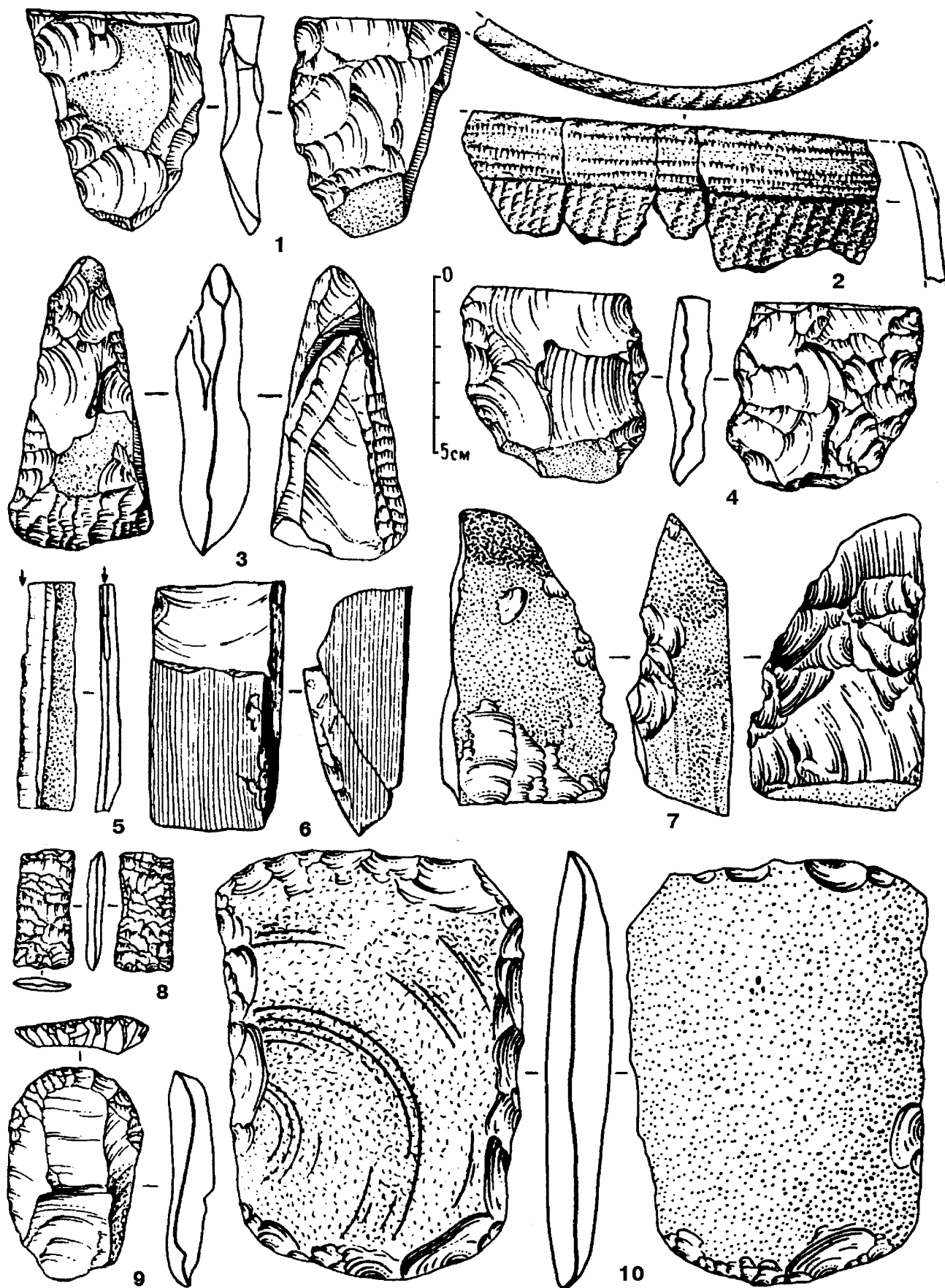

Табл. 9. Находки со стоянки Курунг II, слой III.

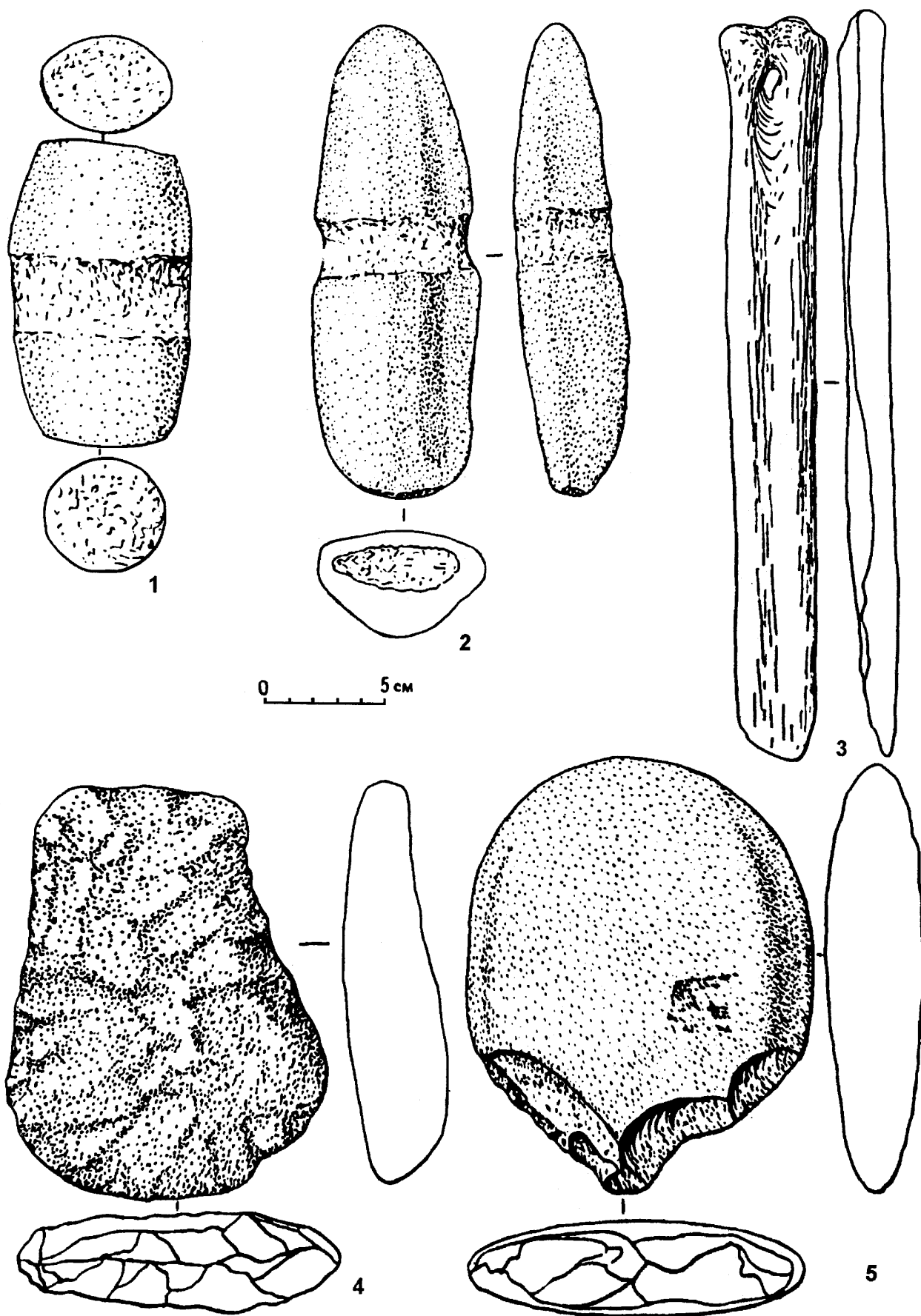

Табл. 10. Находки со стоянки Курунг II, слой III.

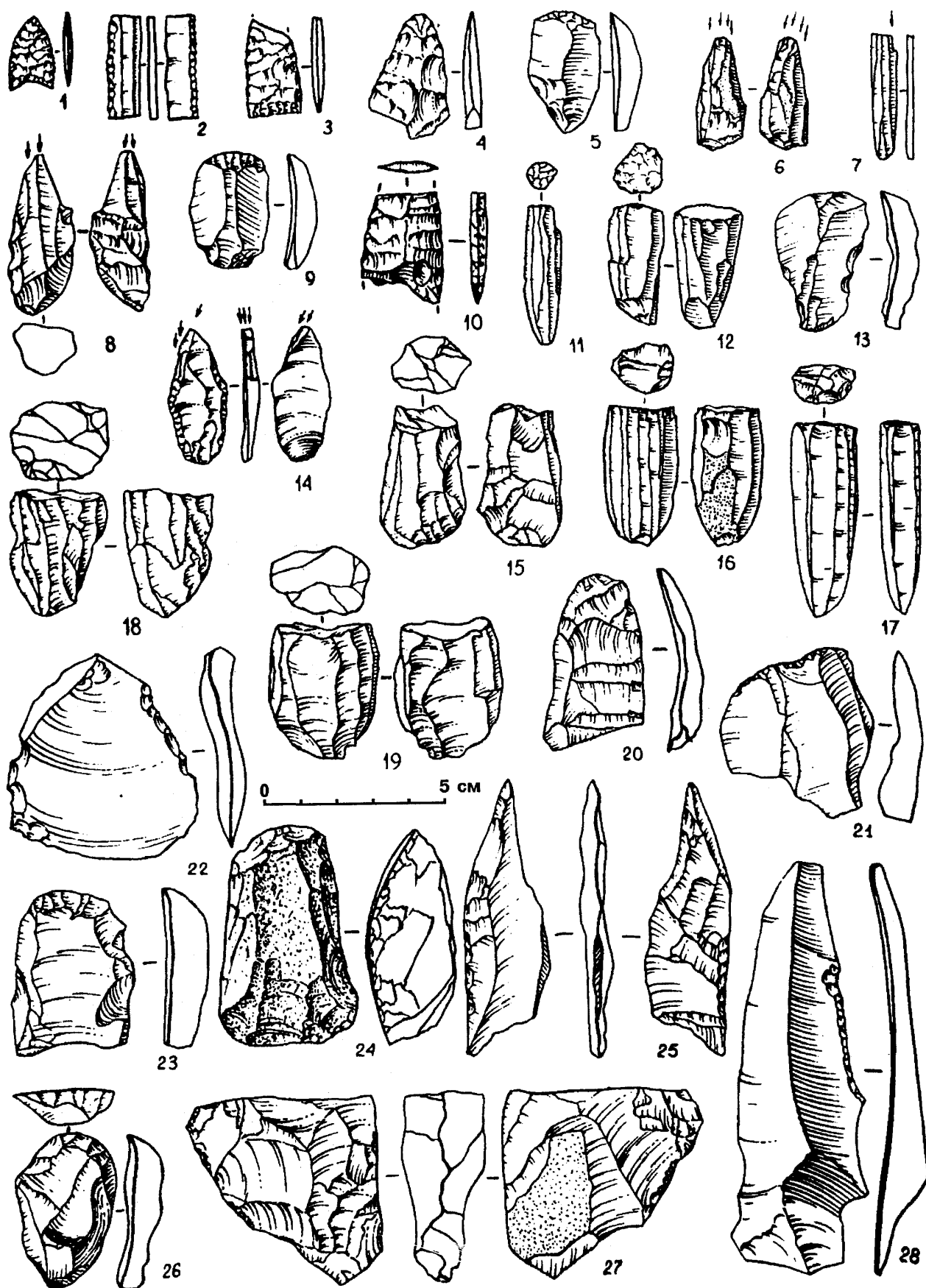

Табл. 11. Находки со стоянки Новый Летен I, слой I (1, 3, 13, 18, 23, 26), II (2, 4 - 8, 10, 12, 15 - 17, 19, 20, 22, 25) и III (9, 11, 14, 21, 24, 27, 28).

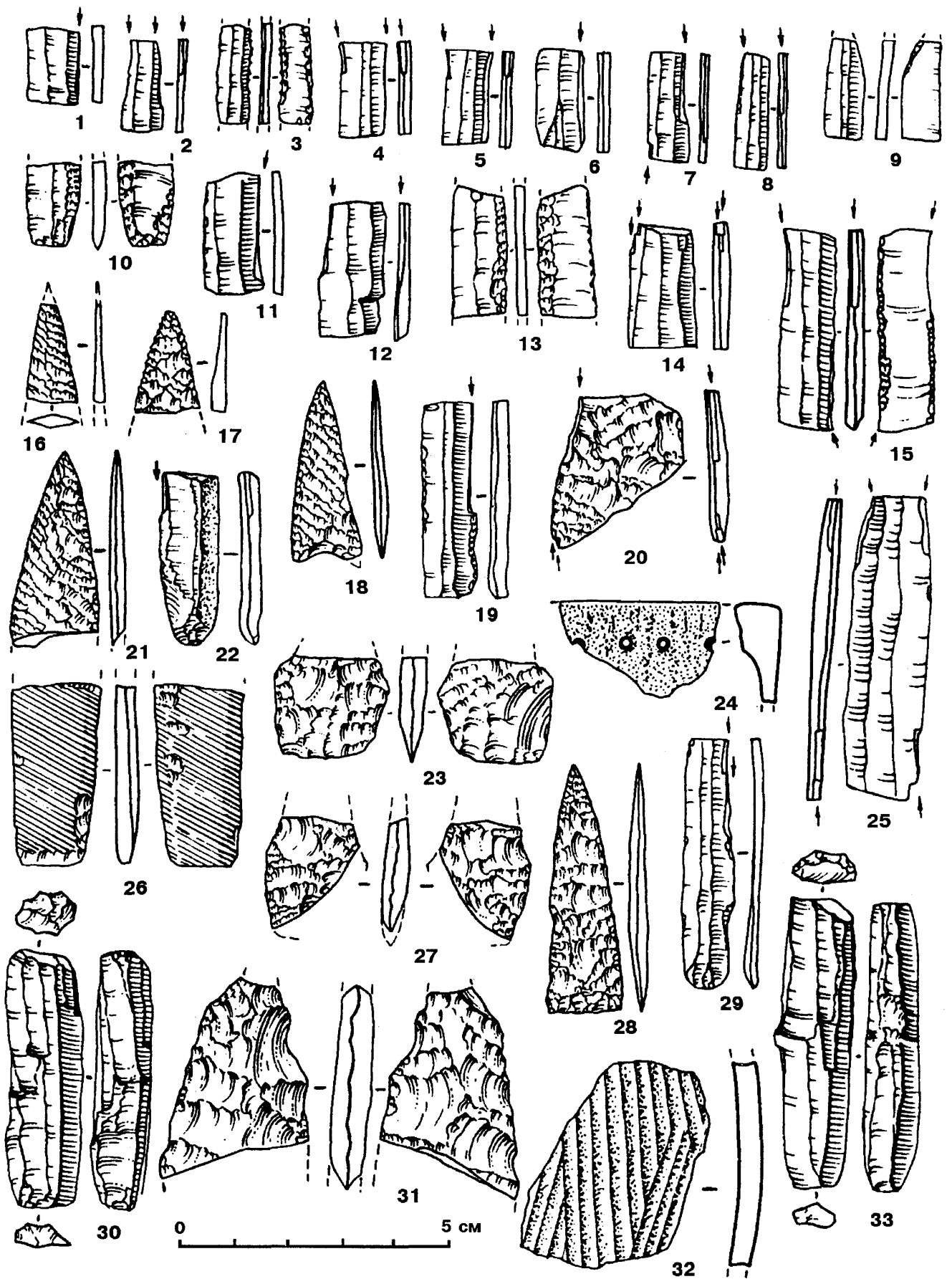

Табл.12. Находки со стоянки Большая Кюскэ, слой V.

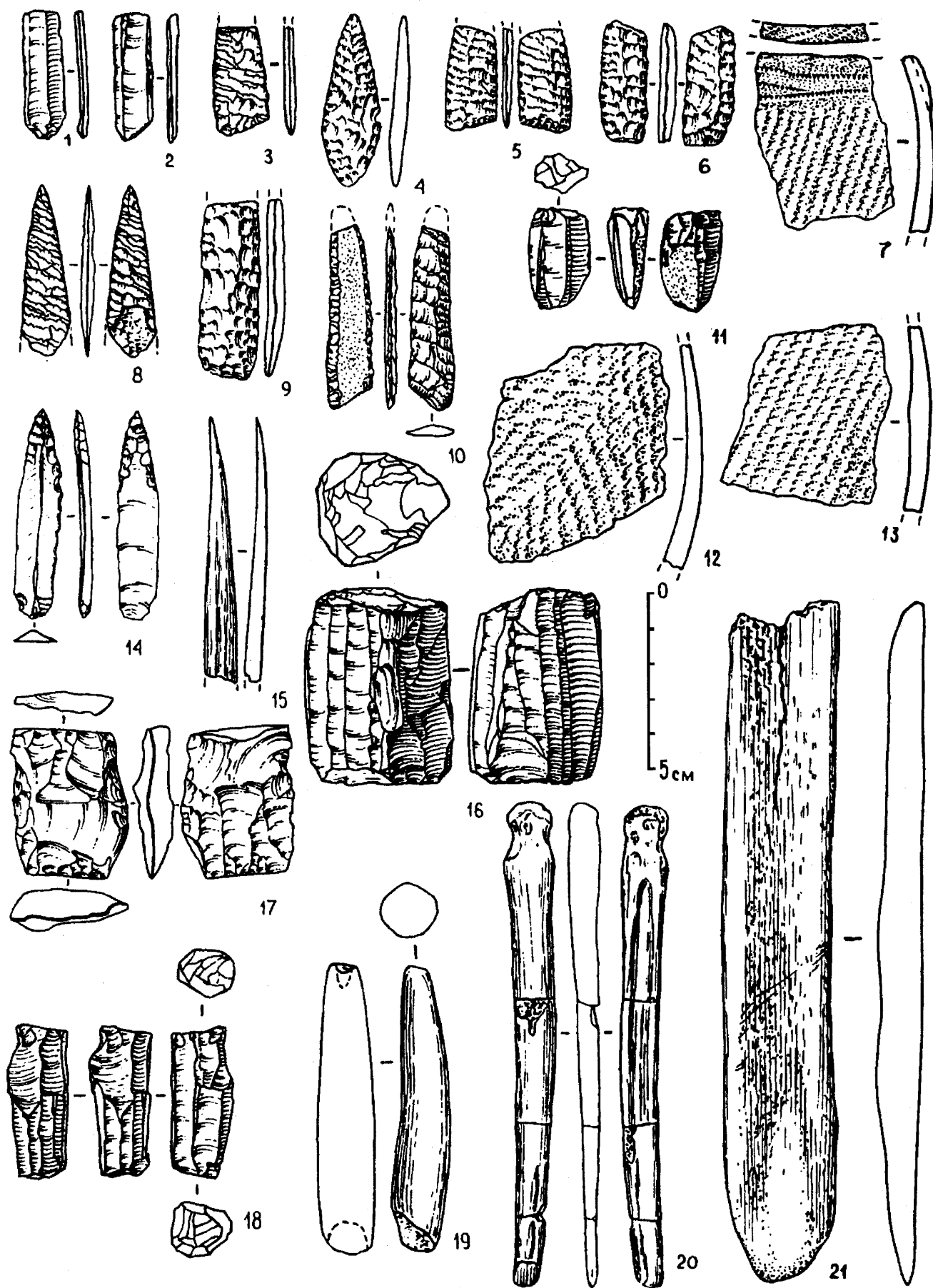

Табл. 13. Находки со стоянки Большая Кюскэ, слой IV.

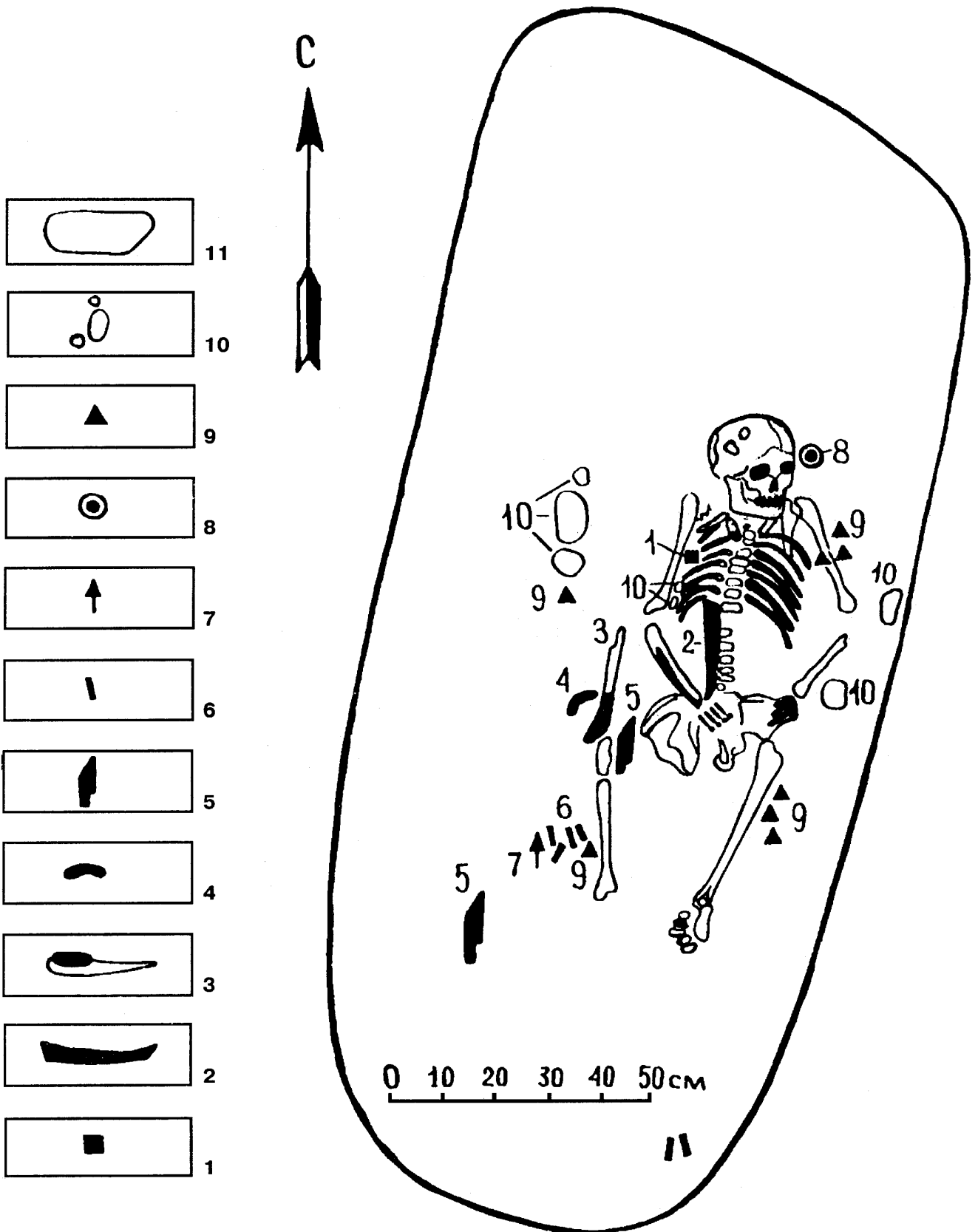

Табл. 14. План Джимкинского погребения.

1 - нуклеус, 2 - вкладышевый нож, 3 - комбинированное орудие, 4 - костяное орудие, 5 - тесло, 6 - пластина, 7 - проколка, 8 - нефритовый диск, 9 - отщеп, 10 - галька, 11 - границы могильной ямы.

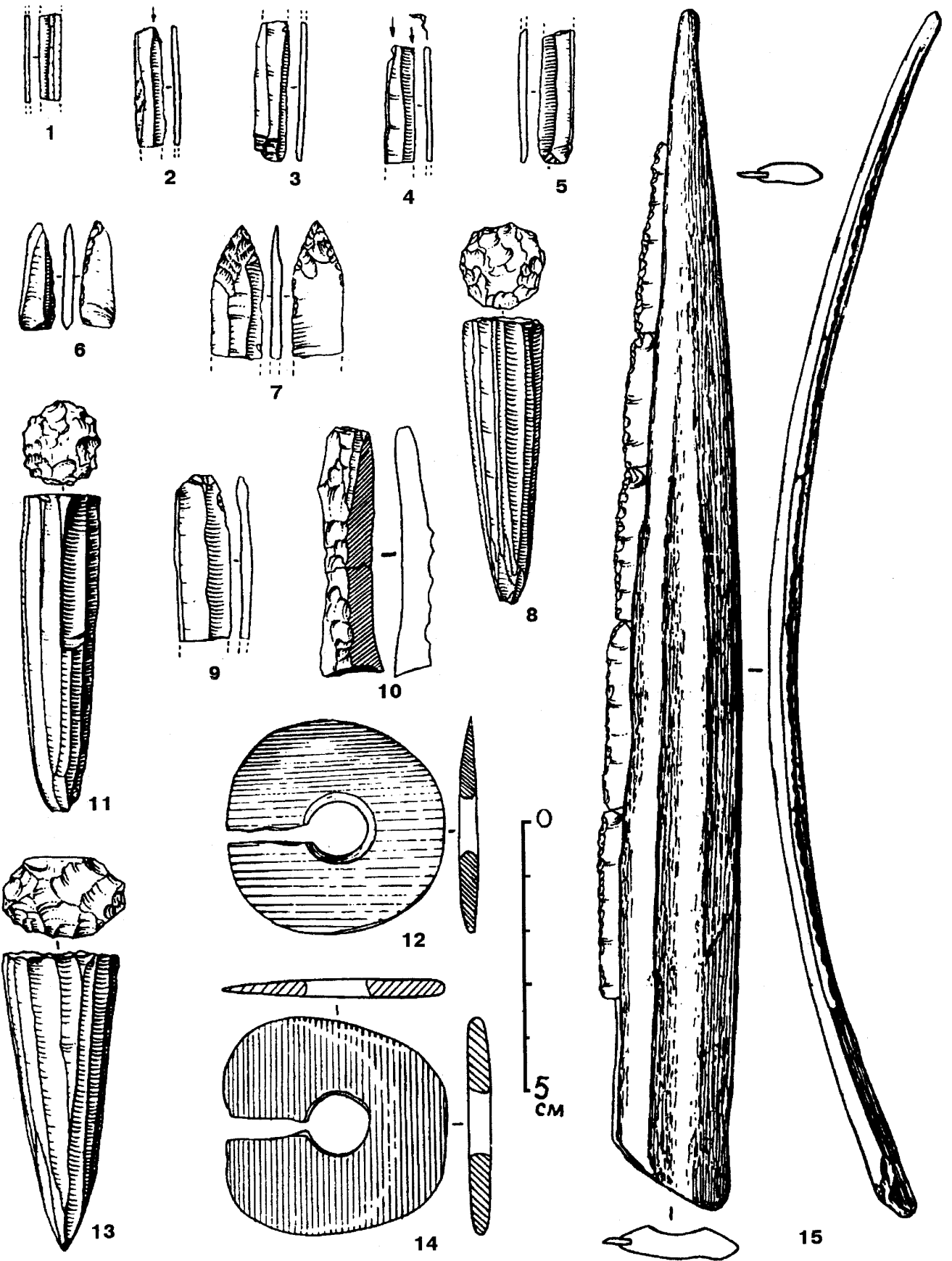

Табл. 15. Инвентарь погребения Малая Джикимда.

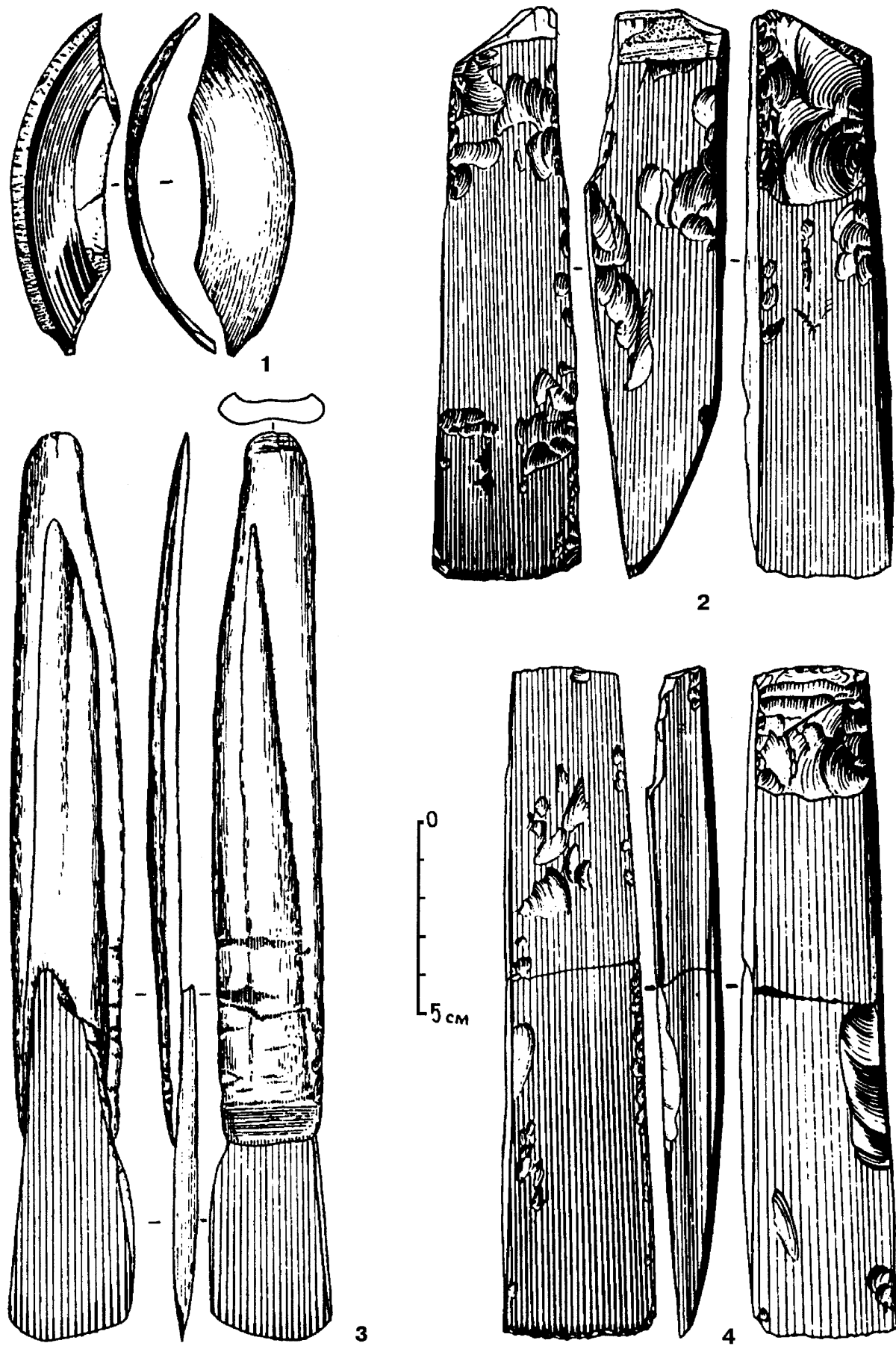

Табл. 16. Инвентарь погребения Малая Джикимда.

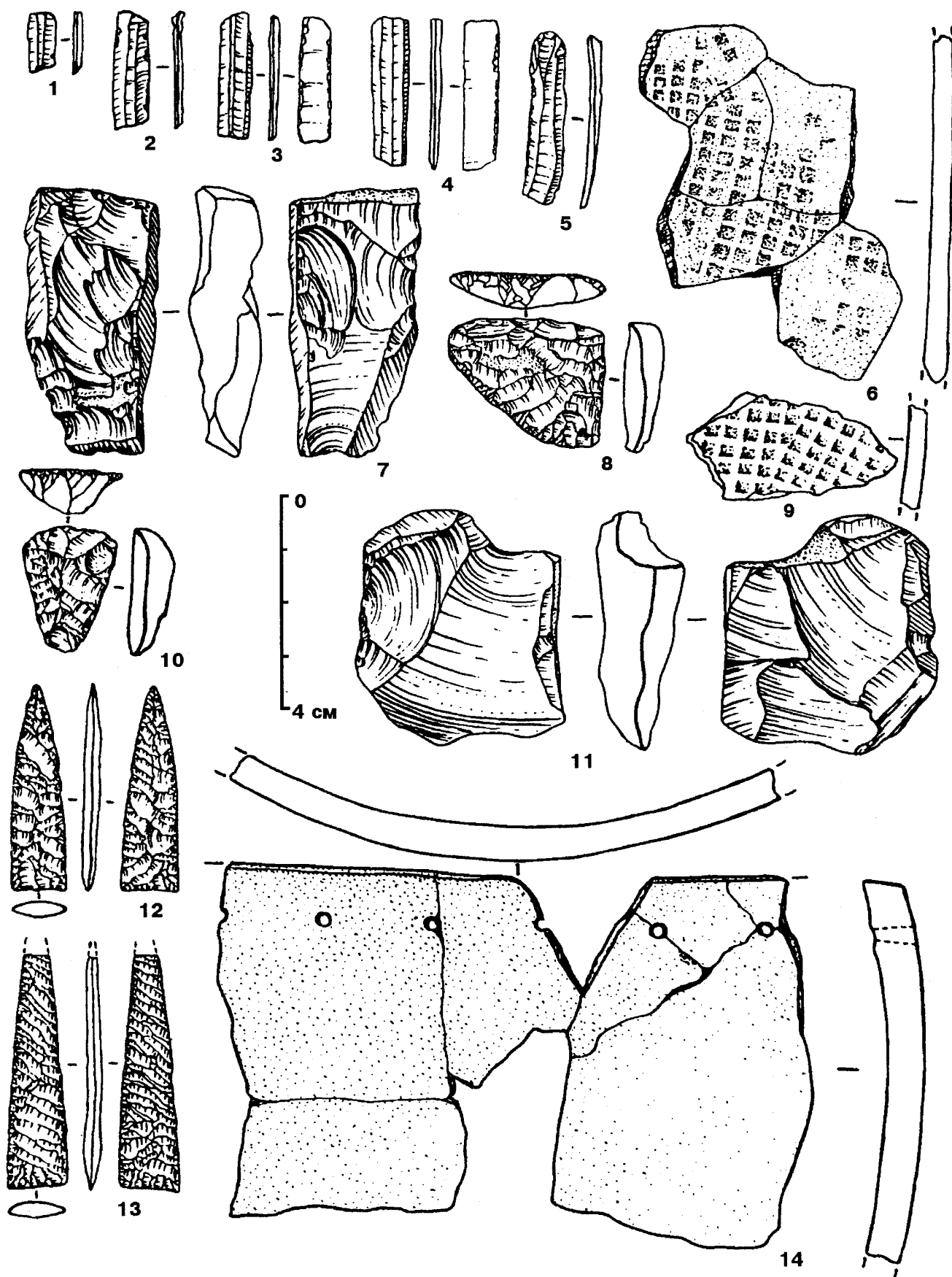

Табл. 17. Находки со стоянок Ытылах (1 - 5), Тендик II (6, 7, 9, 11, 14), Крестях I (8, 10, 12, 13).

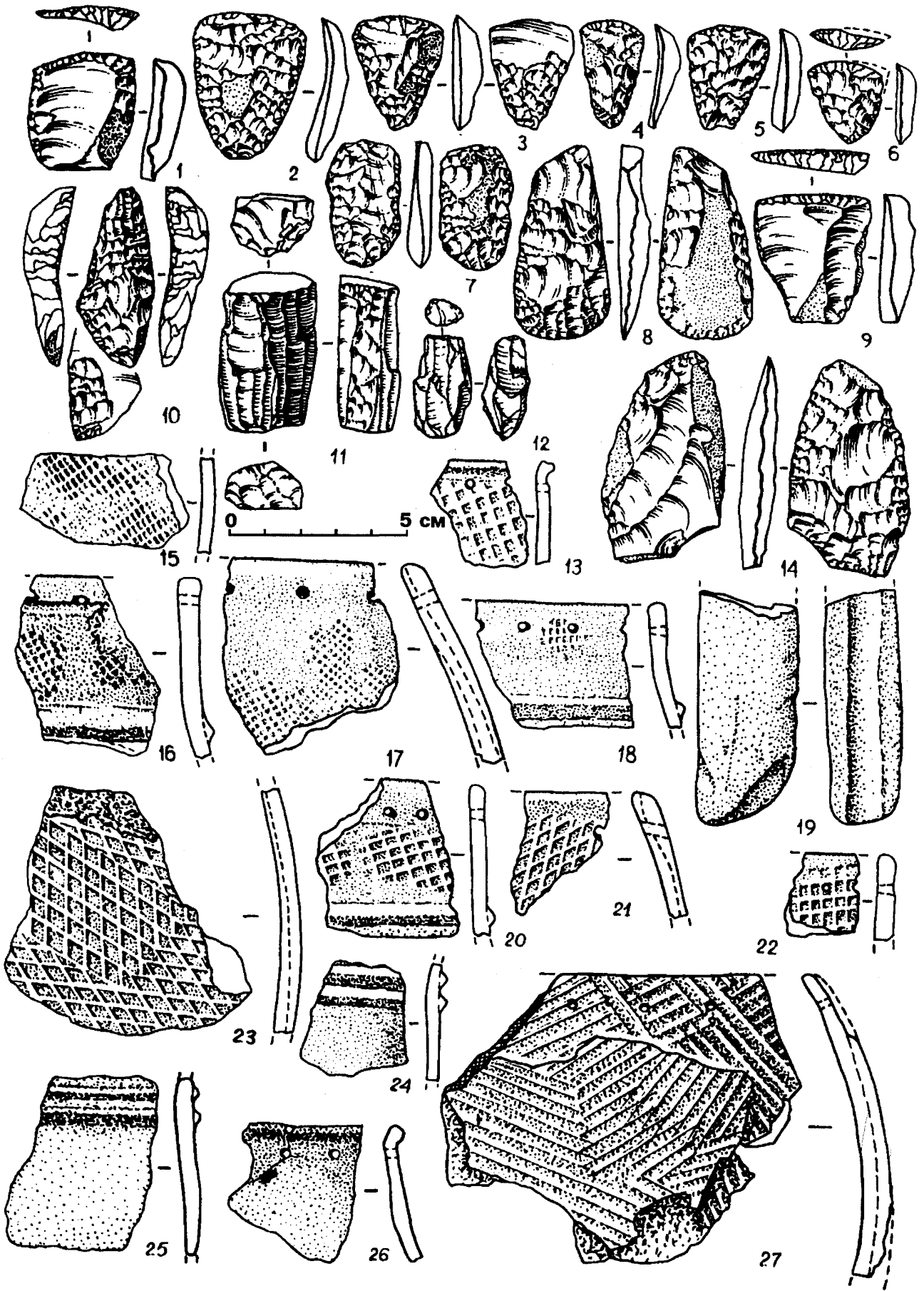

Табл. 18. Находки со стоянки Курунг II, слой II.

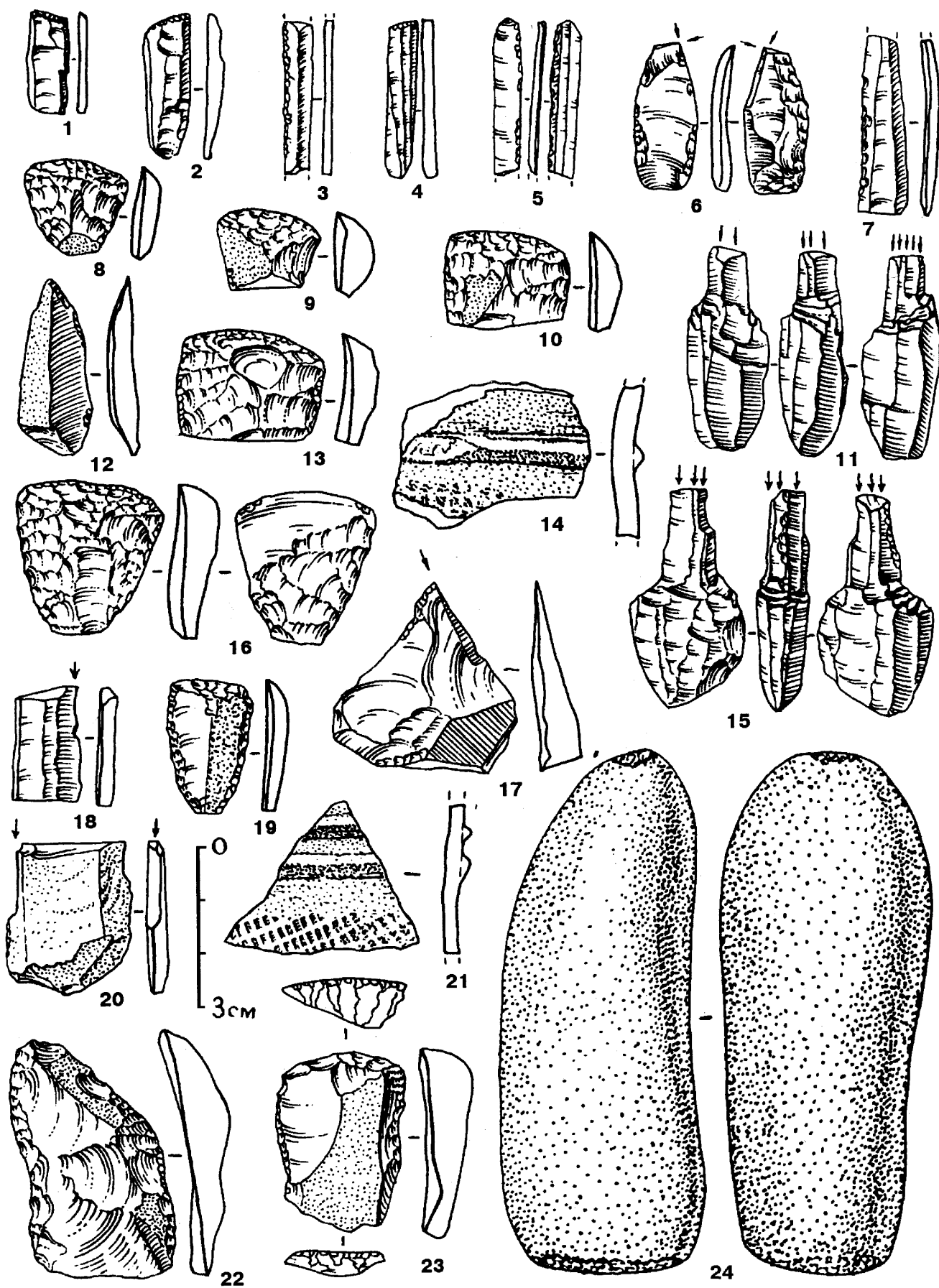

Табл. 19. Находки со стоянки Курунг II.

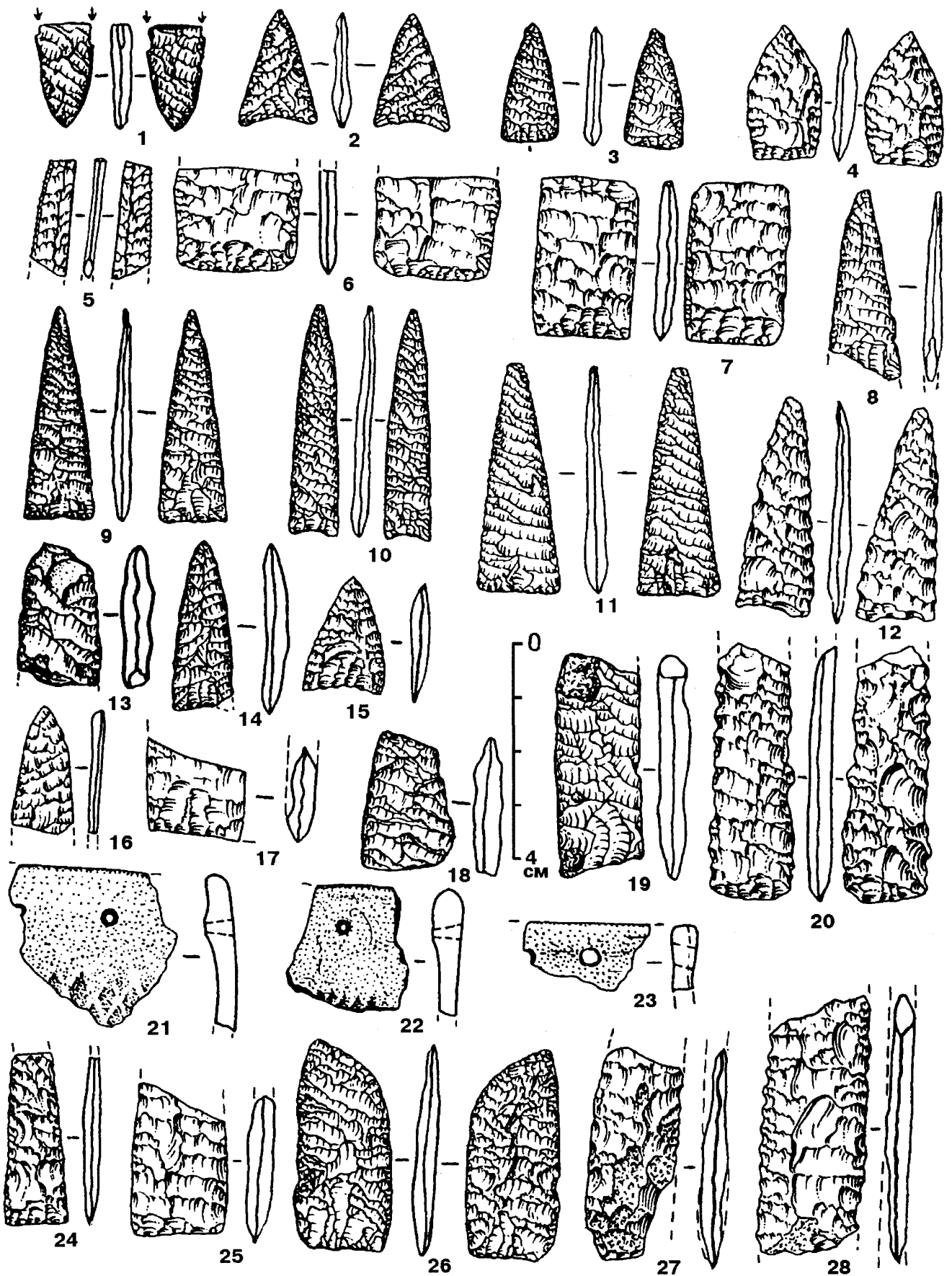

Табл. 20. Находки со стоянки Курунг II, слой II.

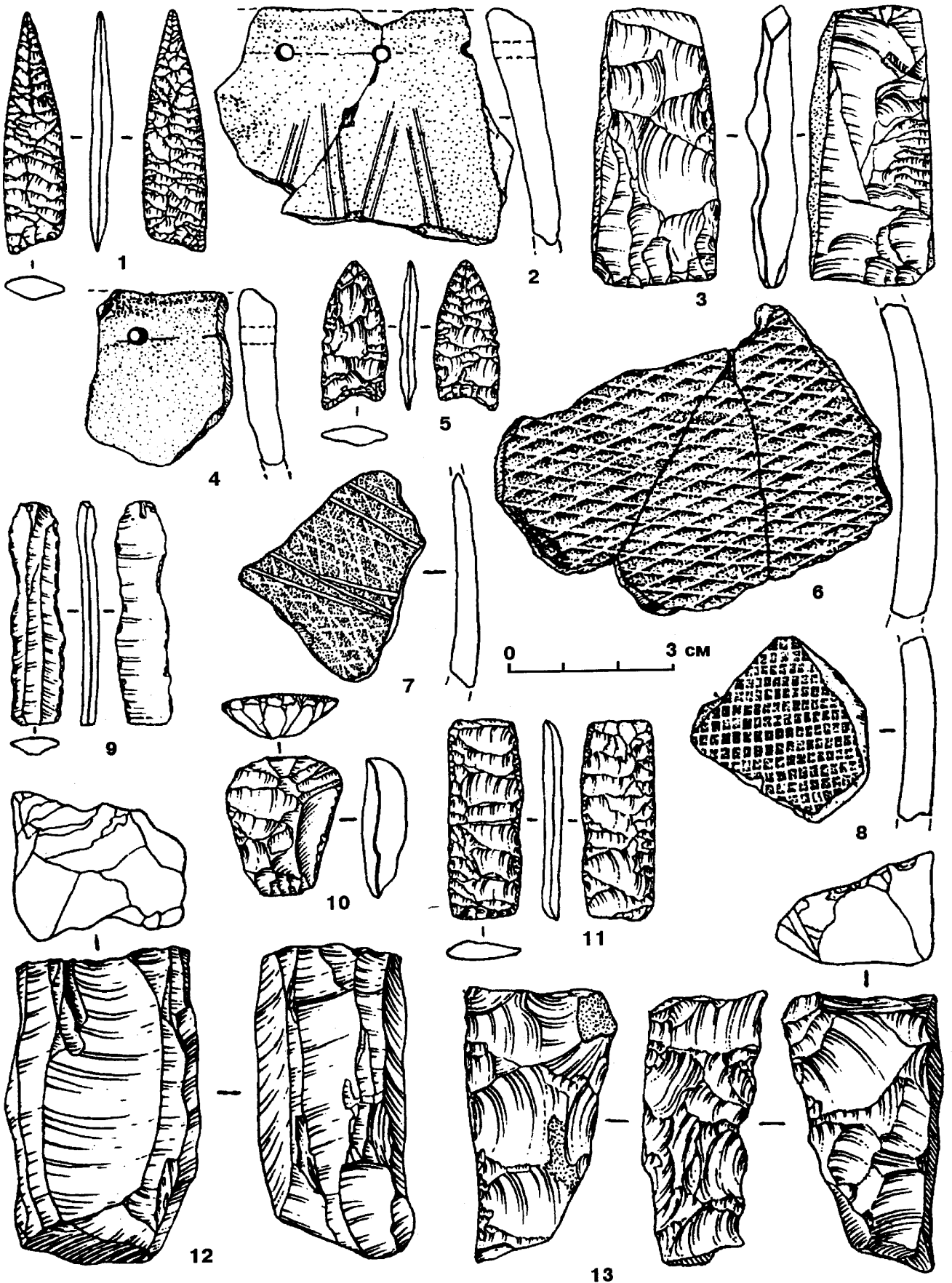

Табл. 21. Находки со стоянки Крестях I, слой II.

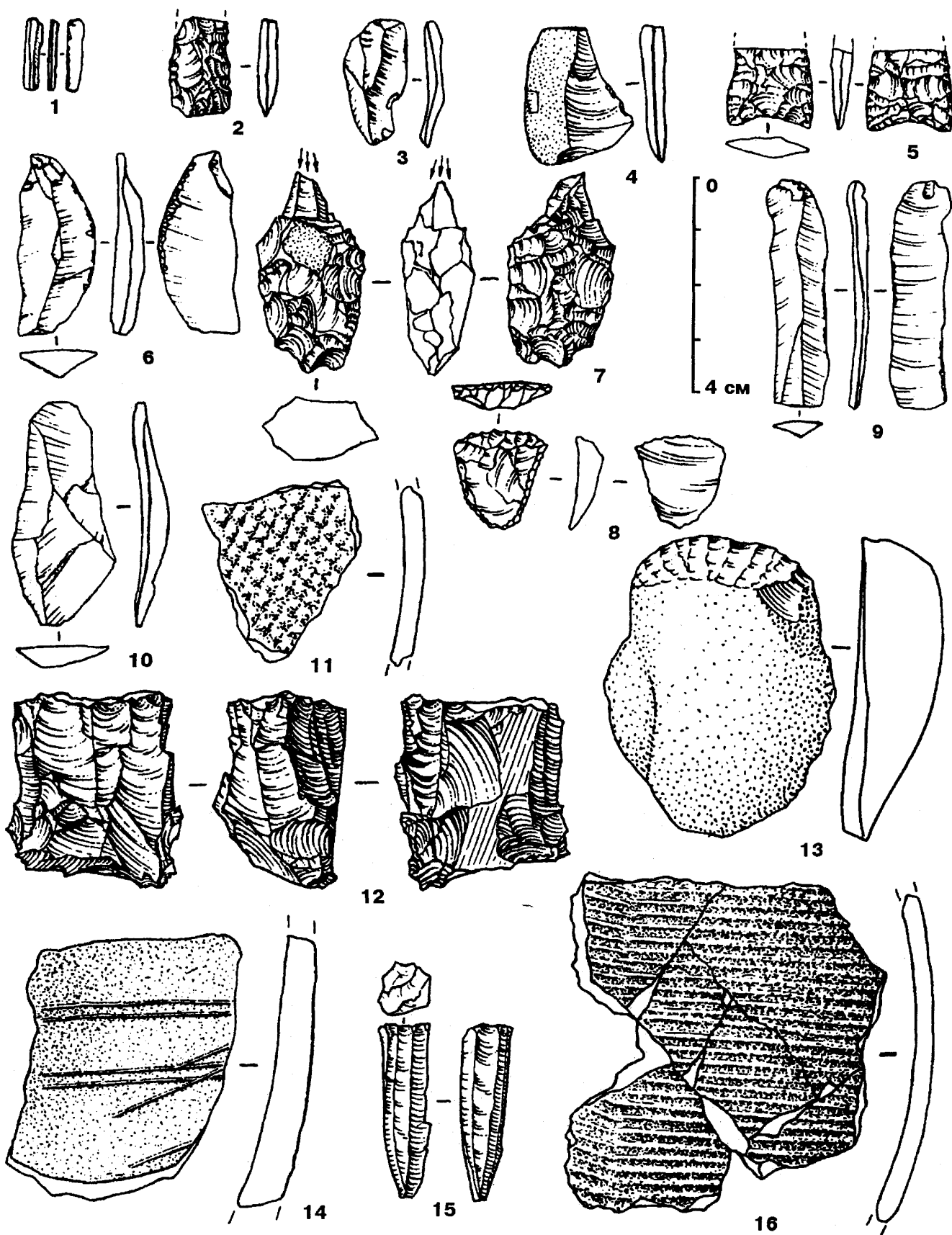

Табл. 22. Находки со стоянки Крестях I, слои II (1), III (2, 5, 7, 8, 11, 12, 14 - 16), IV (3, 4, 6, 13) и I (9, 10).

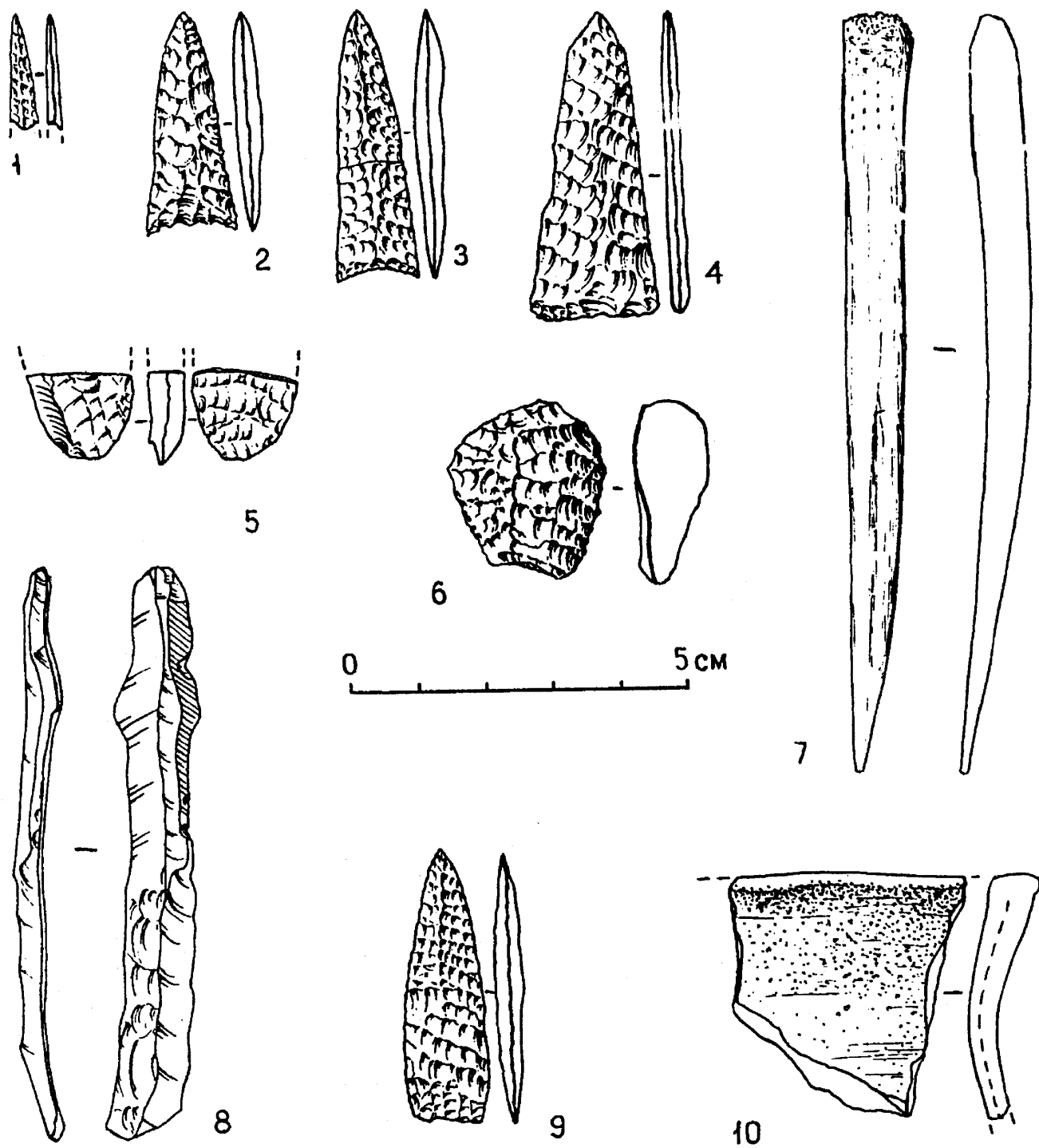

Табл. 23. Находки со стоянки Улахан Сегеленнях, слои XV (1 - 3, 5), XI (4), XIV (6, 7), XIII (8, 9, 10).

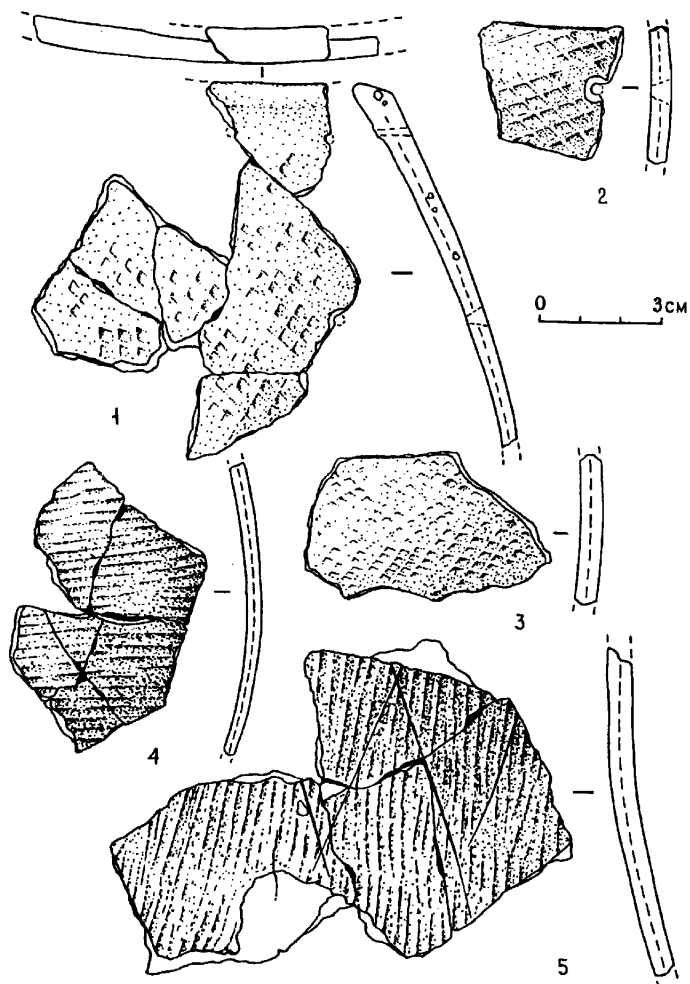

Табл. 24. Находки со стоянки Улахан Сегеленнях, слои XIV (1, 2), X (3), XV (4), XI (5).

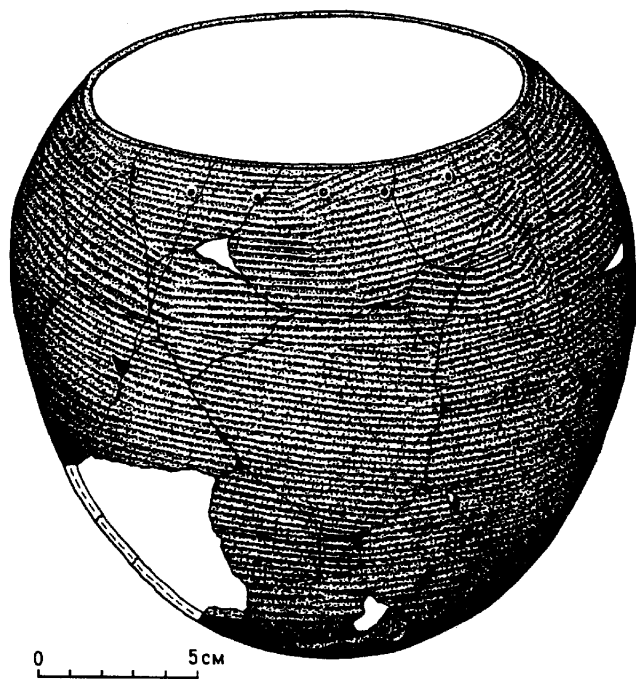

Табл. 25. Керамический сосуд со стоянки Улахан Сегеленнях (реконструкция), слой IX.

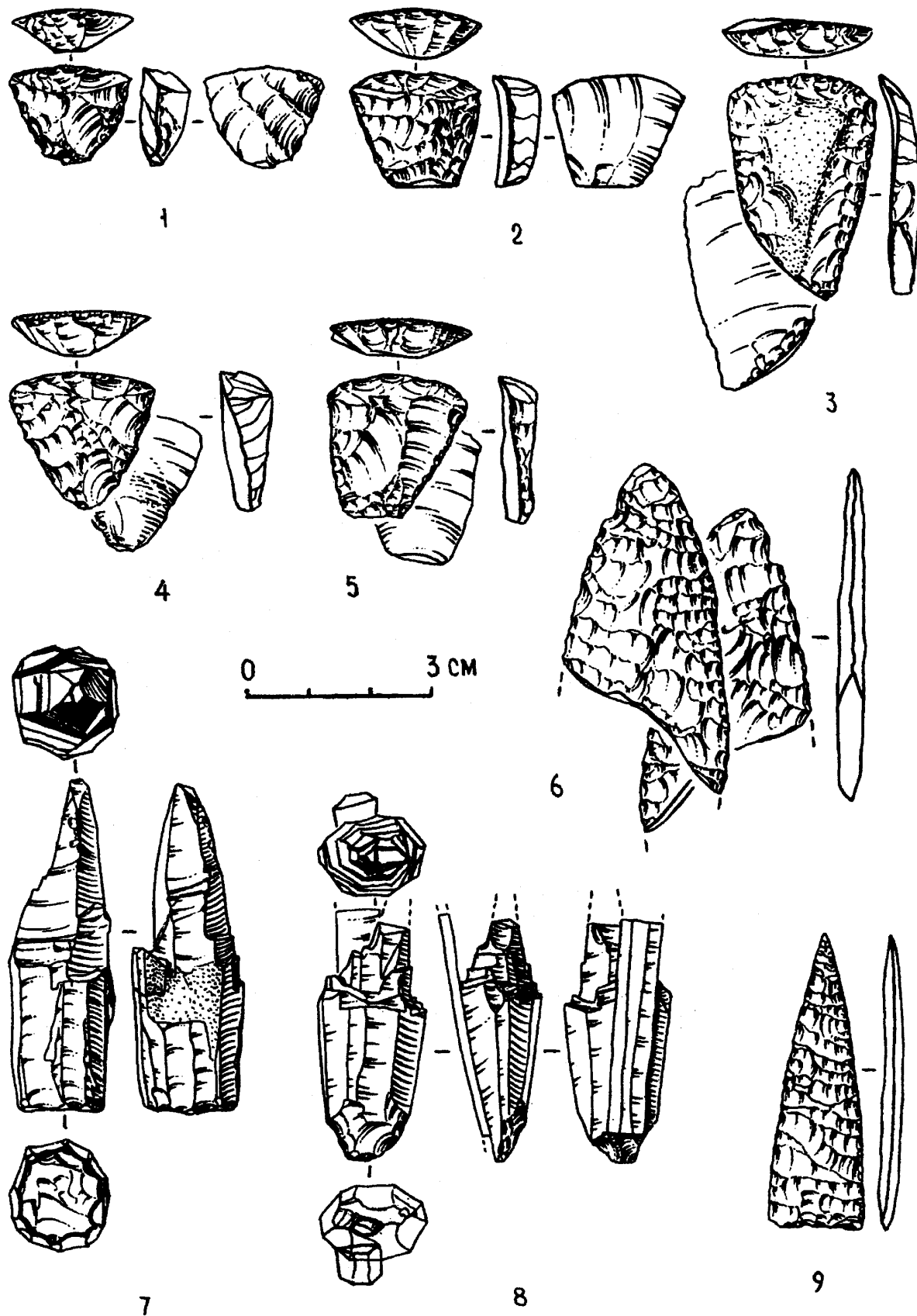

Табл. 26. Находки со стоянки Улахан Сегеленнях, слой VIII.

1 - 5 - скребки, 6 - нож, 7 - многофасеточный резец, 8 - многофасеточный резец в сборке с пластиной, 9 - наконечник стрелы.

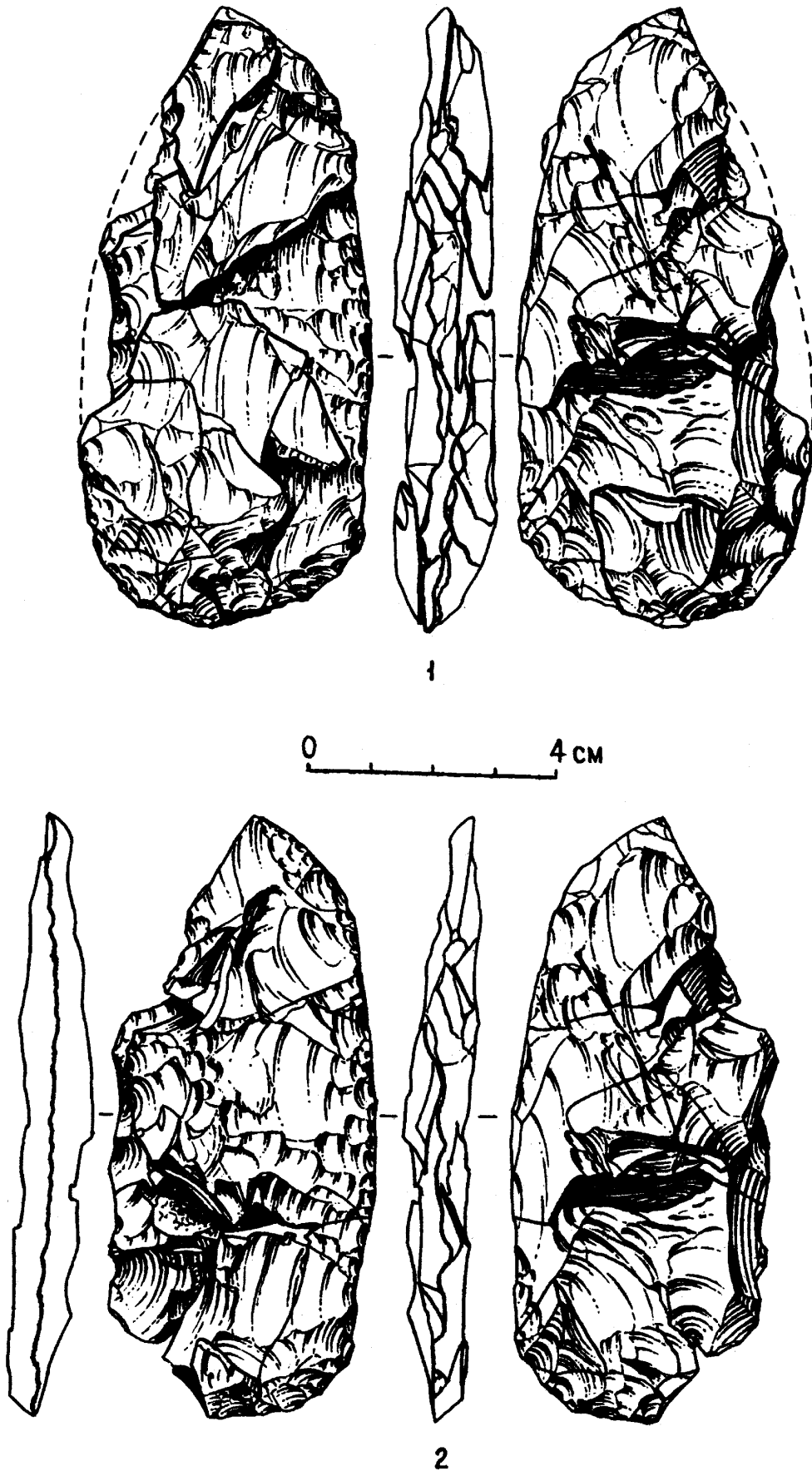

Табл. 27. Находки со стоянки Улахан Сегеленях, слой VIII, пикет II.
 1 - апплицированное тесло, 2 - апплицированный нож, переоформленный из тесла.

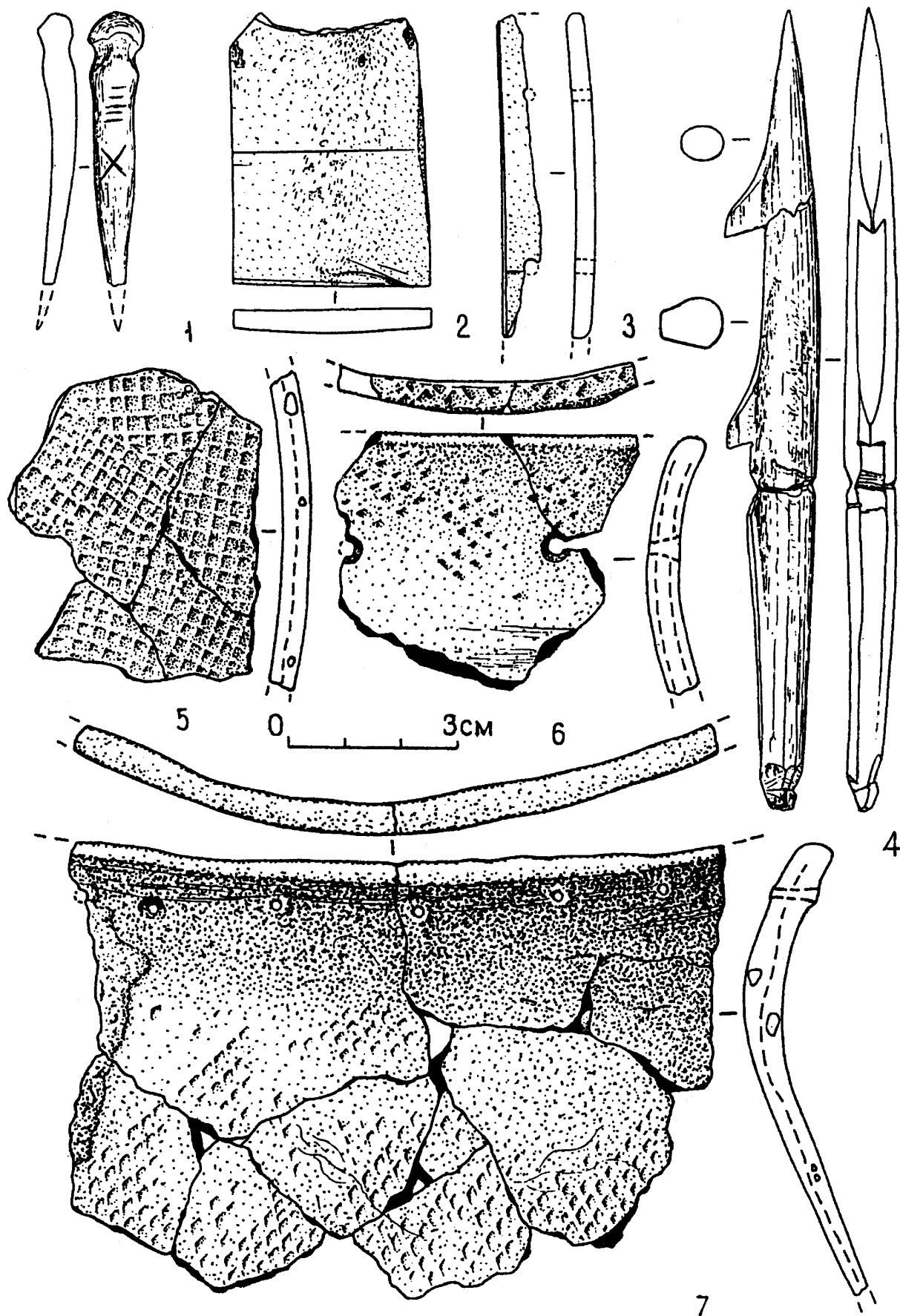

Табл. 28. Находки со стоянки Улахан Сегеленнях, слой VIII.
 1 - подвеска(?), 2, 3 - пластины с лат, 4 - гарпун, 5, 6, 7 - фрагменты «вафельной» керамики.

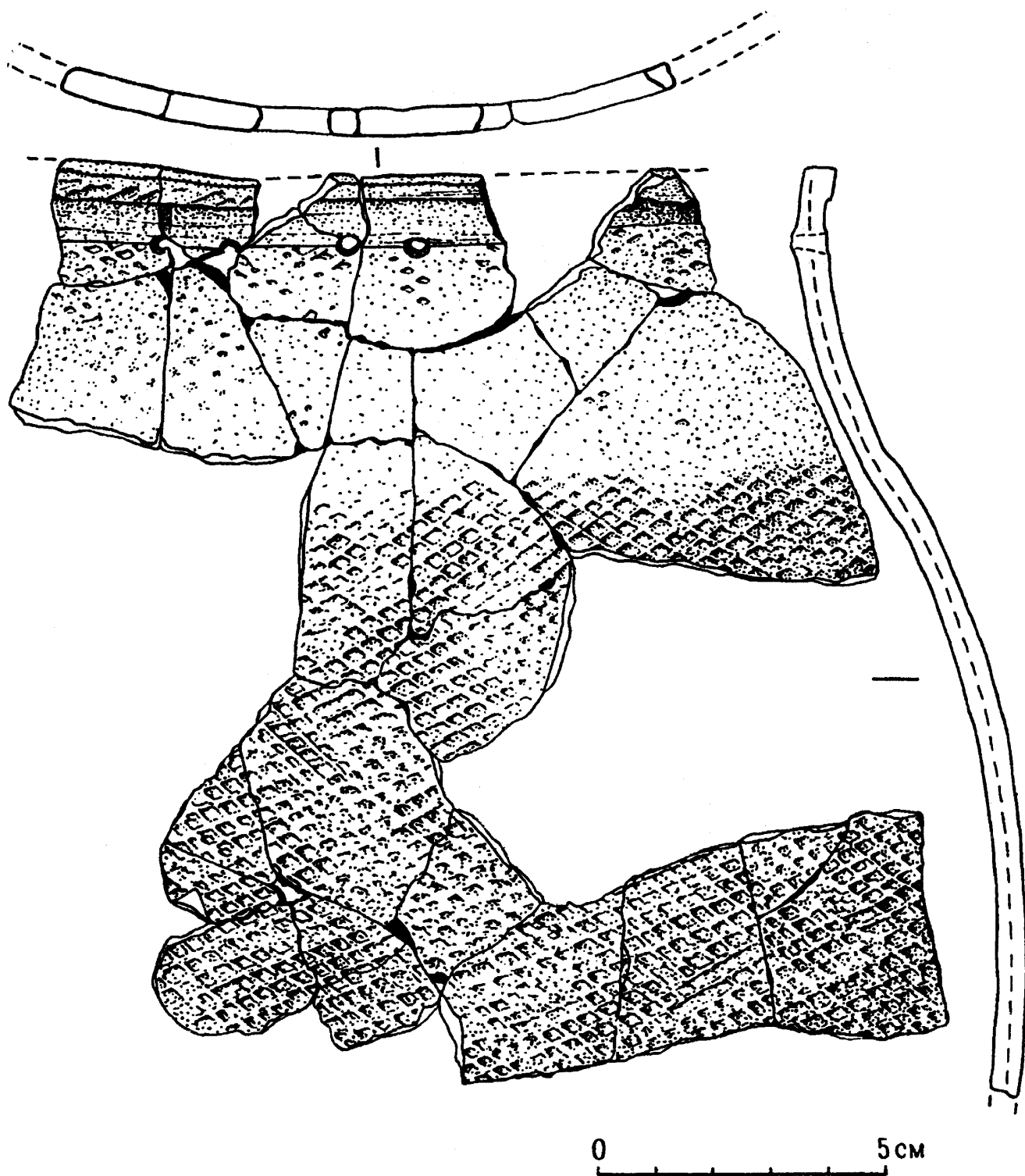

Табл. 29. Фрагмент керамического сосуда с «вафельными» отпечатками со стоянки Улахан Сегеленнях, слой VIII.

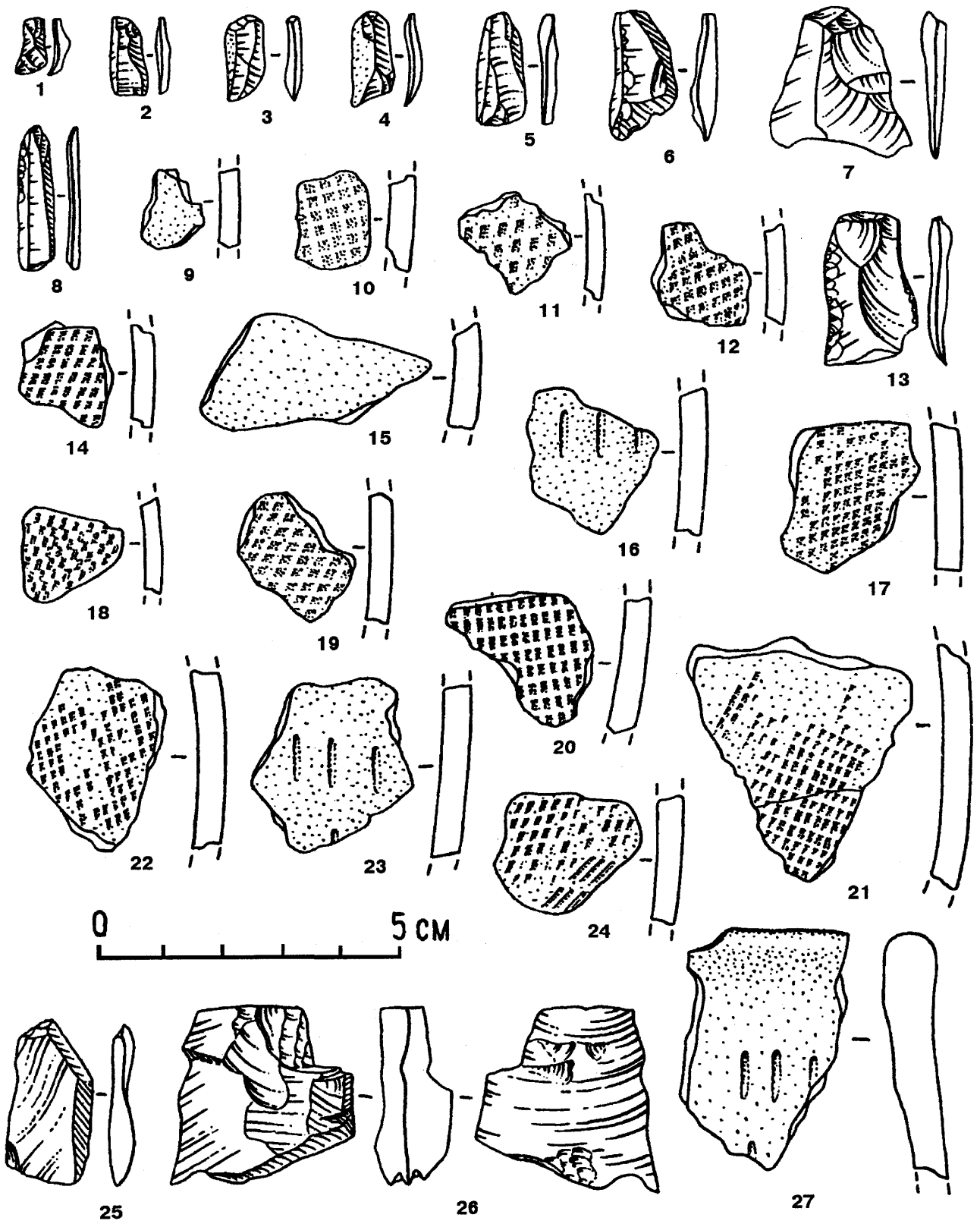

Табл. 30. Находки со стоянки Усть-Тунгир I.

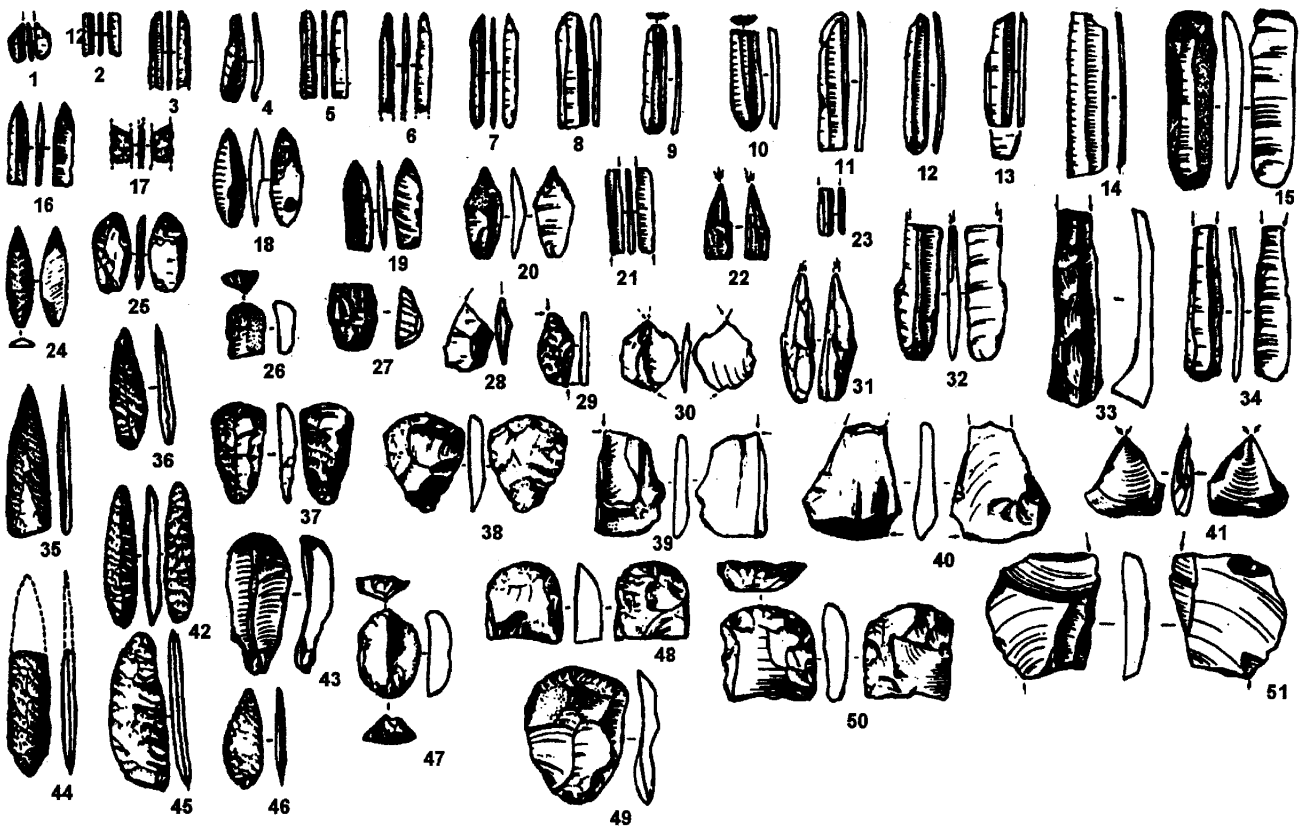

Табл. 31а. Каменные орудия сылахской культуры.

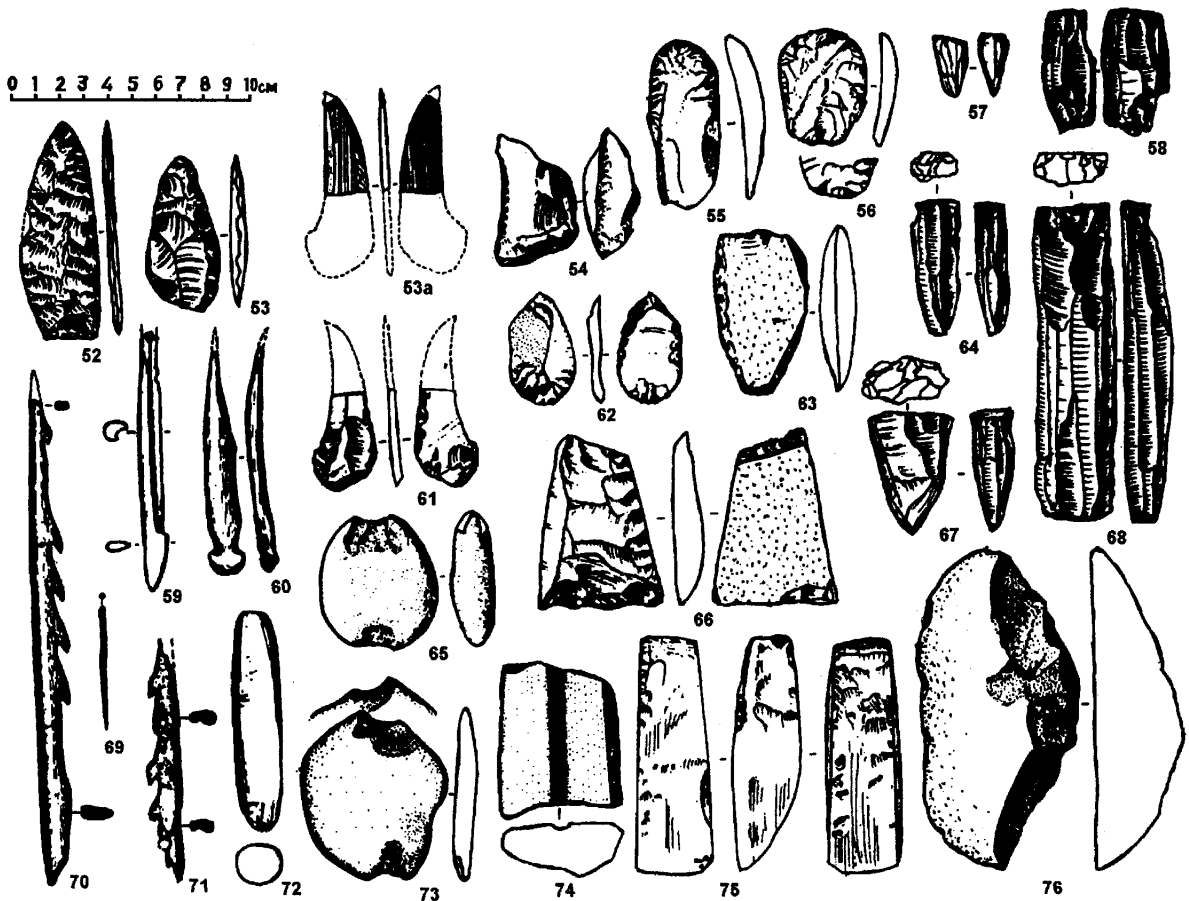

Табл. 31б. Каменные и костяные орудия сылахской культуры [по Ю.А. Мочанову, С.А. Федосеевой, 1976].

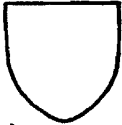
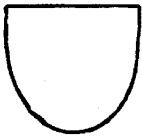
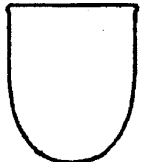
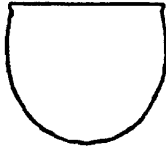
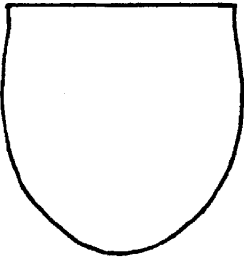
ФОРМА СОСУДОВ	ОРНАМЕНТ НА ТУЛОВЕ СОСУДОВ	ОРНАМЕНТ НА БОРТИКЕ СОСУДОВ
 <p>1</p>	<p>• • • • •</p> <p>1</p> <p>• • • • •</p> <p>2</p> <p>• • • • •</p> <p>3</p> <p>• • • • •</p> <p>4</p>	<p>0000000000</p> <p>1</p> <p>0000000000</p> <p>2</p> <p>○ ○ ○ ○ ○</p> <p>3</p> <p> </p> <p>4</p>
 <p>2</p>	<p>• • • • •</p> <p>5</p> <p>• • • • •</p> <p>6</p> <p>• • • • •</p> <p>7</p>	<p>/// /// /// ///</p> <p>5</p> <p>/// /// /// ///</p> <p>6</p> <p>/// /// /// ///</p> <p>7</p>
 <p>3</p>	<p>• • • • •</p> <p>8</p> <p>• • • • •</p> <p>9</p> <p>• • • • •</p> <p>10</p>	<p>/// /// /// ///</p> <p>8</p> <p>/// /// /// ///</p> <p>9</p> <p>/// /// /// ///</p> <p>10</p>
 <p>4</p>	<p>• • • • •</p> <p>11</p> <p>• • • • •</p> <p>12</p> <p>• • • • •</p> <p>13</p>	<p>/// /// /// ///</p> <p>11</p> <p>/// /// /// ///</p> <p>12</p> <p>/// /// /// ///</p> <p>13</p>
 <p>5</p>	<p>• • • • •</p> <p>14</p> <p>• • • • •</p> <p>15</p> <p>• • • • •</p> <p>16</p> <p>• • • • •</p> <p>17</p>	<p>/// /// /// ///</p> <p>14</p> <p>/// /// /// ///</p> <p>15</p> <p>/// /// /// ///</p> <p>16</p> <p>/// /// /// ///</p> <p>17</p>

Табл. 32. Классификация керамического комплекса сылахской культуры [по Ю.А. Мочанову и др., 1983].

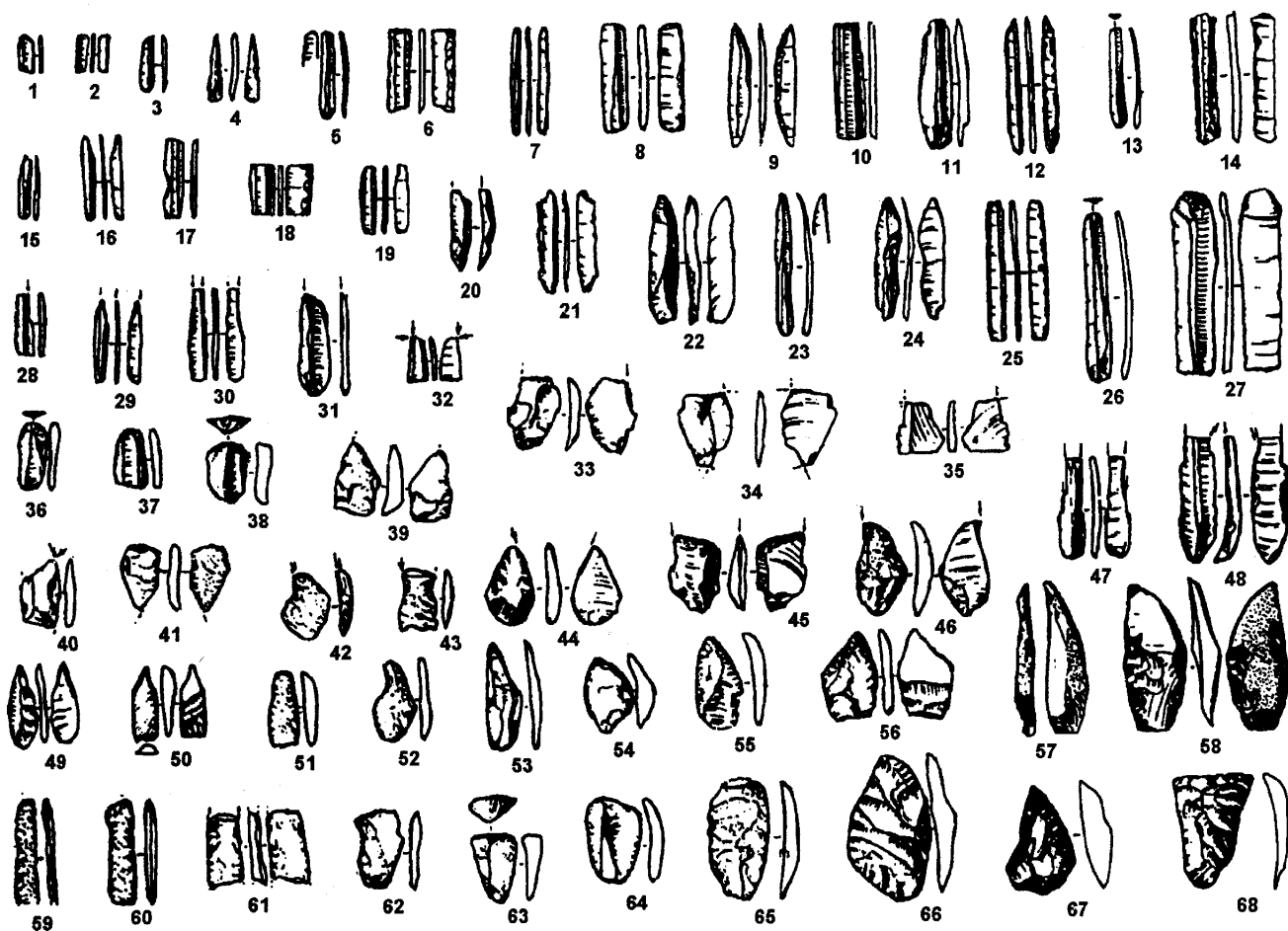

Табл. 33а. Каменные орудия белькачинской культуры.

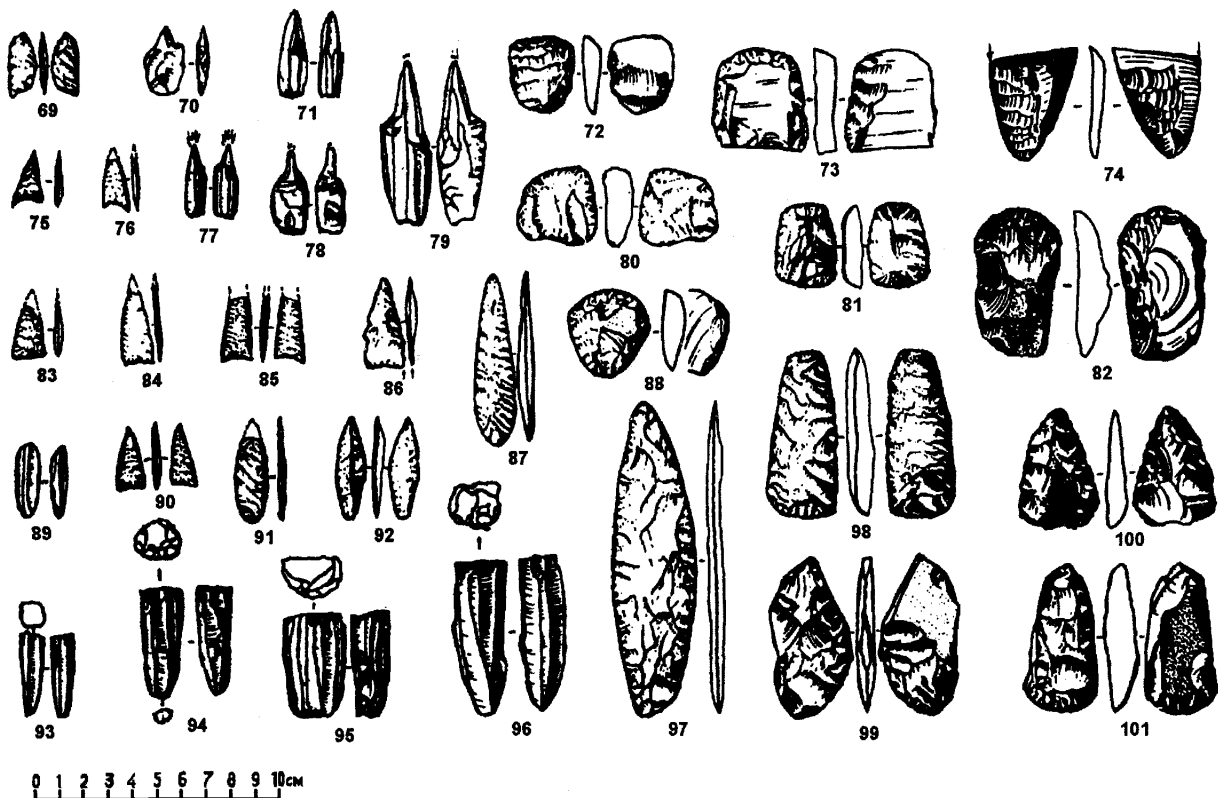

Табл. 33б. Каменные орудия белькачинской культуры [по Ю.А. Мочанову, С.А. Федосеевой, 1976].

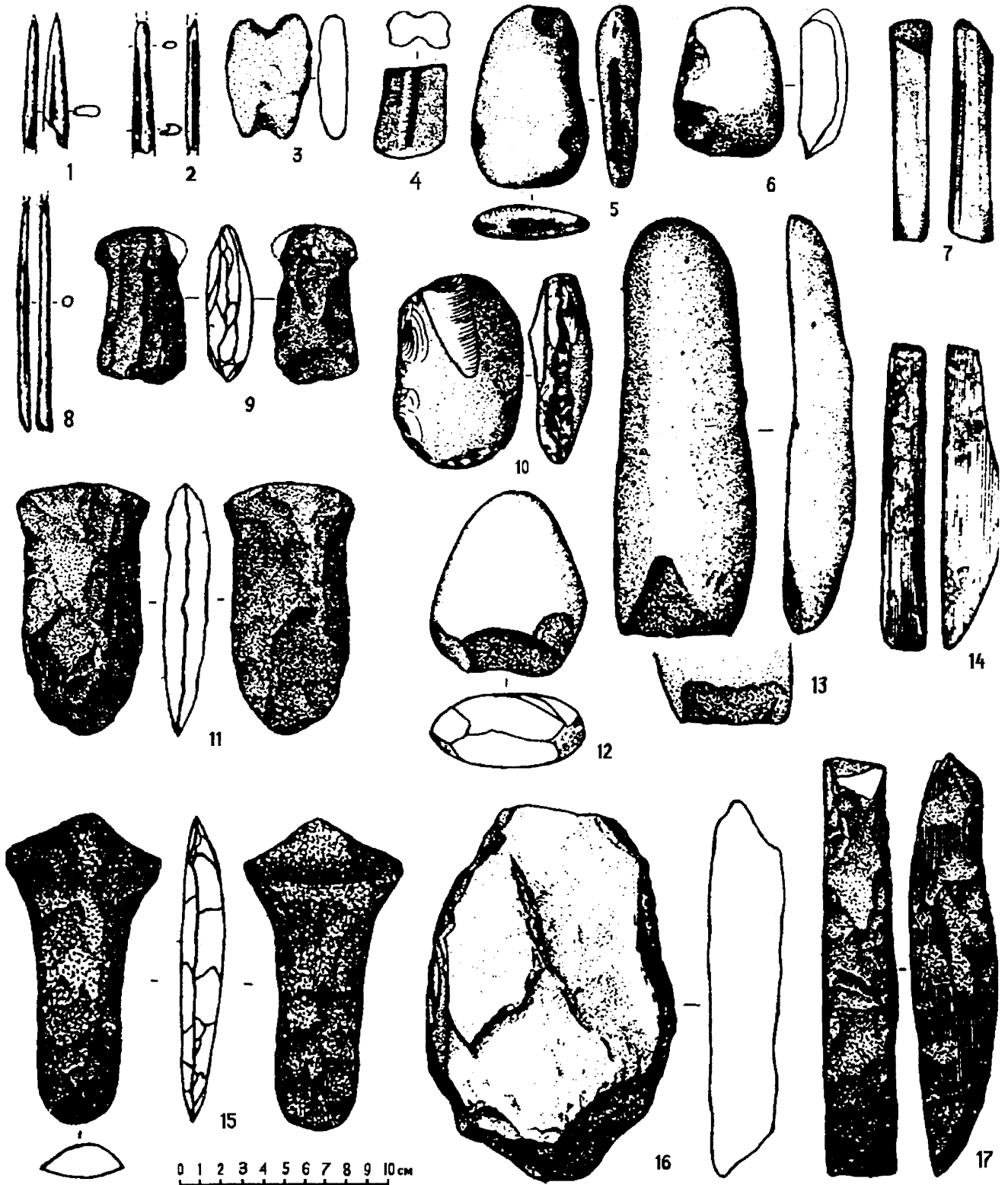

Табл. 34. Каменные и костяные орудия белькачинской культуры [по Ю.А. Мочанову, С.А. Федосеевой, 1976].

ФОРМА СОСУДОВ	ОРНАМЕНТ НА БОРТИКЕ	ОРНАМЕНТ НА ТУЛОВЕ			
1	1	1	18	35	52
2	2	2	19	36	53
3	3	3	20	37	54
4	4	4	21	38	55
5	5	5	22	39	56
6	6	6	23	40	57
7	7	7	24	41	58
8	8	8	25	42	59
9	9	9	26	43	60
10	10	10	27	44	
11	11	11	28	45	
12	12	12	29	46	
13	13	13	30	47	
14	14	14	31	48	
15	15	15	32	49	
16	16	16	33	50	
17	17	17	34	51	

Табл. 35. Классификация керамического комплекса белькачинской культуры [по Ю.А. Мочанову, С.А. Федосеевой, 1976].

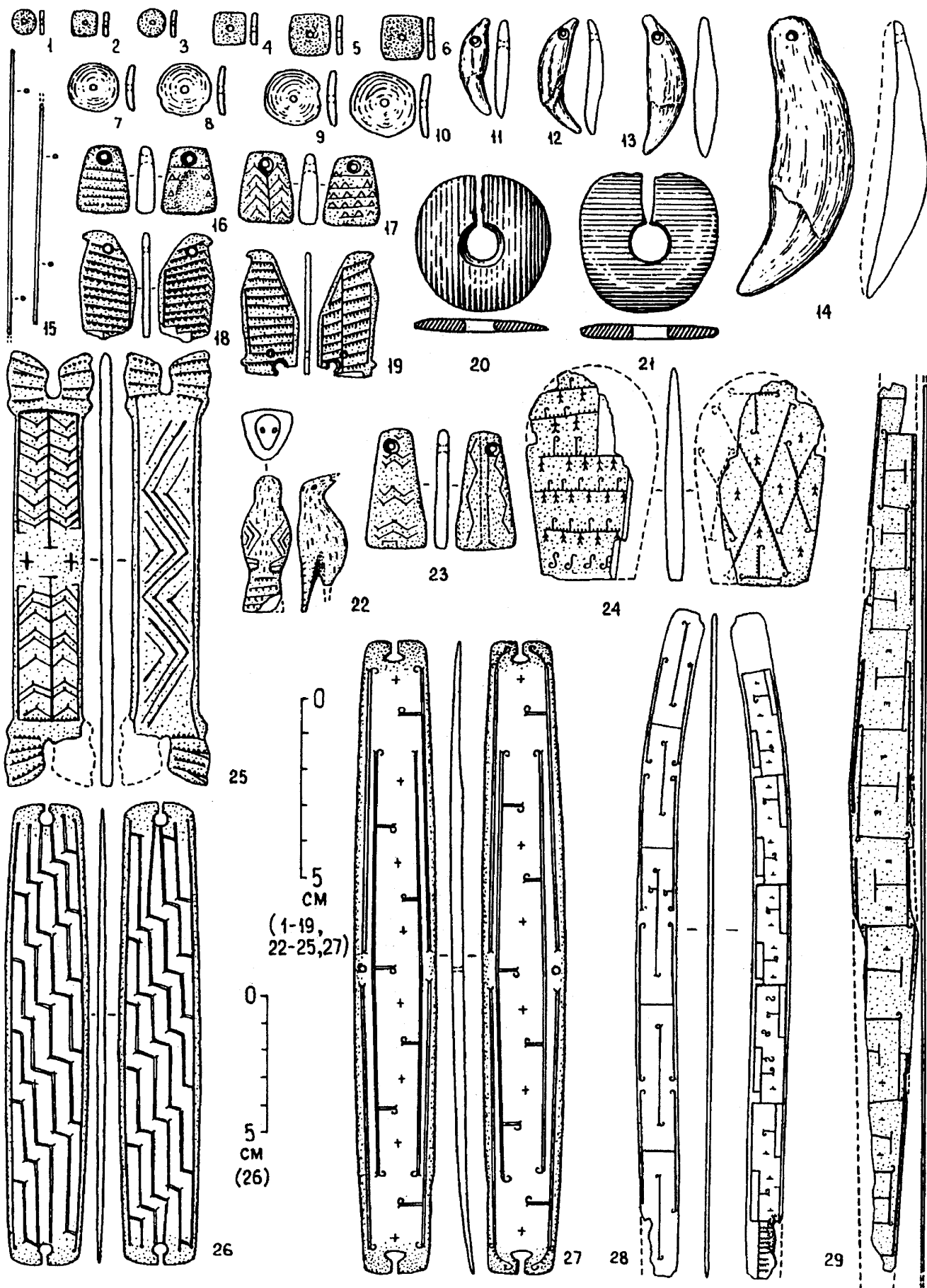

Табл. 36. Украшения, предметы быта и культа белькачинской культуры.

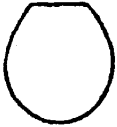

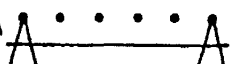

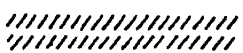

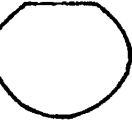

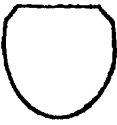
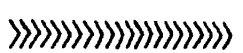

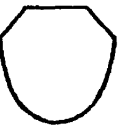
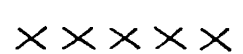

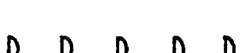

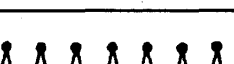

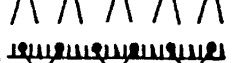

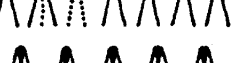

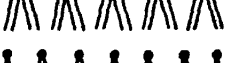

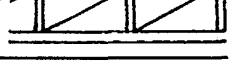

ФОРМА СОСУДОВ	ОРНАМЕНТ НА БОРТИКЕ	ОРНАМЕНТ НА ТУЛОВЕ	
1 	1 	1 I A 	22 YA
2 	2 	2 I B 	23 YB
3 	3 	3 I B 	24 YB
4 	4 	4 II A 	25 YG
5 	5 	5 II B 	26 VD
6 	6 	6 II B 	27 VE
7 	7 	7 II Г 	28 YJ
8 	8 	8 II Д 	29 IA
9 	9 	9 III A 	30 MB
10 	10 	10 III B 	31 MB
11 	11 	11 III B 	32 YG
12 	12 	12 III Г 	33 MD
13 	13 	13 III Д 	34 ME
14 	14 	14 III E 	35 YH
	15 	15 III Ж 	36 MIA
	16 	16 III З 	37 MIB
	17 	17 III И 	38 IX
	18 	18 III К 	
	19 	19 III Л 	
	20 	20 IVA 	
	21 	21 IVB 	

Табл. 37. Классификация керамического комплекса ымыяхтахской культуры [по С.А. Федосеевой, А.Н. Алексею].

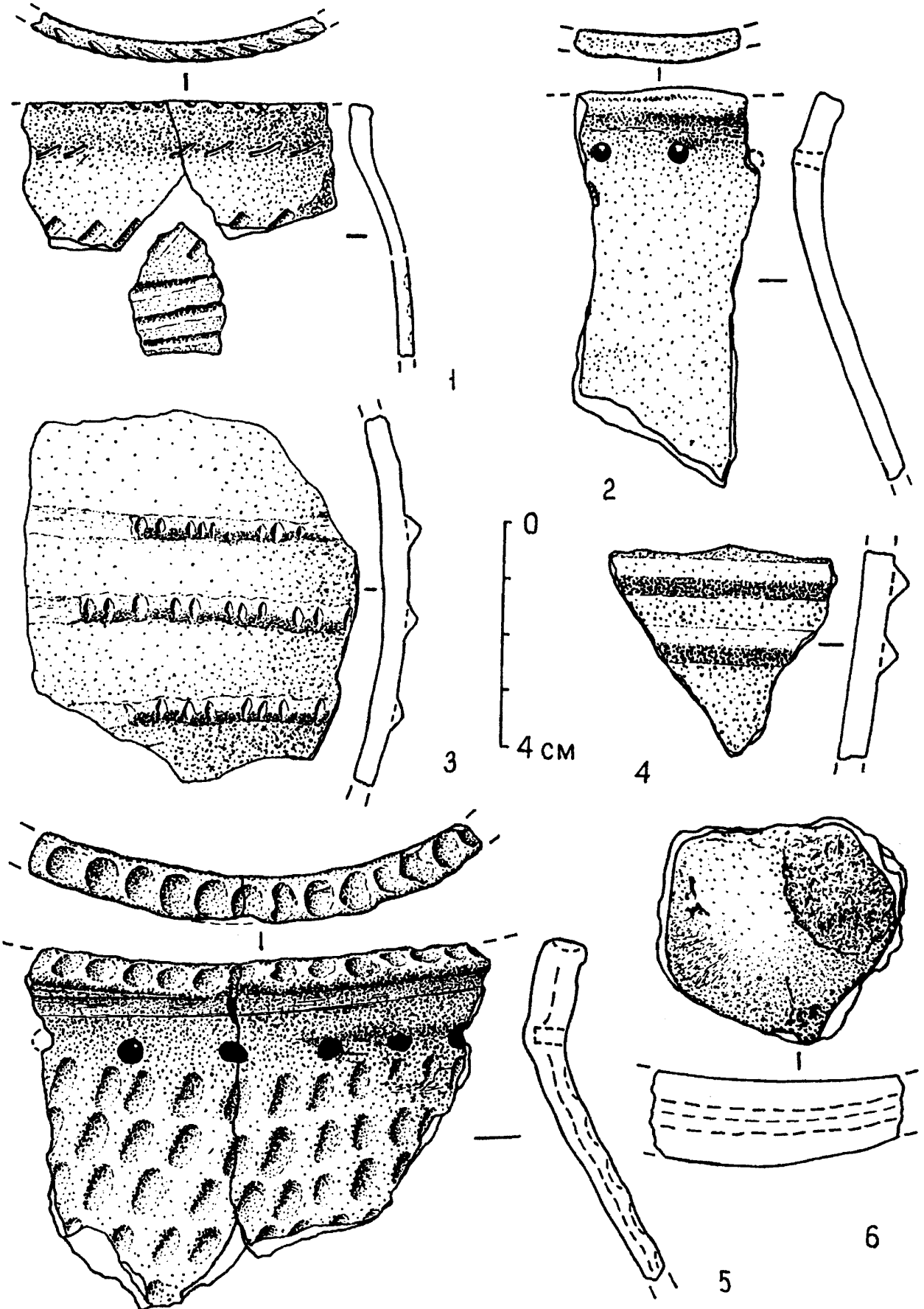

Табл. 38. Керамика со стоянок Курунг II, слой I (1), Хайкуо (2, 5, 6), Баасынай I, слой I (3), Большая Кюскэ, слой II (4).

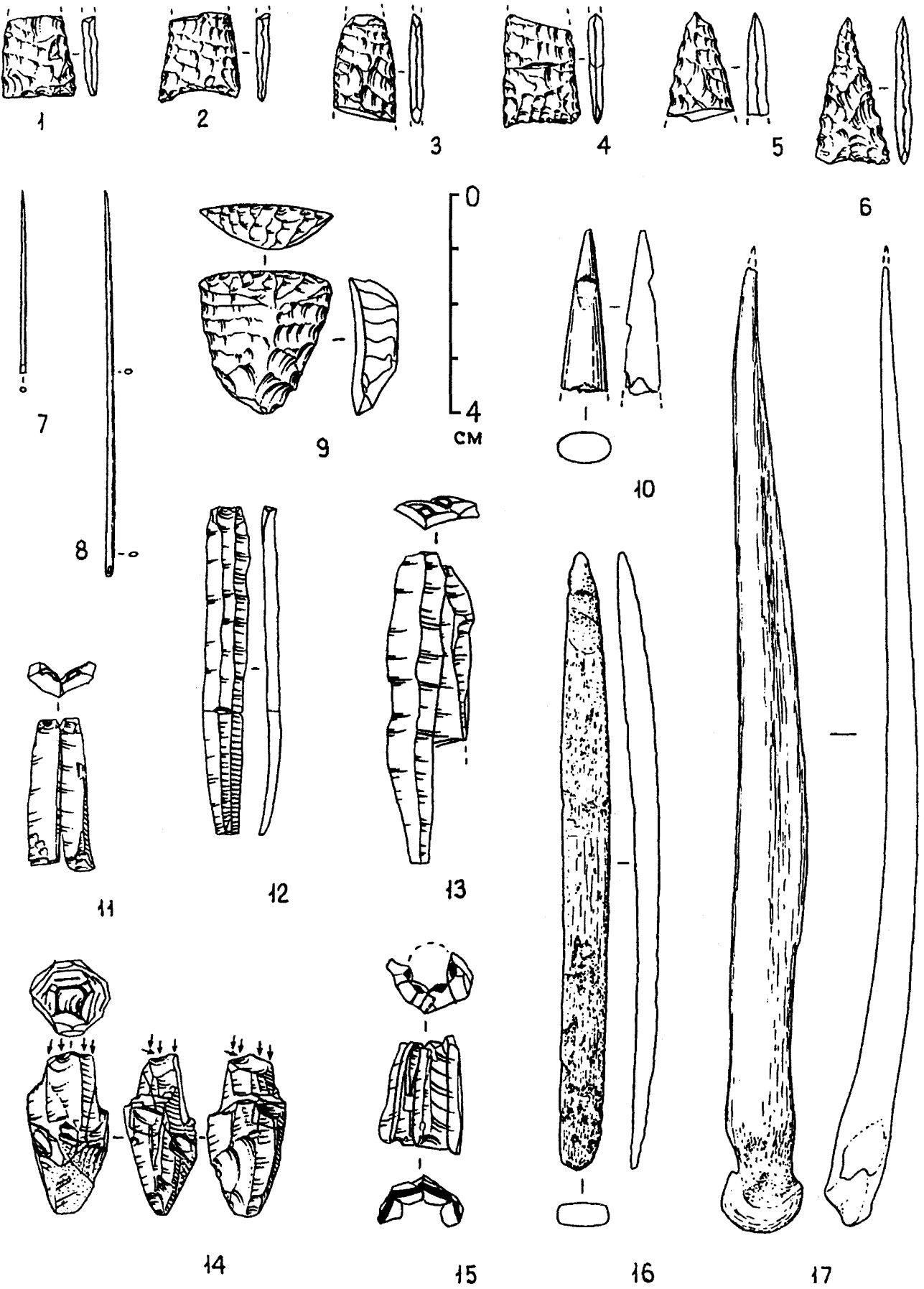

Табл. 39. Находки из кремня (1 - 6, 9, 11 - 15) и кости (7, 8, 10, 16, 17) со стоянки Улахан Сегеленнях, слой VII.

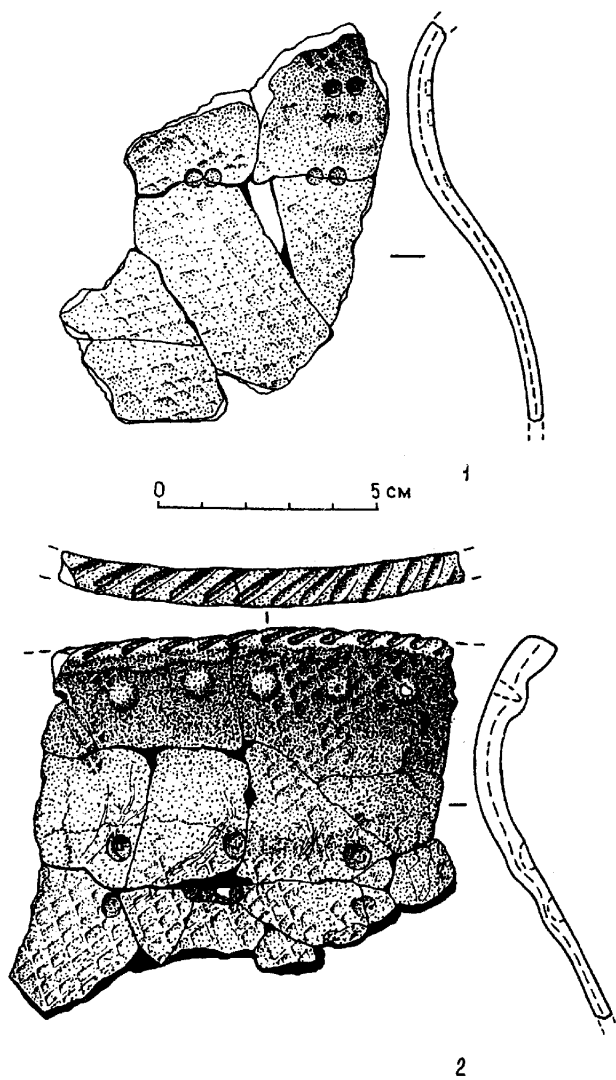

Табл. 40. Керамические находки со стоянки Улахан Сегеленях, слой VII.

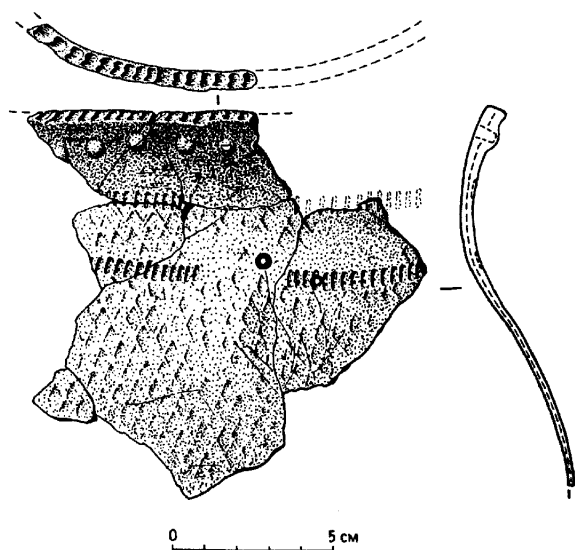

Табл. 41. Фрагмент керамического сосуда со стоянки Улахан Сегеленях, слой VII.

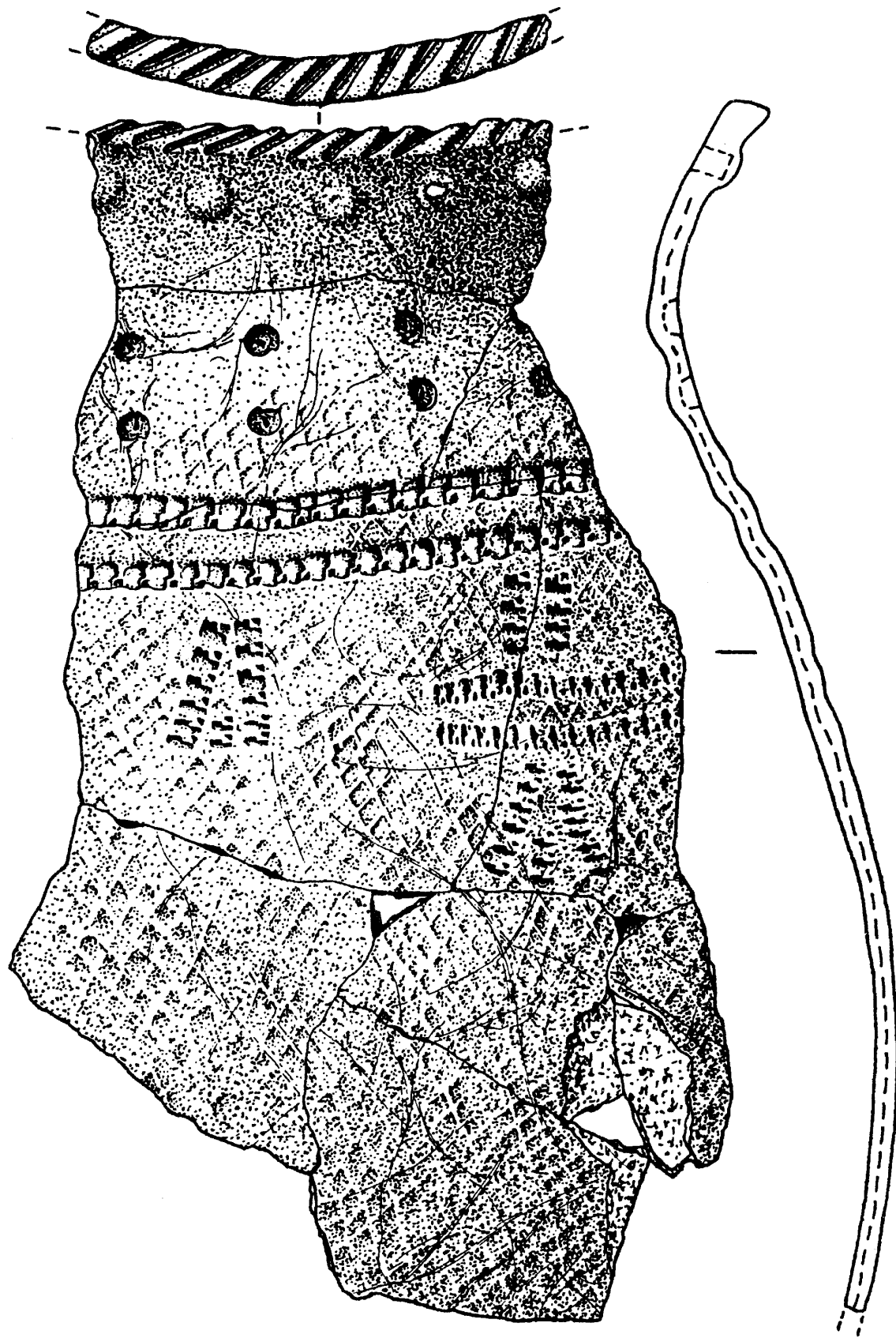

Табл. 42. Фрагмент керамического сосуда со стоянки Улахан Сегеленнях, слой VII.

ТИП	N/N	ФОРМА СОСУДА	ОРНАМЕНТ НА ТУЛОВЕ	ТИП	N/N	ФОРМА СОСУДА	ОРНАМЕНТ НА ТУЛОВЕ	ТИП	N/N	ФОРМА СОСУДА	ОРНАМЕНТ НА ТУЛОВЕ
I	1			VI	24			VII	47		
	2				25				48		
	3				26				49		
	4				27				50		
	5				28				51		
II	6			VII	29			VIII	52		
	7				30				53		
	8				31				54		
	9				32				55		
	10				33				56		
III	11			VIII	34			IX	57		
	12				35				58		
	13				36				59		
	14				37				60		
	15				38				ОРНАМЕНТ ПО БОРТИКУ		
16			39								
IV	17			IX	40			1.	9.	17.	
	18				41			2.	10.	18.	
	19				42			3.	11.	19.	
	20				43			4.	12.	20.	
	21				44			5.	13.	21.	
V	22			X	45			6.	14.	22.	
	23				46			7.	15.	23.	
								8.	16.		

Табл. 43. Классификация керамического комплекса усть-мильской культуры
[по С.А. Федосеевой, А.Н. Алексеву].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО - Археологические открытия
ВСОРГО - Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества
ИЭ - Институт этнографии АН СССР
КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ - Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛИАЭ - Ленская историко-археологическая экспедиция
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
ПАЭ - Приленская археологическая экспедиция
СА - Советская археология
САИ - Свод археологических источников
СЭ - Советская этнография
ЯГУ - Якутский государственный университет
ЯФ СО АН СССР - Якутский филиал Сибирского Отделения АН СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	5
ГЛАВА I ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ ЯКУТИИ	8
ГЛАВА II ЯКУТИЯ В ПОЗДНЕМ ГОЛОЦЕНЕ: ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР	21
ГЛАВА III ОПОРНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ	
1. Памятники раннего неолита	24
2. Памятники среднего неолита	26
3. Памятники позднего неолита	33
ГЛАВА IV НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ ЯКУТИИ: ПЕРИОДИЗАЦИЯ, ХРОНОЛОГИЯ, КОРРЕЛЯЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ	
1. Сылахская культура, IV тыс. до н.э.	41
2. Белькачинская культура, III тыс. до н.э.	48
3. Ымыяхтахская культура, II тыс. до н.э.	55
4. Проблема локальных культур в неолите Якутии	60
ГЛАВА V ЯКУТИЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ	
1. История изучения памятников эпохи бронзы	67
2. Усть-мильская культура эпохи бронзы	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	81
RÉSUMÉ	83
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	91
ТАБЛИЦЫ	101
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	142

Научное издание

А.Н. Алексеев

ДРЕВНЯЯ ЯКУТИЯ: НЕОЛИТ И ЭПОХА БРОНЗЫ

Редакторы: *Н.М. Анджиевская, В.И. Смирнова*
Технический редактор *М.С. Игнатов*
Оператор *О.М. Холушкина*

Подписано в печать 25.01.1996. Бумага офсетная. Формат 60х84/8. Офсетная печать. Усл. печ. л. 16,74
Усл.-изд. л. 18. Тираж 1000. Заказ N **707**. Цена договорная.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН. Лицензия ЛР N 040755 от 12.04.96.
630090 Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.
Типография РПО СО РАСХН.
633128 Новосибирская обл., р.п. Краснообск.

Анатолий Николаевич Алексеев, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Якутского государственного университета. Область научных интересов - археология древнего человека, этногенез и этническая история народов Сибири. Автор более 50 научных трудов, в том числе трех монографий. А.Н. Алексеев - руководитель комплексной историко-археологической экспедиции Якутского государственного университета, которая проводит исследования археологических памятников в бассейне средней Лены, на Алазее, Вилюе, Колыме и в центральных районах Якутии.

В книге А.Н. Алексеева решается задача поиска истоков самобытных этнических общностей республики Саха (Якутия), раскрывается процесс формирования своеобразных традиций в их культуре на этапе неолита и в бронзовом веке, коррелируются материалы древних культур Якутии с материалами соседних регионов Сибири. Генезис культур неолита Якутии А.Н. Алексеев рассматривает с учётом миграционных процессов на севере Азии. Бронзовый век Якутии формировался, по мнению автора, на местной поздненеолетической почве. Что касается этногенетических проблем, то один из интереснейших выводов А.Н. Алексеева заключается в следующем: в этногенезе якутов принимали участие те, кто был потомками нес литических ымыяхтахцев и усть-милецев, людей эпохи бронзы.

Книга А.Н. Алексеева фундаментальна по характеру, во многом концептуально нова и оригинальна.